

М.К. КОЗЫБАЕВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

М. К. Козыбаев

М. К. КОЗЫБАЕВ

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ,
ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

(Избранные труды)

АЛМАТЫ
«ҒЫЛЫМ»
2006

ББК 63.3(5каз)
К 59

Составитель
Козыбаев Ильяс Манашевич

Козыбаев М.К.

К 59 Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). Алматы: Ғылым, 2006. — 272 с.

ISBN 9965-27-938-1

В сборник избранных трудов известного ученого-историка и общественного деятеля, действительного члена (академика) Национальной Академии наук Республики Казахстан Манаша Кабашевича Козыбаева (1931–2002) включены работы, созданные в последнее десятилетие его кипучей и многогранной деятельности, по ключевым проблемам истории казахской государственности, национально-освободительного движения, вхождения Казахстана в состав Российской империи и новейшего времени. Представленные публикации целостно анализируют вопросы историографии, источниковедения и методологии истории Казахстана, в совокупности представляя попытку современной интерпретации нашей отечественной истории, а некоторых из них пример яркой научной публицистики.

Рассчитана на историков, широкий круг научной общественности, а также тех, для кого отечественная история вызывает особый интерес.

К 0503020905
00(05)-06

ББК 63.3(5каз)

ISBN 9965-27-938-1

© Козыбаев М.К., 2006 г.

НАСТАВНИЦА НОВОЙ ЖИЗНИ

История казахского народа долгие годы колониализма была составной частью истории российского государства. Она была глубоко идеологизирована, отдавала душком имперского мышления.

Система запретительной политики ограничивала источниковедческую базу исследований, особенно советского периода. Господствовала методология, в основу которой был положен классово-социальный подход ко всем явлениям жизни общества, базирующийся на марксистско-ленинской интерпретации классов, идеи об особой роли России в истории народов бывшего СССР, в мировой истории, ее особом мессианском предназначении. Имперские традиции ставили историков национальных регионов в зависимое положение, история малых народов разрабатывалась по запрограммированной идеологической схеме.

Самобытная история казахского народа подгонялась под общие закономерности формационного характера, схематизировалась, из нее выпадали важные события и факты, выдающиеся исторические личности, деятельность которых не укладывалась в доктринальные установки официальной идеологии. Замалчивались трагические страницы истории народа. Недооценивалось богатейшее культурное и историческое наследие казахского народа, роль кочевых цивилизаций в мировой истории. Развитие мировой культуры связывалось только с оседлым образом жизни и хозяйствования. Все достижения человеческой культуры и техники приписывались исключительно европейской цивилизации. Она предполагала более низкий статус этногенеза малых народов, более позднее происхождение по сравнению со славянскими народами, их государственности, добровольное присоединение казахов, да и не только их, к России. История Казахстана искусственно отрывалась от истории тюркских народов стран Центральной Азии. Эти тенденции находили широкое распространение в «официальной» историографии. Народ был лишен возможности узнать, где его исторические корни, какое место он занимает в истории Европы и Азии, каковы были его подлинные взаимоотношения с другими странами и народами в прошлом. Исчезали со страниц истории герои, возглавлявшие национально-освободительное движение против российского самодержавия, советского тоталитарного режима, а субъективное освещение истории в угоду власти имущим империи лишало народ исторических традиций, мешало извлечь уроки из ее истории. Народ, лишенный собственной истории, становится манкуртом. Такой субъективно-волевой подход искажал не

только летопись малых народов, но и историю самой России, деформировал историческое мышление людей, особенно молодежи.

Вместе с тем было бы неверным трактовать историографию советского периода односторонне. Выходило немало трудов в области археологии, этнической антропологии, этнографии, древней и средневековой истории, основные фактические и теоретические положения которых остаются и ныне признанными. Даже с учетом идеологизации эта литература, во-первых, важный источник для изучения эволюции исторической мысли, а во-вторых, она несет множество конкретной исторической информации, необходимой при критическом отношении для познания прошлого. Процесс пробуждения национального самосознания, духовного возрождения нации развивался ускоренными темпами, опережая разработку проблем истории, языка, литературы, нравственных категорий. В условиях формирования исторического сознания оказалась востребованной в первую очередь отечественная история. Объясняется это: а) необходимостью осмысления истории народа; б) необходимостью теоретического осмысления новой модели независимого суверенного государства; в) интересами пробуждения и формирования народного самосознания; г) ускорением процесса достижения экономической независимости республики, духовного возрождения, упрочения межнационального согласия, консолидации сил народов, этнических групп, населяющих Республику Казахстан, для утверждения нового мышления, идеологии и независимости.

Вместе с изменениями в обществе происходят важные перемены и в исторической науке. В исторической мысли последних лет появились ростки нового, осознания стремительно меняющейся реальности. Историки пытаются выработать новые методологические подходы, методы мышления, видеть исторический процесс таким, как он был и есть на самом деле — взаимосвязанным, интегрированным целостностью, находящимся в диалектическом развитии. Появились труды, написанные с новых позиций, открылись, к сожалению, не до конца, архивные фонды, стираются самые заметные «белые пятна» истории Казахстана. В то же время необходимость осмысления прошлого и настоящего, как это отмечается в «Концепции становления исторического сознания Республики Казахстан», принятой Национальным советом по государственной политике при Президенте РК, настоятельно требует активизировать, углубить анализ исторических судеб Казахстана, его народа.

Летописцы, болезненно реагиовавшие на искаженную суть своего предмета еще в период горбачевской перестройки, воспользовались сложившейся ситуацией. В те годы в Институте истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук РК прошли первые межреспубликанские и общесоюзные конференции, посвященные проблематике национально-освободительного движения в Российской империи, насильственной коллективизации. Огромный резонанс вызвали выступления историков о завоевательных походах атамана Ермака и его предшественников в сибирские земли, очерки — политические портреты лидеров советского тоталитарного режима в Казахстане.

Вслед за этим прошла конференция, где предметом научной дискуссии стал вопрос о формировании этнотерриториальной целостности казахской народности и государственности.

В условиях независимости фронт ликвидации «белых пятен» значительно расширился. В центре изучения оказались проблемы этногенеза, государственности, национально-освободительной войны против джунгар, вхождения в состав российского государства, в том числе военно-крестьянской колонизации, насильственной христианизации.

Историки Казахстана решительно выступали против тех, кто отрицал, что Россия была колониальной империей (см. «Неделя», 12-18.02, 1990; Вопросы истории, 1989, № 11). Между тем Сибирь, включая Казахстан, Среднюю Азию, Хиву, Бухару и Кавказ, были колониями России. В 1914 г. территория метрополии занимала 5,4 млн кв. километров, а колонии — 17,7 млн кв. километров. О том, что Казахстан и Туркестан — колонии, не отрицала сама империя. О том, что присоединение Сибири к России происходило путем завоевания, а также мирного освоения природных богатств, всесторонне обосновал историк В. И. Шунков в книге «Вопросы аграрной истории России» (М., 1974). Автор этих строк, опираясь на сибирские летописи, на труды Н. М. Карамзина, Д. И. Иловайского, П. И. Небольсина, А. А. Воронихина, Г. Ф. Миллера, С. М. Соловьева, Сибирскую энциклопедию, С. В. Бахрушина, Д. И. Копылова, А. А. Введенского, Г. Е. Катанаева, В. В. Бартольда, раскрыл широкую картину начала завоевания Степи — Сибирского ханства. Мы разделяли концепцию академика М. Нечкиной, утверждавшую, что царское правительство усердно поощряло «патриотическую», «великодержавно-шовинистическую» идеализацию Ермака как «завоевателя Сибири», подчеркивая его преданность русскому царю, геройство и т.д.

Эти легенды служили для обоснования «прав» царизма на владение Сибирью и грабеж инородцев» (БСЭ, т. 24. 1-изд. 1932, с. 512).

При этом историки исходили из концепции целостного, взаимосвязанного подхода к вхождению народов окраин в Российскую империю, проводя дифференциацию между колонизаторской политикой царизма и русским народом, прогрессивным обществом. Огромные пласты истории советского периода, подвергнутые в буквальном смысле фронтальному пересмотру, дали возможность по-новому понять историю национально-освободительного движения XX века, в том числе алашского поколения реформаторов, 1916 года, трех революций в России.

Известную роль в решении проблемы истории алашского движения сыграла выездная сессия НАН РК в г. Атырау. В докладе на сессии была высказана идея об изучении проблем этногенеза, национально-освободительного движения с учетом конкретно-исторической обстановки освободительной борьбы в афразиатских странах. Идеология алашского движения формировалась под воздействием просветительских идей. Ее стержнем стал антиколониализм.

Алашская идеология отражала общедемократические, общенациональные интересы. Основатели партии Алаш являлись носителями двух культур,

маргинальными личностями, которые сочетали мораль и мировоззрение оппозиционной либеральной русской интеллигенции, доктрину ее партии кадетов и антиколониального движения третьего мира. Последующее изучение алашского движения в основных чертах развивалось по этому пути.

В рамках интересов единой неделимой России (единого Союза), православия (позднее — идеологии марксизма-ленинизма), монархии (позднее — культа личности и тоталитарного режима) трактовались проблемы вхождения Казахстана в состав России, этногенеза, национально-освободительного движения, кочевой цивилизации, политика индустриализации, насильственной коллективизации, культурной революции, решение национального вопроса.

Историки Казахстана выступили против выборности и дробности изучения отечественной истории, сглаживания противоречивого характера исторического опыта, допущенных деформаций и ошибок в период социализма. К числу таких проблем, например, относятся проблемы формирования социалистической нации, советского рабочего класса, колхозного крестьянства, социалистической интеллигенции, социалистической культуры, советского образа жизни.

Ученые-историки всесторонне раскрывают процесс становления казарменного социализма, утверждения тотальной репрессии и террора, прослеживают трагическую судьбу советской интеллигенции, в том числе национальной. Как известно, И. Сталин в свое время дал в целом правильное определение бонапартизма. «Бонапартизм, — писал он, — есть попытка навязать большинству волю меньшинства путем насилия. Бонапартизм есть захват власти в партии или стране меньшинством против большинства путем насилия» (т. 10, с. 164). Нет сомнений в том, что сталинизм был классическим вариантом бонапартизма. Исследователи всесторонне доказали, что сталинизм насаждал тоталитарное начало. Утвердился культ личности И. Сталина — Ф. Голощекина, осуществлялся так называемый «Малый Октябрь», который раздавил казахский народ, по существу, тонкий слой интеллигенции, формирование которой происходило в конце XIX — начале XX века. Казахстан превратился в край ссыльных, репрессированных и сосланных народов. Осенью 1937 г. с Дальнего Востока прибыли 18 526 корейских семей (102 тыс. человек). Так политическая репрессия 1937—1938 гг. переросла в репрессию целых народов.

По-новому ставится нами трактовка проблемы культуры. Мы выступаем против сужения понятия «культуры», сведения ее до уровня всеобщего образования, ликвидации неграмотности. Мы считаем, что она включает в себя сферу материальную, духовную (в т. ч. народное творчество, знание, веру, обычаи и традиции и т. д.). Мы ратуем за расширительное толкование этого поистине универсального понятия, охватывающего от алфавита до астрономии и космоса, от науки до культуры труда рядового труженика (наука, мировоззрение, литература, искусство, язык, семейно-брачные отношения, пища, одежда и т. д.). К сожалению, в культурологии не развиты такие ее жанры, как экономическая, правовая культура, культура межнациональных отношений, политическая культура, этика, культура труда. Совершенно не

изучается культура казахской диаспоры. Вне поля зрения исследователей остались проблемы экологической культуры народа. Настало время создания обобщающего исследования по истории казахской культуры.

Ныне историки Казахстана обосновали концепцию насильственной коллективизации. Как известно, по коллективизации Казахстана защищены десятки докторских, кандидатских диссертаций, опубликованы монографии А. Б. Турсынбаева, Ф. Колодина, Н. Кийкбаева, Ж. Жумабекова, Г. Ф. Дахшлейгера и др. В духе «великого перелома» была прослежена судьба казахского аула, русской деревни. Долгие годы оставались запретными темы голода 1931–1933 гг., великого джута. Впервые на базе новых данных всесторонне обоснован геноцид казахского народа, трагедия народов Казахстана. Доказано, что нация потеряла 49% своей численности, а численность украинцев в эти годы сократилась с 859,4 тыс. до 658 тыс., узбеков — с 282,2 тыс. до 103,6 тыс., уйгуров — с 62,3 тыс. до 36,6 тыс. Тем самым отмечается утверждение иных публицистов, считающих, что трагедия была присуща только казахскому народу.

Считаю, что отныне политика этноцида и насильственной коллективизации исследователями Казахстана всесторонне доказана. Эти труды по богатству источниковой базы, научной новизне своих доказательств и теоретических выводов оставили далеко позади исследователей сей проблемы за рубежом.

По-новому осмысливая историю, отвергая нигилистическое отношение к прошлому, особенно к советскому периоду, всемерно наращивая источниковую базу, историки опубликовали серию монографических работ, очерков, учебных пособий, учебников для средней школы, документальных сборников.

Интерес и потребность общества в объективных исторических знаниях, попытки раскрыть с новых позиций непрерывность процесса истории Казахстана, преемственность истории и культуры казахского народа, начиная с древности до наших дней, обусловили необходимость подготовки издания многотомной истории Казахстана. В ней подводятся итоги исследования истории Казахстана за последние десятилетия, учтены новые труды казахстанской историографии, открытия археологов и антропологов, разработки этнографов, рекомендации и выводы научно-теоретических конференций, дискуссий по проблемам этнической истории, формирования этнической территории и территориальной целостности Казахстана, единства казахского народа, проблемам национальной государственности, национально-освободительной борьбы казахов за свое Отечество с монгольскими завоевателями, джунгарским нашествием, царским самодержавием, взаимосвязи с тюркскими народами и т. д. В научный оборот введены новые документы, в том числе из нарративных источников, из закрытых ранее архивов КНБ и МВД РК и фондов правительственных учреждений, Центрального государственного архива Республики Казахстан, использованы ранее не доступные труды зарубежной историографии. Это позволило глубже понять прошлое, вернуть историческую память не только о героических, но и драматических страницах истории народа, особенно в советскую эпоху.

Авторский коллектив попытался рассмотреть историю Казахстана как самобытную историю и в то же время как органическую часть евразийской истории, истории народов тюркского мира, как часть мировой истории человечества, раскрыть место и роль казахского народа в мировом процессе.

Учитывая интерес и потребность зарубежных читателей в познании объективной истории казахов, казахской государственности многонационального Казахстана, ученые Казахстана подготовили историю народа на английском языке. Она предельно сжато, объективно расскажет многотрудную историю одного из крупных народов тюркской ветви — казахов, познакомит наших зарубежных читателей с их менталитетом, богатейшей культурой и традициями. Авторский коллектив стремился к объективному освещению исторического прошлого, к соблюдению принципов историзма, преемственности.

В то же время редколлегия сохранила авторскую интерпретацию отдельных проблем истории Казахстана.

Книга, которую Вы читаете, не является обобщающим трудом с единой концепцией. Она состоит из отдельных очерков, в которых содержится немалый фактический материал по наиболее важным сюжетам казахской истории. Авторы исходили из того, что именно в истории, в прошлом лежит значительная часть проблем того, что ныне переживает Республика Казахстан.

Насколько это удалось — судить читателям.

*Опубликовано в переводе на английский язык в книге
«History of Kazakhstan. Essays». Almaty: Gylym, 1998. P. 7-14.*

ЗНАЯ ПРОШЛОЕ, ВИДИШЬ И ПЕРСПЕКТИВУ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Изложение истории Казахстана долгие годы концептуально и тематически было привязано к структурно-тематическим рамкам истории СССР. История Казахстана изучалась как бы на периферии, вне контекста всемирно-исторической эволюции. Это, во-первых. А во-вторых, было принято считать, что изучение прошлого Казахстана по-настоящему началось лишь в советское время. Тем самым искусственно нарушалась преемственность в развитии исторической мысли казахского общества в угоду тоталитарной партийной идеологии. Уже в средневековье на земле Казахстана появляются оригинальные произведения по истории тюркоязычных народов Центральной Азии. В «Родословной тюрков» Абулгази раскрывались истоки казахского общества. В первой половине XVII века первым историком-казахом, писавшем о казахском народе, стал Кадыргали Джалаири. Ныне эти труды воспринимаются как живая нить, связывающая далекие времена с глубинными процессами современности.

Исторический опыт борьбы казахского государства за полноправное существование в Центрально-Азиатском регионе преломлялся в традиции шежире — концентрированном выражении исторического самосознания казахского общества. Наиболее видные историки по шежире, такие, как Машхур-Жусуп и Шакарим, стали выдающимися деятелями казахской культуры.

Исключительно важным представляется изучение Казахстана российской школой востоковедения. Крупнейшие ее представители дали мощный толчок для появления в недрах казахского общества исследователей-казахов с европейскими историографическими традициями — Ч. Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, М. С. Бабаджанова и других, составивших целый пласт казахской культуры. Неоценим вклад Российской академии наук во всестороннее изучение истории Казахстана. В научных учреждениях Петербурга, Ташкента, Омска, Оренбурга проходили апробацию исследования А. Букейханова, М. Тынышпаева, А. Байтурсынова и всей казахской интеллигенции начала XX века.

20-е годы XX столетия во многом проходили под знаменем сохранения прежних историографических традиций и в плане организации науки были связаны в первую очередь с Обществом изучения Казахстана.

Начало создания академической сети относится к 1932 г., когда была образована Казахстанская база Академии наук СССР. В ее составе в 1933 г.

создается Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры. Историко-археологический сектор данного института послужил основой для образования в 1936 г. исторического сектора Казахстанской базы, а затем Казахского филиала АН СССР (с 1938 г.). В составе КазФАН СССР в 1941 г. был организован Институт истории, языка и литературы.

Историческая наука Казахстана поднялась на качественно новую ступень в годы Великой Отечественной войны, большую роль в этом сыграли выдающиеся ученые Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, С. В. Бахрушин, Н. М. Дружинин, М. П. Вяткин, М. П. Ким, С. В. Юшков, А. П. Кучкин и др., находившиеся в этот период в республике. Эти ученые совместно с казахскими коллегами приняли участие в создании обобщающего труда по истории Казахстана с древнейших времен до 1941 г. (первое издание «Истории Казахской ССР» в I томе (Алма-Ата, 1943). Это был первый опыт в СССР создания коллективной обобщающей монографии по истории национальной республики.

В 1945 г. на базе Института языка, литературы и истории Казахского филиала АН СССР был создан самостоятельный Институт истории, археологии и этнографии. Быстрое развитие института началось с образованием 1 июня 1946 г. Академии наук Казахской ССР.

В 40–50-е гг. деятельность института была сконцентрирована на исследовании таких сложных проблем истории дореволюционного и советского Казахстана, как этногенез казахского народа, формирование казахской государственности, история общественной мысли, присоединение Казахстана к России, национально-освободительное движение в крае. Значительный вклад в разработку этих проблем внесли Н. Г. Аполлова, Е. Б. Бекмаханов, Т. Е. Елеуов, А. Х. Маргулан, С. Н. Покровский, Б. С. Сулейменов, В. Ф. Шахматов, С. В. Юшков и др.

Итоги многолетней, целенаправленной работы ученых-историков республики получили свое обобщение в издании двухтомной «Истории Казахской ССР» (т. 1 — 1957, т. 2 — 1958). В 1957 г. в Институте была организована группа по изучению наследия Ч. Ч. Валиханова во главе с членом-корреспондентом АН КазССР А. Х. Маргуланом. В течение десяти лет эта группа готовила и выпустила в свет пятитомное собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова.

Огромное значение для решения ряда проблем этногенеза казахского народа и периодизации древнейшей истории имели археологические исследования. В результате открытий археологов, в частности находок памятников палеолита в Каратау (Х. А. Алпысбаев), были существенно отодвинуты вглубь тысячелетий границы человеческой истории на территории Казахстана. На основании многолетних трудов Центрально-Казахстанской экспедиции (А. Х. Маргулан) был сделан вывод о том, что регион Центрального Казахстана является крупнейшим районом добычи и выплавки меди, районом высокоразвитой культуры эпохи бронзы и раннего железа.

Важнейшим итогом научных исследований сотрудников Института истории, археологии и этнографии явились подготовка и издание «Истории

Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» в пяти томах. За данный фундаментальный труд лауреатами Государственной премии Казахской ССР за 1981 г. стали сотрудники института А. Н. Нусупбеков, К. А. Акишев, Б. Н. Абишева, Г. Ф. Дахшлейгер, А. Х. Маргулан, К. Н. Нурпеисов.

Продолжалось более глубокое изучение актуальных проблем политической, социально-экономической и культурной истории республики. Ряд крупных исследований Г. Ф. Дахшлейгера, А. Х. Маргулана, А. Н. Нусупбекова, Р. Б. Сулейменова, Т. Б. Балакаева и др. был удостоен премии Президиума АН КазССР имени Ч. Ч. Валиханова. Среди крупнейших открытий археологов этих лет раскопки кургана Иссык в Семиречье (К. А. Акишев), получившего мировую известность.

Многoletние работы комплексной Южно-Казахстанской археологической экспедиции (1969—1984 гг.) выявили ведущую роль городов в развитии феодального общества на территории Казахстана, в сложении Казахского ханства, раскрыли взаимосвязи кочевой и оседлой культур.

Получил развитие круг проблем в этнографических исследованиях. В 1968 г. вышла в свет монография В. В. Вострова и М. С. Муканова «Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.)», в которой даны история жузов, племен, родов, их расселение. Работа была встречена настроенно партийно-государственными чиновниками (книга якобы разжигала националистические страсти) и попала на долгие годы в спецхран. Ширилось развитие востоковедной проблематики. Развивались антропологические исследования. Так, монография О. Исмагулова «Этническая география Казахстана», вышедшая в 1977 г., была уничтожена до единого экземпляра сразу после публикации. Книгу объявили идейно вредной ввиду того, что в ней рассматривалась родоплеменная структура казахов в связи с географическим распределением генетических признаков — групп крови. В 1988 г. прислужники тоталитаризма вновь обрушились на ученого-антрополога с обвинением в разжигании жузового деления казахов. Антропология была объявлена лженаукой. Но, несмотря на существенные препятствия, антропологическая наука в Казахстане все же сохранилась и вышла на мировую научную арену.

С обретением Казахстаном суверенитета приоритетное место в исследованиях института заняла реализация программы по раскрытию «белых пятен», которые особенно были характерны для истории Казахстана советского периода. Усилия историков были направлены на то, чтобы осветить ранее «закрытые зоны», переосмыслить одностороннее исследование проблемы дореволюционной и советской истории республики. Институт включился в реализацию комплексной проблемы «Человек, наука, общество».

В 1991—1995 гг. учеными института опубликованы: «История Казахстана: “белые пятна”», однотомная «История Казахстана с древнейших времен» на казахском и русском языках. Вышли монографии академика М. К. Козыбаева «История и современность», «Актандактар ақиқаты» («Истина “белых пятен”»), члена-корреспондента НАН РК К. Нурпеисова «Алаш һәм Алаш-орда», Ж. Б. Абылхожина «Традиционная структура Казахстана», члена-

корреспондента НАН РК М. Х. Асылбекова и А. Б. Галиева «Социально-демографические процессы в Казахстане» и др. Положительную оценку общественности получила серия работ ученых института об этнической территории казахов, истории казачества в Казахстане, о насильственной коллективизации и трагедии голода в начале 30-х годов. Новые исследования дали возможность приступить к подготовке академического фундаментального издания 4-томной «Истории Казахстана».

В условиях независимого Казахстана возросла востребованность обществом исторической науки. Ученые института участвовали в подготовке постановления Президиума Верховного Совета республики по вопросам насильственной коллективизации и голода в Казахстане в 20–30-е годы и реабилитации жертв политических репрессий. Совместно с Министерством обороны и администрациями областей издана «Книга памяти» о казахстанцах, погибших в Великой Отечественной войне. Подготовлена к печати и издается «Книга скорби» — о жертвах массовых политических репрессий в Казахстане.

Ученые института приняли участие в разработке «Концепции становления исторического сознания в Республике Казахстан», одобренной Национальным советом по государственной политике при Президенте РК, в подготовке «Концепции образования» и «Концепции национальной политики Республики Казахстан».

Начатое ныне восстановление исторической памяти разрушает миф советского времени об отсутствии казахской историографической традиции в период от Ч. Валиханова до первых историков-марксистов. Ныне требуется переоценка историографического наследия советского времени. Его объективный научный анализ позволит сохранить преемственность в исторической науке, отвергая в то же время примитивно-классовый подход к анализу и оценке исторических процессов, явлений, фактов.

Одним из основных направлений исторической науки остается фундаментальная разработка этногенеза и этнической истории казахского народа. Акцент здесь переносится на развитие комплексных историко-этнографических, археологических, антропологических исследований, которые будут решать узловые проблемы этногенеза и этнообразующих процессов на территории Казахстана как в плане выявления общих закономерностей этнических процессов в обширном регионе Евразии, так и в области исследования фундаментальных проблем теории этноса и этнической общности казахского народа. Предстоит отойти от фактологического описания древних и средневековых государственных образований на территории Казахстана, разработать теоретические вопросы истории казахской государственности на различных этапах цивилизации, уделив особенное внимание особенностям истории Казахского ханства, борьбе казахского народа за национальную независимость, взаимосвязям с сопредельными странами тюркского мира, Россией, Китаем. Исследование исторического опыта истории национальной государственности даст прямой выход на современные процессы национально-государственного строительства.

Составной частью этого направления является дальнейшее углубление исследования национально-освободительных движений и политической жизни казахского общества XIX — начала XX вв.

Формирование нашего суверенного государства выдвигает задачу фундаментального исследования взаимосвязей, взаимоотношений Казахстана со многими странами, стимулирует целенаправленное изучение истории и современной политики зарубежных стран.

Несмотря на определенные позитивные подвижки в историческом сознании, характер накопления, систематизации и анализа исторической информации еще далек от уровня достаточности.

Особенность нашей науки состоит в том, что каждое новое поколение, вступающее в жизнь, требует собственного переосмысления прошлого. И долг профессионалов-историков в этом отношении — сохранить не только преемственность в связи времен, но и поддерживать чувство здорового критицизма.

К сожалению, на смену крайней политизации гуманитарной науки в прошлом сегодня пришло много любительства и засилье коммерциализации. История стала писаться не на социальный заказ власть имущих, а в угоду тугого кошелька. Как результат, возродились к жизни средневековые реликты родового и жузового самовосхваления, пышные местечково-аульные торжества. И все это происходит под знаком научно-исторической обусловленности.

Задача академического гуманитарного знания в данном случае состоит в воспитании более объемного, выходящего за рамки узконационального видения истории, в ломке биполярного толкования мира, в приобщении к глобальной сокровищнице исторического знания. Необходимо дать более широкую перспективу источниковедческим исследованиям, освоить передовые технологии в клиометрических изысканиях, дать импульс более интенсивным разработкам в методологических инновациях. Причем все это относится к наиболее актуальным проблемам отечественной историографии: вопросам этногенеза, формирования казахской нации и государственности, истории российского освоения края, изучению эпохи социализма, современной трансформации казахстанского общества. Истинность суждений должна быть найдена в открытых спорах, без навешивания ярлыков, в множественности точек зрения.

*Опубликовано в газете «Казахстанская правда»
6 января 1996 года.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

На исходе XX век, принесший невиданные ранее революционные потрясения и кровавые войны, геноцид, демографическую катастрофу и экологический кризис. На пороге век XXI, третье тысячелетие. Для Казахстана, нации — век надежды, тысячелетие космической эволюции. В этих условиях мы, казахи, пытаемся разобраться, кто мы, откуда пришли и куда мы идем. Мы осмысливаем свое героическое, временами трагическое прошлое, пытаемся найти в нем опору самоутверждения в будущем. В этом мы видим смысл Указа Президента РК Н. А. Назарбаева, объявившего этот год Годом народного единства и национальной истории.

Отечество — страна, где мы родились и живем, — Казахстан. Казахия, как ее называли в эпоху средневековья, имеет удивительную и неповторимую историю. На протяжении почти трех столетий она рассматривалась как часть целого — истории Российской империи и советского государства. До недавнего времени общая концепция истории Казахстана была органически встроена в схему марксистско-ленинской формационной теории всемирно-исторического процесса, тем самым казахский этнос, имевший свой собственный самоценный опыт социокультурной адаптации к среде обитания и внесший свой особый неповторимый вклад в развитие человеческой цивилизации, рассматривался большей частью только как объект внешнего воздействия российской и европейской культуры. В результате такого подхода приоритетными проблемами исторической науки многие десятилетия считались процесс «добровольного присоединения» как главный фактор ускоренного движения казахского народа к социализму и «интернациональному единению» с другими угнетенными нациями; «прогрессивные результаты» воздействия экономики и культуры метрополии на жизнь кочевого аула, история рабочего класса Казахстана, а также ряд национально-освободительных движений, лидеры которых происходили из категории «черной кости» и не имели прямого отношения к легитимно правящим слоям казахского общества.

В то же время проблемы аутогенеза, т. е. специфические параметры процессов внутреннего саморазвития казахского общества, остались по существу мало или почти не исследованными обществоведами республики.

В условиях обретения Казахстаном суверенного статуса и начала его перехода к рыночной экономике и гражданскому обществу значительно актуализируется социально-прогнозируемая функция исторической науки, что,

в свою очередь, предполагает необходимость научно-аналитического освоения и своеобразной экспертизы прежде всего созидательного исторического опыта казахского народа в разных сферах общественно полезной деятельности в предшествующие эпохи и периоды. В рамках обозначенной мировоззренческой парадигмы, опираясь на достигнутые результаты казахстанской историографии (а они достаточно весомы), представляется целесообразным уделить особое внимание следующим аспектам отечественной истории.

История казахского народа свидетельствует о том, что он гармонично развивался в контексте всемирно-исторического процесса, а не в замкнутом мирке аульной общины времен российской колониальной экспансии. По своему геополитическому положению Казахстан выступал срединной территорией между Европой и Азией, звеном между славянскими, собственно тюркскими народами и Китаем. На просторах Великой степи, в самом сердце Центральной Азии, возникали и уходили в небытие государства гуннов, тюрков, тюрко-монголов, создавалась неповторимая цивилизация, являющаяся своеобразным синтезом степного и оседлого образа жизни, наследниками которого и стали современные центральноазиатские нации.

Тем не менее на протяжении XIX–XX вв. в литературе дебатировался вопрос о принадлежности кочевых народов к мировой культуре в ее общепринятом определении. Многие исследователи Запада полагают, что кочевники были «рабами степи», «вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла», что они «утратили связь с миром». А. Тойнби однозначно утверждает, что, «несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории»¹. Следует отметить, что подобный стереотип восприятия занимает место и в наши дни, причем в самой прямой проекции, как, например, утверждения А. И. Солженицына о казахах, до сих пор пасущих только баранов. В известной мере сторонником евроцентристов был и В. Ленин, который говорил, что на территории Западной Сибири и Северного Казахстана «царит дикость и самая настоящая дикость».

Между тем исследователи с более серьезной научной ориентацией доказали, что в результате культурного прорыва на рубеже нашего летоисчисления началось формирование тюркской цивилизационной модели, которая имела одновременно признаки речной, нагорной и континентальной культуры. Проф. С. Г. Кляшторный выводит ее исходным началом Тюркский каганат. К более раннему периоду относит процесс формирования цивилизации в тюркской Сибири ныне покойный академик АН СССР А. П. Окладников. А. Маргулан, Л. Н. Гумилев однозначно пришли к выводу о наличии высокоразвитого уровня кочевой цивилизации среди народов

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 186.

Евразии, которая за три тысячелетия прошла законченный цикл творческой эволюции².

Таким образом, необходимость фронтального изучения истории отечества в контексте цивилизационного подхода к симбиозу кочевого и оседлого населения, во взаимодействии двух хозяйственно-культурных комплексов — городского-ремесленного и степного-скотоводческого, — в синтезе их многообразия, дает ключ к пониманию того, каким образом евразийский расовый тип повлиял на всемирно-исторический процесс. Бурные интеграционные потоки, броуновское смешение этносов, взлеты и падения империй Великой степи, континентальные переселения народов, создание на их основе государств в других частях света — все это находится в неразрывной связи с эволюционным развитием человечества в целом.

Первично острообработанной проблемой историографии являются исследование этнической истории казахского народа, его этногенеза и как логическое продолжение многомерный анализ этнокультурной и политической истории тюркских и монгольских племен Алтая, Монголии, Восточного Туркестана в разные хронологические эпохи, миграция в древности и средневековье из Центральной Азии в западном направлении, их популяция на территории Казахстана и интеграция в местную этническую среду.

Думается, что ныне настало время несколько изменить направление поиска в области этногенеза казахского народа. Как известно, Тюркский каганат считается исходной точкой отсчета летоисчисления тюркских народов. По мнению востоковеда Н. И. Конрада, в VII—VIII вв. происходит потеснение культуры и языков старых народов (китайский, санскрит, персидский, арамейский, коптский, греческий, латинский) и культуротворческое лидерство начало быстро переходить к молодым народам, создавшим новописьменные языки и литературы (японской, новых индийских, новых тюркских, новых иранских, арабской, армянской, грузинской, славянских, романских, германских). И действительно, после распада Тюркского каганата начался процесс формирования четырех группировок тюркоязычных племен — собственно тюркской, огузской, кыргызской и кипчакской, которые консолидировались и превратились в очаги формирования новотюркских этносов. Этап сложения казахского этноса вступил в завершающую стадию под гегемонией кипчаков в период домонгольского завоевания, однако он был прерван нашествием Чингис-хана и расчленением Казахстана по улусам империи.

Представляется, что в домонгольский период сложилось основное кипчакское, я бы сказал казахское, ядро с довольно глубокими культурными традициями, опытом великодержавия. Такие тайпы, как найманы, керей, жалаиры, мангыты, онгыты и другие бывшие титульные племена, образовав полиэтнический «плавильный котел» с населением Дашт-и-Кыпчака, в течение двух столетий создали матричную основу казахского этноса.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1979. Т. 2. С. 5.

Есть у тюрков еще одна заслуга перед человечеством. На пути походов Александра Македонского, знаменитого полководца Дария, арабов, караки-таев и многих других завоевателей стояли только тюркские племена. В этих испытаниях было выпестовано и военное искусство, которое затем было позаимствовано и усовершенствовано монголами. Созданная государственная система военной демократии, позволившая при значительной свободе отдельных регионов четко контролировать жизнь страны, самым благоприятным образом сказалась на интенсивном освоении маршрутов Шелкового пути.

Одним словом, могучие тюркские племена вольно обитали и приумножали свою славу на просторах евразийских степей. И постепенно в те далекие времена саки, гунны, кангюи, уйсун, дулаты, аргыны, алшины, жалаиры, кимаки-огузы, кыпчаки, кыргызы, карлуки и другие родственные им роды и племена составили основу будущего казахского этноса. Они сумели сохранить свою самобытность, несмотря на переселение в степь персов, арабов, тунгусских племен жужанов (аваров) и других народов.

Примерно в IX–X вв. н. э. в степях Евразии начинается процесс выделения этнических групп из объединений племен — славянских, романо-германских, тюркских и других. Именно на этом отрезке времени на западе сформировалось древнерусское государство. Восточнее Руси этот процесс реализовался созданием государства кыпчаков.

«Кого больше — китайцев или кыпчаков?»

Как отмечал Л. Н. Гумилев, в XI в. тюрки как суперэтнос начали угасать. Это время выхода на историческую арену кыпчаков. Сведения об этнониме «кыпчак» встречаются в памятнике «Селенгский камень», датированном 759 г. По описанию Рашид-ад-дина, Огуз-каган находит в дупле старого дерева (кыспак) мальчика младенческого возраста, сына своего погибшего на поле брани воина, и нарекает его Кыпчаком. Курбангали Халиди объясняет: «Кто будет внимателен, тот должен понять, что смысл слова «кыпчак» означает — дитя человеческое». В летописи Машхур-Юсуфа (Жусупа) Копеева говорится: «На западе — Сырдарья, на востоке — могучая река Иртыш, на юге — Семиречье, на севере — Волга-Урал, пространство между этими реками называется Дешт-и-Кыпчак, место обитания кыпчаков». От этих кыпчаков берет начало население, насчитывающее 92 рода. Этим объясняется появление поговорки: «Кого больше — китайцев или кыпчаков?».

Кыпчаки, утратив собирательный этноним «тюрки», сами превращаются в суперэтнос, подразумевающий общее название всех племен. Они становятся единым центростремительным ядром для других тюркских племен. В XII веке они стали могущественной силой, вызывающей трепет у всех арабских, персидских, славянских, романо-германских народов. В необъятных степях господствовал кыпчакский союз. В те времена — в 1055 г. древняя Огузская степь — Мафазатгуз расширяется до русских границ. Вскоре кыпчакские уланы (воины) доходят от Волги до Днепра, затем, форсировав Днепр, достигают Днестра. Русские летописцы назовут это пространство Подем Половецким.

Завоевавшие в 1071 г. Малую Азию кыпчаки составили основу османских турок. Всего за 30 лет их многочисленные дружины вторглись в Карпаты, сломали «железные ворота» Дуная и достигли Балканских гор. Магжан в произведении «Огонь» вспоминал и кыпчаков, дошедших после гуннов до Европы: «Много раз, налетая стремительно, доходил от Алтая до Альп, добирался на Балканы из Китая».

В исторической литературе встречается понятие о том, что кыпчаки составили основной компонент будущего казахского этноса (протоказахи). По моему мнению, такое суждение все еще является поверхностным. На самом деле в XI–XII вв. кыпчакский народ уже сложился. Доказательством тому могут служить единая традиционная территория, сфера обитания взаимодействовавших друг друга родственных тюркских племен, общность языка, сложившийся кочевой и полукочевой быт, мировоззрение, духовная и материальная культура, военная демократия, совместные военные действия. Все это сформировало характерные признаки, одинаковые взгляды на окружающий мир, единые стереотипы поведения.

Синьцзянский историк Н. Мынжани в своей «Краткой истории казахского народа» приводит новые сведения о происхождении этнонима «казах». Например, в персидском источнике «Худ-уд-аль-галам» (границы мира) написано о том, что в стране аланов есть улус Хасак». Мирякуб Дулатов в труде под названием «О происхождении киргиз-казахов», а вслед за ним и Н. Мынжани приводят следующий отрывок из «Шах-наме» Абулхасима Фирдоуси (940–1020 гг.): «Страна казахов — Казахское ханство — сильное с многочисленным населением государство, расположенное в северной части Синего моря (Аральского моря)».

В своих записках страну, расположенную восточнее Кубана, византийский император Константин Багрянородный называл «казахией». Арабский путешественник Мухамед — аль-Ауфи в книге, изданной в 1228 г. в Индостане, под названием «Избранные рассказы и легенды» писал: «Карлуки, обитающие на Алтае..., разделены на девять улусов, среди них три племени чыгылов, три племени улуса казахов». В русской летописи «Повесть временных лет» говорится о битвах князя Святослава в 968 г. и князя Мстислава в 1022 г. с «касахами», живущими южнее реки Кубан. Созвучны с перечисленными и сведения, встречающиеся в «Монгольской тайной летописи», в «Песне о батырах» и «Летописи предков». Китайские историки указывали на то, что тюркские хаса на юге граничат с Ираном, на юге-востоке — с Хорезмом, а ханская орда расположена на берегах реки Идель. Следовательно, не вызывает сомнения то, что под названием «хаса» китайские источники подразумевают хазар. Курбангали Халиди в «Таварих-Хамсе» напоминает, что древние кыпчаки — это «хазары» (по-арабски «узкоглазые») — булгары.

Если Чокан Валиханов наименование «казах» считал синонимом слов «храбрый», «герой», «мужественный», то В. Радлов это же название определяет как «независимый, свободный человек». Шакарим Кудайбердиев в «Казахской летописи» значение этнонима «казах» объясняет как «народ,

живущий самостоятельно». Следует отметить, что значения наименования «казах» определялись также такими известными учеными, как А. Бернштам, А. Самойлович, Н. Марр, А. Кайдаров, С. Аманжолов, С. Муканов, А. Маргулан, А. Курышжанов, М. Ахинжанов, Т. Жанузаков, С. Толыбеков, писателями О. Сулейменовым, А. Кекилбаевым, М. Магауиным, К. Салгариным.

«Упомянутые письменные сведения, — говорит Нигмет Мынжани, — доказывают исторически раннее появление в источниках наименования «казах». Однако оно не стало олицетворять название народа. Вначале оно становится известным в качестве отдельного родоплеменного названия. Затем превращается в название союза племен. Например, племена «жетыру» (семь родов — кердери, кереит, тама, табын, жагалбайлы, толеу, рамадан), входившие в состав улуса алшин, что в Младшем жузе, назывались также именем «карт казах». Позднее наименование «казах» получает широкий смысл, превращаясь в название народа, нации».

Я поддерживаю этот вывод нашего коллеги и хотел бы добавить, что этноним «казах», а также собирательное имя «кыпчак» появились одновременно. На одном из поворотов истории племена «казах» вошли в кыпчакский союз и, как другие тюркские племена, переняли название «кыпчаки». Многочисленные группы казахов, тесно переплетаясь с кыпчаками, вошли в состав всех родственных этносов, таких, как ногаи, башкиры, узбеки, туркмены, кыргызы, болгары, татары, венгры, кавказские народы. В тот же период в Кашгарии возникли кыргыз-кыпчаки (предок Манаса, Каркара — кыпчак), в регионе Коканда, Маргелана, Оша — китай-кыпчаки и сары-кыпчаки. В Хорасане были туркмены, предки которых назывались казахами. Свою подлинную известность этноним «казах» получает в период ослабления кыпчакского союза, когда из его состава начинают отделяться казахи, узбеки, башкиры и другие народы. Известно, что название «казак» переняли русские странники, так называемые «вольные люди». Академик Н. Баскаков указывает, что название «казак» в русских источниках впервые появляется в 1395 г. А в 1444 г. Псковская летопись упоминает о рязанских казаках. Н. М. Карамзин признает, что упоминание об украинских казаках датируется 1517 г.

В тот момент, когда казахи сформировались как народ под именем кыпчаки, в 999 г. тюркское племя, насчитывающее 2 тыс. кибиток, приняв ислам, объявило себя туркименами. Таким образом, тюркские племена огузов составили основу туркменского этноса (туркманенд — похожий на турка). Изречение, встречающееся в казахских летописях, — «даль, в которую ушли восемь родов туркмен», — относится к этому периоду.

Одним словом, казахи, ставшие известными как народ под именем кыпчаков, изначально явились ядром всех тюркских племен. На континенте Евразии они играли огромную роль в развитии исторического процесса. Поэт-летописец Магжан имел в виду именно это, когда говорил: «Когда все тюрки, получив долю, разошлись, разве не у казахов остался «кара-шанырак»?»*.

*«Кара-шанырак» означает символ главного отчего дома, патриарха племени.

Монгольская империя, подчинив все казахские земли, разделила их на правое (Алтын-Орда), центр (Кок-Орда), левое крыло (Ак-Орда). В это время к кыпчакскому этносу присоединились такие племена, как керей и найман, онгут и баргы, конрат и меркут. В короткий срок татары вошли в кровное родство с кыпчаками. Как говорил историк аль-Омари, «все они стали поразительно похожими на кыпчаков». В улусах Джучи и Чагатая осталось всего по 4 тыс. войск. В Алтын-Орде из 200 тыс. конных всадников осталось всего 2000 уланов. Таким образом, древняя кыпчакская степь их полностью поглотила. Это и понятно. Культура тюркских племен, населявших Дешт-и-Кыпчак, была выше, чем у завоевателей.

Как Феникс из пепла

Оправившись после завоевания, тюркские племена как часть населения государственного образования уже на новой основе, выйдя за рамки родоплеменной ограниченности, вновь стали подниматься по ступени народного самосознания. Несмотря на попытки монголов к ассимиляции кыпчаков, у степняков, выросших в духе свободолюбия, сохранилось этнокультурное единство. Уберегая свои обычаи, религию, язык, кыпчакская общность, пройдя испытания монгольским игом, как Феникс из пепла, возродилась к жизни.

После падения Алтын-Орды в древнетюркской степи Дешт-и-Кыпчак появились Узбекское и Ногайское ханства.

Как указано в «Тарих-и-Рашиди» Мухаммеда Хайдара, в 1465–1466 гг. потомки сына Джучи — Тукай-Темира — султаны Джаныбек и Гирей, отделившись от Узбекского ханства, в местности Козыбасы, что в северной части Могулистана, основали ставку Казахского ханства. По словам Чокана Валиханова, Узбекское ханство, состоявшее из 92 кыпчакских племен, разделилось на две части. Полуоседлые племена остались, а кочевые отошли к Казахскому ханству. Вот что говорил по этому поводу поэт-сказитель Шал: «Разделились узбеки, состоявшие из 90 родов в местности Танбалы».

Таким образом, прежняя кыпчакская общность распалась на узбеков, казахов, башкир, ногаев. С тех времен и остались в народе поговорки: «Узбек — мой старший брат», «Ногай, казах — один человек». Возможно, сыграло свою роль это кровное родство, когда при хане Есиме казахи, ногаи, башкиры, каракалпаки, кыргызы и татары заключили союз. Это объясняет слова Кызыбек-би: «Абсолютной власти достиг Толе-би, целостности же ханства — хан Есим». За полвека численность казахского народа возросла с 200 тысяч до одного миллиона. По свидетельству Чокана Валиханова, уже Касым-хан мог мобилизовать до 300 тыс. уланов. При хане Акназаре государство казахов занимало территорию от Волги и Урала до Кзыл-Кумов, Чу, Сырдарьи и т. д. Объединение кочевых племен, ранее не состоявших в едином союзе, находившихся в составе трех не подчинявшихся друг другу государств, но имевших единый язык, общую религию, одинаковый хозяйственно-бытовой уклад и уровень развития экономики, в новый политический союз завершилось во времена знаменитого хана Акназара.

ских и волжских калмыков, среднеазиатских ханств и Цинской империи. Нам предстоит доказать состоятельность концепции А. Букейханова, который на заре XX века высказал идею о том, что «казахи, прижатые врагами к так называемой «Горькой линии», были вынуждены признать власть русских».

2. Проблема социокультурного облика, способов адаптации к внешней действительности и особенностей трансформации традиционных элит кочевого общества в условиях колониального периода. Здесь слабо разработанным звеном выступает история формирования административно-управленческой, предпринимательской, научной и творческой элит казахского общества как сословной части Российской империи. Широко расхожее в советской историографии определение таких социальных групп казахов, как султаны-правители, старшие султаны, волостные управители и т. д., в качестве «прислужников царского самодержавия», хотя и, может, считается с оценочной точки зрения не лишенным некоторой справедливости, но для глубокого аналитического объяснения сущностной природы данных социальных категорий казахов-кочевников является весьма поверхностным. Общеизвестно, что именно из этой среды вышли Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ахмет Байтурсынов, Алихан Букейханов и многие другие выдающиеся исторические личности, что само по себе свидетельствует о большой сложности и структурной неоднородности данного социально-исторического феномена в действительности.

В этом отношении важную роль приобретает систематизация исторических фактов о примерной численности, персональном составе, образовательном уровне, сословной принадлежности и т. д. казахских управленцев в структуре административно-бюрократических органов Российской империи, что в дальнейшем позволит выявить основные количественные и качественные характеристики властвующей элиты казахского социума в дореволюционный период.

3. Немаловажную научно-практическую значимость имеет также разработка проблемы генезиса и развития казахской интеллигенции в конце XVIII — начале XX вв. В научной литературе отсутствует целостное представление о казахской интеллектуальной элите дореволюционного периода. Не проводился и специальный сравнительно-исторический анализ мировоззренческих позиций и ценностных ориентации разных поколений казахской интеллигенции друг с другом, например, интеллектуалов валихановской эпохи (М. С. Бабаджанов, М. Чорманов, Т. Сейдалинов, А. Джантюрин) с их предшественниками периода конца XIX — начала XX в. (А. Байтурсынов, Шакарим, А. Букейханов), что позволило бы проследить эволюцию философских и социально-политических взглядов казахской интеллектуальной элиты в относительно продолжительном временном измерении.

4. Совершенно неразработанным вопросом остается развитие собственно казахского предпринимательства в дореволюционный период. Несмотря на то, что в советской историографии многократно фигурировал термин «казахские буржуазные националисты» и упоминалось о факте существования

небольшой прослойки национальной буржуазии, сама эта проблема осталась практически незатронутой историками.

5. С изучением истории казахских элит тесно связана проблема разработки жанра исторической генеалогии в отечественной науке. Парадоксальным фактом современной казахстанской историографии можно считать то, что в нашей стране, где на протяжении многих веков существовала большая традиция вертикального, т. е. генеалогического способа передачи производственного опыта и прочей информации, жанр генеалогических исследований практически отсутствует. В то же время в Казахстане существует большой круг исторических фамилий (напр., Валихановых, Шормановых, Букейхановых, Кенесариных, Сатпаевых и т. д.), генеалогическое изучение которых могло бы иметь важное значение для исторической науки и предоставить ей необходимый вспомогательный материал для более глубокой разработки разных проблем истории региона периода XVIII–XX столетий.

6. Слабо разработанным звеном в историографии Казахстана остается также создание исторических портретов видных деятелей прошлого, внесших весомый вклад в развитие государства, его экономики и культуры. До настоящего времени очень мало и поверхностно изучены жизнедеятельность казахских ханов, крупных биев и батыров XVIII – середины XIX в., а также первых казахских исследователей и ученых той эпохи. В портретных характеристиках некоторых из этих персоналий, созданных при советском режиме и в постсоветские годы, преобладают элементы стандартизации, стереотипные определения и оценки их деятельности, отсутствует раскрытие и научный анализ индивидуальных психологических черт личности тех или иных выдающихся людей. За исключением нескольких научных работ об Аблае и Кенесары, мы до сих пор не имеем серьезных научных брошюр и монографий, непосредственно посвященных жизни и деятельности многих крупных создателей культурно-исторического потенциала Казахстана в дореволюционные столетия.

Наряду с проблемами истории собственно казахского общества большую актуальность в современную эпоху представляют ряд вопросов общерегионального характера, характеризующих основные закономерности развития всего полиэтнического населения Казахстана в дореволюционный период. К ним следует отнести следующие аспекты:

1. Конфессиональные процессы в регионе в середине XIX – начале XX в. Эта тема включает в себя выявление основных конфессиональных течений на территории региона в ту эпоху, структурную организацию и характер деятельности мусульманской, ортодоксально-православной, католической и протестантской церквей; миссионерскую деятельность религиозных проповедников разного толка среди местного населения, развитие культовых учреждений, религиозные традиции в культуре разных этнических групп и т. д.

2. Процессы урбанизации на севере и юге Казахстана, их анализ в сравнительно-региональном контексте. В отличие от северных и северо-

восточных городов городская культура старинных южных центров региона — Туркестана, Аулие-Аты, Шымкента и т. д. в период середины XVIII — начала XX в. изучена очень слабо и поверхностно. В современной историографии нет ни одного исследования, в которых бы она рассматривалась в системном плане и был бы реконструирован социокультурный облик городов Казахстана в новое время.

3. Культурно-историческое развитие малых этнических и этноконфессиональных групп, к которым следует отнести русских старообрядцев на востоке и отчасти на западе Казахстана; местных татар, немцев-меннонитов на северо-западе и юге региона, уральских и сибирских казаков, имеющих ряд оригинальных черт в истории своего проживания в этих местностях, быте и культуре.

4. Проблемы международного капитала в горно-добывающей и обрабатывающей промышленности Казахстана во второй половине XIX — начале XX в., имеющие большую практическую значимость для современной эпохи. В ЦГА РК и архивах ряда областей РФ имеется множество ценных документальных материалов на русском, английском, французском и немецком языках, освещающих деятельность крупных международных корпораций на территории региона в дореволюционный период. В последние годы преимущественный интерес к вложению капиталов в промышленность суверенной Республики Казахстан проявляют те зарубежные фирмы и организации, которые уже имели здесь предпринимательский опыт в дореволюционное время. В этой связи изучение данной проблемы будет иметь далеко не только познавательный интерес, но отчасти и прогнозирующее значение для современной казахстанской экономики и политики государства в инвестиционной сфере.

Как известно, в начале XX века на востоке России центробежные тенденции вылились в доктринальные новации интеллигенции национально-либерального толка, основанные на понятиях этнического, социально-культурного, религиозного тождества с вариантами как федеративного, так и унитарного устройства общества. Широкое национально-либеральное движение казахской интеллигенции, шедшее единым фронтом после февральской революции 1917 года, придерживалось разноректорных направлений в своих помыслах о будущем обустройстве. Оно теперь состояло из проповедников основ исламского фундаментализма, джадидистов, сторонников модернизации по западно-европейскому образцу алашевцев, социал-радикалистов, тюркских национал-коммунистов. Исследователи доказали, что на фоне радикальных националистических движений того времени, охвативших всю Российскую империю, алашское движение было одним из самых прогрессивных веяний в содержании антиколониальной борьбы. Предстоит в перспективе поиски и теоретическое осмысление национально-либерального движения казахской интеллигенции в начале XX в. во всем его многообразии. При научном осмыслении истории Казахстана в составе Российской империи — во многом неоднозначного периода — не следует впадать в крайность. Перехлесты

эмоциональной обиды за нацию весьма болезненны для восприятия и побуждают больше к отчуждению, чем к пониманию.

Деидеологизация исторического знания позволила выйти на интенсивный исследовательский поиск и в области изучения истории Казахстана в советский период. Здесь, в частности, уже наработан целый ряд достаточно объективных теоретико-концептуальных версий, освоен новейший научно-познавательный и методологический аппарат.

И тем не менее нельзя не признать, что многие проблемы и вопросы советской истории еще продолжают оставаться за пределами серьезного научного анализа.

Так, в свое время с легкой подачи некоторых российских изданий, спекулятивно обыгрывавших эйфорию «тотального исторического нигилизма», в обывательную среду был запущен тезис об «октябрьском перевороте», коим обозначалась Октябрьская революция 1917 г.

К сожалению, такая трактовка, хотя и в более мягкой форме получила хождение и в отдельных отечественных научных изданиях. Между тем ясно, что Октябрьские события, прокатившиеся по пространству Российской империи, есть более многомерное историческое действие, во всяком случае природа его гораздо более сложна по сравнению с тем, чтобы могла поддаваться описанию через категории «переворот», «заговор» и т. д. Трудно не признать, что данность Октября, пускай даже своими негативно проявляющимися проекциями, вносила существенные коррективы в пространственно-временную динамику всемирно-исторического процесса на протяжении почти всего XX века.

Анализ казахстанского материала уже сейчас подводит к ряду размышлений. В частности, мы переосмысливаем характер движущих сил Октября в крае, его социальную базу, степень восприимчивости к его идеям в городе и на аграрной периферии. Критической переоценке подвергаются мифологизированные стереотипы советской историографии по поводу таких, якобы объективных предпосылок Октябрьских событий в Казахстане, как «классовое самосознание и политическая активность казахских трудящихся», «революционное творчество масс», «противоречия между трудом и капиталом» и т. д. Исследовательские проекции выводятся на такие, ранее табуированные аспекты, как социальная структура общества накануне революции, ее преимущественно докапиталистический характер. Эти моменты сыграли далеко не последнюю роль, ибо именно абсолютное преобладание в докапиталистическом социуме люмпенизированных и пауперизированных слоев как главных востребователей большевистской идеи «всеобщего равенства» и лозунга «кто был ничем, тот станет всем» определили масштабность революционных катаклизмов в крае.

Логическим продолжением темы Октября является проблема гражданской войны. Хотя сейчас мы уже пишем об этом событии как о трагическом гражданском противостоянии, но продолжаем исследовать его лишь «по одну сторону баррикад», а именно «красных». Между тем наряду с кровавым

«белым» террором имела место не менее террористическая и «массовидная» (говоря словами Ленина) «красная» вакханалия. Были здесь «пролетарские прод-разверстки», выводившие аул и деревни на грань голодного отчаяния, «расказачивания», опустошавшие целые станицы, вооруженные подавления крестьянских бунтов.

Долгие годы, еще с пионерского возраста, воспитывались мы на таких идеалах гражданской войны, как Чапаев, Щорс, Фрунзе, а потому трудно нам понять те идеалы, за которые клали свои головы противники большевистского режима. Но как бы то ни было историки должны дать объективно взвешенную картину исторического действия, а для этого им просто необходимо отказаться от ее видения сквозь примат «классового подхода». Это была трагедия всего народа, независимо от того, по какую сторону он оказался, идея покаяния и тех, и других должна лечь в анализ этих кровавых событий. Только тогда мы сможем вынести из них главный исторический урок — противостояние идей никогда не должно выливаться в поле военной брани.

Достаточно основательно изучены в казахстанской историографии трагические события, связанные с силовой коллективизацией, раскулачиванием, политическими репрессиями, голодом 1932—1933 года, разрушением пастбищно-кочевого хозяйственного комплекса и всей традиционной структуры. Но и здесь исследования сдерживаются дефицитом документального материала. Без существенного расширения источниковой базы историкам трудно выйти на адекватное уточнение таких вопросов, как численность жертв политических репрессий или голода в годы коллективизации. Поэтому не случайно историки-демографы демонстрируют уже столько лет почти взаимоисключающие разночтения по этим проблемам. Так, жертвы голода определяются ими и в 2 млн человек, и в 2,5 млн человек, и даже в 3 млн, хотя ясно, что, например, в последнем случае какое демографическое воспроизводство не могло бы иметь место, этнос просто перестал бы существовать.

Особой страницей в историю Казахстана входит Великая Отечественная война. Казалось бы здесь мы располагаем наиболее богатой историографической традицией. Но в последнее время появились и здесь некоторые неясности. Взять хотя бы вопрос о так называемом Туркестанском легионе. В периодической печати нет да нет, но ставится вопрос: кто они? Предатели или перебежчики, или демократы, борцы за национальную независимость?

Здесь есть над чем подумать историкам. С одной стороны, действительно, советская империя, сталинский тоталитарный режим, с другой — сражающаяся Родина. Помним мы и печально знаменитую директиву, гласящую, что в Красной Армии нет пленных, есть только предатели, директиву, по которой сотни тысяч наших солдат из фашистских концлагерей отправлялись в лагеря ГУЛАГа, директиву, которую эсесовские убийцы со злорадством доводили до советских военнопленных, ставя их на грань жесткого выбора.

Безусловно, нет и никогда не будет пощады нашим бывшим соотечественникам, которые стали военными преступниками и палачами, но были и те,

которые на взлете своей юной жизни оказались в аду фашистских лагерей смерти. Во всем этом исследователям предстоит разобраться.

В предшествовавшей советской историографии в радужных тонах описывались история республики в 50–80-х годах. В свете описаний «победных» пятилеток, нагромождения цифр и цитат из партийных директив упорно не замечались экологические катастрофы Арала и Балхаша, необратимые последствия «строек коммунизма». Совершенно закрытой темой была история превращения территории Казахстана в военный полигон.

Сегодня все эти и другие страницы нашей истории перестают быть «белыми пятнами». А это означает, что наша историческая память выходит из столь долго длившегося состояния летаргии.

К настоящему времени историческая наука вышла из своих чисто академических рамок и активно работает в становлении новых мировоззренческих позиций. Это ее прямое действие обусловлено образовавшимся духовным вакуумом, который в некоторых регионах порой заполняется или религиозным фанатизмом или крайним националистическим угаром, а зачастую они действуют одновременно. Дает о себе знать нереализованная в прошлом энергия национального самосознания, которую очень трудно уместить в управляемое русло.

Год народного единства и национальной истории, провозглашенный Президентом Казахстана, представляет из себя попытку реабилитировать саму историю. Это обращение к профессиональным историкам выстроить такую систему взглядов о своем прошлом, которая с максимальным приближением могла бы определить ориентиры местоположения Казахстана в современном сложившемся миропорядке. И то, что в приоритетное определение поставлено народное согласие, говорит об открытом, толерантном характере национального возрождения, изначально присущего нашему народу.

*Опубликовано в книге «Отан тарихының тағылымдары
және Қазақстан қоғамының қайта жаңғыруы //*
Уроки отечественной истории
и возрождение казахстанского общества».
Алматы: Қазақстан, 1998. С. 34-48.

ОТКУДА «ЕСТЬ – ПОШЛА» КАЗАХСКАЯ ЗЕМЛЯ

«Дальние предки мои — великие тюрки»

В течение многих десятилетий история казахов на их исконной земле являлась своеобразным сводом позвольительных и запретительных норм, поскольку прошлое и многое из настоящего народов, объединенных в империю под названием Советский Союз, делилось на «открытые» и «закрытые» отрасли знания в зависимости от политического курса того или иного правителя. Арестовывались книги, шельмовались ученые, а сама историческая наука была превращена в прислужницу господствующей идеологии. К концу существования советского режима мы уже начали терять животворящую связь со своим прошлым.

Связь с космосом у казахов опосредуется генетической памятью о своих предшественниках, место на земле определяется генеалогическими корнями, отсчитываемыми по отцовской линии. Язык же, как издревле считают, впитывается с молоком матери. Поэтому не случайно в книге Коркут-ата, этой своеобразной копилке народной мудрости, записано на века: «Сын без отца обделен сознанием, дочь без матери лишена приданного». А еще говорили древние казахи: «Кто не знает своих прародителей — тот неполноценен», «Кто знает и чтит семь предков своих, тот заботится о семи родах». Именно это и имел в виду один из величайших летописцев Востока Магжан Жумабаев, когда писал: «Если спросить, кто мои предки — величайшие вершины. Если спросить о моей матери — величайшая мудрость».

Потому такие вопросы: откуда мы пришли и какова наша судьба в мировой цивилизации, куда ведут караванные пути будущего? — никогда не были для казахов праздными. Вселенная и цивилизация, род и племя, происхождение и раса, народ и нация, государство и жузы, бытие и национальное самосознание, время и судьбы — вот основополагающие составные кочевого самосознания и самореализации, определившие многовековую летопись деяний народов Евразийского континента.

Среди тюркских народов, чья история изобилует великими и печальными страницами, казахский народ является одним из многочисленных и в то же время однородных по составу этносов. «Казах — не турок, но без казаха нет и турка», — гласит древняя поговорка. На огромном пространстве между Тянь-Шанем, Алтаем и Тарбагатаем, Саянами и Хинганом на востоке и Карпатами на западе издревле пребывали кочевые народы, которые оставили нам в наследство богатую культуру, созвучную обычаям и традициям современных казахов. Это была великая эпоха племен, собирательно названных Геродотом

скифами, а Страбоном — саками. Племена те, по свидетельству знаменитых летописных памятников «Хан-наме» и «Тарих-наме», уже в III—I вв. до н. э. имели мощные государственные образования. (И, видимо, отголоском древнего слова «сак» является этимологическая преемственность имен кайсаков-казахов, саха или, например, названия ветвей кыпчаков, аргынов, киреев-сактогалык, бессак, сак-улы, борсак, карсак, саха-сак.) Чего только не видели они, находясь на семи степных ветрах!

На протяжении почти пяти веков (с 204 г. до н. э. до 216 г. н. э.) Великая степь подвергалась стремительному натиску гуннов, которые, выйдя из самых глубин Азии, смешались в казахских степях с уйсунами, кангюями, аланами. Их поздние потомки знакомы нам под этнонимами огузов, гузов, кыпчаков, карлуков. Именно это имел в виду Магжан Жумабаев, восклицая: «В далекий день от огненного Солнца родился Гунн, от огненного Гунна, играя пламенем, родился я».

Тем не менее это не означает, что тюркские народы в основе своей происходят от гуннов. Гунны являются одной из ветвей мощного генеалогического древа тюркских народов.

Древнетюркские племена, обитавшие в казахских степях до нашей эры и составившие затем основу казахского народа, а также влившиеся в их состав индоиранские и монгольские включения, сражаясь и защищаясь, наводя страх на завоевателей, в мировой цивилизации стояли наравне с такими странами, как Китай, Рим, Ахеменидский Иран. Вот как комментируется это в древнетюркской летописи словами Абулгазы Бахадура: «В стране тюрков есть пять родов, первыми стяжавшие славу. Их названия — уйгур, кангюй, кыпчак, калаш, карлук». В те времена сосуществовали и соперничали на равных с Римом и Китаем такие государства, как Тюркский и Хазарский каганаты, государство Караханидов, расположенное в Восточном Туркестане, Семиречье, в бассейнах рек Сырдарья, Талас, Чу. Между Сырдарьей и Волгой находился улус Огузов. Огромную территорию между Алтаем, Волгой, Южным Уралом и Джунгарским Алатау занимало государство кимаков, состоявшее из двенадцати племен. Все они в основном являлись коренными тюркскими племенами.

Главное значение той эпохи состояло в том, что тюркские племена и их союзы оставили неизгладимый след в истории человечества. Они дали мировой цивилизации самобытную кочевую культуру. Но, кроме того, в бассейнах рек Сырдарья, Чу, Талас, Арысь и других, пересекающих могучую степь, поднялись города Отрар, Тараз, Сыгнак, Сайрам (Исфиджаб), Асы, Кулан, Баласагун, Мерке, Сауран, Ордакент... Нет сомнения, что эти города, возникшие на трансконтинентальных караванных маршрутах, явились одной из фундаментальных ступеней человеческой культуры. Таким образом, тюркские племена, сочетавшие кочевничество с оседлостью, впитывали в себя результаты хозяйственно-культурных достижений двух континентов. И невозможно предположить, что древние тюрки, аккумулировавшие в себе полярные ценности, не понесли их дальше, соединяя и развивая культуру Запада и Востока в своеобразной, только им присущей манере.

Наконец, подобно тому, как единая древнерусская общность в результате расчленения территории древнерусского государства распалась на три народности — русских, украинцев и белорусов, так и единый кыпчакский народ, оказавшийся в составе Улуг-улуса и владениях трех сыновей Чингис-хана, разделился на казахов, узбеков, ногайцев, сибирских татар. За счет ранее существовавшего суперэтнуса значительно укрепили свои позиции каракалпаки, башкиры, татары, а возможно и туркмены, сформировался Алты Алаш, военная конфедерация шести наиболее родственных тюркских народов.

Многообразие племен и родов домонгольского и монгольского времени исчезло. Они поляризовались и консолидировались в народности и нации, сохранившие с тех пор свои названия и свои этнические территории до современности. В отличие от ханства Абулхаира и Ак-Орды, а также Могулистана, Казахское ханство имело более прочную этническую основу — уже сложившуюся казахскую народность. Впервые после монгольского завоевания были объединены в одно государство почти все тюркские роды и племена Восточного Дашт-и-Кыпчака, Туркестана и Семиречья. Казахское ханство создало условия для дальнейшего национального развития. Завершилось формирование казахской этнической территории. В перспективе нужны комплексные сравнительно-исторические исследования, прослеживающие общее и особенное в этногенезе тюркских народов, в том числе казахского, с высоты Степной цивилизации.

Приобретение Казахстаном суверенитета, его геополитическое положение, многонациональный состав населения, состояние развития этнической идентичности и национальной идеи ставят проблему глубокого, разностороннего, свободного от спекулятивных, абстрактных и упрощенных подходов изучения истории динамики развития государственности.

Как известно, европоцентристы полагают, что кочевники, т. е. «варвары, абсолютно не способны создать устойчивые социальные и политические институты»³.

Историки Казахстана доказали, что на территории Великой степи возникли государственные образования — племенные союзы, каганаты значительно раньше, чем в Европе.

Эти государства имели все признаки развитого политического и социального организма — систему правления, не только народное ополчение, но некоторые из них и регулярную армию, усовершенствованный фискальный надзор, развитую дипломатию, письменность, возникшую на территории Казахстана еще в сакское время. Археологические находки в Иссык-Кургане — тому свидетельство.

С учетом динамики этногенеза народа нам представляется приоритетным изучение истории тюркешской, карлукской, кимакской, т. е.

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 553.

кипчакской ветвей, государственных образований на территории Казахстана, которые, несомненно, стали этапными в эволюционном развитии казахской национальной государственности. В этом ключе заслуживает внимания предположение некоторых китайских коллег о том, что Тюркешский каганат (к югу от Балхаша до Заилийского Алатау) является по существу первым Казахским ханством. Вместе с тем мы должны остерегаться попыток расчленивать античность Евразии на «истории» отдельных племен и народов и совместить их исключительно с прошлым какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы, так же, как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их единым наследием. Участь каждого из них была неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Настало время изменить концептуальные подходы к Белой Орде (Ак-Орда) (в русских летописях Синяя Орда), выделившейся из состава Улуг-Улуса, т. е. Золотой Орды.

Во-первых, Джучи с самого начала стремился сделать свой улус самостоятельным государством. Во-вторых, под Ак-Ордой (XIV–XV вв.) источники понимали огромную территорию именно казахских степей от бассейна Сыр-Дарьи до Алтая и от Южного Приуралья до Семиречья. В-третьих, она была населена тюркоязычными племенами, искони населявшими эти земли, входившими в состав кипчакского объединения, а также племенами, влившимися во время завоевания монголов из восточных и юго-восточных районов Казахстана и Алтая. Они-то и сформировали этнический состав казахского народа. Ак-Орда была в сущности казахским государством. К такому выводу пришел авторский коллектив 2-го тома «Истории Казахстана» в 5-ти томах, над которой трудятся ученые Института истории и этнологии Министерства науки — Академии наук РК.

Важнейшими в историографии остаются проблемы, связанные с тем государством, которое принято называть собственно Казахским ханством — государством сложившейся народности.

Труд «Тарих-и-Рашиди» известного профессионального тюркского историка Мухаммеда Хайдара Дулати содержит сведения о времени образования Казахского ханства. В последние годы в научной литературе активно дебатировались следующие вопросы:

1. Кто был ханом — Жанибек или Керей?
2. Совершали ли побег в Моголистан джучидские султаны?
3. В каком году образовалось Казахское ханство?

Слов нет, эти вопросы имеют для отечественной истории важное значение. Но не менее важно исследовать сущностные проблемы. Ими, на наш взгляд, являются:

1. Определяющие факторы образования Казахского ханства, как-то: внутреннее социально-экономическое, политическое развитие тюркоязычных племен на территории Казахстана.

2. Синхронность создания централизованного Казахского государства событиям, происходившим на просторах Евразийского континента в целом: крушение одних и образование новых мощных государств — Шайбанидов (в Средней Азии), Великих Моголов (в Индии), Сефевидов (в Иране), Оттоманской империи (в Турции), Российской империи, т. е. в русле общеисторического развития.

На основе ранее существовавших государственных образований на территории Центральной Азии, Золотой Орды, в том числе Казахстана, выковались государственность и великодержавие Казахского ханства.

3. Распад суперэтнуса «кыпчак» на рубеже XIV—XV вв., процесс отпочкования от него народностей и создание национальных государств, в том числе казахского.

4. По «Тарих-и-Рашиди» Мухаммеда Хайдара Дулати основателями Казахского ханства выступают Керей-хан и Жанибек-хан. По утверждению же «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи, основателем династии казахских ханов признается Урус-хан (1369—1376) — потомок Джучи⁴. Правнуки Урус-хана Жанибек и Керей⁵, будучи вождями родов и племен Дашт-и-Кыпчака, близких по языку, культурным традициям, образу жизни родоплеменным группам Юго-Восточного Казахстана, в нашем понимании не откочевали, а откололись, разъединились, объявили о своей независимости, точнее, если говорить современной терминологией, самоопределились. В данном случае «откочевка» стала одной из форм выражения самоопределения и объединения с казахами Жетысу. Начатое Урус-ханом становление Казахского ханства тем самым было завершено его правнуками в течение столетия.

Мирза Мухаммед Хайдар Дулати был значительно прозорливее многих из нас, когда писал: «Начало правления казахских султанов — с восьмисот семидесятого года (хиджры), а Аллах лучше знает».

Да, «Аллах лучше знает», с какого времени можно начать летоисчисление казахского государства. Но важно и другое. Казахское государство является одним из правопреемников государств усуней, канглы, киреев, найманов, дулатов, Западно-Тюркского, Тюргешского, Карлукского каганатов, государства огузов, караханидов, кипчаков, монгольских улусов, Золотой Орды, Ак-Орды, Моголистана, Мангытской Орды.

Именно исследование проблемы исторической преемственности в развитии государственности на территории Казахстана венчает перечисленные выше концептуальные подходы к истории Казахского ханства.

За последние два с половиной столетия было опубликовано в разных регионах бывшего СССР и за рубежом более 50 тыс. научных монографий, исторических очерков, статей, посвященных многим важным проблемам

⁴ См.: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 52.

⁵ См.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. Алма-Ата, 1969. С. 42, 496; История Казахстана. В 5 томах. Алматы, 1998. Т. 2.

истории Казахстана дореволюционного периода. Однако осталось еще много неразработанных вопросов. Вот некоторые из них:

1. По-прежнему остается приоритетной проблема вхождения Казахстана в состав Российской империи.

Прежде всего, следует отказаться от термина «присоединение», ибо в дореволюционной, до- и советской историографии он предполагал некоторую законность колониальных захватов. Царизм стремился с наименьшими затратами (материальными и военными) как бы приобрести и сам народ, и его территорию, не выпячивая насильственную сторону колониализма.

Более продуктивно изучать проблему в ключе всей колониальной политики империи, в едином контексте с завоеванием Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского ханств, всей Сибири. Совершенно права Н. Г. Аполлова, когда считала, что после определения стратегии захвата Казахстана она окончательно оформилась в последующие десятилетия «в крупную агрессию царизма, направленную на осуществление так называемого «мирного, завоевания степи и «вечного подданства» казахского народа».

Настало время преодолеть инерцию имперского мышления и раскрыть военно-разведывательную сущность многочисленных экспедиций, организованных колониальной администрацией на территории Казахстана. Пора, следуя принципу историзма и научной объективности, раскрыть суть лихорадочного строительства крепостей Гурьев, Омск, Усть-Каменогорск, Семипалатинск и многих других на оккупированных джунгарами казахских землях. Представляется, что продолжением этой политики являлось, по признанию И. Неплюева, отлучение степняков от рек Улькаяк, Ирғиз, Тобольских и Ишимских вершин, которые находились не на очень дальнем расстоянии от русских крепостей.

Предстоит изучить тактику русской колониальной администрации по организации рейдовых походов своих подданных башкир и волжских калмыков на казахские земли. Таят много сюрпризов русско-джунгарские отношения в 20–30-е годы XVIII столетия, когда казахский народ, истекая кровью, вел Великую Отечественную войну с джунгарами. Предстоит обстоятельный анализ дневника российского посла К. Тевкелева, многочисленных документов царской администрации, где раскрыта суть концепции вхождения Казахстана в состав империи, ускорения темпов колонизации.

В связи с этим не менее привлекательным представляется тактическая линия Абулхаир-хана. Нет сомнений в том, что он был великим полководцем, стратегом и тактиком освободительной войны и не менее искусным дипломатом. Обращаясь к Российскому трону о подданстве, он учитывал усталость народа от длительных истребительных войн, обескровленную экономику, внутренние раздоры и междоусобицы, борьбу за власть со стороны многочисленных, в основной массе инертных чингизидов, экономическую блокаду со стороны России, геополитическое положение Казахстана, оказавшегося в окружении русских крепостей, казахских поселений, джунгар-

В одной из казахских летописей отмечается, что разделение на три жуза началось во времена Чингисхана. В ряде других письменных источников сообщается, что этот процесс начался при Аз-Джаныбеке. Я считаю, что формирование казахской общности по трем этнотерриториальным объединениям и дальнейшее развитие этого феномена шло на протяжении веков. В основе жузов лежали соответствующие естественно-географическому фактору кочевые условия быта, веками складывающиеся традиции, в том числе традиции государственной, родоплеменной связи. При этом наряду с другими причинами я бы особо отметил роль географического фактора. Казахский народ сложился в центре Евразии. Ему всегда приходилось отстаивать свою свободу, отчий край, свое хозяйство. А этнотерриториальные объединения — жузы соответствовали целям защиты Отечества. Единство языка, путь к независимости, объединительные традиции Есимхана, продолженные Касымом, свод законов Тауке («Жеті Жарғы»), всенародное вече — курултай, выборы хана, утверждение путей годовой миграции — все это стимулировало консолидацию, территориальную целостность, общие для всех законность и традиции народа. Даже в период колониального правления России, когда жузы были раздроблены по генерал-губернаторствам и краям, сохранилась всеобщая целостность казахского народа. Концепцию писателя Абиша Кекилбаева о том, что казахские ханы Аз-Джаныбек и Акназар (Хакназар) не разделяли страну на удельные владения, можно считать научно доказанной, поскольку это было не национально-государственное размежевание, а административно-территориальное обустройство, продиктованное социально-экономическими требованиями кочевого строя.

Короче говоря, кыпчакский народ как суперэтнос в течение трех веков, вбирая в себя монголоидные племена, выделяет из своего состава казахов, узбеков, ногайцев, башкир и другие тюркские народы, предоставив каждому из них, по традиции, долю (енши) в соответствии с родоплеменной иерархией. Таким образом, трехзнаменная этнотерриториальная страна, ранее входившая в состав кыпчакского государства, выделилась в самостоятельный казахский народ.

Джунгарская агрессия XVII—XVIII вв. и ее трагические последствия оказались тяжелым бременем для народа. По словам Аблай-хана, в первой половине XVIII в. за сорок лет погибло две трети населения. Как раз на это и указывает в своей поэме «Калкаман-Мамыр» Шакарим Кудайбердыев, когда пишет о нашествии джунгар: «Враг истребил две трети населения». Не удивительно, что в этот тревожный период нависла угроза исчезновения казахов с исторической арены. Казахи оказались в орбите Великого бедствия — «Ақтабан-шубырынды-алкаколь-сулама». В этот период приходит осознание того, что необходимо еще большее единство. По-видимому, пословица «На спор иди один, на врага — вместе со всеми» возникла в те времена. В момент величайшей опасности судьба страны потребовала достойных людей, способных поднять дух народа, поддержать стремление славных и храбрых батыров, которые смогли бы собрать свои дружины под боевые знамена и тем самым

защитить народ, объединить население, в едином порыве дать отпор захватчикам. Именно такой личностью, соответствующей чаяниям народа, был Абилмансур, более известный как хан Аблай. Предводитель всех шести алашей, Аблай, собрав авторитетных биев, опытных советников, храбрых батыров, объединил вокруг себя ханскую власть, мудрость и героическую силу народа. Он поднял казахское ханство на уровень могучего государства Евразии.

В пору опасности для страны укрепилось национальное самосознание. Свод законов Тауке-хана («Жеті Жарғы»), надпись на камне, где высечены названия и тамги всех родов и племен («танбалы тас»), общее вече представителей трех жузов в Улытау явились первой своеобразной конституцией казахов. На вопрос: «Какова эта нация, что это за народ?», поднятый на казахско-джунгарских переговорах, знаменитый Казыбек-би ответил следующим образом: «Мы, казахи, ни на кого не нападавшие, мирный народ, занимаемся скотоводством. Но чтобы достаток и благополучие не растерять, чтобы на границы наши не нападали враги и не захватывали наших земель, мы всегда держим свое оружие наготове. Мы — народ, никогда не покорявшийся врагам и не позволяющий задеть себя словом. Мы — народ, умеющий ценить дружбу и отзывчивый на доброту. Если у отца рождается сын, то не для того, чтобы стать рабом, если у матери рождается дочь, то не для того, чтобы стать наложницей. Мы — народ, не позволявший держать своих сыновей и дочерей в неволе. Если вы — калмыки, то мы — казахи. И пришли мы состязаться. Если вы — железо, то мы — уголь, пришли расплавить вас. Но дети казахов и калмыков могут и подружиться. Если согласны на переговоры, обговорите свои условия, нет — так укажите место схватки».

В подстрочном переводе трудно передать всю силу, пафос и нюансы этого монолога. На казахском языке он звучит в рифмованном, риторическом слоге. Монолог Казыбек-би ярко демонстрирует уровень национального самосознания, заботу о судьбах отечества.

Таков исторический путь, пройденный казахами в те далекие времена, когда само название «казах» постепенно, претерпевая неимоверные трудности в лабиринтах средневековой истории, становится именем народа, известного не только духом воинственности, но и высоким уровнем самодостаточной экономики, самобытной культуры. Впереди еще предстояли времена колониальной политики царизма, когда романтический образ степняка постепенно превратится в объект для насмешек со стороны эгоистичного рационализма. Кочевая система хозяйствования не выдержала конкуренции с зародившимся и вырвавшимся вперед капитализмом. Экономика Казахстана пошла по пути придаточно-сырьевого развития, а его народ до конца познал прелести как «белого царя», так и сталинской «дружбы народов».

Идеологические штампы тоталитаризма почти начисто стерли из памяти «откуда есть — пошла» казахская земля, и только сегодня, обретя хрупкую пока еще независимость, мы можем припасть к животворному источнику своего прошлого, которое поможет преодолеть комплекс «младшего брата».

Вместе с тем наше историческое прошлое, в течение многих лет выработавшее иммунитет против ограниченности и чванства, возвышает национальное достоинство казахов над амбициозностью и нетерпимостью, а сами казахи, став реальными правосубъектами национальной государственности, не допустят в своей стране никаких межэтнических распрей и тем более кровавых конфликтов, помня, что имя «кыпчак» — «дитя человеческое» — содержит в себе глубокий философский смысл общего происхождения всех людей.

Так было ли государство казахов?

Проблема государственности длительное время изучалась односторонне, с позиции марксистско-ленинской методологии. В ее прокрустово ложе не укладывалось понятие государственности кочевых, подвластных впоследствии Российской империи, народов. Даже держава гуннов, по мнению ортодоксальных марксистов, «представляет собой варварское дофеодальное государство»¹. Многие государственные образования на территории Казахстана иным нашим правоведам кажутся лишь прообразом государства².

Со времен распада бывшего Союза участились нападки на государственность казахов (А. Солженицын, Е. Морозов и др.). При этом они взяли на вооружение старую идею евроцентристов о второсортности народов кочевой цивилизации, о праве избранных на государственность, державность.

При изучении истории возникновения и развития казахской государственности, видимо, необходимо, прежде всего, исходить из концепции кочевой цивилизации, а также евразийской ее сущности. Для того чтобы ответить на вопрос, когда возникло государство у казахов, надо однозначно сказать, что мы вкладываем в это понятие. Государство — это социальное явление, для которого характерен сплав территориальной общности, населения, системы власти, т.е. отношений господства и подчинения. Как свидетельствуют источники, в VIII—VII вв. до н. э. сложился в Великой Степи кочевой способ производства, складывались сакско-усуньская (в Семиречье), кангюйская (в Приаралье), гуннская (в северо-восточной части Казахстана), аланская (в Западном Казахстане) этнокультурные общности. В государстве усуней был верховный правитель (гуньмо), население составляло 630 тыс. человек, из них более 100 тыс. — воины. В государстве кангюев (II в. до н.э.) — 600 тыс. подданных, 120 тыс. воинов. Оно состояло из пяти владений. Один из выдающихся востоковедов И. Бичурин писал: «Владение кангюй занимало степи от Сырдарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя Казачьи Орды». Еще большего совершенства достигла структура власти в обществе гуннов. Государство было разделено на 24 части во главе с племенными вождями. Каждая часть делилась на тьмы (10 тыс.), тысячи, сотни, десятки. Такая система легла в основу и военного строительства. В VI в. возник Тюркский каганат, олицетворяющий собой начало степной культуры.

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943. С. 49.

² Бизнес и право. 1993. № 1; см. статью А. Котова.

В Тюркском каганате во главе мировой державы стоял каган (хан), его окружали принцы крови, носившие титул «тегин». При кагане существовал совет, состоящий из членов рода кагана и родоплеменной знати, беков и тарханов. Совет выбирал кагана. Реальной опорой власти кагана была его дружина, но войны велись с помощью родоплеменных ополчений. Совокупность племен составляла государство — эль или иль.

Подданные состояли из трех сословий — беков, карабудунов и таты — рабов из военнопленных.

В период государства огузов сохранились институты власти, выросшие из недр военно-демократического строя, а власть правителя (джабгу) ограничивалась советом военно-племенной аристократии. Позже, после монгольского завоевания утвердилось чингизидство, основой которого, по определению исследователя В. П. Юдина, стало утверждение исключительности и избранности татаро-монголов, их права на мировое господство³. За короткий срок кочевая империя заняла огромную территорию от Едиля до Хинганских гор.

Все эти государства вели дипломатические отношения с Китаем, а Тюркский каганат — с Византией, Ираном и Китаем. Казахи, их предки в лице усуней, кангюев, кереитов, найманов, кыпчаков, создавшие государственность, империю под названием Тюркский каганат и т.д., входившие в состав больших и малых тюркских держав, накопили огромный опыт государственной организации, административной, финансовой, податной систем. Этот опыт послужил строительным лесом для государственности и великодержавия монголов.

Можно смело утверждать, что «Джасак» — свод законов империи Чингисхана — во многом созвучен обычным казахским правам и является на деле сгустком опыта государственности народов великой кипчакской степи, Монголии и Китая. Государственность, которая существовала в разное время на территории Казахстана, способствовала формированию этнической территории, этнического самосознания, национального характера, облегчала народу последующую борьбу за существование. Бесперывная борьба за выживание объединяла тюркские племена на громадной территории и сплачивала их в единый этнический организм.

В Великой Степи первоначально господствовала власть, основанная на традициях, обычаях, авторитете правящей элиты. Уже со времен Тюркского каганата начался переход к авторитарной власти. В период джунгарского нашествия происходило слияние двух форм правления. Установилась своеобразная степная демократия, где наряду с сильной властью ханов (чингизидов) возросло влияние биев, батыров, выходцев из народа. Во всех этих государствах существовала система набора воинов, правовые порядки, регулирующие отношения господства и подчинения.

³ См.: Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 17.

В X в. функционировала система регулярных налоговых сборов и ханские сборщики имели специальные конные отряды. Позднее, подобно «Салической правде», «Русской правде», у казахов утвердился кодекс «Жеті Жарғы».

Совершенно прав исследователь А. Кузембай улы, когда он считает, что «традиционно казахское государство было основано на двойной структуре власти. Законодательная власть всецело принадлежала собранию наиболее авторитетных в народе родоправителей, исполнительная власть осуществлялась избранными этим собранием ханами. Ханы обычно избирались из числа представителей закрытых элит: торе — в казахском ханстве, ильбори и уран — в кипчакских государствах. Иногда роль собрания резко падала, как это было в ногайском государстве, где власть целиком принадлежала замкнутому сословию биев — потомков Едиге»⁴.

Как видно, в государствах, возникших на территории Казахстана, племена которых впоследствии составили основу казахского народа, утверждалась своеобразная политическая система власти, которая была характерна в целом для кочевой цивилизации, сочетавшейся с культурой оседлых земледельцев. Она представляла собой симбиоз авторитарно-аристократической власти, вобравшей в себя элементы военно-аристократической степной демократии.

Не подлежит сомнению, что казахскому обществу, как в период раннего феодализма, так и средневековья, были присущи в целом одни и те же закономерности становления и развития государственности, характерной для цивилизации кочевников, в сочетании с элементами городской культуры в ареале Великого Шелкового пути. Государственные структуры выполняли функции защиты страны, завоевания новых земель, установления добрососедских отношений с сопредельными странами, защищали привилегии господствующих классов. Вместе с тем они внесли национально особенное во властные структуры — в десятичную систему управления страной и армией, в формирование степной элиты, свободной от религиозного фанатизма и абсолютизации власти, в единство связей на громадной территории империи и т. д.

Отсутствие в казахском обществе монархии, парламентаризма и других классических форм правления не дает основания утверждать о примитивности в нем государственного начала, сомневаться в зрелости цивилизации, к которой принадлежат многие народы Евразии.

*Опубликовано в журнале «Мысль».
Алматы, 1994. № 1. С. 77–80; № 2. С. 83–86.*

⁴ Кузембайулы А. История дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1992. С. 49–50.

СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ УРОКИ

Мы в условиях суверенного развития часто говорили о цивилизации, о других цивилизованных народах и обществах.

Имеет ли сам казахский этнос отношение к цивилизации или является этносом, прошедшим только такие этапы эволюционного развития, как дикость и варварство? Или же он возрождает прерванную былую цивилизацию в новых условиях?

Ответ на этот вопрос для нашей отечественной истории имеет методологическое значение.

При социализме предпочтение отдавалось формационному подходу к истории, что способствовало ее идеологизации. История Отечества в значительной мере отгораживалась от истории цивилизации в целом.

Концепцию развития человечества по замкнутым культурно-историческим цивилизациям, историко-культурным общностям взаимодействующих этносов и государств разделяют многие ученые мира.

Авторы монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» дали следующие определения цивилизации: «Цивилизация, по нашему мнению, представляет собой исторически сложившееся единство материальной и духовной культуры, продукт весьма длительного существования более или менее стабильной этнодемографической общности. Конкретная этнодемографическая и социокультурная общность такого рода может включать один или несколько крупных этносов (народов), территориальные границы ее расселения могут довольно сильно колебаться, расширяясь или сжимаясь, однако во всех случаях можно говорить об известном ядре цивилизации, идет ли речь о культуре в широком смысле слова, о народонаселении, которое воспроизводит себя как этносоциальная и демографическая макросистема, или о территории, создающей пространственный контур данной цивилизации».

По А. Тойнби, «цивилизации представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа». Так или иначе под цивилизацией исследователи признают эволюционную, автономную линию исторического и культурного бытия взаимодействующих этносов и государств.

На протяжении XIX и XX вв. в литературе дебатировался вопрос о принадлежности кочевых народов к цивилизации. Многие исследователи Запада — евроцентристы полагают, что кочевники были «рабами степи», «вечными

узниками климатического и вегетационного годового цикла», что они «утратили связь с миром». А. Тойнби однозначно утверждает, что, «несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории». Следует отметить, что подобный стереотип восприятия занимает место и в наши дни, причем в самых причудливых формах — о казахах, поголовно пасущих до сих пор только баранов (А. И. Солженицын).

Против такой постановки вопроса выступили Ч. Ч. Валиханов, академик В. Бартольд, А. Маргулан, Е. Бекмаханов и др.

Дж. Неру в своих размышлениях об истории всего человечества, говоря о монголах, писал, что «многие думают, что они были кочевниками, они должны быть варварами, но это ошибочное представление».

Востоковеды среди важнейших признаков кочевой цивилизации выделяли такие признаки, как государственность, монументальная архитектура погребальных сооружений, поселения городского типа, письменность и искусство, регулярные торговые связи, единая идеология, единый культ и религия, эпос.

Л. Н. Гумилев в своих исследованиях однозначно пришел к выводу о существовании кочевой цивилизации народов Евразии, которая за 3000 лет прошла творческую эволюцию.

Интерес к тюркам был обусловлен тем, что, оказавшись на пересечении четырех сторон света, в Срединной Азии, они сыграли роль посредника, медиатора с Византией, Персией и Индией, Китаем; в совокупности Востока и Запада. И вместе с тем они сумели сохранить свой неповторимый жизненный уклад и непохожесть кочевой культуры, на равных соперничающей с европейским и восточным образом жизни. Высокая жизнеспособность общества, выразившаяся в сложных формах общественного устройства и социальных институтах тюрков (эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, наконец, жизненная философия в целом), явилась той идеальной основой, на которой стройно выстроилась гумилевская теория пассионарности.

Одновременно за Л. Н. Гумилевым академик АН СССР А. П. Окладников открыл по материалам археологических раскопок цивилизацию тюркских народов Сибири. «Древняя тюркская Сибирь, — писал А. П. Окладников, — оказалась теснее связанной с Западом, чем с Востоком. Ее культура намного богаче и ярче, чем можно было полагать ранее».

Вопреки историческим фактам социологи продолжают твердить об отсталости Азии. В. И. Ленин на заре Советской власти говорил, что на территории Западной Сибири и Северного Казахстана «царит дикость и самая настоящая дикость». Немецкий социолог Освальд Шпенглер в своей работе «Закат Европы» провел классификацию всех обществ, просуществовавших в истории, выделил 8 цивилизаций: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская, западно-европейская и культура майя.

А. Тойнби в своей книге «Постижение истории», посвященной проблемам цивилизации, количество цивилизованных обществ увеличил до двадцати одного и, естественно, среди них нет народов Центральной Азии.

Пренебрежительное отношение к Азии имеет место и в наши дни. В статье «Чем больше помнишь, тем больше» видный русский писатель Виктор Астафьев на днях писал: «...я думаю, что фашизм у нашего народа поддержку не получит. Слово «азиат» еще со времен Поля Куликова у нас ругательное, так и «фашист» еще очень долго будет ругательным словом».

В этих условиях проблема о созидательной роли азиатов, в том числе казахов, в данном контексте цивилизации имеет далеко не праздный интерес.

Великий сын Азии Дж. Неру в своем трехтомнике «Взгляд на всемирную историю» был вынужден более резко высказать свою позицию по этому вопросу: «Взглянем как следует на Европу и Азию. Открыв атлас, ты увидишь маленькую Европу, примыкающую к великому Азиатскому континенту. Она кажется лишь его небольшим продолжением... в течение длительных периодов, на протяжении значительных отрезков времени доминировала Азия. Ее народы, наступая волна за волной, завоевывали Европу. Они опустошали Европу — и они цивилизовали Европу. Арийцы, скифы, гунны, арабы, монголы, турки — все они, выйдя из какой-либо местности в Азии, расселялись по всей Азии и Европе. Азия, казалось, плодила их в огромном количестве, подобно саранче. Европа долгое время была чем-то вроде колонии для Азии, многие народы современной Европы ведут свое происхождение от этих захватчиков из Азии. Мы хорошо знаем, что Европа, хотя это и самая малая часть света, сегодня является великой».

Но столь же глупо забывать о величии Азии. Мы несколько склонны увлекаться блеском Европы и забывать о прошлом. Следует помнить, что именно Азия дала великих идейных вождей, которые, возможно, оказали на мир большее влияние, чем кто-либо другой или что-либо другое, где бы то ни было. Азия дала великих основателей главных религий. Христос, Мухаммед, великие китайские философы Конфуций и Лао-цзы — можно было бы заполнить целые страницы именами великих мыслителей Азии. Можно заполнить также целые страницы именами великих деятелей Азии. «Я мог бы показать тебе, насколько великим и жизнеспособным и во многих других отношениях был наш древний континент в прошлом», — писал он.

А. Тойнби справедливо считает, что «природная среда может быть причиной зарождения таких типов цивилизации, как «речная» — египетская, шумерская и, возможно, индуистская; «нагорная» — андская, хеттская, мексиканская; «архипелагского» типа — минойская, эллинская и дальневосточная в Японии; «континентального» — китайская, индская и православно-христианская в России; «лесного» типа — цивилизация майя».

К цивилизации континентального типа принадлежит и цивилизация, утвердившаяся от Алтая до Дуная в дашт-и-кипчакской степи. В литературе она известна как тюркская цивилизация.

Иные исследования абсолютизируют понятие «степь». На самом деле дешт-и-кипчакская степь являлась речной, нагорной, континентальной одновременно.

Природные условия Великой Степи с ее реками (Енисей, Керулен, Онон, Иртыш, Едиль, Жаик, Дон), горами (Алтай, Улытау, Каратау, Мугоджары, Алатау и т. д.), с ее разнообразием растительного покрова, с богатейшим животным миром вполне могли обеспечить эволюционное развитие этносов и государств. Достаточно сказать, что на территории современного Казахстана мы имеем около 45 тыс. названий рек, 85 тыс. — озер.

Противники причастности кочевников к цивилизации полагают, что «варвары абсолютно не способны создать устойчивые, длительные социальные и политические институты».

Создание устойчивых, длительных социальных и политических институтов доказывается всей историей древних и средневековых государственных образований (государств), складывавшихся в Евразии, в частности на территории Казахстана и соседних регионов. Эти государства — Западно-Тюркский, Тюркешский и Карлукский каганаты, государства огузов, караханидов, кыпчаков, ханства найманов и киреев, монгольские улусы (Золотая Орда), затем государства, возникшие на их развалинах, на местной этнической основе, такие, как Ак-Орда, Кок-Орда, Могулистан, Мангытская (или Ногайская) Орда и, наконец, Казахское ханство.

Как и Казахское ханство в течение столетий, все эти государства существовали в системе постоянного взаимодействия кочевой, скотоводческой и оседло-земледельческой и городской культуры, в системе смешанной, а не чисто кочевой цивилизации.

По подсчетам О. Г. Большакова, в X—XII вв. городское население в Средней Азии, в том числе в южных районах Казахстана, составляло 20—25% общего числа жителей.

На территории Великой Степи возникли государственные образования — племенные союзы, каганаты значительно раньше, чем в Европе.

В VI в. возник Тюркский каганат. Тюркский каганат явился колыбелью тюркских народов.

В древнетюркскую эпоху возникли этнополитические объединения, ставшие прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных наций, тогда же поднялась на новую ступень духовная культура тюрков — возникла письменность, древнетюркская литература, тюркские племена впервые приобщились к великим религиям того времени — буддизму, манихейству, христианству, исламу, широко освоили достижения иных цивилизаций. В условиях кочевого и полукочевого быта, а иногда после перехода к оседлой и городской жизни, была создана новая, своеобразная и самобытная культура, занявшая достойное место в мировой культуре того времени.

Все эти процессы нельзя расчленить на «истории» отдельных племен и народов Центральной Азии и совместить их исключительно с прошлым

какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы Евразии, так же, как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полное исчезновение первых — древние племена сохранились во вновь возникших этнических и политических структурах часто под другими названиями и формировали новые народы, претерпевшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Единство и преемственность в истории и культуре евразийских степей, возникшие в глубокой древности, не исчезли, а лишь окрасились в новые этнические цвета с наступлением древнетюркской эпохи.

Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации в эпоху Тюркского каганата стало основой для создания последующих государственных образований тюрков на территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточного Туркестана, Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа.

В течение первого тысячелетия н. э. в Центральной Азии в рамках тюркской государственности происходило формирование культурных традиций, связанных с основными четырьмя группировками тюркоязычных племен — собственно тюркской, огузской, кыргызской и кипчакской, которые консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов.

Известный востоковед С. Г. Кляшторный всесторонне изучил Тюркский каганат. По его мнению, «можно утверждать, что в результате культурного прорыва конца VI в. началось формирование древнетюркских племен». Здесь С. Кляшторный берет исходным началом Тюркский каганат. На наш взгляд, исходным рубежом является Усунское государство (V в. до н. э.), где были все признаки эволюционного творческого развития (система государственного правления, письменность, искусство звериного стиля, регулярная армия, развитая дипломатия и т. д.), т. е. древней цивилизации (Иссыкский курган); С. Кляшторный на целое тысячелетие отодвигает степную цивилизацию.

Тюрки накопили огромный опыт в государственной организации, административной, финансовой, податной системах. Этот опыт послужил строительным лесом для государственности и великодержавия монголов, России, многих стран.

Еще более совершенным становилась государственность тюрков, когда на арену истории вышел кипчакский народ.

Востоковеды СССР в свое время доказали, что средневековая эпоха сформировала по меньшей мере семь устойчивых историко-культурных регионов: европейский, арабо-исламский (в Северной Африке и на Ближнем Востоке), средневосточный, южноазиатский, центральноазиатский, дальневосточный и юго-восточноазиатский.

Так, Н. И. Конрад справедливо считает, что на первом этапе взаимоотношений культур доминировали культуры и языки старых народов (китайский

санскрит, персидский, арамейский, коптский, греческий, латинский); на втором этапе, когда появилась новая средневековая литература, культуротворческое лидерство начало быстро переходить к молодым народам, создавшим новописьменные языки и литературы.

В VII—VIII вв., по мнению Н. И. Конрада, начинается формирование важнейших для средневековья литератур: японской, новых индийских, новых тюркских, новых иранских, арабской, армянской, грузинской, славянских, романских, германских. Появление этих литератур приводит в одних случаях к изменению старых культурно-исторических зон, других — к сложению особых регионов..., что влечет за собой последствия огромной общеисторической важности: решительное расширение границ цивилизованного мира и образование тем самым гораздо более обширной арены всемирной литературы.

Таким образом, расширение границ цивилизованного тюркского мира, образование тюркской литературы относится к периоду Тюркского каганата.

А. Тойнби отмечает, что если возраст человечества равняется приблизительно 300 тыс. лет, то возраст цивилизации, отождествляемый до сих пор с динамическим развитием эволюционного типа, равен меньше, чем 2% данного отрезка. Со времени появления ранних цивилизаций до наших дней прошло менее 6 тыс. лет. Степная конно-кочевая цивилизация, на наш взгляд, начала свой ускоренный бег с V в. до н. э., является сравнительно молодой. Ее ядром является, вне сомнения, казахский этнос.

Отсутствие в казахском обществе монархии, парламентаризма и других классических форм правления не дает основания утверждать о примитивности в нем государственного начала, брать под сомнение зрелость цивилизации, к которой принадлежат многие народы Евразии.

Номадология, как справедливо отмечают исследователи, разделяет кочевников на ранних (скифы, саки, массагеты, гунны, сарматы), «классических» (монголы и тюрки) и поздних (казахи и др.).

Итак, была ли в евразийских степях цивилизация, что она дала человечеству?

1. Степная цивилизация была узловым, связующим звеном Востока с Западом.

2. Степняк в конце IV тысячелетия до нашей эры приручил коня.

3. Кочевники создали тенгрианскую религию; совершенно права А. Табышалиева, когда она полагает, что «Туркестану выпала судьба великого перепутья народов и их верований». Нет ничего удивительного в том, что именно здесь скрестились все и основополагающие идеи древних и современных религий — шаманизма, тенгрианства, зороастризма, буддизма, христианства, манихейства, ислама и местных культов. Все они оставались одной из основ духовной жизни людей, придавая особое звучание мировым религиям в Великой Степи.

Прав Ч. Ч. Валиханов, раскрывший устойчивость и пластичность тенгрианства, органически слившегося с исламом.

4. Степная цивилизация дала миру трансконтинентальную торговую магистраль — Великий Шелковый путь, синтезировала культуру Степь — Город.

5. Степная цивилизация создала богатейшее искусство звериного стиля.

6. Она создала древнейший центр металлургии, только в VI—V вв. до нашей эры в районе Жезказгана было извлечено около 1 млн тонн медной руды, из которой выплавляли бронзу.

7. Степная цивилизация дала миру систему государственного управления на громадной территории империи. Она прошла апробацию в Тюркском каганате, государстве кипчаков, Монгольском улусе, Казахском ханстве. Прав исследователь М. И. Иванин, когда он утверждает, что под влиянием монгольской системы государственности выковались государственность и великодержавие Золотой Орды и Московской Руси. В результате системы правления монголов внедрялись такие элементы Московской государственности, как самодержавие (ханат), централизм, крепостничество, сооружались почтовые тракты, установилась ямская повинность населения, была проведена общая перепись населения, введено однообразие военно-административного устройства, податное обложение по принятой у них десятичной системе, русская монета — серебряный рубль, разделенный на 216 копеек.

Исследователь доктор Эрежен Хара-Даван пришел к выводу, что «Монгольское владычество... объединило все русские области и «самостийные» города в одно целое и дало возможность Московскому княжеству превратиться в Великое Государство Московское».

Прав Дж. Неру, когда он утверждает, что «уже скифы и гунны, тюрки и татары, все они пришли из Центральной Азии и сыграли значительную роль в истории...».

8. Степная цивилизация дала миру архитектуру погребальных сооружений, выдающиеся памятники с руническими надписями, богатейший эпос, не уступающий творениям Гомера.

9. Казахский этнос дал миру систему сохранения генофонда нации, воспитания молодого поколения, а сфера духовной жизни казахов, по определению Ч. Ч. Валиханова, «в совокупности составляет «нечто целое», имеет общен историческое значение.

10. Степная цивилизация дала миру свой алфавит. Известно по археологическим находкам, что древнетюркский рунический алфавит существовал до VIII в. н. э. Например, в Исыкском письме (V в. до н. э.) есть 17 букв древнетюркского рунического алфавита. Из них 13 букв соответствуют древнетюркским руническим знакам. Лишь 4 знака отличаются по своеобразной вариантности («Ана тілі». 1993. № 47-49; 1995. № 38).

Среди многочисленных древнетюркских памятников особое внимание ученые обратили на три больших памятника с руническими надписями: Кюльтегина, Бильге Кагана, Тонью Кука. В этих памятниках рассказывается о создании тюркской империи, отстоявшей свое существование в 47 походах, 20 сражениях, об упрочении союза племен, усилении ханской власти. «Да не погибнет имя и слава тюркского народа!», — гласит надпись Кюльтегина.

В этих бесценных источниках названы киргизы, тогуз-огузы, карлуки, тангуты, телесы, тюргеши, огуз-татары, китайцы, тибетцы, воссоздается история региона, государственности тюрков VI–XIII вв.

11. В мировую сокровищницу вошли произведения великих мыслителей Востока, государственных деятелей, в том числе казахского этноса.

Каковы уроки Степной цивилизации?

1. Казахи, став реальными правосубъектами национальной государственности, должны знать однозначно, что они являются одним из древних народов Евразии, преемниками историко-культурного наследия всех Евразийских просторов, что казах наравне с другими просвещенными народами мира – дитя нашей цивилизации.

2. Исторический опыт учит этносы и государства, составляющие в совокупности Степную цивилизацию, всегда помнить свое геополитическое положение.

3. Евразийский суперэтнос представляет собой сложную, но неделимую структуру, который за исторически обозримый период трижды объединялся: Тюркский каганат, Монгольский улус и Российская империя, позже Советский Союз. С той же исторической ретроспекцией Гумилев доказал, что для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Однако Л. Гумилев забывает о том, что всегда, когда нарушался принцип первичности прав каждого народа на определенный образ жизни, осуществлялась попытка подвести народы под единую модель развития, то союзы неминуемо распадались и субконтинент впадал в бездну смутного времени.

4. За более чем два с половиной тысячелетия существования цивилизованных систем на территории Казахстана народы, ее населяющие, претерпели не только антропогенные и технологические трансформации, но и не прекращающийся рост видоизменения форм политической организации общества. Однако со времен древнетюркского памятника Кюльтегина в народной памяти устойчиво сохраняется сумма символических представлений, служащих для установления фактора принадлежности к единой общности и укрепления ее внутренней сплоченности. Таким образом, проблема тюркской единой общности обязывает не в ущерб другим народам быть последовательными в укреплении внутренней сплоченности тюркского мира.

5. В менталитете казахского народа в силу того, что на его исконных землях постоянно проживали иноэтнические группы, всегда был силен элемент толерантного отношения к проблемам межэтнических противоречий. Уже издревле, со времен Великого Шелкового пути, в казахах заложен принцип добросовестного отношения, уважения к культурам и обычаям иных народов. Для казахского менталитета чужды чувства расизма и национального превосходства. В истории казахского народа нет примеров ведения религиозных войн, следовательно, ему также присуща религиозная терпимость.

Во всем ощущалась казахская отличительная особенность и другие народы, сумевшие ее синтезировать, находили себе вполне комфортное существование в космосе казахской культуры.

6. В условиях политической среды обитания у нас сформировалась уникальная по своей сути, содержанию и форме культура. По своим коррекционным возможностям культура народов Казахстана может в дальнейшем занять достойное место в общемировой культуре. Ведь именно у нас, тесно переплетаясь, взаимовлияя и взаимообогащаясь, существуют элементы европейской и азиатской культур. Не случайно в Программе развития до 2030 г. предусмотрено возрождение казахской культуры, дальнейшее развитие культур всех этносов страны во всем многообразии и уникальности.

7. Казахский этнос как объединяющее начало народов Казахстана — один из преемников историко-культурного наследия Степной цивилизации в ответе за монолитность народов Казахстана, за мир и безопасность на евразийских просторах, за поступательное динамичное развитие Республики Казахстан, за претворение в жизнь дальнесрочной стратегической Программы-2030, в результате которой он станет в один ряд с развитыми государствами и народами мира.

*Опубликовано в газете
«Столичное обозрение» 29 мая 1998 года.*

ОПРЕДЕЛИТЬ МЕСТО КАЗАХОВ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Недавно увидела свет работа академика М. К. Козыбаева «Память истории» в двух книгах. В ней — осмысление цивилизационных подходов к истории, предупреждение — мы часть человечества и его истории, и еще очень много интересных идей, мыслей, фактов. Наш корреспондент встретился с патриархом казахстанских историков.

— За годы независимости в Казахстане необычайно возрос интерес к истории. И это понятно — мы возвращаемся к своим истокам. Ищем — кто мы — казахи, откуда мы родом? Как жили и творили наши предки? Осознаем — что было с нами в составе Российской империи, что было с нами в составе Советского государства...

Помните? В 1991 году мы отмечали юбилей Абылай-хана. Потом Бухар-жырау, а затем многих выдающихся батыров-организаторов Великой Отечественной войны против джунгар. Война эта длилась долго, триста с лишним лет. И в исторической памяти народа сохранились эти имена. Потом были юбилеи Абая, Жамбыла, Мухтара Ауэзова. Теперь предстоит юбилей Каныша Сатпаева, Мирзы Мухаммед Хайдар Дуглати. Потом череда юбилеев наших старейших городов.

— А не заговаривает, не забывает ли истинную историю народа юбилейная суэта? Ведь любой юбилей — жестокая штука, требующая только героизма и положительных знаков. А время и люди — это не пасхальные яйца Фаберже. Герои ошибались, а время крало жизни и воспитывало беспамятство...

— Это особый разговор. Что касается последних лет, то они по-существу стали годами восстановления исторической памяти народа.

Целый год мы посвятили памяти жертв политических репрессий...

А параллельно с этими событиями — особенно в последний год ученые-историки были в поиске и во многом преуспели.

— А как в целом Вы оцениваете состояние исторической науки Казахстана?

— На бывшем постсоветском пространстве после России, где работают большие силы и действуют ряд исторических институтов (в большинстве своем это бывшие учреждения АН СССР), мы единственная страна, которая так упорно восстанавливает историческую правду. Правду, которая была не в моде в те времена.

— Кто же был законодателем исторической моды?

— Джавахарлал Неру очень точно ответил на этот вопрос. Не мы — колониальные народы писали истории своих стран. За нас писали. Причем нередко

заинтересованные люди. Тот же патриарх, наш Геродот — Левшин, он ведь тоже состоял на службе у царской империи, был чиновником колониального аппарата. Те же выдающиеся русские востоковеды. Они изучали районы будущих экспансий.

Семенов-Тянь-Шаньский возглавил Русское географическое общество, а председателем этого общества был царь. Вспомним, что в покои царя был доступ у глав военного ведомства, военной разведки и... Русского географического общества. То есть Русское географическое общество служило интересам империи. Никто их сегодня не обвиняет. У них была святая миссия. Они от Балтики до Ледовитого океана, от моря до моря, от Урала до Охотского моря это огромное пространство прошли за 55 лет. Охватили огромную часть нашей огромной планеты. И, конечно, имея задачу — создать сверхимперию, государство заботилось не только о географах, но и об историках. Была поставлена на службу историческая наука России.

Отдавая дань великим русским востоковедам, которые немало сделали для создания нашей истории, мы все же должны честно признаться: наша история подчинялась истории российской. Она была ее составной частью. Часть истории империи. Мы были как — и об этом писали в начале столетия совершенно откровенно — туземцы. Как негры в Африке... И в этих условиях история подгонялась под общую имперскую концепцию.

В то же время было три опоры государства: самодержавие, православие и единая неделимая Россия. В советское время постулаты видоизменялись. Был великий и нерушимый Союз. Была диктатура пролетариата и диктатура партии. И вместо православия — всепобеждающее учение марксизма-ленинизма. И все наши духовные начала были подчинены этим трем постулатам.

— **А разве не им же служили историки вашего времени?**

— Мы не были исключением. И не стали святыми. Просто мы все вышли из этой шинели.

После XX съезда партии, когда обозначились некоторые послабления, вернее, оттепель, во вторую волну при Горбачеве, когда началась демократизация всей жизни, историки начали пересматривать концепции и избавляться от анахронизмов. Вот тогда и начался в некоторой степени поход в историю.

С обретением независимости, которую некоторые называют парадом суверенитетов, наши возможности увеличились. Историки обрели общегосударственную поддержку. Наш президент Назарбаев Нурсултан Абишевич оказался человеком мыслящим и стал уделять истории большое внимание.

— **Что, естественно, стимулировало поиск, осмысление и соперничество. Что удалось нового открыть, старого переосмыслить?**

— Главное — начался период возрождения истории. Мы первые на территории экс-Союза осмелились на проведение международных конференций с пересмотром сложившихся концепций при Советах. Имею в виду такую тему, как присоединение Казахстана к России, в частности, и присоединение окраин, в целом. Затем вместе с московским институтом мы провели конференцию по истории коллективизации.

— И взяли под сомнение историю коллективизации. Вам не было тогда страшно?

— Но тогда еще не употреблялись термины силовая коллективизация, насильственная. Все это появилось чуть позже. Чуть позже историки стали говорить не о каких-то ошибках, а о целой системе, «новой» модели модернизации страны, в угоду которой принесены в жертву целые народы.

Потом появились и более жесткие оценки — геноцид, этноцид. Стали говорить о демографической катастрофе целых народов.

— Термин «белые пятна истории» появился именно в этот период? Мы не избавились от пятнистого оленя истории?

— Мы начали эту работу в начале 80-х. Разработали программу по ликвидации белых пятен истории. Сегодня издан ряд сборников документальных источников, что создало документальную основу и в конечном счете все работы открыли возможность создания обобщающих работ по крупным полотнам. Например, по истории национально-освободительного движения, по истории коллективизации сельского хозяйства и аграрных преобразований большевизма, по истории этноцида, истории Алаш.

— Над чем работают ученые-историки сейчас?

— Над многотомной историей Казахстана. Первый и второй тома уже вышли. Сейчас готовится к изданию второй том на казахском языке. Усиленно работаем над третьим томом, на подходе четвертый, пятый. Замечу, что на постсоветском пространстве это первый опыт создания обобщающей работы. Завершена работа над военной историей. Она сегодня в редакции. Недавно моя статья о необходимости военной реформы была опубликована в республиканской газете.

— И это показалось для меня весьма странным. Ведь вы гражданский историк, с одной стороны. С другой, как историк, вы анализируете и препарируете прошлое. В статье же вы попытались смоделировать будущее.

— В Казахстане сейчас вырабатывается новая идеология как система идей и духовных ценностей. В качестве общенациональной идеи, которая должна обеспечить нормальное функционирование нашего общества, выдвинуты идея упрочения гражданского мира и межнационального согласия, идея национального и общенационального, общеказахстанского патриотизма. При этом, на наш взгляд, следует шире и глубже исследовать истоки казахского и национального патриотизма. Этот аспект важен потому, что казахский народ несет особую ответственность за формирование общенациональной идеи упрочения гражданского мира и межнационального согласия.

В Ордабасы Глава государства говорил: «Отныне у нас всех единая колыбель, общая Родина — казахская степь. Отныне мы не должны обособляться, делиться, коситься друг на друга: где бы мы не были, где бы не родились, у нас одни желания, одна цель, общие радости и горести... Казахский народ ныне обязан быть объединяющим началом всех народов, населяющих Казахстан. На пути к этой цели необходимо сплотить в одну общую семью все народы республики, объединить все усилия для ее достижения. Мы обязаны

ради нашего будущего, ради благополучия наших внуков жить в мире и согласии».

Что же нужно для формирования общекзахстанского патриотизма? Выбатывать у граждан и, конечно же, у воинов сознание принадлежности к единому Отечеству, воспитывать у них чувство патриотического долга, ответственности за укрепление экономической, духовной и военной мощи страны, защиту ее интересов, прививать им непримиримость к национализму, шовинизму, экстремизму, сепаратизму.

— Слышала от очень уважаемого человека, что сегодня наши историки подготовили весьма оригинальный труд по истории Казахстана на английском языке. Чем вызвана такая необходимость?

— Да, труд весьма необычен. Мы не констатируем историю, а даем по крупным блокам — этногенез, история государственности, национально-освободительные движения, история Казахстана в составе Российской империи и Советского Союза... Все это в наборе, все это будет оригинально иллюстрировано.

Еще мы создали историко-этнографический очерк «Казахи», который по примеру двухтомника академика Гафурова «Таджики» был начат еще в советское время. Конечно, с высот сегодняшнего времени это не шедевр.

— В последнее время в стране пошла волна общественного интереса к генеалогии. Многие задаются вопросом — кто я? Откуда родом? И здесь от великого до смешного один шаг. С кем не поговори — дальний (или близкий) родственник батыра. Не наступило ли время расставить все (или всех) по своим местам?

— Да, интерес к генеалогии и этимологии в последние 10 лет огромен. Поиск и осознание себя как части рода, жуза в период обретения независимости вполне оправдан, но... Порой происходят странные вещи, если не сказать огромные искажения, где верховенствует жузовская идеология. Поэтому, чтобы предотвратить подобные вещи, мы создали историко-методологическую основу казахской этимологии. Работа в основном завершена и будет издана издательством «Атамура».

— В последнее время появился ряд интересных и новаторских работ по истории. Но... Общество и казахи сами много узнали нового о своем прошлом. А если взять шире, в разрезе общечеловеческой цивилизации?

— В июне, ориентировочно в третьей декаде, состоится сессия Академии наук, посвященная проблемам отечественной истории. Будет выступать сам Президент. От имени историков предполагается и мой доклад. На сессию приглашены историки из-за рубежа.

Если быть точным, то тема иностранных участников сессии обозначена как «Роль и место Казахстана в истории мировой цивилизации». Свое видение представят историки США, американского континента и старого света. Предполагаем, что российские коллеги будут активными участниками сессии. Среди них академики А. Сахаров, А. Деревянко. Приглашены и выдающийся историк Китая Су Бэйхай, профессор из Японии Ито Шуичи...

Если же говорить о сути вопроса, то наши зарубежные коллеги, изучающие историю цивилизации, полагают — было восемь цивилизаций. Английский историк Арнольд Тойнби считает, что была 21 цивилизация. Но ни в одной цивилизации мы, казахи, не принимаем участия. Получается, что мы вне цивилизации, вне истории. Поэтому, естественно, мы хотим определить свое место в мировой истории и истории мировой цивилизации.

Впервые за более чем полувековую историю казахстанская академия ставит на повестку дня проблему отечественной истории.

— Помимо этого глобального события, что еще ожидает общественность страны и любителей истории?

— Ожидают не менее интересные конференции. Одна из них пройдет в Таразе и посвящена истории древней цивилизации. Вторая — в Жезказгане — рассмотрит средневековую историю казахов. Активно идет подготовка к конференции по тюркскому миру. А в Акмоле мы обсудим проблемы современности и евразийства, проблемы суверенного Казахстана на международной конференции.

Впервые в нашей стране начнется фронтальное этнокультурное обследование. Во все области выедут наши этнологи, фольклористы.

— А есть ли что собирать и сохранять? Не опоздали ли ученые?

— Мы знаем каким был народ к началу XX века. Теперь мы хотим примерно представить с чем мы идем в XXI век. Что из себя представляет современная казахская нация, современный Казахстан. Конечно, цивилизация — вещь коварная. Развитие, хотя и было эволюционным, но...

XX век был веком революций, огромных разрушений всего и вся. Мы многое потеряли. И надо выяснить — что мы потеряли.

— Манаш Кабашевич, спасибо за беседу. Редакция надеется, что вы станете нашим постоянным собеседником и автором. Мы рассчитываем на ваши статьи.

— Договорились... За мной статья о цивилизационном подходе к истории казахов. Мы считаем, что цивилизация — Степная и простирается она от Алтая до Дуная. Это еще А. Окладников сказал. И началась она с Тюркского каганата...

Вторая статья — еще раз о присоединении Казахстана к России...

— Ждем. И объявляем эти темы для наших читателей.

*Опубликовано в газете «Столичное обозрение»
3 апреля 1998 года.*

**«ТАРИХ-И РАШИДИ»
МИРЗЫ МУХАММАД ХАЙДАР ДУГЛАТА –
ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат (1499/1500–1551) как историк, как сын земли и летописец принадлежит казахскому народу. Ч. Ч. Валиханов, а вслед за ним академик А. Х. Маргулан справедливо считали его первым отечественным историком. Талантливый русский исследователь Сергей Константинович Богоявленский как-то отмечал: «Я позволю себе пожелать, чтобы мы, заинтересовавшись местной историей и культивируя местный патриотизм, не доводили бы его до сепаратизма, чтобы мы, напротив, любя свой родной край и посвящая свои силы изысканию прошлых его судеб, любили также и родину в ее целом, в ее высшем и общем понятии и не упускали бы мысли о ее благоденствии, величии и славе»¹. Думается, что Мухаммад Хайдар Дуглат в широком смысле слова является историком широкого профиля, всей Центральной Азии, Востока. В этом ключе он принадлежит всему Востоку, всему человечеству.

Труд «Тарих-и Рашиди», прославивший автора на века, является одновременно выдающимся памятником литературы, историческим источником. Прав был В. П. Юдин, когда писал, что «Тарих-и Рашиди» – один из основных первоисточников по истории казахского народа. Начиная со времени В. В. Вельяминова-Зернова, почти полностью привлечшего в своем исследовании известия «Тарих-и Рашиди» о казахах², ни один исследователь истории казахского народа не проходит мимо этого сочинения³.

Образцы культурно-исторических, текстологических изысканий этого труда показал Ч. Ч. Валиханов. Он определил, что первая часть труда является историей отрасли джагатаидов, происшедшей от Тугулук Тимур-хана. «Вторая часть, – писал Ч. Ч. Валиханов, – содержит обстоятельства (из жизни) самого автора: то, что слышал, видел о ханах и султанах джагатайских, об узбеках и о неприятностях, которые имел он от своих родственников-ханов»⁴. По мнению Ч. Ч. Валиханова, работа Мухаммада Садыка Кашгари «Тазкира-и Ходжаган», являющаяся сокращенной редакцией его труда «Тазкира-и

¹ Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 6.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2.

³ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969. С. 190.

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. IV. С. 15.

Азизан» (жизнеописание святых), как бы служит продолжением «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара. Ч. Ч. Валиханов составил генеалогические таблицы по «Тарих-и Рашиди», схематическую карту Моголистана, установил, на основании каких источников летопись написана, провел сравнительный анализ рукописи источника из Кашгарского перевода с персидским оригиналом «Тарих-и Рашиди», тем самым придав этому оригинальному источнику значение не только как памятнику литературы, а, прежде всего, как историческому источнику.

Продолжая анализ Ч. Ч. Валиханова, я бы квалифицировал первую часть источника как летописный свод, написанный по образцу «Зафар-наме». Вторая же часть во многом напоминает аналитический трактат о событиях, участником которого были он и его ближайшее окружение. Несмотря на то, что между историей джагатаева улуса и историей моголистанской элиты первой половины XVI в., которую представлял сам автор и его окружение, проходил определенный водораздел, «Тарих-и Рашиди» является органически цельным произведением, написанным в едином ключе.

Труд «Тарих-и Рашиди» Мухаммад Хайдар Дуглата составил эпоху в интеллектуальной жизни народов Центральной Азии и способствовал размышлениям над отечественной историей последующих поколений. «Тарих-и Рашиди» открывается размышлением о значении истории как науки. Он пишет: «Одна треть всех мыслей (этого) писания, а «к нему прикасаются только чистые» (по выражению Корана), посвящена рассмотрению истории предшественников. И это есть очевиднейшее доказательство превосходства науки (истории). Все люди соглашались относительно полезности этой науки. Большинство народов, более того, все люди вселенной изучают эту науку. Они повествуют и рассказывают о своих предшественниках, используя ее (т. е. историю) как доказательство, и опираются на нее. Например, все тюрки во всех своих писаниях, при совершении всех важных дел, более того, в большей части своих обычных бесед обосновывают свои слова (ссылкой на) рассказы и повествования своих предшественников.

Вот почему я, ничтожнейший из ничтожных рабов Аллаха, на которые он ниспосылает свои благодеяния, Мухаммад Хайдар ибн Мухаммад Хусейнгу-реккан, известный среди людей под именем Мухаммад Хайдар, несмотря на отсутствие способности и недостаток умения, приступаю, в силу необходимости, к этому благородному делу».

Завершая повествование первого дафтара, ученый вновь отмечает, что «целью этой (книги) является не заявление о своих достоинствах, а (написание) воспоминаний для того, чтобы имена предшественников (нынешних) могольских хакафов не исчезли полностью со страниц времени и, чтобы могольские хаканы, если у них появится надобность узнать свою родословную или историю своих предков, могли выяснить это здесь (в «Тарих-и Рашиди»)».

Таким образом, Мухаммад Хайдар Дуглат отмечает, что история — наставница жизни, подчеркивая, что ее уроки полезны, что люди не только «изучают эту науку», а «опираются на нее». Так, Мухаммад Хайдар Дуглат

выступает профессиональным историком, сознающим роль этой науки в истории цивилизации.

Объектом исследования Мухаммеда Хайдар Дуглата является огромный регион. Автор дает описание Могулистана и его границ: «Восточная окраина (Могулистана) примыкает к землям калмаков и (включает в себя) Барс-Куль⁵, Эмиль⁶ и Иртыш. На севере он граничит с Кокча-Тенгизом⁷, Бумом⁸ и Караталом⁹, на западе — с Туркестаном и Ташкентом, на юге — с Ферганским вилайетом, Кашгаром, Аксу, Чалышем и Турфаном. Из этих четырех границ я (Мухаммад Хайдар) видел южную границу.

Из Ташкента до Андижана (расстояние) десятидневного пути, от Андижана до Кашгара — двадцатидневный путь, от Кашгара до Аксу — пятнадцатидневный; от Аксу до Чалыша — двадцатидневный, от Чалыша до Турфана — десятидневный, от Турфана до Барс-Куля — пятнадцатидневный путь. Барс-Куль является восточной границей Могулистана. Протяженность (южной границы) составляет трехмесячный путь торгового каравана и имеет девяносто переходов. Однако остальные три стороны (Могулистана) я (Мухаммад Хайдар) не видел, но по рассказам людей, (бывших там и) видевших их, становится понятным, что протяженность остальных трех границ большая, чем эта. Протяженность границ всех этих земель составляет путь семи-восьми месяцев»¹⁰.

Как историк-исследователь автор раскрывает сложную историю Моголистана, внутреннюю и внешнюю политику его властелинов. Ему удалось показать, почему именно эмиры племени дуглат возглавили движение тюркской и тюркизированной монгольской кочевой знати за отделение от Мавераннахра и создание собственного ханства (Манглай-субе, Семиречье, Тянь-Шань, Кашгария). «Тарих-и Рашиди» дает нам картину административно-политического устройства этого государства. Из него мы узнаем о закреплении Тоглук Тимур-ханом наследственной должности великого эмира или улусного бека (**улус-беги**) за главой племени дуглат, о работе ханского совета — **маджлиса**, о существовании главной государственной канцелярии — **дивана**, финансовых ведомств, налоговых управлений, дипломатической службы, о существовании государственных чиновников — **наиб**а (заместитель, наместник, регент), **даруга** (правитель, ханский наместник в городе, области, управляющий делами города), **миршикара** (главный распорядитель охоты), **йасавула** (ясаул — распорядитель церемоний на ханских торжествах). Все это свидетельствует о существовании сложившейся государственной машины управления.

⁵ Барс-Куль — озеро Баркуль, расположенное северо-восточнее Хами (Комула).

⁶ Эмиль — река в Тарбагатае.

⁷ Кокча-Тенгиз — озеро Балхаш.

⁸ Бум (Бумиш) — река, идентификации не поддается.

⁹ Каратал — река, впадающая с юга в оз. Балхаш.

¹⁰ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). С. 219.

Мухаммад Хайдар довольно профессионально описывает вопросы военного строительства, дает высокую оценку стратегии и тактике Казахского ханства Гирея и Джанибека, Касым-хана. Первая плеяда государственных мужей ханства, как свидетельствует автор, умело использовала геополитическую обстановку, внутренние раздоры и противоречия соседних стран, выгодно вступала в династийные связи, проявляла мирные инициативы, формируя военной силой и дипломатией территориальную целостность в пределах размещения этнополитической общности казахов. Ученый-историк с удовлетворением неоднократно подчеркивает, что «начиная с эпохи Исан-Буга-хана до времени Рашид-хана между могулами и казахами существовали дружественные и мирные отношения»¹¹.

В то же время Абу-л-Хайр-хан и его сыновья находились в состоянии вражды с могулами и Казахским ханством. «Так как Кирай-хан и Джанибек-хан приобрели значительную силу», преемники Абу-л-Хайр-хана старались «держаться от них подальше» и находились «на территории Туркестана»¹². Рашид-хан «вступил в союз с Шайбанидами», — отмечает далее Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат, — «он сокрушил узбеков-казахов. Воистину, если посмотреть, как обстояли дела раньше, то можно понять, что разгром узбеков (казахов) был редким и выдающимся событием»¹³. О могуществе Касым-хана свидетельствует и тот факт, что ключ от Сайрама был ему добровольно и без боя вручен знатнейшими лицами города¹⁴.

Ученый уделяет огромное внимание проблемам духовной жизни Моголистана. Он отмечает, что основатель Могул улуса Туглук-Тимур-хан первым принял ислам. Он не скрывает, что среди кочевого населения ислам не пользовался популярностью. Ученый пишет: «В своем стремлении насадить ислам среди могулов он проявлял суровость и жестокость. Так, известно, что, если какой-либо могул не накручивал на голову чалму, ее прибавляли к голове гвоздями»¹⁵.

«Тарих-и Рашиди» является одним из важнейших источников, выясняющих проблему этногенеза казахского, киргизского, узбекского народов. Данные этого источника дают основание утверждать:

1. В Могулистане жили дуглаты, канглы (бекчики), кераиты, аргинуд, арлаты, барласы, джалаиры.

Политическое господство в восточной части Чагатайского улуса принадлежало в тот период дуглатам. Подобно тому, как в степи от Алтая до Дуная Дешт-и Кипчак объединял под единым началом 92 племени, дулаты в Старшем жузе под единым именем объединяли суанов, албанов и прочие племена.

¹¹ Материалы по истории казахских ханств... С. 196.

¹² Там же. С. 198.

¹³ Там же. С. 216.

¹⁴ Там же. С. 223.

¹⁵ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века. Алма-Ата, 1977. С. 98.

Совершенно права К. А. Пищулина, когда утверждает, что, «оставаясь в период Могулистана на своей древней территории, дуглаты составили важнейшую часть Старшего жуза, казахской народности в целом»¹⁶. Полагаю, что в период, описываемый Мирзой Мухаммад Хайдар Дуглатом в работе «Тарих-и Рашиди», дуглат по существу был синонимом Старшего жуза.

2. «Тарих-и Рашиди» отмечает, что кераиты обитали на территории Северо-Восточного Семиречья в районе Тарбагатай, по левобережью Или, в районе Йанги-Тараза. Аргыны, в частности Хаджи-бек аргын, участвовали в составе походов Тоглук-Тимура в Мавераннахр, сражались на стороне Камар-ад-Дина Дуглата¹⁷. Аргыны были древними обитателями Семиречья на обширной территории от р. Эмил и Тарбагатай до р. Каратал и далее на запад до Сайрама¹⁸.

В труде Мирзы Мухаммад Хайдар Дуглата, как известно, содержатся сведения о времени возникновения Казахского ханства. В «Тарих-и Рашиди» мы читаем: «В то время в Дашт-и Кипчаке владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Могулистан. Исан-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши¹⁹, который составляет западную окраину Могулистана. В то время как они благоденствовали там, узбекский улус после смерти Абу-л-Хайр-хана пришел в расстройство; (в нем) начались большие неурядицы. Большая часть (его подданных) откочевала к Кирай-хану и Джанибек-хану, так что число (собравшихся) около них (людей) достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казахи (узбек-казак). Начало правления казахских султанов — с восьмисот семидесятого года²⁰, а Аллах лучше знает»²¹.

Исследователи на основе этих утверждений пришли к разным выводам. Наиболее основательными, на мой взгляд, являются научные доводы исследователей Т. И. Султанова и К. А. Пищулиной²². Продолжая эту дискуссию, выскажу свое мнение по этому вопросу:

1. никоим образом нельзя связывать образование Казахского государства с одним «бегством» или откочевкой Кирей-хана и Джанибек-хана, хотя процесс откочевки выражал суть раскола и продолжался более десятилетия.

2. Они, как и Абулхайр и другие ханы Ак-Орды, были законными наследниками власти.

¹⁶ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века. Алма-Ата, 1977. С. 239.

¹⁷ Тарих-и Рашиди. Л., 856, 25а и др.

¹⁸ Пищулина К.А. Указ. раб. С. 341; Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974. С. 47-50.

¹⁹ Имеется в виду долина реки Чу, на западе Могулистана. Козы-баши — горный джайлау на Курдае против Даргана (Таргана). Прошлое Казахстана в источниках и материалах. М.; Алма-Ата, 1935.

²⁰ 870 г. — 1465/1466 г. н. э.

²¹ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. С. 195.

²² Султанов Т.И. Некоторые замечания о начале казахской государственности // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1971. № 1. С. 54-55.

3. На рубеже XV и XVI вв. происходил распад суперэтнуса кипчак, на его основе происходила консолидация тюркских и тюркизированных племен Дашт-и Кипчака и Семиречья в казахскую народность.

4. Гирей (Кирей)-хан, Джанибек-хан были вождями тех родов и племен Дашт-и Кипчака, которые выступили объединителями близких по языку, культурным традициям, образу жизни родоплеменных групп из Центрального и Южного Казахстана.

5. Кирей-хан и Джанибек-хан, предводители казахов, не откочевали, а откололись, разъединились, объявили о своей независимости, точнее, если говорить современной терминологией, самоопределились. В данном случае «откочевка» стала одной из форм выражения самоопределения, отчуждения.

Нет сомнения в том, что вожди казахов оказались великолепными прогнозистами, деятелями высокого класса. Они учли особенности исторического процесса не только внутри своих улусов, а в масштабе всего региона. Об этом свидетельствует и автор «Тарих-и Рашиди» следующим образом: «В восемьсот пятьдесят пятом году²³ в юрте Джучи-хана, сына Чингиз-хана, или, что то же самое, в Дашт-и Кипчаке, был государем Абу-л-Хайр, из потомков Джучи. В те времена в этой юрте не было правителя могущественнее его. После его смерти его подданные пришли в состояние замешательства и разброда. Большое число людей присоединилось к Кирей-хану и Джанибек-хану, казахам, о которых уже упоминалось»²⁴.

6. И последнее, многие участники дискуссии концентрируют внимание на том, что Казахское ханство возникло в 1465–1466 гг. При этом они не учитывают ряд обстоятельств:

а) Ак-Орда, страна кипчаков, спустя менее одно столетие после монгольского владычества, перестала быть государством завоевателей. Внутри этого и других государственных образований империи Чингиз-хана шел, вернее интенсивно продолжался, сложный процесс этнообразования, консолидации народностей.

б) Гирей и Джанибек — представители господствующей династии, как сказано в «Тарих-и Рашиди», отделились «от своего многочисленного народа», что свидетельствует, что «Ак-Орда» была, по-существу, Казахским государством.

в) К. А. Пищулина, ссылаясь на многочисленные другие источники, написанные за два-три десятилетия раньше «Тарих-и Рашиди», отмечает, что в них Джанибек и Гирей упоминаются уже как ханы²⁵. Иначе говоря, процесс становления Казахского ханства шел не один год. Автор «Бахр-ал-асрар», пишет К. А. Пищулина, «говоря о начальном периоде пребывания их в Могулистане, подчеркивает, что «в то время Кирей-хан был назван государем»²⁶. Ясно одно, нельзя абсолютизировать ни один источник, ни одну дату.

²³ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века. Алма-Ата, 1977. С. 254-258.

²⁴ 855 г. — 1451 г. н. э. В Л. — «в. 850 г.» (1446/1447 гг. н.э.).

²⁵ Материалы по истории казахских ханств... С. 198.

²⁶ Пищулина К. А. Указ. соч. С. 257.

²⁶ Там же.

Применительно к «Тарих-и Рашиди» можно сказать, что Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат был значительно умнее многих из нас, когда он писал: «Начало правления казахских султанов — с восьмьсот семидесятого года, а Аллах лучше знает».

Да, «Аллах лучше знает», с какого времени можно начать летоисчисление Казахского государства. Но ясно другое — Казахское ханство является законным наследником государства усуней, кереев, найманов, даев, канглы, дулатов и других племен, вошедших в этнический состав казахов, Тюркского каганата, Золотой Орды и других государственных образований, созданных на территории Казахстана. Разумеется, это не означает, что казахская государственность начинает свое летоисчисление от племенных государственных образований. Особо следует обратить наше внимание на те государственные образования на территории Казахстана, которые существовали в X—XIII вв., прежде всего, на государства кипчаков, кимаков, после монгольского нашествия — Золотую Орду, Ак-Орду и др.

Не случайно Ч. Валиханов отмечал, что по преданиям своим казахи почитают себя потомками татар Золотой Орды. Немногочисленные монгольские завоеватели при встрече с высокой культурой народа Дашт-и Кипчака быстро растворились и, как отмечает историк аль-Омари, «все они стали похожими на кипчаков». Не подлежит сомнению то, что казахский народ был одним из народов Востока, давший цивилизации опыт государственности, державности, образования и культуры. Труд историка Мирзы Мухаммад Хайдара Дуглата «Тарих-и Рашиди» — тому еще одно яркое свидетельство.

Хотел бы особо отметить еще одно достоинство первого историка, основателя исторической школы казахов Мирзы Мухаммад Хайдара Дуглата. Он утверждает, что к Кирей-хану и Джанибек-хану откочевала большая часть (его, Абулхайр-хана, подданных) и их число составило около двухсот тысяч человек. Касым-хан, сын Джанибек-хана, «распространил свою власть над Дашт-и Кипчаком. В его армии (лашкар) было более миллиона человек. После Джучи-хана в этой юрте не было (хана) более могущественного, чем он»²⁷. «Касим-хан, — пишет далее автор, — сделался полным властелином во всем Дашт-и Кипчаке и приобрел такую известность и могущество, какого еще никто не имел после Джучи-хана, число его войска превышало тысячу тысяч»²⁸. Авторы «Истории Казахской ССР» (1943 г.) под редакцией А. М. Панкратовой опирались на источники, прежде всего на «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара Дуглати, когда считали, что государство Касыма было «относительно централизованным государством, что оно по уровню своего развития стояло выше империи Чингиз-хана, Киевского государства и империи Карла Великого...»²⁹.

²⁷ Материалы по истории казахских ханств... С. 195.

²⁸ Там же. С. 222.

²⁹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943. С. 107.

Известно, что в рецензии М. А. Морозова на первое издание «Истории Казахской ССР», напечатанной в журнале «Большевик» (№ 6, 1945 г.), было указано, что авторы и редакторы преувеличили степень централизации Казахского государства. Авторы и редакторы «Истории Казахской ССР» второго издания под идеологическим напором были вынуждены отступить и изменить свои взгляды. «Однако было бы ошибочным считать, — читаем мы в издании 1949 г., — что при Касыме было образовано сильное централизованное государство. Централизация власти при Касыме носила крайне относительный характер...»³⁰, что ни Хакназару, ни Тевеккелю не удалось создать казахского ханства в его этнических границах... Казахское ханство при Хакназаре и Тевеккеле продолжало оставаться слабым»³¹.

Некоторые советские историки пошли дальше в деле умаления казахской государственности и все более приближались к взглядам царских сатрапов. Так, небезызвестный историк А. Ф. Якунин писал, что в Казахстане никогда объединенного государства не существовало. Он утверждал, что в Казахстане было всегда три жуза, три орды³². Но если А. Ф. Якунин в своем стремлении преуменьшить степень крепости Казахского государства ограничился простой ссылкой на досоветских авторов, то профессор С. Л. Фукс создал особую теорию о сущности Казахского государства. По его мнению, говорить о государственности при Касыме, Хакназаре, Тевеккеле и Тауке как об «объединенной», «единой», «относительно централизованной» ошибочно, поскольку «о централизации, объединении, единстве государства, хотя бы относительном, можно говорить только там, где объединены, централизованы в общегосударственном масштабе хотя бы некоторые рычаги государственного механизма, например армия, полиция, суд, аппарат управления»³³, чего в Казахстане не было.

Казахское государство при Касыме, Хакназаре и Тевеккеле, по мнению С. Л. Фукса, было военным объединением, возглавленным временным, более или менее устойчивым ханом, оборонительно-наступательным военным союзом отдельных мелких государственных объединений казахских «родов», предводительствуемых султанами³⁴.

Несмотря на огромное идеологическое давление, оказанное Коммунистической партией, историки С. В. Юшков, В. Ф. Шахматов, М. П. Вяткин защищали идею казахской государственности. В своей рукописи С. В. Юшков отмечает, что «в конце жизни хана Касыма Казахское государство стало

³⁰ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1949. Т. I (второе издание). С. 116-117.

³¹ Там же. С. 144.

³² Рецензия на «Известия АН КазССР». Вып. 2. Сер. истор. // Вопросы истории. № 33. 1949. Кто-то, а А. Якунин прекрасно знал памятники XV—XVI вв., относящиеся к истории Моголистана и Узбекистана, по которым можно было легко установить, что при ханах Касыме, Хакназаре и Тевеккеле границы Казахского ханства охватывали в той или иной мере территории всех трех орд (жузов). — М.К.

³³ Известия АН КазССР. № 102. Серия юридическая. Вып. 3. 1951. С. 96-97.

³⁴ Там же. С. 101.

представлять собой весьма крупное государство. Известия об образовании этого государства, включившего подавляющее число тюркоязычных племен Дашт-и Кипчака, в конце концов достигли и соседних государств. Известно, что Казахское ханство и его хан сделались известными и русскому государству»³⁵.

Все это еще раз свидетельствует о том, как высоко ценился «Тарих-и Рашиди» как достоверный источник истории становления и укрепления Казахского ханства. «Тарих-и Рашиди» свидетельствует, что первоначально за подданными Кирей-хана и Джанибек-хана «утвердилось название узбеки-казахи (узбек-казак)»³⁶. Мухаммад Хайдар Дуглат в начале своего сочинения речь ведет преимущественно об узбеках-казахах, узбеках. Ко времени правления Касым-хана автор повествует о деянии казахов. Так, постепенно это прослеживается по источнику, этноним «узбек-казак» отходит на второй план, а потом исчезает. Автор труда пишет: «Короче говоря, начиная с эпохи Исан-Буга-хана до времени Рашид-хана, между могулами и казахами существовали дружественные отношения...»³⁷. В другом месте Мухаммад Хайдар Дуглат пишет, что «большое число людей присоединилось к Кирей-хану и Джанибек-хану, казахам...». Автор отмечает, что «казахи по распоряжению Касим-хана двинулись на зимовки». Встреча Касим-хана с султаном Саид-ханом закончилась миром. Один из историков, как пишет автор, воскликнул: «Мир с казахами»³⁸. Так, в жизни менее одного поколения этноним «казак» становится доминирующим. Казахия утвердилась как государственность под названием «Казахское ханство». К территории Западного Семиречья (долины Чу и Таласа) впервые в источниках отнесено название «Казахстан» (Зайн-ад-Дин Васифи)³⁹.

Таковы некоторые проблемы, которые стали сюжетом сочинения Мухаммад Хайдара Дуглата по истории казахов, не потерявшего своего значения для его соотечественников и в условиях независимости.

*Опубликовано в журнале
«Вестник Министерства науки —
Академии наук Республики Казахстан».
1997. № 6. С. 22-29.*

³⁵ Архив АН РК, ф. рукописи С. Юшкова.

³⁶ Материалы по истории казахских ханств... С. 222.

³⁷ Там же. С. 196.

³⁸ Там же. С. 227.

³⁹ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века. С. 259.

ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ*

Длительное время история тюркского мира в СССР изучалась в отрыве от истории всемирной цивилизации, народов Востока. Этому в немалой степени способствовали евроцентристы, твердившие, что кочевники были «рабами степи», «вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла», что «они утратили связь с миром», общество кочевников является обществом, у которого нет истории»¹. Ныне теорию евроцентристов взяли на вооружение некоторые китайские коллеги. Так, например, китайский политолог, доктор философских наук, почетный профессор КазГУ им. аль-Фараби, академик Международной академии наук высшей школы Чжен Кун Фу в своей монографии «Геополитика Казахстана. Между прошлым и будущим» утверждает: «Некоторые ученые характеризуют регион Средней Азии как уникальный и особенный, не относящийся ни к Европе, ни к Среднему Востоку и Индии, ни к Восточной и Юго-Восточной Азии вследствие своеобразия его культуры. Однако культура Средней Азии не является однородной, она сложилась в результате переплетения местной культуры с традициями других стран. Это объясняется историческими закономерностями, ведь Средняя Азия — это регион, где издавна жили кочевники, чей уклад жизни был типично кочевым, с размытыми границами государственных образований. Поэтому центральная часть континента, где расположился регион, развивалась довольно медленно и неравномерно. В то же время в его окружении существовали государства с оседлой земледельческой культурой, такие, как Китай, Древняя Русь, Византия, Индия, Месопотамия, Египет, которые процветали и развивались достаточно быстро. Совершенно очевидно, что эти страны не могли не оказать влияния на культуру самой Средней Азии, и она складывалась под их воздействием»².

Основатель общенациональной газеты «Казах» А. Байтұрсынов в серийной статье «Динамика способа хозяйствования» («Шаруашылық өзгерісі») отмечал, что цивилизация представляет собой единство материальной и духовной культур, продукт длительного, эволюционного развития, более или менее стабильной этнодемографической, социально-культурной общности³.

* Написано в соавторстве с З. Киянатулы и К. А. Пищулиной.

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 186.

² Чжен Кун Фу. Геополитика Казахстана. Между прошлым и будущим. Алматы, 1999. С. 11.

³ См.: Козыбаева Г. А. Байтұрсыновтың белгісіз бір еңбегі жайында // XX ғасыр: қазақ мәдениеті, тілі мен өнері. Алматы, 2000. 80-88 бб.

Великая Степь протянулась по центру Евразии более чем на 7000 километров — от Дуная до Великой Китайской степи — при ширине 4000—6000 км, соединила Европу и Азию и явилась оседлым культурно-историческим пространством, объединившим историю и направление эволюции народов, населяющих ее и примыкающих к ней. Прав был академик А. П. Окладников, когда утверждал, что «дорога к Дону и Дунаю начинается с тюркских крепостей, расположенных на берегах Байкала». Л. Гумилев определил хронологические рамки кочевой цивилизации, которая развивалась в XI в. до нашей эры до XVIII столетия нашего времени⁴. А. Тойнби в своей монографии «Постижение истории», раскрывая ареал распространения исламского мира, писал: «Общество, ныне именуемое исламским, зародилось на территории Азиатского плоскогорья, между Мраморным морем и дельтой Ганга. Это была длинная и узкая полоса земли, протянувшаяся от Анатолии до Индостана... Эта узкая лента в середине расширялась, охватывая бассейн рек Окса и Яксарта в зоне Великой Степи»⁵. К утверждению А. Тойнби следует добавить, что в бассейне рек Окса и Яксарта далеко до возникновения ислама утвердился зороастризм, начала свою историю первоначальная форма буддизма — Махаяна.

Естественный природный центр евразийских степей — Великая Половецкая — Кипчакская степь. По свидетельству Ибн Батутта, она простиралась в длину на восемь месяцев пути, в ширину на шесть месяцев.

Дж. Неру в труде «Взгляд на мировую историю» пишет: «Вышедшие из различных точек Азии арии, скифы, хунны, монголы, тюрки владели Европой и Азией... Европа продолжительное время находилась под властью Азии. Нынешние европейские народы ведут свое происхождение из Азии, от азиатских завоевателей... Бессмысленно забывать или не замечать и величия Азии. Даже если не упоминать о великих мыслителях, вышедших из Азии, достаточно сказать о том, что основатели двух великих, двух главных религий мира — Иисус и Мухаммед — пророки — родились в Азии»⁶.

Ведущей тенденцией развития общества в степи оставалась тенденция к расширению зоны оседлости, земледелия и урбанизации, консолидации этнической общности, распространения единой идеологии, культов и религии, эпоса, письменности, перехода от племенных объединений к государствам.

В глубокую древность уходит происхождение орхоно-енисейских надписей⁷. Если первые Тюркские каганаты использовали согдийский язык для письменных контактов, то второй Тюркский каганат пользовался рунической

⁴ Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.

⁵ Гумилев Л. Н. Тысячелетия вокруг Каспия. М., 1993. С. 86.

⁶ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. В 3 т. М., 1977. Т. 1. С. 306.

⁷ Слово «руна» одни связывают с готск. *runa* «тайна, секрет», другие — с др.-нем. *runen*, нем. — *raunen* «шептать» — из-за магической силы, которую первобытные народы приписывали символам, в иврите «петь, воспевать, ликовать, молиться; роптать; клеветать; звучать; издавать»; для славянских терминов «струна» бречать, бренькать, неумело наигрывать, извлекать звуки. Казахская пословица гласит: «Народ успевающий пишет свою

письменностью. До наших дней дошло множество памятников письменности, образцов тюркского алфавита, найденных в Монголии и на Алтае, в Хакасии и Туве, Восточном Туркестане и Жетысу (Семиречье). К V в. до н. э. относится иссыкская надпись, состоящая из 17 букв, 13 из них принадлежат древнетюркской рунической письменности.

В VI веке н. э. выработался и установился тюркский литературный язык, что только улучшило контакты с соседними восточными культурами. С. Г. Кляшторный пишет: «В VI столетии на волне общего культурного подъема начала формироваться древнетюркская цивилизация». Правильнее будет сказать, не «начала формироваться», а «наступил новый период в развитии тюркской цивилизации». В свое время советские востоковеды согласились с тем, что в средние века существовало семь историко-культурных центров: Европейский, Арабо-Исламский, Средневосточный, Южноазиатский, Дальневосточный, Северо-Восточный, Азиатский. Академик Н. И. Конрад показывает, что в первое время при культурных контактах превалировала культура древних народов, а во втором периоде наступила очередь новых средневековых литератур, возникших у молодых народов, они создали средневековую литературу Возрождения. Расцвет тюркской цивилизации, породившей тюркскую литературу, приходится на период существования Тюркских каганатов.

Отличительная черта Тюркских каганатов состоит в том, что вместо ограниченного взгляда родоплеменных отношений возник общеимперский взгляд на события, сформировалась общетюркская идеология.

Значение орхоно-енисейских памятников трудно переоценить. Во-первых, они являются ярким свидетельством расцвета цивилизации у тюркских народов. «Культура формируется только тогда, — писал А. Байтурсинов, — когда одновременно функционируют мозг, руки и ноги»⁸. Во-вторых, в них отражена общетюркская идеология; в-третьих, дана концепция централизованной государственности как гаранта свободы и независимости тюркских народов.

В тексте памятника Бильге Хагану читаем: «Көкте түркі тәңірі, ана жер суымыз, түрік мемлекеті жойылмасын, мәңгі жасасын деп»...

«Түркі тармақтарының басын біріктірдік...», «түркі елі үшін түнде ұйқы, күндіз күлкісіз...», «түркі жеріне ешкімнің аяғын бастырмайық», «Батыс Түркі қағаны». Племенные объединения евразийского пространства в тексте называются «ел» (Ал) и страна.

историю камнем, народ исчезающий — слезами». В литературе отмечается о существовании единой рунической зоны, простиравшейся в древности от Британии до Сибири, а может, и до Японии. Как известно, В. Томсен считал, что все восточные алфавиты (в том числе уйгурский, монгольский, маньчжурский, согдийский, хорезмский) должны происходить из арамейской письменности. Вл. Шнейдер в книге «След десяти» доказывает, что на берега Енисея и Орхона это древнейшее письмо было привнесено семитоязычным народом (см. в книге «След десяти». Безр-Шева, 1998. С. 309).

⁸ «Қазақ» (энцикл. изд.).

После смерти кагана, как отмечается в тексте памятника, стенали и плакали племена «боклу ачу», китайцы, тибетцы, парпурумы, кыргызы, уш-курыкана, огуз-татары, кытай, татабийцы» и др. Когда мой дядя стал ханом, он привел в порядок турецкий народ... Бедных он сделал богатыми, малочисленных он сделал многочисленными»⁹.

Эти и другие тексты свидетельствуют о том, что на огромном пространстве господствовала идеология духовной, этнической тюркской общности.

В этом, как и в последующих памятниках, речь идет о тюркской общности, о стране тюрков, о племенах, ее составляющих. Следовательно, эти памятники являются общим сокровищем, наследием тюркских племен Евразии.

К глубокому сожалению, в понимании сущности орхоно-енисейских памятников появились разночтения и среди ученых тюркского мира. Автор книги «Племенное объединение «уйгур». История уйгурской державы (с III тысячелетия до нашей эры по V век нашей эры)» (Алматы, 1998) К. Масими считает памятник Кюльтегину паспортом уйгуров и уйгурской великодержавности.

Автор книги «Кыргызы Евразии и тюркоязычные народы позднего средневековья» (Бишкек, 1999) киргизский исследователь Ч. Нусупов доказывает, что кыргызы стояли у истоков 36 государственных образований. Ч. Нусупов считает, что кыргызы и гунны создали «в VIII—III вв. до н. э. древнетюркскую цивилизацию на просторах Евразии» (с. 133). Он пишет: «...кыргызы — это древнейший народ, современник саков, гуннов, китайцев, индийцев, античных народов, динлин, дунху, сяньби и жуан-жуаней (жужаней). Поэтому кыргызский народ, а именно две его ветви, занимавшие с древних времен территорию Южной Сибири, Центральной Азии, Алтая, Семиречья, Средней Азии и Восточного Туркестана: а) изначально выделяли из своей этнической среды чужеродные роды и племена, что как закон отражалось и указывалось в их родословном перечне; б) генеалогически повлияли в эпоху позднего средневековья на возникновение ряда кровнородственных тюркоязычных народов, этногенез которых, как было рассмотрено в настоящей работе, восходит к древним этническим корням кыргызского народа. Именно богатство материальной и духовной культуры древнего и раннесредневекового кыргызского народа, его совершенные виды и формы военного оружия, снаряжения и боевого искусства, государственно-политическая организация послужили не только причиной выживания из глубины веков, но и основой формирования и трансформации многочисленных кыргызских родоплеменных групп в составе различных геополитических союзов в новые этнические общности, каковыми являются казахская, каракалпакская, алтайская, хакасская и узбекская народности. Как отмечалось выше, отдельные кыргызские родоплеменные коалиции, распространившиеся на юго-западе до

⁹ Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Т. IV. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. С. 15-17, 20.

Причерноморья, Закавказья, на западе до Восточной Европы, а на востоке до Тибета, растворились в иноязычной и инородной среде других народов, при этом оказав на некоторые из них ощутимое языковое и культурное влияние» (с. 134-135). Амбиции Ч. Нусупова не имеют предела. Он заключает: «А ведь доподлинно известно, что было время, когда с государством древних и средневековых кыргызов, которое они утрачивали и вновь обретали в войнах, и даже с их племенными объединениями — Куман (Коман) или Кыпчак и т.д., — считались все центральноазиатские кочевые государства гуннов, сяньби, жуан-жуаней, карлуков, телесцев, тюрок, уйгуров, киданей, кара-кытаев, монгол и джунгар-калмыков, а также Китай, Тибет, Египет, Индия, страны Восточной Европы и Русь» (с. 130).

Два народа, родственные и соседние, с одним тюркским корнем. Мы знаем, что по своему названию киргизы — народ древний среди тюркских народов. Впервые их называли «кыргызами» тюрки в орхонской надписи. В этой надписи упоминаются и хиргисы наряду с другими, в том числе «усунами», основным ядром которого является казахский народ. Если кому-то понадобится искать свои далекие корни, то можно их отыскать в могилах и идолах предков и других памятниках. Если быть искренним, то древние киргизские следы лежат не на нынешней территории Кыргызстана, а в Центральной и Западной Монголии, в том числе в Саянских горах, Минусинской котловине, на Малом Алтае, в долине рек Енисей и Абакан. В Киргизский Алатау и на Иссык-Куль (бывший Темирті-Кол) киргизы переселились в XV в. (*Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских В.* Киргизы и их предки. Бишкек, 1994. С. 38).

Ч. Нусупов был прав, когда говорил, что в 840 г. киргизы, победив уйгуров, образовали Киргизский каганат. Но нельзя не признать также то, что их господство над отдельной частью тюрко-монголов продолжалось недолго и не имело особенно большого значения для тюркских племен. Они были вытеснены с монгольской территории киданьями. Если перечислить последующие этапы истории киргизов, то итоги склоняются не в пользу интерпретации Нусуповым киргиза как «родоначальника всех тюрков». Даже может быть, скорее, наоборот.

Мы, казахи, не претендуем на историческую гегемонию и считаем себя одним из составляющих элементов общетюркской цивилизации. Мы знаем, что, несмотря на наличие сходства, жизнь обоих наших народов сложилась так, что каждый имел свои национальные, языковые и другие особенности. Например, казахский язык относится к алтайско-тюркской группе, а киргизский — к сибирско-тюркской. «Казахский и киргизский народ, — говорил Ч. Валиханов, — отличаются по языку, по происхождению, по обычаям. Даже в физиономии бурута есть что-то своеобразное, не кайсацкое» (Собр. соч. В 5 т. Т. 3. С. 334).

Мы, историки, с уважением относимся и к истории уйгурского народа, являющегося одним из древнейших народов мира. Народ вышел на

историческую арену уже в V в. н. э. под названием «хуйхе», «ойхор» и «уйгур». Вместе с другими племенами уйгуры составляли союзы шестерки гаогуйцев».

При основателе уйгурского ханства Пэйло-хане уйгуры приобрели «... все земли, занимавшиеся прежде хуннами» (см.: Сборник материалов истории уйгурского этноса. 1. Пекин, 1958. Кн. С. 11–13; на кит. яз.). Уйгурское ханство при Моюнчур хане, преемнике Пэйло, занимало территорию от Алтая на западе до Хингана на востоке, на юг простиралось до Гоби, на севере — до Саянских гор. Но данный частный факт не может служить подтверждением слов автора о том, что «уйгурская держава» просуществовала длительный отрезок времени, а именно с III в. до н.э. по XVII в. н.э. (с. 5).

Уйгурское ханство является не первым и не последним государством среди тюркских народов. Известно, что в 840 г. уйгурское ханство пало под ударом енисейских киргизов и основная часть уйгуров переселилась в Восточный Туркестан и Джунгарию и образовала новое ханство. Часть переселилась на Тибет (ся). Оставшаяся часть на прежних землях смешалась с остальными тюркскими племенами. Потом уйгурский народ оказался под властью Ляо, Чингизханской Монголии, Джунгарского ханства, в последующем Цинской империи. Таков краткий обзор истории данного народа. К сожалению, уйгурский народ, являясь одним из древних народов, имеющим древнюю историю и культуру, собственную письменность, богатую традицию, оставался на протяжении многих веков под чужим флагом.

История уйгурского ханства и народа — отнюдь не новое явление в науке. Она исследована довольно широко такими корифеями истории, как Г. И. Рамstedт, Н. Я. Бичурин, В. В. Бартольд, Л. Н. Гумилев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, С. Г. Кляшторный, С. Е. Малов, П. К. Козлов, а также ведущими уйгурскими, тюркскими историками. Содержатся достаточно богатые материалы также в китайских и монгольских источниках. Что касается книги К. Масими, она не внесла ничего нового в историю уйгуров, кроме проповеди былой державности, некой избранности этноса и культивации отдельных фактов истории в отрыве от их контекста, при этом без достаточной научной базы и аргументации.

Амбициями исторического гегемонизма страдает и наш казахстанский автор, некий К. Данияров. Главная цель сочинений К. Даниярова («Альтернативная история Казахстана», «История отечества» и «История Казахского государства XV–XX вв.») состоит в том, чтобы все, относящееся к тюркской и монгольской истории (земли, племена, роды, имена, события, факты и т.д.), подтянуть к казахской истории, казахскому этногенезу, казахской литературе; продлить как можно далее в глубь тысячелетий историю казахского народа, расширить ее территориально — от степей и хребтов Монголии до Дуная.

Как известно, историки, тюркологи, монголоеды, к которым автор постоянно демонстрирует неуважение, относят начала тюркского этногенеза к эпохе гуннской державы, показывают его развитие в Тюркском каганате,

раннесредневековых тюркских государствах тюргешей, огузов, кимаков, кыпчаков. К. Данияров же видит (находит) казахские роды уже в войсках предводителя гуннов Аттилы... Лингвистические созвучия географических названий, имен собственных, топонимов, этнонимов, различных терминов автор принимает за доказательства пребывания казахов не только в Золотой Орде, но и в Монголии в раннем средневековье.

Историки Казахстана, как и историки других тюркских народов (башкир, волжских, крымских и сибирских татар, ногайцев, каракалпаков, узбеков, кыргызов, уйгуров и др.), никогда не игнорировали историю Золотой Орды (Улуса Джучи) и Монгольской империи Чингиз-хана. Но они не сводили историю этих обширных по площади и многонациональных по составу населения государств только к своей собственной истории. К. Данияров же посчитал необходимым ввести эти государства в казахскую историю как этапы развития собственно Казахского государства и рассматривать его историю как непрерывный процесс со времени образования государства Чингиз-хана и по сей день. Он предложил свою периодизацию Казахского государства: государство Чингиз-хана назвал Первым Казахским государством (1206–1223 гг.); Улус Джучи (Золотую Орду) – Вторым Казахским государством (1223–1480 гг.); Казахское ханство – Третьим Казахским государством, предложив для него свою хронологию (1480–1847 гг.). Дальнейшая судьба единого Казахского государства, по К. Даниярову, связана со статусом колонии России (1847–1991 гг.) и современной Республики Казахстан (с 1991 г.).

Чтобы доказать, что Монгольское государство Чингиз-хана, как и Улус Джучи (Золотая Орда), были казахскими, К. Данияров просто называет «казахскими» различные тюркские и монгольские племена («тюркско-монгольские», тюркизированные монгольские и др.). По его представлению, в образовании государства Чингиз-хана участвуют то 4 «казахских» племени – найманы, кияты, керейты, меркиты; то уже 18 казахских родов, включая и шапрашты, ысты, уак, албан, суан и др.

Автор этой малодоказательной «альтернативной» (альтернатива русской «советской», современной официальной историографии) истории представил свою форму этнической истории казахского народа, то ли со времен гуннов, то ли с 1217–1218 гг.: мын-кол (монгол) – ногайлы (1237 г.) – казахи.

Все другие тюркские племена и роды называются автором казахскими: все ушедшие на рубеже XV–XVI вв. с Мухаммедом Шейбани тюркские племена называются казахскими; хан Золотой Орды Узбек происходит из «казахского» рода – кият; автор говорит о трех волнах вторжения «казахов» в Среднюю Азию (первая волна «казахов» – не тюрков! – карлуков, ягма и др. – при Караханидах, вторая – при Чингиз-хане, третья – при Мухаммеде Шейбани). Отсюда недалеко и до казахских родов среди гуннов Аттилы.

Всячески отгораживает К. Данияров Чингиз-хана от собственно монголов: «Весь казахский народ и их великий Чингиз-хан не имеют к ним (монголам)

никакого отношения». «При полном сборе всех исторических фактов и сведений, — считает К. Данияров, — объявление казахов, татар, Чингиз-хана монголами будет выглядеть мифом, не имеющим аналогов в мире», — вот так просто Чингиз-хан перестает быть монголом.

И, конечно, по К. Даниярову, в государстве Чингиз-хана употреблялся казахский, а не другой тюркский язык. Непреодолимо желание К. Даниярова всячески приуменьшить роль кыпчаков в Золотой Орде, а заодно и их место в этнической истории казахов. Достаточно, по К. Даниярову, населить Золотую Орду другими казахскими родами и получится Второе Казахское государство, причем населить без ссылок на источники, а источники говорят о полиэтничности населения Золотой Орды (Ибн Баттута о городе Сарая, столице Орды: «В нем живут разные народы, как-то: татары, асы, которые мусульмане, кыпчаки, черкесы, русские и византийцы»). В то же время, приуменьшая роль кыпчаков в истории казахов («всего-то 10%»), К. Данияров забывает, что казахский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков.

К. Данияров упрекает историков, что они изучали, исследуя историю Казахстана, лишь русские, китайские, монгольские источники. А разве не изучали историки арабские, персидские, тюркские, западноевропейские источники, как отмечалось выше.

Может быть, сам К. Данияров вводит в научный оборот какие-то новые материалы? Источников отнюдь нет. Вообще К. Данияров весьма избирательно относится и к широко известным первоисточникам по истории тюркских и монгольских племен и народов — персоязычным трудам Рашид-ад-Дина «Джами ат-таварих» (XIV в.), Мухаммад Хайдара «Тарих-Рашиди» (XVI в.), монгольскому «Сокровенному сказанию» — они не работают на его территорию и потому не заслуживают внимания... Зато автор превозносит «бесценный», по его словам, труд Утемиша Хаджи «Чингиз-наме», справедливо названный его переводчиком В. П. Юдиным **тенденциозным** — в пользу Шейбанидов, вечных противников казахских ханов — сочинением, основанным на легендах; также характеризовал его и академик В. В. Бартольд (задолго до В. П. Юдина).

Не следует автору с пренебрежением относиться к представителям историографии многих тюркских народов. И тем более к самим этим народам — татарам, ногайцам, башкирам, каракалпакам, узбекам, уйгурам, кыргызам и т. д., и, конечно, к монголам. История всех этих народов, а не одних только казахов связана с Золотой Ордой и Монгольским государством.

Много путаницы вносит автор и в периодизацию, историю собственно Казахского ханства, последующих этапов отечественной истории. Его «новые» подходы к этим проблемам абсолютно не обоснованы источниковым, документальным материалом. Чего стоит один только 1480 г. как год начала «Третьего Казахского государства». Эта дата является последним годом ордынского владычества на Руси (противостояние на р. Угре войск хана осколка Золотой Орды — Большой Орды Ахмеда и русских войск Ивана III). Это из

истории западной части Улуса Джучи, уже давно распавшейся Золотой Орды и ее воспреемников — самостоятельных государств крымских, волжских татар, Ногайской Орды и др. Восточная часть Улуса Джучи шла своим путем государственного развития: здесь, на территории Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана (Южного Казахстана) в XIV в., а по сути уже с середины XIII в. развивалось фактически самостоятельное государство Ак-Орда — прообраз Казахского ханства, дату образования которого источник определяет 870 г. х. (1465—1466 г. н. э.). Ак-Орда была государством, где преимущественно на кыпчакской основе завершилось сложение значительной части казахской народности.

Ясно одно, что настало время богатое и сложное наследие орхоно-енисейских, да не только этих памятников систематизировать, собрать все воедино как общее наследие всего тюркского мира и, как справедливо отмечал Ч. Айтматов, «разработать канонически тексты этих трудов, ... внести их в нашу же общую историю, как составную часть».

*Опубликовано в книге
«Древнетюркская цивилизация: памятники письменности»:
(Материалы международной научно-теоретической конференции,
посвященной 10-летию независимости Республики Казахстан,
г. Астана, 18-19 мая 2001 г.). Алматы, 2001. С. 95-104.*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ «ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА (с древнейших времен до наших дней)»

Третий том пятитомной «Истории Казахстана» посвящен проблемам отечественной истории XVIII — начала XX века. Как и предшествующие первый, второй тома, данное издание имеет богатейшую источниковую базу, основанную на документах и материалах архивохранилищ Российской Федерации, КНР, Узбекистана и Казахстана, данных генеалогии (шежире) и легенд, составленных Ш. Кудайбердиевым, М. Ж. Копеевым, М. Тынышпаевым, А. Диваевым и другими учеными, произведений акынов, жырау — Кожабергена Толымбайулы, Таттикары, Актамберды, Умбетя Тлеуулы, Бухар-жырау Калкаманулы и др. В томе широко использованы сведения из различных документальных сборников, опубликованных в дореволюционной русской печати, а также в советский и постсоветский периоды истории.

Авторы тома опирались на достижения отечественной историографии, в том числе советского периода, а также зарубежной исторической науки.

В томе прослежены драматические взаимоотношения казахов «с последней большой кочевой империей в Средней Азии»¹ — Джунгарским ханством, основные этапы великой отечественной войны казахского народа с джунгарской агрессией. Именно в годы «великого бедствия», по свидетельству Кожаберген-жырау, оказались захваченными джунгарскими полчищами долины рек Чу, Таласа, Сырдарьи, регион Каратауских гор. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что воевали между собой родственные по образу жизни номады, по сути своей народы, ставшие жертвами большой политики мировых империй и великих соседей.

Существенную эволюцию претерпела господствовавшая длительное время концепция так называемого добровольного присоединения Казахстана к России. Ученые независимого Казахстана в условиях, когда его история стала самостоятельным объектом научных исследований, трезво, объективно изучают сложившуюся систему международных отношений в Центральной Азии, «восточную идею» Петра I, претворявшиеся в жизнь планы захвата путей транзитной торговли с Индией и Китаем, тенденцию поглощения Степного края, который был призван стать «ключом и вратами ко всем азиатским странам и землям». Одновременно обобщены важнейшие результаты по истории кризисных явлений внутри казахского общества — слабая интеграция внутри

¹ Бартольд В. В. Калмыки // Бартольд В. В. Собр. соч. в 9 томах. М., 1968. Т. 5. С. 539.

кочевого социума, усиление центробежных тенденций, рост родовых усадеб, внутриполитическая борьба во властных структурах, истощение материальных ресурсов, увеличение людских потерь. В этих условиях представители отдельных групп казахов Младшего и Среднего жузов были вынуждены признать власть Российской империи, территория Старшего жуза была впоследствии завоевана. Как бы то ни было, историческим фактом является, что Казахстан в результате колонизации крестьянской, военной, потерял свою политическую независимость и государственный суверенитет почти на двести шестьдесят лет.

В ходе интерпретации процесса вхождения Казахстана в состав России авторский коллектив учел точки зрения по данной проблеме, содержащиеся в трудах А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, А. М. Панкратовой, Е. Бекмаханова, П. Г. Галузо и других. Одновременно с этим в том прослежены происшедшие после вхождения Казахстана в состав империи изменения в социально-экономической, политической и культурной жизни края, развитие в нем революционного и национально-освободительного движения. Особое внимание обращено на процесс постепенного втягивания Казахстана в общероссийский рынок, экономического освоения края, приобщения казахского народа к достижениям передовой русской культуры.

В томе обобщен опыт национально-освободительного и революционного движения, в том числе возникновения и развития реформаторского движения «Алаш», а также его общенационального органа «Казах». Более комплексно освещено национально-освободительное движение 1916 года, его основные очаги — Жетысуйский, Тургайский, Чуйский (речь идет о последнем его центре, ставшем мостом национально-освободительного движения Казахстана со Средней Азией).

Настоящий том со всей очевидностью показывает, что в самые тяжелые годы колониализма казахский народ ни на один день не прерывал борьбу за национальную независимость, казахскую государственность, проявляя удивительные героизм и жизнестойкость, способность приобщиться к достижениям других цивилизаций. Лучшие сыны народа — выдающиеся государственные деятели Абулхаир-хан, Абылай-хан, Толе би, Казыбек би, Айтеке би, просветители Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, великие реформаторы XX века во главе с А. Букейхановым, А. Байтурсыновым и другие яркие представители казахской элиты встали во главе нации, чтобы она не растворилась в водовороте истории, развивалась вровень с другими народами...

*Опубликовано в книге «История Казахстана
(с древнейших времен до наших дней)».
В пяти томах. Том 3. Алматы, 2000. С. 7-8.*

ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА (XVIII — начало XX веков)*

История Казахстана XVIII—XX вв. насыщена событиями судьбоносного характера. В 1731–1770 годы произошло официальное признание значительной частью казахских правителей главенствующей роли Российской империи, что привело к утере независимости, государственности, и что по существу превратило Казахстан в колонию. С первого дня вынужденного признания власти России началась полоса национально-освободительной войны казахского народа за прежнюю независимость, восстановление государственности. Зачастую вспышки народного недовольства провоцировались национальным и социальным притеснением.

История колониального этапа Казахстана, особенно ее узловые вопросы, стали в центре внимания отечественной истории главным образом после обретения независимости страны, т.е. после 1991 г. Что и понятно, ибо проблемы истории народов окраин, туземцев, как тогда назывались народы колоний, подверглись в прошлом явной фальсификации под влиянием имперского диктата и идеологии догматического марксизма, тоталитаризма, культа личности. История Казахстана XVIII—XIX вв. рассматривалась под углом зрения российского менталитета, относящегося к народам евразийских степей вне контекста всемирной истории.

Все это требует сегодня объективного отношения к историческому прошлому, определения новых подходов.

С высоты достигнутого уровня отечественной историографии¹ необходимо обратить внимание исследователей на наиболее актуальные аспекты истории казахского народа в составе Российского государства (XVIII—XIX вв.).

Взаимоотношения с соседними государствами. Первые десятилетия XVIII в. для казахского народа были годами суровых испытаний. По существу, перед народом встал вопрос: «Быть или не быть?».

В русской историографии борьба казахов против джунгарской экспансии нашла отражение в общих работах. Несмотря на то, что в них общая ситуация представлена в целом, в то же время систематическое последовательное изложение исторических событий отсутствует. В особенности это касается обстоятельств двух сражений, когда казахские ополчения одержали верх над

*Написано в соавторстве с Д. И. Дулатовой.

¹Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.): Очерки становления и развития. А., 1990; *Козыбаев И. М.* Историография Казахстана: уроки истории. А., 1990; *Его же.* Историческая наука Казахстана (40–80-е годы XX века). А., 1992.

джунгарами в 1728 г. — на берегу р. Буланты, в местности Карасиыр («Калмак кырылган») и в местности Аныракай не позднее весны 1730 года. Более детальное и основательное изучение казахско-джунгарских отношений стало возможным только в конце XIX — нач. XX в., благодаря усилиям М. Ж. Копеева, Ш. Кудайбердиева, М. Тынышпаева, М. Дулатова, А. Букейханова. Борьба казахов с джунгарами, причины успехов последних в 1723—1726 годах, тяжелое политическое и экономическое положение казахов и другие вопросы научно освещены только в историографии 70—80-х гг. XX века в монографиях И. Я. Златкина, Н. Г. Аполловой, В. Я. Басина, В. А. Моисеева и др.²

В частности, В. А. Моисееву удалось показать характер, проследить эволюцию взаимоотношений джунгар с казахами на протяжении длительного времени. Он выявил причины временных успехов джунгар в борьбе с казахами и народами Средней Азии, вскрыл мотивы непоследовательной и противоречивой политики России по отношению к казахам и джунгарам, а также установил признаки выхода на политическую арену новых сил (России и Китая), начавших определять всю систему международных отношений в Центральной Азии. Тесно связана с изучением данной проблемы совместная работа Р. Б. Сулейменова и В. А. Моисеева «Из истории Казахстана XVIII века» (А., 1988).

Одной из узловых проблем остается история взаимоотношений Казахстана с Россией и «последней кочевой империей» Центральной Азии — Джунгарским ханством в XVIII веке.

Как известно, в советский период казахстанские историки освещали эту проблему в ключе прогрессивного значения присоединения Казахстана к России. В условиях независимости, естественно, подходы изменились. При этом казахстанские историки спокойно, объективно, на базе опубликованных источников и работ отмечают, что в тот период, когда казахи вели оборонительную освободительную войну, в трагические годы великого бедствия, Российская империя продвигалась на юг по Иртышу, строила крепости на захваченных джунгарами казахских землях, подкрепляя свои далеко идущие планы дипломатическими акциями, военными экспедициями³. В. А. Моисеев в своих последних трудах заметен изменил прежние взгляды. По его мнению: «Русское государство предстало на страницах работ казахских историков и публицистов «кровожадным северным хищником», таким же историческим врагом казахов, как и Джунгария. Более того, царское правительство якобы

² Кудайбердылы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. А., 1993; Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. XVII—XVIII вв. А., 1991; *его же*. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998; Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту. А., 1989 и др.

³ См.: Козыбаев М. Актуальные проблемы изучения отечественной истории // Отечественная история. 1998. № 3; *его же*. История России есть история страны, которая колонизируется // Столичное обозрение. 1998. 8 мая; *его же*. Академик К. И. Сатпаев и проблемы вхождения Казахстана в состав России // К. И. Сатпаев и общественные науки Казахстана. А., 1999. С. 54-73 и др.

провоцировало джунгаро-казахские войны, снабжало ойратов оружием и натравливало их на казахов». По мнению В. А. Моисеева: «Россия защищала казахский народ от ойратских вторжений, заняла жесткую позицию сдерживания нападающей стороны»⁴.

Однако внимательное изучение истории российско-ойратских отношений свидетельствует, что российская дипломатия в 30-е годы XVIII в. продолжала колониальную политику.

Сенат своим указом запретил хану волжских калмыков идти войной против Джунгарского ханства. И только в 1742–1743 гг. Сенат, затем миссия К. Миллера, направленная в ставку ойратского правителя начальником Оренбургской комиссии И. Неплюевым, впервые потребовали от ханов Джунгарии прекратить нападения на казахов Младшего и Среднего жузов, рассматривая их уже как российских подданных. Иначе говоря, Российская империя лишь спустя 11–12 лет после принятия казахами Младшего и Среднего жузов российского подданства выступила в поддержку казахов.

В обобщающих работах по истории Казахстана военно-стратегическая суть восточной политики империи трактовалась как акция, направленная на укрепление экономических и политических связей казахских ханств с Россией⁵.

Длительное время для того, чтобы придать «мирный» характер колониальной политике империи, военно-разведывательным экспедициям И. Д. Бухгольца, И. М. Лихарева, П. Ступина и других, утверждалось, что они проводились в «научных», познавательных целях. В литературе распространен миф о том, что строительство крепостей И. Д. Бухгольцем и другими руководителями экспедиций проводилось русскими на ничейной земле. На самом же деле военные экспедиции России строили крепости и закрепили за российскими владениями новые территории, испокон веков принадлежавшие казахам, контролируемые в тот период джунгарскими завоевателями.

Проблемы присоединения к России или вынужденного признания власти империи. В советской историографии начало колонизации Казахстана преподносилось как «присоединение» его к России. Одни авторы, рассматривая чисто внешнюю сторону вопроса, совершенно не вдаваясь ни в его экономические, ни в политические причины, считали, что присоединение произошло случайно. Другие, выражая интересы колонизаторов, выискивали «права» и «обязанности» царизма, господствующих классов царской России по отношению к казахскому народу. Они открыто проповедовали имперские идеи и в коренном населении видели только варваров, совершенно игнорируя их самостоятельное многовековое и культурное развитие. «Занятие среднеазиатских земель совершенно нами далеко не из-за одной суетной страсти к легким завоеваниям и громким победам, — констатирует официальный документ. — Мы идем на Восток в силу неизбежного естественного закона цивилизации: народы образованные никогда не уживались с варварами и если

⁴Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство. С. 105.

⁵См.: История Казахской ССР. А., 1957. Т. I. С. 221–231 и др.

первые чувствовали в себе силу и мощь, то всегда высылали к последним пионеров для водворения между ними общечеловеческих понятий о государстве и обществе. Такими пионерами у нас в Средней Азии, бесспорно, следует считать наши доблестные войска»⁶.

В условиях, когда после распада СССР возникли независимые государства, иные, явные и скрытые последователи имперского мышления продолжают настаивать на том, что Россия не была колониальной, имперской державой. «Попробуйте ответить на самый, казалось бы, простой вопрос, — спрашивают историк В. Виноградов и заместитель начальника историко-дипломатического управления МИД России И. В. Филатов в статье «Обозревая прошлое Отечества, истории Российской империи», — какие колонии в полном смысле слова приобрела и имела Россия и тогда, и позже»⁷. И это идет вразрез с тем, что писалось раньше. На этот вопрос в свое время отвечали отцы российской исторической науки Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский. Последний со всей определенностью писал: «История России есть история страны, которая колонизируется»⁸.

По отдельным вопросам «присоединения» Казахстана к России высказались казахские просветители Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и их единомышленники.

Ч. Валиханов выступал против великодержавного шовинизма, наиболее ретивые защитники которого взяли на вооружение идею евроцентристов о второсортности народов Востока, о праве избранных на государственность и державность. Определяя место казахов в истории мировой цивилизации, Ч. Валиханов решительно отвергал представление некоторых россиян о казахских кочевниках как «о грубых скотоподобных варварах». «Мнение о необычайной дикости и грубости нашей, — писал он, — основано единственно на вокальном варваризме слова киргиз-кайсака. Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского общества»⁹. Его духовное наследие, обычаи, нравы, отражающие быт предков, по мнению ученого, подобно поэтическим сказаниям Гомера, имеют достоинство историческое. Оно может показать «полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа»¹⁰.

Великий Абай, сочетавший в себе, по определению Ч. Айтматова, «поэта, богослова, пророка и просветителя, глобального мыслителя и праведника, обличавшего невежество и людские пороки, горевавшего за судьбы униженных и оскорбленных»¹¹, писал: «О просвещенных и знатных русских и речи нет. Нам не сравняться с их прислугой». «Куда сгинули наши былые восторги? Где наш радостный смех?», «О, казахи, мой бедный народ». Он установил, что

⁶Военный сборник. 1852. № 9. С. 150.

⁷Неделя. 1990. № 7 (1559). См.: Козыбаев М. К. История и современность. А., 1991. С. 140.

⁸Ключевский В. О. Соч. Т. 1. С. 50.

⁹Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. А., 1985. Т. 4. С. 81.

¹⁰Там же. Т. 1. С. 305.

¹¹Абай. Наследники. На перепутье. Сб. А., 1995. С. 105.

за время колонизации изменился менталитет народа. Былое величие — времена батыров — ушло в прошлое. Победили нравы рабской психологии, невежества, духовной нищеты. Сетуя, что в «сетях клеветы запутался он», Абай мечтал о днях, «когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добычу богатства честным, достойным путем»¹².

И знайте: лишь в дружбе казахский народ
Свободу и правоту свою обретет!

Смысл всей поэзии Абая состоял в том, что он звал свой народ к заветной цели: приобщению к достижениям цивилизованных народов:

Смотри, не заблудись и знай, куда идти,
Вот, выходи сюда на верные пути.

Анализ состояния казахского общества, критика недостатков и слабостей колониального народа, начатые и письменно выраженные Абаем, подготовили выход на историческую арену поколения алашских реформаторов.

В период, когда вооруженная борьба в первой половине XIX века против колониализма потерпела неудачу, когда Казахстан стал частью административно-территориального деления империи, когда шло ее фронтальное наступление и русификация народов окраин, дальновидные прогрессивные деятели нации были вынуждены перенести центр тяжести на просвещение своего народа (Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и их единомышленники).

Огромный пласт отечественной историографии, связанный с именами выдающихся деятелей алашского движения, за долгие годы правления советского режима оставался неосвоенным. Проблема вхождения Казахстана в состав России наиболее полно и цельно нашла отражение прежде всего в трудах А. Букейханова. В работе «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи» автор ни разу не применяет термины «присоединение», «добровольное», наоборот, употребляет «завоевание», «покорение» и подчеркивает, что казахи Младшей и Средней Орды, «прижатые с юга своими врагами к так называемой Горькой линии, были вынуждены признать русскую власть»¹³. Продолжая эту тему, А. Букейханов отмечает, что до третьей четверти XIX века «постепенно признали русскую власть все киргизские роды»¹⁴.

Неоценимо значение трудов А. Букейханова и для оценки истории Казахстана XVIII—XIX вв. А. Букейханов писал: «Со второй половины XVI столетия стал надвигаться с севера новый народ — славяне; его культура была выше культуры тогдашних властителей Киргизского края, и последние должны были уступить пришельцам господство в своем крае»¹⁵.

¹² Абай Кунанбаев. Соб. соч. в одном томе. М., 1954. С. 48; 322; 362.

¹³ Букейханов А. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи: Избранное. А., 1995. С. 49.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 51.

В колонизации края русскими А. Букейханов различает два момента: появление здесь вольных колонизаторов и движение по их следам правительственных дружин. «Вольная колонизация, — по его мнению, — создавалась появлением крестьян, преступников, сектантов и разного сброда, бежавших сюда от тяжелых условий тогдашней жизни или ради легкого способа наживы от незащитного инородца. В этом отношении особенно излюбленным местом явились Южный Урал и северо-восток нашего края. Здесь зарождалась мысль о «проведывании земли», сопровождаемая движением вперед, в глубь неведомых стран. Насколько сильно и могущественно было это движение, можно судить по тому, что волна безымянной вольницы в какие-нибудь около двухсот лет (1560—1750 гг.) прошла всю Сибирь от Урала до Камчатки, от Березова до Алтая. Одна из таких боковых волн шла в Киргизский край с севера, по Иртышу и Барабинской степи, другая — с Южного Урала по реке Урал и его притокам. Последнее движение началось раньше, но колонизация по Иртышу совершилась скорее, так как эта волна была сильнее; Иртышский край и Алтай, благодаря природным богатствам, имели в глазах колонизаторов большую цену, и сюда направлялось их больше. Это создало и русское правительство, направляя сюда впоследствии главные военные силы. Ниже мы увидим, что правительственная колонизация (и завоевание) шла по следам вольной и, так сказать, узаконивала ее; в некоторых случаях правительству приходилось просто признать известный участок земли своим, так как он был уже захвачен вольницей»¹⁶.

В своих трудах по истории Казахстана и вопросу развития форм землепользования Алихан Букейханов рассматривает отдельно завоевание и колонизацию северо-центральной и восточной части края.

«Какой год нужно считать годом появления русских людей в Ишимо-Иртышском крае — точно сказать трудно, — продолжает он. — Несомненно, что как в Северной Сибири, так и здесь, завоеванию края предшествовали частичные проникновения разного рода промысловиков за пушным зверем, а то и просто для грабежа инородцев. Эти отдельные передовые застрельщики русской колонизации, являясь сбродом вольницы, не объединенным какой-нибудь намеченной целью (кроме грабежа), не могли однако послужить надежным оплотом колонизации, несмотря на то, что в первое время, вероятно, не встречали дружного отпора со стороны инородцев»¹⁷.

По мнению А. Букейханова, вхождение Казахстана в состав империи, таким образом, состоит из колонизации (вольной и правительственной) и завоевания. «В конце XVIII столетия (как мы видим выше) значительная часть кочевников Киргизского края признала русскую власть и кочевала в русских пределах. С начала XIX столетия правительство заботилось об укреплении завоеванного края»¹⁸. Во всех своих исследованиях А. Букейханов обращается к понятию

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

«завоевание», характеризуя те сложные взаимоотношения, сложившиеся в XVIII–XIX вв. в ходе русско-казахских контактов.

А. Букейханов открыто разоблачал несостоятельную концепцию об особой цивилизаторской миссии русских в Центральной Азии. «Покорив край, — писал он, — русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым; правда, и при всем этом, они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы, покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе; они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы — грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств»¹⁹.

Автор рассматривает процессы вольной и правительственной колонизации в неразрывном единстве, уточняя, что империя была заинтересована в продвижении вольницы. Во-первых, она была передовым отрядом русской колонизации, во-вторых, она давала возможность снять проблемы во внутренней жизни империи.

После 1917 года интерес к проблемам отечественной истории возрос. Среди многочисленных работ следует отметить работы Т. Рыскулова, Х. Досмухамедова, П. Г. Галузо, С. Мендешева, Г. Тогжанова и др.

П. Г. Галузо подчеркнул факт неравноправного партнерства России и Казахстана и отметил чрезвычайную заинтересованность империи в «присоединении» инородцев края. П. Г. Галузо объяснял, почему теоретики колониальной империи пытались придать агрессии миролюбивую оболочку, цивилизаторский характер. В книге «Туркестан — колония (Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии)» он писал: «Продвижение войск царской России в казахскую степь началось еще в первой половине XVIII века. Русские цари продвигались в страну настойчиво и почти непрерывно, но продвигались, надо сказать, с некоторой оглядкой...»²⁰.

Оболочка миролюбия, в которую облачается в приведенных высказываниях русская агрессивная политика на среднеазиатской границе, говорит о том, что, имея далеко идущие агрессивные планы, Россия, продвигаясь в Среднюю Азию, сильно побаивалась своих западноевропейских соперников по колониальным захватам и, прежде всего, Англии.

Продвижение в Среднюю Азию мы можем рассматривать как одну из струй «империалистического соревнования» великих держав «насчет дележа добычи». Российский крепостник-помещик, конечно, прежде всего, захва-

¹⁹ Там же. С. 62.

²⁰ Галузо П. Г. Туркестан — колония (Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). М., 1929.

тывал колонии для себя, но объективно это было также захватом колоний и для российского промышленного капитала.

П. Г. Галузо рассматривал историю «колониальных приобретений» России в тесной взаимосвязи со всеми регионами Центральной Азии. Он считал, что вхождение Казахстана в состав империи есть результат: во-первых лишения народов политической самостоятельности и их завоевания; во-вторых, экономического закабаления; в-третьих, русско-английского соперничества при дележе мира на будущие колонии. П. Г. Галузо принадлежит заслуга раскрытия картины колониального господства России в Казахстане в XIX — начале XX в. и научная постановка проблемы национально-освободительного движения. «...Эпоха делится на две части: период завоевания и период хозяйственного освоения края, соответственно с этим на два периода делится национально-освободительное движение»²¹.

Х. Досмухамедов считал, что сущность завоевательной политики России состоит в том, чтобы использовать казахские земли как плацдарм при продвижении в Азию. Окончательное «подчинение Россией» Казахского края он считал результатом поражения национально-освободительной борьбы казахов в конце XVIII — первой половине XIX в. Он считал, что Абулхаир и небольшая кучка старшин родов пошли на сговор с царизмом и вынудили страну принять подданство. Х. Досмухамедов на примере неравного представительства родов Младшего и Среднего жузов в переговорных процессах доказал, что основная масса народа не принимала участие в акте подчинения казахов российскому государству²².

М. Ауэзов в книге «Әдебиет тарихы» (История литературы. А., 1927) отмечал, что «причин, вынудивших казахскую страну подчиниться русским много. С одной стороны, проявляли враждебность калмыки, с другой — исходила угроза со стороны среднеазиатских ханств; в-третьих, русское государство поставило перед собой цель — подчинить казахов, наряду с этим серьезной причиной стали происки самих казахских ханов. Усиление внутренней вражды и ненависти, использование помощи извне во имя завоевания друг друга раздирало казахскую страну на части. Все эти причины, вместе взятые, доводили внутренние противоречия до крайности.

К этому времени преуспело русское государство, протянувшее свои ненасытные щупальца на казахскую степь.

Подчинение русским подобно чашке с мясом, подаваемой почетному гостю помимо воли казахов, становилось реальностью»²³.

²¹ Там же. С. 59.

²² Досмухамедов Х. Избр. А., 1998. С. 33. (Примечание: Как известно, профессор Халел Досмухамедов является автором исследований о движении Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. (Досмухамедов Х. Казак батырлары: Исатай, Махамбет, Тайманулы Исатайдың қозғалысы турасында қысқаша мағлұмат // Халел Досмухамедұлы. Тандалмалы. Избранное. А., 1998. С. 29-32; 33-64).

²³ Абылай хан. Тарихи жырлар. А., 1993. 388 б.

Проблема присоединения Казахстана к России нашла отражение и в историческом наследии Т. Рыскулова. Рассматривая в целом процесс через призму перехода Казахстана в подданство России, он использовал термины «покорение», «усмирение казахов», «завоевательная сила». В освещенной им «колонизаторской политике царизма» выделяются два момента: с конца XVI в. — казачья колонизация, с середины XIX в. — крестьянская. «По пути своего продвижения во вновь завоеванных районах русская власть возводила сейчас же укрепленные пункты, и шли заселения казаками и крестьянскими переселенцами».²⁴

Причины перехода казахских жузов в российское подданство Т. Рыскулов связывал в первую очередь с внешнеполитическим положением Казахстана. Последнее выражалось в том, что с востока казахи были теснимы джунгарами, с юга — тюрками Хивы, Бухары, Кокандского ханства, с запада — ногаями и калмыками. Не последнюю роль, по мнению Т. Рыскулова, сыграли активная восточная политика завоевания Россией Казанского (1552 г.), Астраханского (1557 г.) ханств, покорение Западной Сибири (1581 г.), усиление движения русских по линии Урала и Иртыша²⁵.

Историческая концепция Т. Рыскулова по поводу утверждения российской короны в Казахстане и Средней Азии получила окончательное оформление в его работах о национально-освободительной войне 1916 года. Оценивая в целом результаты великодержавных устремлений России, он приводит высказывание начальника переселенческого управления Г. Ф. Чиркина, касающееся судеб коренных народов Центральной Азии: «Если воссоединение всего русского племени под одной сенью Великой Русской Державы в полной мере ответит психологически русским стремлениям, если Босфор и Дарданеллы составляют «ключи нашего Дона», то упрочение России в Астрабаде и Мазандаране в значительной мере искупит наши затраты на военное дело и сильно увеличит наше богатство. В политическом же отношении мы восстановим наследие Петра Великого, оценившего уже 200 лет тому назад своим гением Южное побережье Каспия (равно как и всей Центральной Азии) и утвердившего Россию у Эльбруса»²⁶.

В исторической науке в 30-х годах XX века основное внимание уделялось завоевательным мотивам и колониальным устремлениям царизма. С подобных позиций было написано большинство монографий и статей того периода, в том числе «История Казахстана» С. Д. Асфендиярова. «Не благоденствие, мир и культуру несло царское завоевание казахским массам, — писал он. — Оно несло разорение, грабеж и убийство»²⁷.

В опубликованных в 1970—1990 гг. историографических исследованиях Г. Ф. Дахшлейгера, Д. Дулатовой, Ж. Касымбаева, И. Козыбаева, И. В. Еро-

²⁴ Рыскулов Т. Р. Собрание сочинений. А., 1997. Т. 2. С. 215, 226-232.

²⁵ Там же. С. 214.

²⁶ Там же. С. 172.

²⁷ Асфендияров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). А.; М., 1935. Т. 1.

феевой подводились итоги изучения отечественной истории, прежде всего, присоединения Казахстана к России в 40–80-е гг. XVIII в.²⁸

После обретения независимости Республики Казахстан впервые за долгие годы исследователи получили возможность изучения без вмешательства сверху и идеологического диктата проблем отечественной истории. В своем докладе «Слово об Абае» Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев отмечал: «То была особенно тяжкая пора в истории казахов. Нетрудно представить положение огромных степных просторов, оказавшихся на пути хищных стратегических интересов империи, решившей захватить как можно большую часть земного шара, как можно дальше продвинуться через Среднюю Азию на юг и восток. Империи во всех отношениях было невыгодно лишаться такого лакомого куска. Для этого нужно было разрушить исторически сложившуюся национальную систему правления страной. Надо было силой внедрить в степь порядки и форму власти могущественной метрополии. Было спешно и искусственно создано несколько карликовых ханств, нарушена этнотерриториальная целостность. Потом раздробили народ и земли ханства по родовым и племенным признакам на волости и аулы.

Более плачевной участи некогда единого народа невозможно было и представить... Таковой была коварная колониальная политика, преследовавшая цель — превратить огромное пространство кочевников в стратегический плацдарм для расширения своей территории. Ради этого империя пошла на разрушение исторической государственности и лишение всяких человеческих прав ее исконных обитателей»²⁹.

Участники Всесоюзного круглого стола (27–28 июня 1990 г.) по проблемной теме «Национальные движения в условиях колониализма: Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ» пришли к выводу, что понятие «присоединение» следует понимать, как многовекторный процесс, «включающий в себя не только добровольность признания власти империи, но и завоевание, колонизацию (крестьянскую и военную)»³⁰.

²⁸ Дулатова Д. И. *Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.)*. А., 1984; Дахилейгер Г. Ф. В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. А., 1973; Сулейменов Р. Б. *Внешнеполитические связи Казахстана в XVI–XVIII вв. в советской историографии* // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. А., 1983; Нурпеисов К. Н. *Алаш һәм Алашорда*; Козыбаев И. М. *Историческая наука Казахстана*; Козыбаев М. К. *История и современность*; *его же*. Ақтандақтар ақиқаты. А., 1991; Ерофеева И. В. *Присоединение Казахстана к России как историографическая проблема* // *Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.)*. А., 1990; Артыкбаев Ж. О. *Казахское общество: традиции и инновации*. Караганда, 1993; *его же*. *Этнос және қоғам*. XVIII ғ. Караганда, 1995; *его же*. *История Казахстана (двенадцать лекций)*. Караганда, 1997; *его же*. *История Казахстана в XIX веке*. Караганда, 1992; Касымбаев Ж. К. *Хан Кене*. А., 1993; *его же*. *История города Акмолы*. А., 1995; *его же*. *Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение*. А., 1995.

²⁹ Абай. *Наследники*. С. 60–61.

³⁰ *Национальные движения в условиях колонизации: Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ: (Материалы Всесоюзного круглого стола)*. Целиноград, 1991.

Концентрированным выражением современных научных позиций стало изложение истории присоединения Казахстана к России в «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней» (1993 г.). В разделе «Казахстан в составе Российской империи» глава названа: «Присоединение Казахстана к России: вхождение, завоевание, колонизация». В ней излагается материал о политических связях между двумя народами на протяжении XVI–XVIII вв.; говорится о благожелательном отношении к России ханов Хакназара и Тауке; о джунгарском вторжении на территорию Казахстана, ускорившем принятие частью казахов Младшего жуза российского подданства; о существенных разногласиях между родовой верхушкой и Абулхаир-ханом, который при обращении к царскому правительству выступил от имени народа с просьбой о принятии подданства Средним и Старшим жузами, что произошло значительно позднее и в других условиях. Внимание акцентируется на усилении колониальной направленности политики царизма, которая осложняла внутривнутриполитическую обстановку в новых приобретенных землях. Авторы «Истории Казахстана» считают, что колониальная политика выражалась в создании укрепленных линий вокруг казахских земель и во введении здесь российской системы управления, что вызвало протест большей части казахского населения, вылившийся в ряд волнений. В итоге четко была высказана оценка: «Значительная часть Младшего, некоторые районы Среднего жузов приняли российское подданство добровольно. Большая же часть Среднего и часть районов Южного Казахстана были присоединены с помощью военной силы царизма. ...Получив бесконтрольную власть над большей частью населения, Россия расширила колонизаторскую политику почти во всех сферах»³¹. В структуре раздела доминирует материал, касающийся народно-освободительной борьбы в период присоединения Казахстана к России.

Однако исследователи все больше и больше приходят к выводу о том, что и такая постановка вопроса не отражает историческую истину. По-разному интерпретируют исследователи понятие «присоединение». В частности, М. К. Козыбаев считает, что термин «присоединение» неадекватно отражает суть исторического процесса, имеет оскорбительный оттенок, заключающий в себе силовое начало. Казахстан, по его мнению, выступает в роли примкнувшего субъекта к основному объекту. Термин, в свое время сочиненный в имперской канцелярии и принятый в официальной советской исторической науке, на деле выступает синонимом термина «захват», «агрессия», «завоевание»³².

Как известно, принято считать, что колонизацию Сибири Россия начала после завоевания Казанского, Астраханского и Крымского ханств. Исследователь В. В. Каргалов считает иначе, он пишет: «По традиции присоединение к Российскому государству Западной Сибири началось раньше, и

³¹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней: (Очерк). А., 1993. С. 85.

³² Более подробно см.: «Столичное обозрение». 1998. 8 мая.

первыми русскими воеводами, возглавившими в 1483 году большой поход в Сибирские земли, были князья Федор Курбский и Иван Салтык-Травин»³³.

Таким образом, В. В. Каргалов начальный этап колониальной политики царизма на Восток отодвигает еще на целый век. В последующих периодах различные области Сибири, в том числе Рудного Алтая и Урала, одна за другой были завоеваны российским государством.

Вслед за А. И. Тевкелевым отдельные исследователи разных поколений справедливо связывают стратегический этап, навсегда определивший неизбежность включения Казахстана в орбиту России, с именем и деяниями Петра I.

Петр I дал поручение ответственному работнику Сената И. Кириллову и дипломату, переводчику Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелеву (до принятия православия — Кутлумбет-мурзы, Мамет-мурзы) разработать проект приведения казахов в российское подданство.

Так была определена стратегия захвата Казахстана, которая окончательно оформилась в последующие десятилетия, по выражению Н. Г. Аполловой, в «крупную агрессию царизма, направленную к осуществлению так называемого «мирного завоевания степи и вечного подданства казахского народа».

Дневник российского посла А. И. Тевкелева давно обратил на себя внимание историков. Переговоры шли в течение одного года и 49 дней, что позволило ему довольно основательно изучить казахское общество и определить его потенциальные возможности. Российская политика набирала опыт общения со степным своевольным народом. В ходе переговоров правящая элита степи разделилась на две части: на сторонников Абулхаир-хана, а также на противников принятия подданства. В минуты отчаяния ханские сторонники искали другую альтернативу. Успех переговоров о подданстве был решен только благодаря доброму расположению одного из крупных вождей Младшего жуза Бокенбай-батыра из союза племен жетыру к Тевкелеву. Бокенбай-батыр говорил, если ему будет оказана помощь со стороны башкир и яицких казаков, то он с зятем (Кудайназар-батыром) «обещает киргиз-кайсацкую орду в подданство российское в два года привести саблею»³⁴.

Впоследствии, обобщая весь материал миссии А. И. Тевкелева, историк А. Левшин был вынужден констатировать: «Появление Тевкелева в Орде открыло все властолюбивые замыслы хитрого Абулхаира. Чиновники, ехавшие приводить новых подданных России к присяге, не только не были приняты соответственно своему назначению, но тотчас по приезде едва не лишились жизни... Простой народ напротив того, не имея среди себя столько приверженцев России, сколько было их в Меньшей орде, не хотел расставаться с независимостью своею, представлял себе все в превратном виде и потому сильно восстал против соплеменников своих, покорных России».

³³ Каргалов В. В. Полководцы X—XVI вв. М., 1987. С. 172.

³⁴ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. А., 1961. Т. 1. С. 63.

Итак, одной из приоритетных в отечественной истории является проблема казахско-российских отношений с середины XVI в. до начала XX столетия. Предшествующая историография этой проблемы претерпела различного рода оценки, начиная со ставшего классическим в советское время определения «присоединение» и завершая термином «вхождение», введенным в первые годы обретения Казахстаном своей независимости. Как бы то ни было, историческим фактом является то, что Казахстан в результате сложнейших коллизий в международных отношениях потерял свою политическую независимость и государственный суверенитет почти на двести шестьдесят лет.

Всемирная история распорядилась так, что начавшиеся складываться торгово-хозяйственные связи и расширяющийся мировой рынок поставили человечество перед фактом стремления отдельных мировых государств держать в своих руках пульс торговых путей, что в свою очередь вызвало их соперничество за торговое и промышленное господство в мире. В этих условиях по-иному складывается судьба стран Центральной Азии. Казахстан с его цветущей степной цивилизацией, истоки которой восходят к колыбели общего прошлого человечества, становится объектом интересов внешней политики сопредельных великих соседей. Россия, ставшая централизованным государством с утвердившейся абсолютной монархией, имея опыт дипломатического подчинения азиатских народов и военных экспедиций, направляет свои взоры на казахские земли, которые должны были стать «ключом и вратами ко всем азиатским странам и землям». При этом Российская империя исходила как из внутренних потребностей, так и из необходимости утвердиться на европейском и азиатском континентах.

Успехам российской политики при подчинении Казахстана способствовала ситуация в Центрально-Азиатском регионе, сложившаяся не в пользу кочевников Великой Степи и ее соседей. На Среднем Востоке столкнулись интересы Джунгарии, Китая, Османской империи, среднеазиатских ханств, Англии.

Казахский компонент в «восточной политике» России обретает свое важное место еще со времен правления Василия III, имевшего связи с Казахским ханством. Если до начала XVIII в. казахско-российские отношения представляли собой взаимоотношения двух независимых государств, несмотря на нараставшую в течение двух предыдущих веков российскую экспансию, то со времен реформ Петра Великого во внешней политике России по отношению к Средней Азии и Казахстану начинает брать верх тенденция поглощения Степного края. «Восточная идея» Петра I вызвала к жизни планы захвата путей транзитной торговли с Индией и Китаем.

Начало XVIII в. ознаменовалось для казахов сложным внешнеполитическим положением. Политические тиски ощущались налицо: с севера и запада — Российское государство, с востока — джунгары, с юга — среднеазиатские ханства. Наряду с этим происходило нарастание кризисных явлений внутри казахского общества: отсутствие интеграции среди кочевых коллективов, усиление центробежных тенденций, рост родовых усаобиц,

внутриполитическая борьба во властных структурах, в те годы на территории современного Казахстана поднимали голову так называемые «келте ханы», начавшие «войну всех против всех». Эти войны подрывали экономическую основу государства, истощали его материальные ресурсы и увеличивали людские потери.

Это привело к нарушению традиционных маршрутов перекочевов и деформации системы кочевки в целом. Наконец, пиком череды негативов и противоречий в развитии казахского общества стали 1723–1727 гг., вошедшие в историю Казахстана как «Ақтабан шұбырынды» или «годы великого бедствия». Это было время неисчислимых страданий, голода, человеческих жертв, экономической разрухи, упадка производительных сил, культурного регресса.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что воевали между собой по образу жизни кочевники, по сути своей народы, ставшие жертвами «большой политики» мировых империй и великих соседей. Как бы то ни было, в истории Отечества имели место длительные казахско-джунгарские войны, в которых решающую роль сыграло народное ополчение казахского народа против джунгарской агрессии. Если иметь в виду, что защищалась Родина и земли предков, то можно говорить об отечественной войне, а не о простом ополчении.

Будучи вытесненными к западным и северо-западным границам своей родины, казахские роды столкнулись с проблемой использования пастбищных пространств между Волгой и Уралом, что привело к противоречиям с уральскими казаками и калмыками. К тому же в результате джунгарской агрессии значительно ослабли хозяйственно-политические связи между казахскими жузами, усугублению которых содействовали межродовые распри и раздробленность. В первой четверти XVIII века воочию были представлены превосходства наступающей европейской промышленной цивилизации, которые выразились в эффективном развитии военного дела. Преимущества конницы стали постепенно сводиться на нет, уступив место огнестрельному оружию и артиллерии.

Рубежным в плане подчинения Казахстана российскому имперскому двуглавному орлу стал 1731 год. Это было время, когда предводитель Младшего жуза хан Абулхайр обратился к российской императрице Анне Иоанновне с просьбой о подданстве и покровительстве.

Действия хана Абулхайра получили весьма противоречивые оценки в историографии. В качестве негативных его сторон названы корыстные интересы борца за единоличную власть; забвение интересов казахского народа, поскольку он выступил от имени всех казахов; стремление Абулхайра и его окружения возвыситься над остальными соперниками благодаря покровительству могущественной державы. В числе причин, оправдывающих подписание акта с Россией казахами Младшего жуза во главе с Абулхайром, называются внешнеполитические факторы: необходимость предотвращения джунгарской агрессии; появление угрозы на южных рубежах Казахстана в

связи с завоеваниями иранского шаха Надира; притязания среднеазиатских ханств на южные земли Казахстана; рейдовые набеги башкир, волжских калмыков, яицких казаков, сибирского войска на пограничные земли казахов. Внутренние и некоторые другие факторы — необходимость в подрыве основ сепаратизма родовой знати и местной вольницы; потребность в создании централизованного государства; усталость казахского народа от продолжительной агрессии со стороны джунгар, междоусобных войн между ханами, султанами, старшинами, от блокады внешнего мира; разведывательная деятельность российских экспедиций в казахской степи и строительство крепостей на оккупированных калмыками казахских землях; деятельность российской дипломатии в лице А. И. Тевкелева, И. Неплюева и др., подтолкнувшая Абулхаира на принятие русского подданства; сложность экономического состояния Казахстана в первой четверти XVIII в.

19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту хану Абулхаиру о принятии в российское подданство Младшего жуза. 10 октября 1731 г. вместе с ханом Абулхаиром присягнули российскому престолу, поставив подписи 56 человек, представлявших следующие роды: 17 — из родов аргынов, 7 — из найманов, 4 — из кыпчаков, 2 — из рода тама, 3 — из жагалбайлы, 1 — из кердери, 4 — из алаша, 2 — из байбакты, 2 — из жаппасов, 2 — из маскар, 10 — из табынов, 1 — из шомекей, 1 — из кете (*Крафт И. И.* Принятие киргизами русского подданства. Оренбург, 1897; см. также: Айкап / Составители: У. Субханбердина, С. Даутов. А., 1995. С. 49-52).

Состоявшийся вблизи Оренбурга в 1740 г. съезд представителей старшин и султанов Младшего и Среднего жузов способствовал закреплению первых результатов российского подданства. Присутствовавшие на нем хан Абулмамбет и султан Абылай, учитывая сложившуюся ситуацию, высказались за принятие российского подданства, стремясь обезопасить Казахстан от возможных вторжений джунгар. Присяга группы султанов и старшин Младшего и Среднего жузов в 1740 г. обусловила подчинение России лишь части Среднего жуза. Основные же регионы Северо-Восточного и Центрального Казахстана вошли в состав империи лишь в 20–40-е гг. XIX века вследствие военно-политических акций царизма. Мечта Петра I стала реальностью.

Проблема признания казахами протекторатной зависимости от Российской империи стала предметом интерпретаций в трудах многих исследователей³⁵.

³⁵ См.: Кузембайұлы А. История дореволюционного Казахстана. А., 1992; Кузембайұлы А., Абилов Е. История Казахстана: (с древнейших времен до 20-х годов XX в.). А., 1996. С. 176–177, 177, 179; Кузембайұлы А., Абилов Е. Казахстан в XVIII — нач. XX вв. Костанай, 1995; Касымбаев Ж. К. Хан Кене. А., 1993; *его же*. История города Акмолы. А., 1995; *Его же*. Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение; *Ерофеева И. В.* Казахские ханы и ханские династии в XIII — середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. А., 1997. С. 106-107; *Артыкбаев Ж. О.* Казахское общество: традиции и инновации; *его же*. Этнос және қоғам. XVIII ғ.; *его же*. История Казахстана (двенадцать лекций); *его же*. История Казахстана в XIX веке;

Вопрос признания частью казахов Младшего и Среднего жузов власти России рассматривался и на сессии Министерства образования и науки — Академии наук, посвященной году отечественной истории и народного единства (4 июля 1998 г.)³⁶.

Свое видение истории Казахстана изложил в книге «Азбука казахской истории» (А., 1995) народный писатель, известный исследователь М. Магауин. В ней рассмотрены актуальные проблемы казахской государственности, основные этапы борьбы казахского народа с джунгарскими захватчиками, определены некоторые, порою существенные, пробелы в изучении отечественной истории.

Известно, что долгие годы методологическим наставлением для советских обществоведов служило письмо К. Маркса своему соратнику Ф. Энгельсу, где он писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 24. С. 241). Однако российские исследователи из этого текста опускали оборот «несмотря на всю подлость и славянскую грязь». Историки же регионов не осмеливались использовать цитату без этих купюр. При таком подходе оценка К. Маркса роли России «для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» приобрела совершенно иной смысл.

Что же изменилось сегодня в оценке роли России для народов Востока? После завоевания суверенитета и независимости слова К. Маркса «несмотря на всю подлость и славянскую грязь» наполнились конкретным содержанием. «Вся подлость и славянская грязь» России для народов Центральной Азии однозначно состояла в колонизаторстве, политике геноцида и этноцида, русификации, изъятии плодородных земель у казахов, в подавлении национально-освободительного движения и т.д. Опубликованные многочисленные документальные сборники по истории национально-освободительного движения, а также монография Г. Сапаргалиева «Карательная политика царизма в Казахстане» (А., 1960) тому доказательство.

Не исключена возможность, что в пылу полемики исследователи порою допускают излишнюю горячность, прямолинейность. Чрезмерная концентрация «подлости и славянской грязи», а их накопилось за 260 лет предостаточно, порою воспринимаются нашими коллегами из России неоднозначно. Все это можно понять.

Вместе с тем исследователи Казахстана, за редким исключением, по-прежнему всемерно отмечают цивилизаторскую роль России по отношению к

Муқанов М. С. Этническая территория казахов в XVIII — начале XX веков. А., 1991; *его же*. Қазақ жерінің тарихы. А., 1994; *его же*. Из исторического прошлого. А., 1998; Елагин А. С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. А., 1993; Мәшімбаев С. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. А., 1994; Мырзахметов М. Қазақ калай орыстандырылды. А., 1993.

³⁶ Уроки отечественной истории и возрождение казахстанского общества. А., 1998.

Востоку. Она состояла в приобщении народов окраины к русской и европейской культуре, ускоренном развитии производительных сил, участии в составе империи в процессах всемирной истории.

Так или иначе историографические поиски проблем истории Казахстана в составе России идут в этих параметрах.

Постараемся доказать данный тезис на примере изучения историографии колонизации края.

Проблемы изучения казачьей колонизации. Противоречивый и тяжелый для казахского народа процесс колонизации Казахстана длился более ста лет.

Одним из первых, кто обратил внимание на изучение казачьей колонизации, был П. Г. Галузо. Его работа «Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг.» (А., 1965) содержит сведения о казачьей колонизации этого региона. К кругу вопросов, волновавших автора, относятся следующие: основные этапы формирования и развития семиреченского казачества, развитие казачьего землепользования, расслоение казачества по количеству лошадей, по землепользованию и размерам посевных площадей, формы эксплуатации в станицах. Исследование этих проблем основано не только на значительном статистическом и архивном материале, но и на ранее опубликованных работах Н. З. Леденева, М. Хорошхина, Ф. М. Старикова, С. Н. Белецкого, А. А. Кауфмана и др. После П. Г. Галузо около 35 лет проблема казачества не вызывала интереса ученых и только в последние годы, в тесной связи с современными демографическими проблемами и оживлением казачества в Казахстане вопрос вновь приобрел актуальность. Среди многих публикаций мы остановимся на двух работах: «История казачества Казахстана» (А., 1994) М. Ж. Абдирова и «Из истории семиреченского казачества» (А., 1997) Т. Б. Митропольской.

М. Ж. Абдиров ставит следующие задачи: выяснение времени появления первых русских казаков в казахской степи, место казачества в системе колониального господства в крае, роль казачества в завоевании Казахстана и подавлении национально-освободительных восстаний и движений казахского народа в XVIII–XIX вв. Обусловлена такая постановка вопросов тем, что из одиннадцати казачьих войск царской России четыре непосредственно располагались в Казахстане: Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское. В прямой близости к Букеевской Орде находилось Астраханское казачье войско.

В результате исследования проблемы автор приходит к выводу, что казачество здесь выполняло три функции: 1) массовое изъятие лучших и плодородных земель, вытеснение казахов в бесплодные пустыни, сужение районов традиционного кочевания казахов и тем самым подрыв векового хозяйственного уклада; 2) во время регулярных воинских походов в степь массовый угон скота и лишение казахов основного источника существования; 3) во время тех же грабительских набегов на мирные аулы массовые убийства и захват мужчин — главной производительной и военной силы кочевников. «Взятые вместе, в единстве, они означали геноцид на фазе перехода в этноцид против казахского народа» (с. 140).

Всю историю казачества как уникального этнологического процесса М. Ж. Абдиров считает возможным рассматривать на двух конкретных этапах, в их историческом сцеплении и столкновении. Первый — казачество как исконно тюркское явление в эпоху средневековья (VI—XVI вв.), возникшее на необъятной территории великого пояса степей от Монголии до Дуная. Второй — формирование преимущественно славянского казачества в южных и юго-восточных степях под влиянием внутрироссийской базы существовавшего здесь прежде тюркского населения.

Работа Т. Митропольской ограничивается одним регионом — Жетысу (Семиречьем). Помимо сведений о формировании казачества, автор подробно освещает события, происходившие среди казаков между 1917—1920 гг., назвав их «Между двумя диктатурами». По замечанию автора, весть о падении царизма была встречена семиреченцами без «прочных монархических привязанностей» или же проявления «доверия к правому крылу либералов»³⁷. В Петрограде, Москве, Ташкенте и других революционных центрах нейтралитет большинства казачества сыграл на руку большевикам³⁸. Изучив действия казачества в 1917 г., автор подводит итог, связанный со свержением 4 марта 1918 г. власти комиссаров Временного правительства и установлением власти Советов в Верном. В заключении приводится перечень выявленных автором слабоизученных проблем темы, среди которых рассказаживание. «Те действия органов Советской власти, которые названы рассказаживанием, — уточняет автор, — заключались не столько в ликвидации казачьих войск как государственных учреждений, упразднении сословий и реформе землепользования, сколько в попытках вычеркнуть казачество как социально-этническое образование из российской реальности»³⁹.

Как видно, казачество играло значительную роль проводника идей и устремлений самодержавия в Казахстане, являясь его опорой и защитой. Вместе с тем следует отметить, что казачье население, как и представители русской переселенческой деревни, осваивая районы поселения в Казахстане, ускорили процесс хозяйственно-экономической, культурной интеграции с казахским населением на основе взаимовлияния и взаимодействия.

Среди многочисленных краеведческих работ выделяется книга В. А. Терешук «Рассказы о Кокчетаве». В разделе книги, озаглавленной «Казаки — верная опора царизма» автор отмечает, что на них «царское правительство возлагало надежды по усмирению взбунтовавшихся мятежников, подведению всего киргиз-кайсацкого народа под высокую монаршую руку»⁴⁰. В. А. Терешук показывает пренебрежительное отношение казачества не только к казахам, но и к мужику-переселенцу. «Всеобщее внимание к казакам, порой незаслуженное приписывание им заслуг, небывалых подвигов порождало в их среде

³⁷ Митропольская Т. Б. Из истории Семиреченского казачества. А., 1997. С. 37.

³⁸ Там же. С. 57.

³⁹ Там же. С. 84.

⁴⁰ Терешук В. А. Рассказы о Кокчетаве. Кокшетау, 1992. С. 131.

большую самоуверенность, сознание непобедимости, геройства. Они еще сильнее стремились окружить себя ореолом славы, выпятившись как защитники русских рубежей, верой и правдой служащих царю и Отечеству, такими они оставались на протяжении многих десятилетий. И каждый раз по первому зову трубы, оседлав своих коней, скакали туда, где были бессильны дипломатия, законы, желания народа»⁴¹.

Таким образом, представлена в историографии одна из определяющих проблем завоевания Казахстана Российской империей в XVIII–XIX вв. и превращения обширной территории в колониальную окраину. Это не был единовременный политический акт, его целенаправленность и длительность оказали влияние на все грани истории и жизни казахского общества.

Изучение проблем социально-экономической и демографической истории казахского общества XIX века. Россия пыталась основательно выяснить, какое количество кочевого и оседлого населения приобретала она вместе с новыми территориями, каковы база и особенности экономической, политической и правовой сторон их жизни и другие вопросы, составляющие основу казахской народности.

Одно из первых учреждений, с четкими задачами выявления потенциальных возможностей районов в экономическом плане, было сформировано в 1734 г. во главе с И. К. Кирилловым. Оно получило название Оренбургской экспедиции. Отчеты ее участников — ценнейший источник по истории XVIII века.

Первые опубликованные сведения о численности казахского населения на 60-е годы XIX века по трем жузам имеются у А. Левшина, который приводит цифру от 2,5 до 3 миллионов⁴². Специально этими вопросами в XIX в. занимались участники статистических комитетов: М. Красовский по Сибирскому ведомству, М. Кузьминский по Среднему жузу, Я. Ханыков по Букеевской Орде, И. Бларамберг по Букеевской Орде и Младшему жузу, Ю. А. Гюгемейстер по Сибирскому ведомству и Старшему жузу, а также казахам, кочевавшим в Томской и Тобольской губерниях и др.⁴³

Интерес к истории и современному состоянию народонаселения вновь приобретенных территорий показывает появление общих работ о казахам. К этому ряду относятся труды С. Броневского, В. Вельяминова-Зернова, А. Гейнса,

⁴¹ Там же. С. 148–149.

⁴² *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Т. 1–3. СПб., 1832.

⁴³ *Красовский М.* Область Сибирских киргизов. Ч. 1–2. СПб., 1868; *Кузьминский М.* Краткое статистическое обозрение Западной Сибири // Материалы для статистики Российской империи. Ч. 1. СПб., 1839; *Ханыков Н.* Географическое обозрение Оренбургской губернии // Материалы для статистики Российской империи. Ч. 1. СПб., 1839; *Бларамберг И.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб., 1848; *Гюгемейстер.* Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете. Ч. I–III. СПб., 1854.

В. Григорьева, И. Завалишина, Л. Мейера, И. Казанцева, Н. Зеланда, Р. Игнатьева, Н. Гродекова, П. Румянцева и др.⁴⁴

Помимо общих работ, в которых содержатся разносторонние сведения о казахах, начиная с их истории, социальной структуры, быта, духовной жизни, выплаты налогов и обычаев, существует немало трудов, специально и углубленно освещающих отдельные вопросы политической, экономической, правовой сторон казахского общества и различных тем культуры. Часть из них публиковалась в периодической печати, а диапазон изданий говорит об интересе к казахскому народу и желании больше и шире узнать о нем. Еще одной знаменательной особенностью историографии XIX в. стало привлечение к изданиям о Казахстане представителей казахской интеллигенции, публиковавшей заслуживающий внимания материал о различных сторонах жизни казахского общества.

Довольно широкий круг книг и статей повествует о занятии казахов кочевым скотоводством — основной хозяйственной деятельностью. Живой интерес вызывает нестандартное описание хозяйства казахов, представленное Мухаммед-Галием Тяукиным. Особенности кочевого хозяйства в условиях Туркестана и его связи с земледельческими поселенцами описал Н. Васильев. Интересные характеристики быта и нравов казахов, трудностей ведения традиционных методов хозяйства в новых условиях и попытки приспособиться к ним находим у А. Букейханова, М. Чорманова, А. Алекторова, В. Герна. Оригинальный материал о скотоводстве в Тургайской области содержат работы А. Добросмыслова и А. Диваева⁴⁵. С начала XIX века казахи стали заниматься земледелием не только на юге Казахстана по течению Сырдарьи, Таласа, Чу, Сарысу, Или, где оно было и раньше, притом поливное, возникают новые очаги земледелия, главным образом по рекам Урал, Тургай, Илек, Ор, Иртыш и по побережью многочисленных озер.

⁴⁴ *Броневский Е.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Т. 41, 42, 43; *Вельяминов-Зернов В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России и Средней Азии со времени кончины Абулхаир-хана в 1748—1765 годах. Уфа, 1955; *Гейнс А.* Киргизские очерки // Военный сборник. 1866. Т. VIII, IX, X. № 1, 6, 7; *Григорьев В.* Оренбургские киргизы и их умение в торговом деле // Народная беседа. 1854, № 1; *Завалишин М.* Описание Западной Сибири. Сибирско-Киргизская степь Оренбургского ведомства. Оренбург, 1865; *Казанцев А.* Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1864. *Зеланд Н.* Киргизы // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. 1885; *Игнатьев Р.* Киргизы Оренбургского ведомства в XVIII столетии. СПб., 1890; *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889; *Румянцев П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.

⁴⁵ *Тяукин М.* О хозяйстве ордынцев, кочующих в Зауральской степи // Экономические записки. 1861. № 41; *Васильев Н.* Кочевники Туркестана. Самарканд, 1870; *Чорманов М.* О скотоводстве у киргизов Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. 1883. № 1; *Алекторов А.* Скотоводство киргизов // Оренбургский листок. 1888. № 17-19; *Герн В.* Характер и нравы киргиз-казахов. Скотоводство киргизов. Памятная книга Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899; *Добросмыслов А.* Скотоводство в Тургайской области // Сельское хозяйство и лесоводство. Ч. СХХV. СПб., 1894; *Диваев А.* Из области киргизского скотоводческого хозяйства. Ташкент, 1905.

М. Венюков⁴⁶, побывав в Казахстане, писал, что казахи «Средней и Большой Орды» — номады, но многие занимаются земледелием по рекам Алтая, Тарбагатая, Калбинского хребта, Джунгарского и Заилийского Алатау. Если в первой четверти XIX века земледелием занимались в основном жатаки, бедняки-земледельцы, то к середине века земледелие, в том числе и сенокосение, становится занятием и более зажиточных слоев казахского аула, преимущество перед мелким скотоводством становится очевидным. Эти и другие факторы, отражающие земледелие и проблемы, связанные с ним, раскрывают Т. Сейдалин, А. Алекторов, Л. Чермак и др.⁴⁷

Начиная с последней четверти XVIII века царское правительство нацелилось на ликвидацию ханской власти и на проведение административной реформы в Казахстане. Особенно активно шел этот процесс в 1822–1824 гг., когда были утверждены «Устав о Сибирских киргизах» и «Устав об Оренбургских киргизах», по которым ликвидировалась ханская власть, Средний жуз и часть Старшего жуза были разделены на внешние округа, а в Младшем жузе введена дистанционная система. По мере превращения территории Казахстана во внутреннюю колонию Россия унифицировала систему управления и подчинения казахов Временными положениями 1867–1868 гг. (после завоевания юга Казахстана). Наряду с административными переменами произошли существенные изменения в правовой и судебной системе казахов. Резко сократилась сфера действия казахского обычного права, доминирующее значение приобретало российское право, окончательно утвердившееся Положениями 1886, 1891 гг. Весь земельный фонд края из рук господствовавшего ханско-султанского рода Чингизидов перешел в собственность Российской империи.

Внимание современников к правовым нормам во все этапы колонизации России было стабильным. Обильный документальный материал отличает работы М. Чорманова, А. Букейханова, Ж. Акпаева, И. Ибрагимова, Д. Самоквасова, Г. Загряжского, А. Крахалева, П. Маковецкого, Н. Максимова, И. Крафта, А. Добросмыслова, А. Мякутина и др.⁴⁸

⁴⁶ Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873; Шахматов Г. Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней Орды // Земледельческий журнал. 1832. № 8.

⁴⁷ Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // Записки Оренбургского отдела РГО. 1870. Вып. 1; Алекторов А. Земледелие у киргизов // Оренбургский листок. 1888. № 50–52; Чермак Л. Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Кн. XVII. Омск, 1900.

⁴⁸ Чорманов М. Киргизские народные обычаи // Семипалатинская областная ведомость. 1871. № 32; Самоквасов Д. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Загряжский Г. Юридические обычаи киргизов и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. СПб., 1876; Крахалев А. Древний суд биев // Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. 1888. № 48; его же. Суд и следствие у киргизов Сибири // Юридический вестник. 1888. Т. XXVIII; Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. I–II. Омск, 1886; Максимов Н. Народный суд у киргизов // Юридический журнал. 1897. Кн. VIII; Крафт И. Судебная часть в Туркестанском

Значительное количество публикаций отражали быт казахов, социальную структуру общества, торговлю и занятия казахов промыслами, главным образом, на основе животноводческого сырья.

Начиная со 2-й половины XIX в. процесс переселения крестьянства, сначала стихийный, а затем взятый под контроль властей, нашел отдельное отражение в публикациях начала XX в.

Переселенческая политика, составная часть колонизации края, приобрела в Казахстане широкие масштабы. Более детальное изучение аграрных отношений, развития земледелия и переселенческого дела было начато историками советского периода, главным образом, в 50-х годах. Этими вопросами занимались А. Турсунбаев (Из истории крестьян-переселенцев в Казахстане. А., 1950), П. Верещагин (Переселенческая политика царизма в Сырдарьинской области Туркестанского края. М., 1950), статьи написали П. Шарова, О. Ваганов, А. Геллер и др. Исследователи определили районы выхода переселенцев, их социально-экономический тип, изучено массовое изъятие земель у коренного населения, выявлены последствия переселенчества. Важной вехой на пути осуществления целей самодержавия явилось совещание по землеустройству казахов в 1907 г., которое, не согласившись с данными экспедиции Ф. А. Щербины за 1896–1902 гг., добилось новой ревизии для выявления колониционного фонда пахотных земель. Подробно изучена политика Столыпина и выявлено количество изъятых площадей на всей территории Казахстана.

Для рассматриваемого периода историографии и работы историков в последующие годы определяющее значение имела Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период (Материалы... Ташкент, 1955). Рекомендации, выработанные на сессии, были положены в основу «Истории Казахской ССР» (Т. 1. А., 1957) и монографий социально-экономического плана, написанных Е. Бекмахановым (Социально-экономические отношения Казахстана в период империализма. А., 1957), С. Зимановым (Общественный строй казахов первой половины XIX в. А., 1958), С. Толыбековым (Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. А., 1959).

Е. Б. Бекмаханов изучил динамику социальных изменений по категориям султанов, биев, ходжей и мулл, баев, тарханов, батыров. При этом, как выяснил автор, две последние категории (тарханы и батыры) к середине XIX в. утратили свое экономическое влияние и фактически как отдельные социальные группы прекратили свое существование. Отстаивая свои взгляды на

крае и смежных областях. Оренбург, 1898; *Добросмыслов А.* Суд у киргизов Тургайской области в XVIII и XX вв. Казань, 1904; *Мякутин А.* Юридический быт киргизов // Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии. Оренбург, 1911. Вып. XV; *Кауфман А. А.* Сибирское переселение на исходе XIX в. СПб., 1901; К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903; *Седельников Т. И.* Борьба за землю в киргизской степи: Киргизский земледельный вопрос и колониционная политика правительства. СПб., 1907.

сущность байского хозяйства, автор полемизировал с учеными по двум направлениям: с одной стороны, против утверждения С. Толыбекова, С. Зиманова о существовании байства задолго до XIX в., считая этот подход односторонним; с другой стороны, против положений Е. Федорова и А. Якунина, переоценивавших капиталистические отношения в экономике Казахстана, игнорировавших факты использования в байском хозяйстве дарового труда обедневших одноаульцев под видом «родовой помощи». Е. Бекмаханов доказал, что в казахском ауле господствовал феодальный способ производства с сохранением пережитков патриархально-родового быта.

Монографии С. Е. Толыбекова и С. З. Зиманова внесли большой вклад в изучение социальной структуры и хозяйственной деятельности казахского населения в период господства традиционных отношений в Казахстане. Ими изучены производительные силы в условиях казахского скотоводческого хозяйства, определена специфика владения основными средствами производства, выявлены формы зависимости и принципы использования старшинами родовых институтов в своих интересах.

Ученые показали, что в период развития капитализма в России, особенно в пореформенный период, структура класса эксплуататоров в Казахстане представляла собой систему неравнозначных социальных групп, интересы которых тесно переплетались: султаны, привлеченные на службу колониальных властей; баи — владельцы скота и плодородных пастбищ или предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов; бии, сохранившие в своих руках судебную власть в ауле; старшины, превратившиеся в местный чиновничий аппарат, в обязанности которого входил сбор налогов с подвластных аулов.

Социальные категории эксплуататоров объединяло отношение к казахским шаруа, основным производителям. Причем здесь переплетались старые формы эксплуатации с новыми. Характерно, что ни одна из названных социальных категорий господствующих слоев общества не принимала участия в материальном производстве.

В распоряжении казахских старшин сохранялись пастбища; у них было сосредоточено большое количество скота; конечно, они диктовали свою волю в кочевых общинах. Поэтому проникновение капитализма в кочевые и полукочевые коллективы было закономерным явлением в пореформенный период, определившим незавершенность общего процесса развития капитализма в Казахстане вплоть до 1917 г.

В числе наиболее актуальных и сложных проблем социально-экономического плана оставалась аграрная история в Казахстане. Ею занимались Л. Ауэзова, С. Сундетов, В. Черников, А. Гинсбург и др. Узловые проблемы аграрной истории Казахстана в период капитализма в России исследованы в трудах Б. Сулейменова (Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начале XX в. А., 1963) и П. Галузо (Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. А., 1965).

Хронологические рамки монографии Б. Сулейменова охватывают 40 лет (1867–1907 гг.). В ней раскрыта сущность аграрной политики самодержавия и позиций помещиков и буржуазии, подвергнута анализу история оседания и социально-хозяйственного устройства казахского аула. Автор отметил усиление строительства в ауле постоянных жилищ и помещений для скота, показал разницу между административным аулом, образованным в результате реформы 1867–1868 гг., и хозяйственным аулом, рассмотрел формы и методы эксплуатации в них. При выяснении степени распространения капитализма и расслоения населения в казахском ауле Б. Сулейменов руководствовался двумя категориями: количеством скота и количеством наемных рабочих в хозяйстве. Им отмечено, что в силу живучести патриархально-феодалных отношений беднота аула в значительной степени эксплуатировалась под видом «родовой помощи».

У П. Г. Галузо аграрные отношения на юге Казахстана представлены в более широких хронологических рамках, на основе большого статистического материала. В оценке роли переселенцев и вследствие этого перераспределения земельных угодий автор исходил из того, что этот процесс является тормозом в развитии казахского земледелия, в переходе казахов к оседлому хозяйству.

Основательно показана автором роль военно-феодалного аппарата управления краем и дана исчерпывающая характеристика аграрному законодательству царизма. Рассмотрев имущественное неравенство и расслоение в ауле, автор приходит к выводу, что земледелие у казахов было развито настолько широко, что их хозяйство уже приближалось к типу животноводческо-земледельческого направления, а своеобразие состояло лишь в том, что в ауле почти не дифференцировалось крупное байство — владельцы от байства кулацкого типа, использовавшие наемный труд.

Значительное место в монографии отведено казачьей колонизации края, истории Семиреченского казачьего войска. В переселенческой политике царизма автор видит два этапа: XIX в., когда Жетысу и Сырдарьинская область заселялись русскими крестьянами по стратегическим и военно-политическим соображениям, и XX в. — переселение из России большого количества бедного и среднего крестьянства в целях ослабления его борьбы за землю. В результате переселенческой политики самодержавия, считает автор, кочевое (скотоводческое) и оседлое (земледельческое) хозяйства вступили в полосу глубокого кризиса. Он пишет об «огромном разрушении производительных сил, исключительно глубоком обнищании крестьянства». Однако, на наш взгляд, главное, что нужно было выяснить, состояло в том, что ускорила ли перестройка хозяйства казахов, переросло ли оно из скотоводческого в скотоводческо-земледельческое. Лишь получив объективный ответ на этот вопрос, мы можем дать более точную оценку всей переселенческой политике и ее результатам в целом.

П. Г. Галузо исследовал имущественное состояние крестьян-переселенцев из России до водворения на юг Казахстана, дифференциацию переселенцев

после водворения, тип хозяйства переселенцев, отношения эксплуатации в переселенческих поселках. Вывод автора категоричен: «Переселенцы, — пишет он, — не обогнали местное крестьянство, в частности казахов, в части техники земледелия. Не обогнали они его и в части развития капитализма, зарождения индустриальных форм капитала в сельском хозяйстве» (с. 269). И далее: «...в казахских аулах капитализм в сельском хозяйстве был более развит, чем в русских поселках». Автор знал, что его мнение противоречит выводам большинства исследователей, однако отстаивал свои взгляды.

Несмотря на существенные различия в выводах, Б. Сулейменов и П. Г. Галузо рассмотрели переселенческий вопрос в тесной взаимосвязи с изменениями, характерными для экономики России XIX — начала XX вв.; отсюда подтверждение обобщения: решение переселенческого вопроса было возможно только при условии аграрного переворота в европейской России.

В конце 1970-х гг. интерес к аграрным проблемам развития Казахстана ослабел и это состояние в историографии характерно и на сегодняшний день.

О значительных достижениях в изучении промышленности и транспорта, торговли и финансовой политики, в тесной связи с проблемой формирования пролетариата в Казахстане свидетельствуют труды Е. Дильмухамедова и Ф. Маликова, Е. Бекмухамедова, М. Турсуновой, Г. Есенгалиевой, М. Асылбекова, Ц. Фридмана⁴⁹.

В горнорудной промышленности наиболее полно проявилась сущность колониального положения края. Е. Дильмухамедов и Ф. Маликов рассмотрели особенности развития этой отрасли в пореформенное время, трудности ее роста. На основе архивных материалов авторам удалось проследить проникновение в начале XX в. в горнозаводскую и нефтяную промышленность монополистического иностранного капитала, историю акционерного общества Спасских медных руд, Атбасарского акционерного общества медных копей, Риддерского и Киргизского горно-промышленного общества и др.

Свою главную задачу авторы видели в выявлении особенностей формирования кадров рабочих в горнодобывающей промышленности и их революционной борьбы. Однако авторы изложили материал, относящийся больше к источникам пополнения рабочего класса Казахстана. Их они видят в результатах дифференциации казахского крестьянства, роста отходничества, в переходе кустарей в ряды рабочих, приезде рабочих из уральских и сибирских заводов, в обедневших мещанах. Авторы указали на первые законы о найме рабочих 1838, 1870, 1895 гг.; жаль, что они не раскрыли содержание фабричного законодательства. По данным их примерного подсчета, в начале

⁴⁹ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. А., 1963; Бекмухамедов Е. Б. Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. А., 1964; Асылбеков М. Х. Развитие сети железных дорог Казахстана в конце XIX — начале XX в.; Казахстан в канун Октября. А., 1968; Турсунова М. Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. А., 1977; Фридман Ц. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. А., 1960.

XX в., по сравнению с 1860—1880 гг., число рабочих в этой промышленности возросло в 2—3 раза. Но эти цифры не вызывают доверия, поскольку они сложились из разнородных данных за разные годы. Сомнительна также возможность причисления всех рабочих, занятых в переработке сельскохозяйственного сырья, к промышленному пролетариату. Если судить, например, по данным Сырдарьинской области, где в 1906 г. на 900 предприятиях работало всего около 2000 человек, то едва ли такие предприятия можно назвать фабриками, а их работников — пролетариями. Нечеткая социально-экономическая характеристика промышленного пролетариата в работе автора, а также разноречивые архивные материалы, положенные в основу подсчетов как общей численности промышленных рабочих (6,5 тыс.), так и по отраслям, нуждаются в тщательной проверке.

Е. Дильмухамедов исследовал историю открытия рудных и угольных месторождений и развития цветной металлургии и горного дела в Казахстане более чем за сто лет (1814—1917 гг.). В ней содержатся сведения об организации экспедиций и открытии горнозаводских предприятий, документы, составленные при оформлении приобретения предпринимателями тех или иных месторождений, сведения о добыче руд и угля, технологии выплавки металлов, технико-экономические показатели рудников и копей, данные о производительности труда на заводах и рудниках, рассмотрен количественный и национальный состав рабочих в горнодобывающей промышленности Казахстана.

Одним из районов Казахстана, история которого до 1917 года изучена слабо, является Мангистау, поэтому известный интерес представляет монография М. С. Турсуновой. Автор показала, как в первой половине XIX в. казахские семьи, не имевшие возможности кочевать, вынуждены были оседать и заниматься рыболовством, объединяясь в артели, и как во второй половине XIX в. их постепенно прибрали к рукам рыбопромышленники, сосредоточившие в своих руках не только лов рыбы, но и ее переработку и реализацию. Автор дает сведения о количественном и национальном составе артелей, показывает, как тяжелое положение объединяло казахов и русских на совместную борьбу против угнетателей.

Важной стороной экономического освоения Казахского края являлось развитие транспортных связей, прежде всего строительство железных дорог.

В комплексе вопросов, исследованных М. Х. Асылбековым, отражено влияние железных дорог на экономику дореволюционного Казахстана и превращение его в сырьевой придаток российского империализма и одновременно — объективные положительные последствия создания коммуникаций. Автор приводит факты, свидетельствующие об изъятии земельных массивов казахов при строительстве железных дорог и вместе с тем об увеличении грузооборота дорог, о развитии земледелия вдоль них, о вывозе за пределы края сельскохозяйственных продуктов. Способствуя разложению патриархально-феодалных отношений в ауле и проникновению товарно-денежных отношений в хозяйство казахов, пишет автор, железнодорожные линии привели к развитию отходничества и наемного труда. Они ускорили

переселенческое движение в Казахстан, рост городского населения, возникновение в крае сравнительно крупных населенных пунктов, железнодорожных станций, которые становились очагами экономической, политической и культурной жизни, наконец, способствовали развитию обрабатывающей промышленности вдоль линий и, как следствие, — формированию кадров рабочих. М. Х. Асылбеков собрал интересный материал о строительстве железных дорог местного производственного значения: Троицкой, Экибастузской, Спасско-Карагандинской, Риддерской.

Из исследований явствует, что, как и вся экономика Степного края, пути сообщения на территории дореволюционного Казахстана были развиты слабо и неравномерно, огромные пространства не были связаны между собой. Об этом говорят следующие цифры: в 1917 г. на 1000 кв. км края приходилось лишь около версты, причем на Сырдарьинскую область — 1127 верст, Тургайскую — 932, Уральскую — 310, Семипалатинскую — 236, Акмолинскую — 178, Семиреченская область не имела ни одной версты железной дороги. В какой-то степени такое положение объяснимо, если учесть, что сама метрополия, несмотря на огромный прирост железнодорожной сети в 1890-х гг., по сравнительным мировым показателям стояла на одном из последних мест в Европе.

М. Х. Асылбеков исследовал историю формирования кадров железнодорожников с 70-х гг. XIX в. до 1913 г. Обращаясь к такому ценному и малоизученному источнику, как данные Министерства путей сообщения, автор впервые вывел общее число железнодорожных рабочих и служащих в Казахстане — свыше 21 700 человек. Со строительством в годы войны Семипалатинской и Семиреченской железных дорог общее число железнодорожников превышало 23 тыс. человек.

М. Х. Асылбеков рассмотрел также соотношение численности рабочих и служащих, выявил продолжительность работы на промышленных предприятиях и национальный состав железнодорожных рабочих. Из его таблиц следует, что накануне Октябрьской революции на железных дорогах Казахстана трудились 19,5 тыс. рабочих, 3,5 тыс. служащих. В свою очередь, рабочие делились на категории — постоянные, временные и поденные. Машинисты паровозов, их помощники, кочегары, кондукторы, проводники, стрелочники, путевые сторожа, часть ремесленных рабочих были категорией постоянно работающей; они составляли примерно 55%. Рабочих-казахов (среди поденных) на Оренбургско-Ташкентской железной дороге насчитывалось до 70% (3,8 тыс. человек), на других дорогах — 20%, их общая численность в 1917 г. достигала 5000 человек.

Одной из последних монографических работ о промышленных рабочих дореволюционного Казахстана стала книга С. Игибаева (*Игибаев С. Промышленные рабочие дореволюционного Казахстана 1861–1917 гг. А., 1991*). В ней рассмотрена структура промышленности: возникновение, управление, состав предпринимателей, связь промышленности с земледелием, численность, состав и размещение рабочих по отраслям промышленности —

обрабатывающей, золотодобывающей, угольной и другим; положение рабочих и формы классовой борьбы. Ряд вопросов трактуется в новой постановке, например формы борьбы автор называет следующие: бегство рабочих с рудников, подачу коллективных жалоб, демонстративный отказ от исполнения работ из-за несоблюдения приисковым правлением условий контрактов — начиная с 80-х гг. XIX в., забастовки и волнения в Зайсанском уезде, в Усть-Каменогорской, Семипалатинской областях, в Курчуме и на Алтае и, начиная с XX в. — стачки как распространенные формы протеста. Работа С. Игибаева написана с привлечением широкого круга источников и по своему содержанию завершает научно-исследовательский этап классового подхода к истории рабочего класса в Казахстане.

В советской историографии социально-экономическая история зарождающегося рабочего класса, как правило, рассматривалась в органическом единстве с его политической историей. В трудах, опубликованных в 1960—1970 гг. по этой проблеме, огромное внимание уделялось распространению социал-демократических, прежде всего марксистских, идей. В национальных районах, в том числе в Казахстане, где рабочее движение только зарождалось, исследователи зачастую выдавали кружки самообразования или в лучшем случае группы или кружки студенческой молодежи социал-демократического направления за марксистские организации. Предпринимались усилия к раскрытию авангардной роли пролетариата, руководящей роли партии большевиков, ее организаций в революционном движении края чуть ли не с момента возникновения большевизма (см.: Торжество ленинских идей пролетарского интернационализма. А., 1974; Очерки истории Компартии Казахстана. А., 1963 и др.).

Известно, что иностранный капитал в колониальных странах сдерживал развитие местного производства, направляя его только в выгодное для себя русло, а для этого консервировал традиционные отношения. На рубеже XIX — начале XX вв. он стал активно проникать на территорию Казахстана, главным образом в горнодобывающую и нефтяную промышленность. История иностранного капитала в Казахстане стала предметом исследования в работах Ц. Л. Фридмана. Автор проследил проникновение иностранного капитала в край и выяснил, что удельный вес его в Казахстане был выше, чем в России в целом. Общая сумма номинальных капиталов акционерных обществ, учрежденных в промышленности Казахстана, накануне октября 1917 г. составляла около 100 млн руб. По данным автора, только около четверти суммы составлял русский капитал, более трех четвертей приходилось на долю иностранного, причем доминирующее положение занимал английский капитал. Им приведены сведения о ничтожных затратах капиталистов на приобретение богатейших месторождений и о спекулятивном характере иностранных синдикатов. Анализ роста основного капитала позволил автору показать корыстные цели и саму грабительскую сущность таких крупных концессий, как Русско-Азиатская корпорация, Риддерское горнопромышленное общество и других объединений, а изучение документации крупных акционерных обществ

помогло ему вскрыть ряд махинаций и ухищрений, на которые шли капиталисты с целью получения высоких кредитов. Царское самодержавие закрывало глаза на хищнические методы первоначального накопления, которые оставались неизменными и у иностранного капитала вплоть до Октябрьской революции. Такая же картина наблюдалась и при эксплуатации нефтяных богатств Урало-Эмбинского района. Хотя в международных финансовых кругах и на биржах был поднят бум вокруг нефтяных богатств края, но когда дело дошло до разработки, финансовый капитал стал весьма скуп, неохотно, вернее очень осторожно, шел на расходы, пишет автор. При этом нефть добывалась в основном в Доссоре и Макате, хотя было разведано более 20 месторождений. Тем самым развенчивалась «цивилизующая миссия», с которой английский, французский и прочий иностранный капитал приходил в отсталые и слаборазвитые страны.

В работах Ц. Л. Фридмана подчеркнуто, что горная и горнозаводская промышленность, возникшая в Казахстане не как следствие естественного хода развития хозяйства, органическое порождение этого процесса, а созданная пришедшим извне капиталом, представляла собой своего рода отдельные очаги промышленности, весьма слабо связанные со всей экономикой Казахстана в целом, отдельные промышленные «островки» в окружающем их океане отсталого хозяйства, в котором господствовали докапиталистические отношения. А раз так, то имели ли эти «островки» влияние на социально-экономические и иные факторы общественного развития Казахстана? Ц. Л. Фридман упомянул только об одном факторе: вопреки желанию капиталистов созданные ими предприятия способствовали росту местного фабрично-заводского пролетариата.

Другой темой экономической истории, привлечшей внимание Ц. Л. Фридмана, явилась кредитная система и механизм функционирования банковского капитала в Казахстане. При этом он учитывал такую особенность банковского капитала в Казахстане, как переплетение и взаимодействие его с торгово-ростовщическим, адаптацию первого к местным примитивным и раннекапиталистическим формам эксплуатации мелких производителей сельскохозяйственного сырья. Им дана характеристика деятельности отделений Государственного банка в Уральске (1876 г.), Петропавловске (1881 г.), Семипалатинске (1887 г.), Омске (1895 г.), Верном (1912 г.), в поселке Куянды (1894 г.) Семипалатинской области, отмечен факт функционирования ряда акционерных и коммерческих банков, особенно Сибирского торгового банка. Анализ торгово-промышленного развития края позволил ему подтвердить ранее высказанное положение, что в Казахстане промышленная буржуазия не отделилась от торговой и что в основном здесь преобладало кредитование торговли скотом, продуктами животноводства и хлебом. Одновременно, указывает автор, здесь стали создаваться биржевые организации, при помощи которых осуществлялся оптовый сбыт продукции массового производства по образцам, стандартам или техническим описаниям (Омская и Петропавловская биржи). Однако ростовщичество оставалось еще чрезвычайно важным фактором в экономической жизни края.

Впервые в казахстанской историографии Ц. Л. Фридман подверг анализу деятельность местных коммерческих банков (общества взаимного кредита и городские общественные банки), мелкий кредит и его формы, кредитные кооперативы, сберегательные кассы и т.д. Приводимые им материалы и подсчеты позволяют заключить, что экспортируемые через банки капиталы функционировали в Казахстане в основном в сфере обслуживания. Банковский кредит не достиг еще такого уровня, чтобы вытеснить разнообразные формы ростовщического кредита. Среди клиентуры банков только в предвоенные годы стали появляться представители казахской торговой буржуазии. Кредитно-банковская сеть служила интересам колониальной политики царизма, а трудящиеся массы Казахстана испытывали на себе не только старые военно-феодальные методы эксплуатации в сочетании с феодально-байской и торгово-ростовщической эксплуатацией, но и «новые» методы колониальной эксплуатации, присущие монополистическому капитализму. Тем не менее в условиях перехода к рыночным отношениям накопленный материал дает возможность проследить закономерности развития предпринимательства, процессы первоначального накопления капитала.

Торговля является самым давним путем взаимодействия казахов с соседними народами. Активно развивалась она на протяжении XVIII–XIX вв. Торговля — такая отрасль экономики, где появление новых отношений проявлялось довольно сильно и товарно-денежные отношения становились господствующими и на территории Казахстана.

Исследования о торговле казахов поднимали значительное количество проблем, хотя большинство работ составляют статьи с освещением отдельных сторон проблемы. Это работы В. Шахматова, Б. Сулейменова, Т. Шоинбаева, Ж. Касымбаева, П. Галузо, Т. Литвиновой, С. Сундетова, Ц. Фридмана. В монографии Н. Г. Аполловой (Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века. М., 1960) рассматривались экономические связи в тесной связи с характером хозяйства. Например, на основании изучения таможенных ведомостей автор констатировала, что уже в начале XIX в. казахские байы включались в товарно-денежные отношения и занимались не только посредническими операциями, но и самостоятельной торговлей скотом через Оренбург, Петропавловск, Троицк и другие крепости. О заинтересованности России в торговле со Степью свидетельствовали, по утверждению автора, издание положений об организации вооруженных караванов, а также запрещение казахским султанам взимать пошлины с «азиатских» купцов. О размахе торговли говорили также документы, отражавшие ассортимент товаров, привозимых русскими купцами.

Рыночные связи влияли на казахский аул, включая в свою орбиту все большее количество хозяйств при сохранении доминирующего влияния байства. Н. Г. Аполлова утверждала, что уже во второй четверти XIX в. значительное количество казахских товаров покупалось за деньги и немалую роль в развитии денежных отношений стала играть торговля русским хлебом в степи. Отсюда интерес автора к путям торговли хлебом, центрами которых для северных и

восточных районов Казахстана являлись Петропавловск, Омск, Семипалатинск, откуда хлеб развозили по всему Степному краю. Таким образом, исследование Н. Г. Аполловой, построенное на архивных материалах, создало картину экономических связей России и Казахстана. На современном этапе историографии историки направили свой поиск на более глубокое исследование торговли внутри Казахстана и взаимовыгодных экономических контактов с сопредельными государствами. Свидетельством тому являются труды В. З. Галиева (Караванные тропы. А., 1994) и Ж. К. Касымбаева (Казахстан—Китай: караванная торговля в XIX — начале XX вв. А., 1996). В. З. Галиев большое внимание уделяет людям, обслуживавшим караваны и экспедиции: толмачам, переводчикам, проводникам из среды казахов. Эти посредники должны были знать языки, уметь составлять деловые бумаги, ориентироваться в местности, знать обычаи и традиции общества, так как от их соответствия и подготовленности во многом зависели конечные результаты дела. Автор показал, что переводчики и проводники-казахи сыграли большую роль в установлении русско-казахских, русско-среднеазиатских, русско-кыргызских взаимоотношений.

Ж. К. Касымбаев освещает вопросы караванной торговли внутри Казахстана со Средней Азией, Синьцзяном и Монголией. Показаны пути и приграничные территории торговли, раскрываются особенности торговли скотом, солью, хлебом. «Организация сбора пошлины, укрепление штатов таможенных постов и застав, а также редутов составляли одну из главных забот правительства» (с. 38). Приводятся сведения об основных торговых центрах, которые выполняли экономические функции взаимосвязи России с соседними государствами, особо выделяя факты оживления в результате русско-китайских торгово-экономических соглашений (Кульджинским, Айгунским, Пекинским, Петербургским). Торговля с Монголией шла через Зайсан, Семипалатинск, Усть-Каменогорск.

При изложении торговых взаимосвязей автор стремится постоянно раскрывать ощутимую пользу и в политическом аспекте. Экономические связи оказывали, пишет он, «позитивное воздействие на создание обстановки доверия и добрососедства в сложных условиях углубления колониальной политики Российской империи в обширном крае» (с. 149). Историческим связям Казахстана с Западным Китаем способствовала и тюркоязычность народов — казахов, узбеков и уйгур, их общие культурные корни и традиции. Таким образом, Ж. К. Касымбаев разработал слабоизученные ранее исторические аспекты экономических и политических контактов, которые в настоящее время развиваются особенно интенсивно и являются перспективными в будущем.

В конце 1950-х годов интерес историков был направлен на изучение роли городов и их места в социально-политической структуре Казахстана. К. Туманшин и Н. Аполлова изучали историю городов Северного Казахстана и Оренбургского края: Петропавловска, Троицка, Оренбурга; А. Горячева, Э. Герасимова, У. Ишмурзин — городов Западного и Южного Казахстана; Ж. К. Касымбаев и Н. Алексеенко — историю Семипалатинска и Усть-Каменогорска.

Позднее написаны работы о Кустанае и других городах. В них рассматриваются вопросы возникновения городов-крепостей, роль торговли для их населения, социальная структура и революционная деятельность населения в период 1905–1907 гг. и восстания 1916 г. Ближе к 1980-м годам были написаны первые монографии демографического плана Н. Бекмахановой (Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX вв. М., 1980) и Н. Алексеенко (Население дореволюционного Казахстана. А., 1981). Эти работы и исследования М. Асылбекова, В. Галиева, статьи Ж. Касымбаева, И. Орлянского, Г. Кронгардта и др. положили начало дальнейшему специальному изучению многих проблем с новых научных позиций, открывающих путь широким возможностям статистики в решении социальных, экономических и этнодемографических проблем. Широкие возможности демографии ранее не были использованы для анализа процессов, происходивших в обществе, — частью из-за неполных и искаженных официальных статистических данных, в том числе и переписей советского периода, частью из-за расхождений их с установками властей в области идеологии.

Историография истории Казахстана XVIII–XIX вв. обогатилась работой видного этнографа М. С. Муканова «Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков», где показана несостоятельность сепаратистских притязаний на некоторые области Казахстана, доказано право казахов владеть землей в пределах исторически сложившейся этнической территории.

В 1995 г. вышла книга М. Сдыкова «Население Западного Казахстана (1897–1989 гг.)». Рассматриваемый период, по мнению автора, играет важную роль в истории Западного Казахстана. Это начало работы экспедиции по образованию земельных переселенческих фондов из «излишков» казахских земель и оттеснение казахов с этой территории. Именно эта акция колониальных властей вызвала резкие изменения в демографическом развитии казахского населения, которое выразилось в нарушении баланса между рождаемостью, с отрицательным значением естественного роста. Основной причиной стала колониальная политика царского правительства, не учитывавшая жизненные интересы казахов и проведенная в рамках русификации новых земель. В результате около 100 тыс. человек были изгнаны с родных земель и поставлены в тяжелые условия существования (с. 212). На примере одного региона автор показал этническую трагедию народа, который смог восстановить начальную численность и темпы естественного прироста лишь через 81 год. В работе достаточно полно представлена историография проблемы. Превращение Западного Казахстана в многонациональный край имело свои особенности, которые раскрывает автор и приходит к обоснованным выводам.

Таким образом, проанализировано отражение в историографии некоторых социально-экономических и демографических изменений, происходивших в Казахстане в период превращения его в колониальную окраину царской империи.

Изучение национально-освободительной борьбы казахов против колониального гнета. Движение протеста народных масс против царизма в Казахстане в XVIII—XIX вв. имеет свою богатую историю. Во второй половине XVIII века (1783—1797 гг.) в Младшем жузе произошло восстание под предводительством Сырыма Датова, в 1836—1837 гг. в Букеевской Орде — восстание под руководством Исатая Тайманова. Борьба присырдарьинских казахов против колониального гнета во главе с Жанхожей Нурмухамедовым проходила в 1856—1857 годах, восстание шаруа под руководством Есета Котибарова охватило территорию Западного Казахстана. Восстание в Уральской и Тургайской областях и волнение на Мангистау против колонизаторской политики царизма произошли в 1870 г. В современной этому периоду литературе они представлены слабо. В основном это фрагментарные публикации в разных изданиях. Значительное внимание этим вопросам уделялось на страницах «Военного сборника». Во всех публикациях выступления народных масс трактовались как «бунт», а личности руководителей восстаний получали различные характеристики, в зависимости от позиции автора. Об этом свидетельствуют статьи Н. Середы, Н. Савичева, В. Потто, И. Аничкова, П. Юдина и др.⁵⁰

Специальные исследования о восстаниях были написаны в 30-е годы XX века. Одним из первых изучение движений протеста начал А. Ф. Рязанов⁵¹, поднявший и введший в научный оборот большой пласт архивных материалов Оренбурга. Несмотря на отдельные спорные вопросы, эти исследования не утратили своего значения и в наши дни. Восстанию казахов Младшего жуза под руководством Сырыма Датова посвящена монография М. П. Вяткина «Батыр Срым» (М., 1947). Основательное исследование, написанное профессионалом, с использованием широкого круга документальных источников, содержит источниковедческий и историографический обзор и детальное освещение широкого аспекта вопросов социально-экономического положения казахов Младшего жуза накануне восстания, причин, вызвавших протест ряда социальных категорий и, в первую очередь, шаруа, ход восстания и позицию его предводителей; роль Оренбургской администрации во главе с Игельстромом и его неудачные попытки ликвидации ханской власти. Четко прослеживаются этапы восстания и дана убедительная характеристика Сырым Датову, социальным слоям, на которые он опирался, чьи интересы отстаивал; раскрываются причины поражения одного из массовых выступлений против царизма. Работа до настоящего времени остается одной из немногих полных научных разработок темы.

⁵⁰ *Середа Н.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838—1847) // Вестник Европы. 1870—1871. №8-9; *Савичев Н.* Исатай Тайманов, старшина Внутренней орды // Уральские войсковые ведомости. 1877. № 1; *Потто В.* Гибель отряда Рукина // Исторический вестник. 1900. Т. 81; *Аничков И.* Киргизский герой Джанкожа Нурмухамедов // Известия общества археологии при Казанском университете. 1894. Т. XII, вып. 3; *Юдин П.* Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 году // Русская старина. 1894. №7. С. 135—156.

⁵¹ *Рязанов А. Ф.* Сорок лет борьбы за национальную независимость киргизского народа 1797—1838 гг. Оренбург, 1926; Восстание Исатая Тайманова. Ташкент, 1927.

Одновременно Е. Б. Бекмаханов написал исследование о социально-экономической жизни Казахстана в первой половине XIX века (Казахстан в 20–40 годы XIX в. А., 1947). Доминирующая часть книги посвящена освободительному движению под руководством Кенесары Касымова. Определяются движущие силы восстания, его размах в Среднем жузе, мероприятия Кенесары по укреплению казахской государственности, борьба с Кокандом, попытки Кенесары привлечь к этой борьбе кыргызов и, наконец, гибель предводителя и его близких от рук кыргызских владетелей. В заключении автор суммировал события 20–40-х гг. XIX в. в Казахстане, определил их влияние на дальнейшие судьбы казахского народа в Средней Азии в целом. (В 1992 году вышло второе издание книги Е. Бекмаханова). В конце 50 – начале 60-х гг. XX в. взгляды на восстание Кенесары Касымова претерпели кардинальные изменения. Движение в целом было признано феодально-монархическим, а автор исследования был обвинен в национализме, подвергся преследованиям (см.: Дискуссия по книге Е. Б. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 годы XIX века». Стенограмма. А., 2000). Научный интерес к восстанию возобновился в 90-е годы. Целенаправленно был проведен 27–28 июля 1990 года Всесоюзный круглый стол, организованный Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова и редколлегией журнала «Вопросы истории» по проблеме «Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ)». Ученые призвали создать многоплановую объективную картину освободительной борьбы народных масс и устранить те догматические стереотипы, которые присутствуют в общественном сознании, а также приступить к поиску новых методологических подходов, как к объекту исследования, так и к проблемам его историографии и источниковедения. В рекомендациях предусматривалось «выявить, собрать и издать документы и материалы, всесторонне характеризующие национальные движения в Казахстане, Средней Азии, Северном Кавказе, Поволжье в XVIII – начале XX вв. с привлечением устных и фольклорных материалов», а также переосмыслить необъективные оценки трудов С. Асфендиярова, Е. Бекмаханова, переиздав их труды, посвященные национальным движениям в Казахстане. В 1992 году в г. Актюбинске прошла научно-теоретическая конференция и изданы ее материалы «Народно-освободительное движение в Казахстане в XVII–XX вв. — единый исторический процесс, проблемы, поиски, решения». Отличительной чертой конференции стало освещение малоизученных проблем борьбы казахов за независимость и повышенное внимание к вопросам методологии изучения истории и историографии освободительной борьбы казахского народа.

В литературе, изданной в эти годы, документально прослеживается колониальная политика империи: русификация, христианизация, военная и крестьянская колонизация. Центральной темой целого десятилетия после обретения независимости стала история национально-освободительной войны с джунгарами и российским колониализмом. После долгого умалчивания в период колониализма и господства идеологии тоталитаризма появилась

возможность объективной оценки, переосмысления. Было подтверждено, что 260 лет шла непрерывная народная война за независимость, за восстановление национальной государственности. Тысячи и тысячи героев отдали свои жизни за свободу и независимость родного Отечества. Советская историография рассматривала каждое национально-освободительное выступление народов окраин в лучшем случае локально, вне зависимости друг от друга, как явление региональное, внутригосударственное. Не составляли исключения освободительные войны против джунгар. Впервые в общенародном масштабе народ независимого государства отмечал основные вехи борьбы за независимость. Летом 1990 г. прошла республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная 280-летию хана Абылая. Она положила начало серии конференций, посвященных 300-летию Бухар-жырау, Богембай-батыру, Кабанбай-батыру, Шакшак Жаныбек Тархану, трем великим биям казахского народа – Толе би, Казыбек би, Айтеке би, объединению казахов трех жузов в Ордабасы. В 1992–1998 гг. отмечались в общенациональном масштабе юбилеи хана Кенесары, Исатая и Махамбета, Агыбай-батыра, Жайке-батыра, Карасай-батыра и др.

В советский период большой массив литературы был накоплен по истории революционного движения в крае в начале XX века. Основные итоги изучения революционных событий 1905–1907 гг. в предвоенные годы были подведены в вышедшей в годы Великой Отечественной войны однотомной «Истории Казахской ССР», в одной из глав которой излагался материал, отражающий период революции, столыпинской реакции и нового революционного подъема.

Изучению проблемы революции 1905–1907 гг. в Казахстане и Средней Азии способствовали ведущие научные учреждения Москвы и Ленинграда⁵². В передовой статье журнала «Вопросы истории» «О некоторых вопросах истории народов Средней Азии»⁵³ говорилось о двух крайностях в освещении событий 1905–1907 гг. на окраинах России. Одна из них заключалась в проведении теории о «разъединяющей стене» между русскими революционными рабочими и массами местных национальностей, якобы создававшейся разностью языка и особенностями быта, другая – в приукрашивании революционных событий, которые будто бы обгоняли движение рабочих главных промышленных центров России.

Накапливавшийся документальный материал позволил углубить конкретные исследования, направленные на изучение революционного движения трудящихся одной профессии, отдельной области или города. Разработка историко-революционной тематики в трудах Е. Б. Бекмаханова, Е. Д. Дильмухамедова, Б. С. Сулейменова, Г. Ф. Дахшлейгера и других давала возможность глубже познать особенные черты революционного движения и национально-освободительного движения в крае⁵⁴. Е. Б. Бекмаханов рассмотрел историю

⁵² Якунин А. Ф. Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1949.

⁵³ Вопросы истории. 1951. № 4.

⁵⁴ Бекмаханов Е. Б. Национально-освободительное движение в Казахстане в период

национально-освободительного движения в Казахстане конца XIX — начала XX в. в тесной связи с переселенческой политикой царизма. Им освещена помощь казахским трудящимся, оказанная социал-демократическими группами, пропагандировавшими идеи большевистской партии по аграрному вопросу.

Была проведена большая работа по публикации документов 1905—1907 гг. Основная часть этой работы нашла воплощение в юбилейной серии «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы»⁵⁵. Обобщающий очерк революции 1905—1907 гг. содержала «История Казахской ССР»⁵⁶. Литература о первой буржуазно-демократической революции была представлена монографиями М. Х. Асылбекова, Г. Сапаргалиева, А. Б. Турсунбаева⁵⁷.

Отражались в литературе и характерные для того времени в исторической науке крайности в трактовке уровня развития революционного движения в Казахстане. Т. Ю. Бурмистрова в своей работе утверждала, что «народы Средней Азии, Сибири, Севера в тот период не были еще втянуты в революционное движение»⁵⁸. А. А. Росляков писал, что «среди русского крестьянства революционное движение почти не имело опоры», «национально-освободительное движение в Туркестане в 1905-1907 гг. не получило сколько-нибудь значительного размаха», «революционные рабочие Туркестана, возглавляемые местными организациями РСДРП, не могли в своей борьбе против царизма рассчитывать на активную поддержку ни широких масс национального крестьянства и городской бедноты, ни подавляющего большинства национальной буржуазии». По его мнению, революционное движение было только в «новых» (русских) городах, отчасти в армии. Национальная деревня не доросла до революционного движения, поскольку «коренное население находилось на докапиталистической стадии развития»⁵⁹.

русской буржуазно-демократической революции // Вестник АН КазССР. 1950. № 4; *его же*. Рабочее движение в Казахстане в период первой русской революции // Из истории рабочего класса и революционного движения: Памяти академика А. М. Панкратовой. М., 1958; *Дахилейгер Г. Ф.* Из истории рабочего движения в Казахстане в период первой русской революции // Коммунист Казахстана. 1955. № 8; *его же*. Омско-Петропавловская стачка железнодорожных рабочих в феврале 1907 г. // Изв. АН КазССР. Сер. истории, экономики, философии, права. 1957. вып. 1; *Дильмухамедов Е.Д.* Революционная борьба рабочих горной промышленности Казахстана в период революции 1905—1907 гг. // Вестник АН КазССР. 1950. № 10; *его же*. Революционное движение горнорабочих Казахстана в начале XX в. (1900—1917). А., 1955.

⁵⁵ См.: *Приймак Н. И.* Советская историография первой русской революции 1905—1907 гг. (середина 30-х — 60-е годы) // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 2. С. 39.

⁵⁶ История Казахской ССР. А., 1957. Т. 1. С. 481-515.

⁵⁷ *Асылбеков М. Х.* Железнодорожники Казахстана в первой русской революции (1905—1907 гг.). А., 1965; *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма в Казахстане (1905—1907 гг.). А., 1966; *Турсунбаев А. Б.* Казахский аул в трех революциях. А., 1967.

⁵⁸ *Бурмистрова Т. Ю.* Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП (1890—1903 гг.). М., 1962. С. 5.

⁵⁹ К социализму, минуя капитализм. М., 1974. С. 18-23.

Согласно другой точке зрения, восточные окраины России по уровню развития революционного движения стояли наравне, а то и выше промышленных центров страны. В статье Р. Ф. Смирновой, например, говорится, что еще задолго до 1905 г. «во всех областях Степного края и Туркестана стали распространяться воззвания Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». И еще: «Под непосредственным влиянием Петербургского «Союза борьбы» в городах Туркестана и Казахстана возникли социал-демократические организации и группы, а также стало разворачиваться забастовочное движение, проходившее зачастую по инициативе и под руководством социал-демократических организаций»⁶⁰. Но документов, подтверждающих это, в сущности, не было.

Более объективно и на более солидной источниковой базе исследовал историю социал-демократического движения П. М. Пахмурный⁶¹. По данным автора, в годы революции в Казахстане действовало 18 социал-демократических организаций общей численностью около 1700 человек. Важнейшим достижением партийного строительства в период революции автор считал вовлечение в социал-демократические группы и организации передовых представителей рабочих из коренного населения и прогрессивной национальной интеллигенции. Однако автор в своей монографии не смог назвать ни одного рабочего социал-демократа из числа казахов. Автор был вынужден признать, что собственно большевистских организаций в крае тогда еще не было; они объединяли скорее всего неопределившихся социал-демократов, не представлявших всей глубины расхождений между революционными марксистами и различного рода оппортунистами.

Заметный след в историографии проблемы оставил Б. С. Сулейменов, плодотворно продолживший комплексное изучение истории революционного движения 1905–1907 гг. в крае.⁶² Революционное движение, по определению автора, носило антифеодальный, антиимпериалистический характер. Исследователь рассмотрел формы аграрного движения казахского крестьянства, приведшего к постепенному осознанию им необходимости совместной борьбы с русским народом.

В пятитомном издании «Истории Казахской ССР» проблемы истории первой буржуазно-демократической революции получили достаточно полное освещение в монографических исследованиях.

Отдавая дань достижениям историографии истории революции 1905–1907 гг., мы не можем не отметить, что историки, следуя марксистско-ленинской методологии, чрезмерно драматизировали классовую борьбу рабочего движения в Казахстане, односторонне преувеличивали степень революционности крестьян-переселенцев, казахских шаруа. Открыто искажались взгляды

⁶⁰ Смирнова Р. Ф. Революционное движение трудящихся Семиречья в 1905–1907 гг. // Уч. зап. Казгосун-та. Сер. историч. 1962. Т. 53, вып. 9. С. 139–140.

⁶¹ Пахмурный П. М. Большевики Казахстана в революции 1905–1907 гг. А., 1976.

⁶² Сулейменов Б. С. Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 гг. А., 1977.

казахской демократической интеллигенции во главе с А. Букейхановым, принялась роль Куяндинской петиции, которую подписали 14 500 человек⁶³.

В то же время недостаточно изучались молодежное, мусульманское движения в Казахстане. Вне поля зрения оставалась миссионерская деятельность колониальной администрации.

Проблемы национально-освободительного движения 1916–1917 гг. В историографических трудах дана довольно обстоятельная оценка вышедшей литературы по истории национально-освободительного движения 1916 года. В них размах борьбы казахов и других народов Средней Азии против гнета царизма, против мобилизации в трудовую армию, против войны в настоящее время однозначно интерпретируется как важнейший этап народно-освободительной борьбы на окраинах России. Однако не сразу пришли исследователи к такой оценке, этому предшествовали дискуссии 1926–1927 гг., 1953–1954 гг., писались воспоминания участников событий, организовывались экспедиции по сбору материалов восстания, конференции в республиках Средней Азии, осуществлялось издание специальных трудов и по этим проблемам проводилась Объединенная научная сессия в 1954 г. в Ташкенте.

После многолетних дискуссий была принята концепция по истории 1916 года, которая отражена в пятитомной «Истории Казахской ССР», в соответствующих исследованиях по истории республик Средней Азии (см.: История Казахской ССР. Т. 3. А., 1979; *Турсунов Х. Т.* Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962 и др.).

В третьей главе III тома, озаглавленной «Первая мировая война. Восстание 1916 года», изложены ее основные положения. Ныне историки пытаются дать новую трактовку этой проблемы и первые результаты такого поиска уже знакомы специалистам по исследованиям М. Козыбаева, А. Бисенбаева, К. Нурпеисова, М. Койгельдиева и др.⁶⁴ Академик М. К. Козыбаев, в частности, выступил за пересмотр этой концепции III тома «Истории Казахской ССР» в пяти томах по следующим мотивам:

1. События 1916 г. названы «восстанием» и одновременно «освободительным движением». Иначе говоря, авторский коллектив, видимо, предполагал, что национально-освободительное движение приняло форму восстания. По В. Далю, «восстание — мятеж, возмущение» (см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 270). События 1916 г. выходят за пределы мятежа, возмущения. На самом деле шел процесс, в котором находили выражение все формы всенародного сопротивления колонизаторам:

⁶³ Браинин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. М., 1935. Приложение № 1 Каркаралинская петиция. С. 94–96.

⁶⁴ Грозный 1916 год: Сб. документов и материалов. А., 1998. Т. I, II; *Козыбаев М. К.* Казахстан на рубеже веков. А., 2000; *Бисенбаев А. К.* К вопросу об изучении национально-освободительных движений XIX — начала XX вв. в Казахстане // Казахстан в начале XX века: Сб. статей. А., 1993; *Нурпейсов К.* Алаш һәм Алашорда. А., 1995; *Койгельдиев М.* Алаш қозғалысы. А., 1995; Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение: Сб. статей. Вып. 1, 2. А., 1993, 1994 и др.

манифестации населения в аулах, стихийные выступления жигитов против царского указа, боевые операции против карателей, протесты интеллигенции, забастовки рабочих, голодные бунты солдаток в городах. Шла национально-освободительная война колониального Востока против империи. Между тем в советской историографии, традиции которой по инерции продолжают и ныне, национально-освободительная война народов Средней Азии и Казахстана сводилась к локальным региональным восстаниям. Основу этой концепции в свое время заложили царские генералы, возглавлявшие карательные акции в Туркестанском регионе. Именно они народную армию численностью до 50 тысяч человек именовали «бандой», «шайкой мятежников»; между тем не кто иной, а именно генерал А. Н. Куропаткин утверждал, что «Черняев, Романовский, Кауфман, Скобелев завоевали области Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую меньшими силами», чем карательная экспедиция 1916 г. в Средней Азии. По масштабности, размаху и характеру боевых операций против карательных экспедиций она превосходила национально-освободительные войны в Юго-Восточной и Центральной Азии.

2. В пятитомной «Истории Казахской ССР» авторский коллектив идеологизировал феномен 1916 г., сведя национально-освободительное движение только к марксистско-ленинскому периоду освободительного движения.

Великий знаток сути национальных движений Д. Неру справедливо считал, что «даже при отсутствии настоящей войны между соперничающими сторонами и противоречивыми интересами часто существует скрытая война и конфликт. В стране, находящейся под властью чужеземцев, такой конфликт внутренне обусловлен и носит постоянный характер, воздействуя на мысли и поступки людей и извращая их; военные настроения никогда не исчезают полностью» (см.: *Неру Дж.* Открытие Индии. С. 306–307).

Именно такие «военные настроения», «скрытая война», переходящие временами в открытую войну, имели место между империей-метрополией и азиатской колонией с 1731 года. В сущности, феномен 1916 года является новым этапом национально-освободительного движения казахского народа, не прекращавшегося ни на один день с момента вхождения его в состав империи. Не случайно Т. Рыскулов считал, что событие 1916 года «приняло характер настоящей войны метрополии с восставшими массами колоний» (см.: *Борьба классов.* 1936. № 6. С. 73).

Народы колониального Востока встали на путь сопротивления, демонстрируя, что они не желают быть рабами. Эти нравственно-психологические перемены носили, несомненно, революционный, долговременный характер. За цели и задачи, которые были поставлены национально-освободительным движением, народы Центральной Азии боролись в рамках двух российских революций и гражданского противостояния, сражались за национальное самоопределение в составе будущего демократического государства. В своей книге «В потоке истории» Н. А. Назарбаев отмечает, что «массовость, широкий охват всех слоев общества, выдвижение общенациональных лозунгов, создание институтов государственной власти позволяют оценивать его как

национально-освободительную революцию, одну из первых революций подобного типа, происходивших в колониях царской России»⁶⁵.

3. В пятитомной «Истории Казахской ССР» феномен 1916 года рассматривался как составная часть общероссийского процесса.

Между тем феномен 1916 г. следует рассматривать, как продолжение многовековой национально-освободительной борьбы народов азиатского Востока.

4. Авторы пятитомной «Истории Казахской ССР» утверждали, что движение по своему характеру было антифеодальным, что оно было направлено также против местной феодальной верхушки.

Между тем исследователи доказали, что нарождающаяся национальная буржуазия, конкурировавшая с русским и иностранным капиталом, традиционная знать, стремившаяся законсервировать традиционные отношения, различные слои интеллигенции активно включились в освободительное движение, преследуя при этом свои, зачастую противоречащие друг другу, интересы.

Несмотря на всю трагичность событий, 1916 год следует считать великим завоеванием народов, осознавших себя силой, способной к вооруженному противостоянию с империей. Именно осознание общности национальных интересов перешагнуло границы Казахстана, оно переросло в осознание общности колониальных народов Востока.

5. В пятитомной «Истории Казахской ССР» сказано, что «восстание началось неожиданно как для царской администрации, так и для местной феодальной верхушки». Вряд ли такое утверждение логично. Другое дело, что колониальные власти не предполагали, что июньский указ царя послужит детонатором всенародного взрыва.

В советской историографии длительное время искусственно сужалась социальная база национально-освободительного движения, с позиции классового подхода руководство восстания, его лидеры определялись как выходцы из социальных низов⁶⁶. При этом отбрасывались исторические факты избрания ханов, сардарбеков, беков, т.е. восстановления традиционных институтов управления Востока⁶⁷.

В историографии неоднозначно оценивается отношение национальной интеллигенции к народной войне 1916 года. Еще в конце 1970-х годов академик С. Зиманов отмечал, что необходимо глубже разобраться в противоречивой роли национальной интеллигенции и их лидеров в национально-освободительном движении, в пробуждении национального самосознания казахского народа. Противоречивость роли национальной интеллигенции

⁶⁵ Назарбаев Н. А. В потоке истории. А., 1999. С. 166.

⁶⁶ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967; Октябрь в Казахстане. А., 1930 и др.

⁶⁷ См. более подробно: Қозыбаев М. Жауды шаптым ту байлап. А., 1994; *его же*. Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения — революции 1916 г. в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. А., 1994. С. 3–16; *его же*. Аласұрған XX ғасыр / Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение: Сб. статей. А., 1993.

объясняется ее положением в обществе. По его мнению, во-первых, они, будучи в основной массе выходцами из состоятельных слоев казахского общества, являлись служащими колониального аппарата, пользовались определенными привилегиями существующего строя. Во-вторых, в отличие от русской интеллигенции, казахская национальная интеллигенция не имела в своих рядах деловой интеллигенции — директоров и управляющих банков, юрисконсультов акционерных обществ, не была связана с миром промышленников и финансистов. Их мировоззрение сформировалось под мощным воздействием просветительских идей. Будучи интеллигенцией инородцев, они становились идеологами антиколониализма.

По мнению ряда исследователей (М. Козыбаев, К. Нурпеисов, Д. Аманжолова, М. Койгельдиев, М. Базарбаев и др.) по своему уровню развития национальная элита казахского народа стояла на уровне европейской. Она тем самым значительно опережала время. Образовался существенный разрыв между духовной элитой и основной массой народа. Народные массы ближе стояли к интеллигенции, которая вышла из низов народа. Видимо, этим можно объяснить различную линию поведения казахской интеллигенции, стоявшей на разных полюсах национально-освободительного движения в 1916 году.

В историографических работах отмечается, что не изучено военное искусство повстанцев, не прослеживается судьба участников восстания и их лидеров. Советская историография считала, что участники восстания 1916 г. были активными участниками Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны, демократических преобразований первого десятилетия Советской власти. Но ныне мы располагаем данными о том, что многим из них суждено было стать участниками восстания против насильственной коллективизации. Из рядов лидеров восстания оказались вычеркнутыми люди, так или иначе оказавшиеся в годы революции и гражданской войны по другую сторону баррикад (пример — Кейки-батыр, Айжаркын Канаев)⁶⁸.

Осенью 1916 г. народные массы знали одну альтернативу — вооруженную борьбу с колониализмом. Казахской национальной элите, сторонникам эволюции, не суждено было тогда стать властелинами духовной жизни нации.

Заслуживает внимания опыт Ж. Артыкбаева, попытавшегося создать единый очерк национально-освободительных движений⁶⁹.

Характерной особенностью дальнейшего накопления знаний по вопросам пробуждения национального самосознания и культуры стало обогащение науки мощным пластом ранее не использованных источников и литературы.

⁶⁸ Козыбаев М. К. Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. А., 1996. С. 20–21; Алдажуманов К. С. Национально-освободительное движение 1916 года и крестьянские восстания 1929–1932 гг.: проблемы преемственности // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии. С. 88, 89–94.

⁶⁹ См.: Артыкбаев Ж. Очерк национально-освободительных движений // Казахское общество: Традиции и инновации. С. 259–303.

В первую очередь, это стало возможно с реабилитацией лидеров освободительного движения начала XX века, репрессированных в 30-е годы XX века, которые в свое время неоправданно были обвинены в буржуазном национализме⁷⁰.

В настоящее время общественность получила возможность читать труды Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Миржакыпа Дулатова, Мухамеджана Тынышпаева, Жакыпа Акпаева, Халела Досмухаммедова и многих представителей национальной интеллигенции. В этой связи исследователи направили свой поиск на тщательное и всестороннее изучение их жизни и деятельности, на объективное выяснение содержания и роли основного печатного органа газеты «Қазақ», а также на беспристрастный анализ программы и движения «Алаш». Книга О. Абдиманова «Қазақ газеті» (А., 1993) — результат изучения содержания страниц газеты. В ней отчетливо отражена историческая обстановка, предшествовавшая появлению газеты. Автор разделяет точку зрения, высказанную представителем зарубежной казахской диаспоры Хасеном Оралтаем, об образовании партии «Алаш» еще в 1905 году и секретной ее деятельности вплоть до 1917 г., когда она стала легальной. Он стремился ответить на вопрос, почему казахской интеллигенции были близки идеи партии кадетов; раскрывает основные моменты разногласий двух течений в их среде, обозначившихся в 1900-х годах и сгруппировавшихся вокруг газеты «Қазақ» и журнала «Айқап». Раскрываются цели газеты «Қазақ» с объяснением ее названия и основных направлений деятельности. Выявляются позиции газеты по таким спорным в историографии проблемам, как земельная; отношение к восстанию 1916 г., роли общеказахстанских съездов в организации партии «Алаш» и выработке проекта программы вновь создаваемой партии. Главное внимание автор уделяет освещению на страницах газеты идеи казахской автономии и созданию всеказахстанского совета «Алашорды», определению областей, которые вошли бы в новое государственное объединение. И все же в освещении момента возникновения разногласий по вопросу объявления автономии причины их остаются не до конца проясненными. Автор меньше внимания уделил мотивам разногласий среди руководства «Алаш», проявившихся на страницах последнего периода издания газеты. Шире и полнее представлены проблемы культуры, образования и литературы, которым газета «Қазақ» уделяла первостепенное внимание и выступала новатором в решении многих вопросов.

Благодаря ставшей реальностью возможности пользоваться ранее недоступными архивными фондами, отражающими деятельность партии «Алаш» и правительства «Алашорда», исследователи активно изучают эту проблему и публикуют научные результаты на страницах периодической печати отдельными выступлениями или серией статей. Первыми работами такого плана стали работы Д. Аманжоловой «Алашорда. Казахский автономизм», К. Нурпеисова «Алаш һәм Алашорда» и М. Койгельдиева «Алаш қозғалысы».

⁷⁰ *Әбсеметов М. М.* Міржакып Дулатов. А., 1995; *Құл-Мұхаммед М.* Алаш ардагері Жакып Акбаев. А., 1996; *Койгельдиев М.* Тұтас Түркістан идеясы және Мұстафа Шоқайұлы. А., 1997; Первые лица государства: политические портреты. А., 1998 и др.

Монография Д. А. Аманжоловой «Казахский автономизм и Россия: (История движения «Алаш»)» издана в цикле серии «Первая монография» и посвящена истокам и причинам современных национальных проблем, осознанию общности перспектив народов Евразии. Автор сделала успешную попытку более полно восстановить основное содержание важных этапов развития алашского движения, «определить его характер, идейно-политическую и социальную базу, раскрыть взаимоотношения с политическими силами и партиями России в дореволюционный период, в 1917 году и в условиях гражданской войны, показать причины поражения Алаш и его значение в истории казахского народа»⁷¹. Следует подчеркнуть комплексный характер привлеченных автором источников, сосредоточенных до сих пор в спецхранах. Новизна исследования заключается в систематичном освещении ключевых страниц истории казахского автономизма, взаимоотношений Алашорды с Комучем, Временным Сибирским правительством Колчака, руководством Оренбургского, Уральского, Сибирского и Семиреченского казачеств, алашских формирований с регулярными «белыми» и казачьими частями. Впервые автор раскрывает военную доктрину «Алаш», формирование алашских военных частей, их состав, численность, участие в военных действиях, ход и содержание переговоров руководства Алашорды с Туркестанским фронтом, эволюцию лидеров Алаш и отношение масс к Алашорде в ходе гражданской войны. Как отмечает член РАН Ю. Поляков, «размышления автора о природе, социальной базе, динамике развития и причинах поражения Алаш основаны на кропотливом анализе большого числа источников, ранее не входивших в научный оборот, что делает их научно обоснованными и убедительными».

В книге К. Нурпеисова основное внимание уделяется истокам движения «Алаш», изменениям общественно-политической обстановки в Казахстане после свержения монархии и созданию партии «Алаш», взаимоотношениям Алашорды и Советской власти. Одна из глав посвящена анализу источников и историографии проблемы. Автор заостряет внимание на основных проблемах истории развития Алаш: Алаш — первая политическая партия в Казахстане; Алашская автономия — структура будущей государственности; Алашорда — правительство, возглавляющее автономию.

Объективное понимание и толкование конкретных вопросов обуславливает раскрытие истинного смысла движения «Алаш». Анализ отношений Советской власти к Алаш позволил автору наметить несколько периодов: понятие «алашское движение» в публикациях большевистского толка в 20—30-х гг. XX в.; шестидесятилетний официальный запрет на изучение проблемы и наклеивание ярлыков «буржуазный националист», «враг народа»; и только после провозглашения независимости Казахстана в 1991 году, поворота в сторону справедливости и правды в историографии проблемы наступает этап истины. Вместе с тем К. Нурпеисов намечает ряд вопросов, все еще требующих усилий исследователей для более полного раскрытия и пред-

⁷¹ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 10.

ставления сущности движения «Алаш». К ним относятся истоки идей независимости, политических и экономических воззрений ее руководителей; роль и место движения «Алаш» в общественно-политической жизни Казахстана начала XX в.; связи и взаимоотношения Алаш с другими партиями в период между двумя революциями 1917 года; взаимоотношения Алаш и Алашорды с Советской властью; внутренние противоречия Алаш со среднеазиатскими и тюркскими народами Поволжья, с мусульманскими, политическими партиями и общественными движениями; движение «Алаш» и современный Казахстан.

В приложении к книге приводятся некоторые документы, относящиеся к движению «Алаш». Прежде всего, это список лиц, членов партии «Алаш» и их единомышленников, проект программы партии «Алаш» и материалы об эволюции взглядов руководителей Алаш и их судьбах в годы Советской власти.

Таким образом, монография К. Нурпеисова последовательно, с привлечением значительного количества новых документов из спецхранов основательно раскрывает основные этапы деятельности первой политической партии и ее правительства в Казахстане в начале XX в.

Монография М. Койгельдиева охватывает широкий аспект проблем, связанных с историческим развитием Казахстана конца XIX — начала XX в. Вся канва книги подчинена главному вопросу — движению «Алаш». Разносторонне освещается колониальная политика царизма, усиление недовольства национальным гнетом и общественно-политическая деятельность казахской интеллигенции в 1905—1916 годах; политика преследования национальной интеллигенции; газета «Казак» и формирование идеологии борьбы за независимость в 1908—1916 гг.; казахская демократическая интеллигенция в годы Первой мировой войны и в период национально-освободительной борьбы 1916 г.; победа Февральской революции и новые задачи национально-освободительного движения; участие казахской демократической интеллигенции в работе Временного правительства; первый и второй общеказахские съезды, создание партии «Алаш» и правительства «Алашорда». Убедительно представлена в книге М. Койгельдиева историография движения «Алаш». С автором можно согласиться, что еще до революции начало историографии общественно-политической деятельности казахской интеллигенции положили А. Букейханов, М. Дулатов, М. Тынышпаев и др.

Отмечая этапный характер опубликованных выше работ по проблеме «Алаш», «Алашорда», «алашское движение», следует отметить, что историография проблемы накопила слишком много тайн. Прежде всего, как справедливо подметил член-корреспондент НАН РК К. Нурпеисов, далеко еще неясна сущность термина «алашское движение».

Так, М. Койгельдиев под понятием «алашское движение» понимает, с одной стороны, национально-освободительное движение начала XX в. в целом, с другой — партию «Алаш», правительство Алашорда — Народный совет, Алашскую автономию вместе взятые⁷².

⁷² См.: Әліхан Бөкейхан. Шығ. А., 1994. 93-б.

Несколько иное понимание проблемы у Д. А. Аманжоловой. «В развитии казахского национального движения Алаш, — отмечает исследователь, — можно выделить три периода. Зародившись в 1905 г. как течение во главе с либеральной западнически настроенной группой интеллигентов, на первом этапе (1905–1916 гг.) оно развивалось в русле оппозиционного движения конституционно-демократической и земской общественности». «Следующий этап истории Алаш, — по ее мнению, — был непродолжительным, но крайне важным, так как совпал с революционным 1917 годом»⁷³. 1918–1920-е гг. Д. А. Аманжолова считает завершающим этапом истории Алаш⁷⁴.

К. Нурпеисов в монографии «Алаш һәм Алашорда» подчеркивает, что истоки партии «Алаш» уходят корнями в годы русской революции 1905–1907 гг. Он полагает, что понятия «Алаш», «Алашорда» нельзя огульно распространять на всю казахскую интеллигенцию, действовавшую на общественно-политической арене с начала века. К. Нурпеисов особо выделяет общественное движение между двумя революциями 1917 года, очерчивает хронологические рамки движения «Алаш» июлем 1917–1920 гг.⁷⁵ В различных вариантах узкое и расширительное толкование этих понятий встречается в исследованиях почти всех авторов.

Прежде всего, вряд ли правы те, кто алашское движение олицетворяет с национально-освободительным движением в Казахстане в начале века в целом. Слов нет, что алашское движение — неотъемлемая его часть. Вместе с тем национально-освободительное движение состояло из многочисленных потоков, в том числе и из течения либерально настроенной революционно-демократической интеллигенции.

Впоследствии А. Букейханов в статье «Киргизы» отмечал, что в движении «принимали участие, с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, с другой — интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности... Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать западниками, а вторую — тюркофилами и поборниками панисламизма»⁷⁶.

Таким образом, 1905 — июль 1917 гг. являются этапом формирования либерального общедемократического движения казахской интеллигенции,

⁷³ Аманжолова Д. А. Указ. работа. С. 185.

⁷⁴ Там же. С. 186.

⁷⁵ Нурпейісов К. Алаш һәм Алашорда. 122 б.; *его же*. Саяси партия болып саналама // Қазақстан коммунисті. 1990. № 5. С. 69–75; *его же*. Қос төңкеріс және Алаш қозғалысы // Ақиқат. 1992. № 11. С. 40–42; Национально-освободительное восстание 1916 г. и казахская интеллигенция // Ақиқат. 1996. № 6; *его же*. Краткий очерк партии Алаш // Столичное обозрение. 1998. 14, 21, 28 ноября; *его же*. Общественно-политическая жизнь Казахстана в начале XX в. и национально-демократическая интеллигенция // Отан тарихы. 1998. № 3. С. 12–20 и др.

⁷⁶ Алихан Букейханов. Избранное. А., 1995. С. 76.

консолидации внутри него ядра алаш-западников. В ходе первой русской революции они набирали новые обороты и к периоду издания «Казак» сумели сплотить вокруг себя потенциальных алашевцев. Формирование алашского ядра придавало всему общедемократическому движению в крае динамизм и общенациональный характер. Следовательно, до середины 1916 г. казахская интеллигенция и ее элитная часть, составившая ядро «Алаш», шли в рядах единого общедемократического потока в целом.

Понятие «алашское движение», как справедливо отмечает К. Нурпеисов, применимо к периоду создания партии, автономии, ее правительства, а также периоду его противостояния с большевизмом до 1920 года.

К тому времени единый поток казахской демократической интеллигенции раскололся на две части, стоящие на разных сторонах баррикад.

Идеи Алаш жили и после разгрома Алашорды. В 20-х годах с арьергардными боями продолжали борьбу за государственную независимость кыргызы. Была попытка создать туранскую партию. А. Букейханов, А. Байтурсынов, А.-З. Валиди, Н. Ходжаев и др. боролись против природы «кукольных» советских республик, добиваясь реальной автономии. Продолжал из-за рубежа борьбу за идеи освобождения Туркестана М. Чокаев.

В своих воспоминаниях А.-З. Валиди (Тоган) отмечает, что в августе 1921 г. партия джаидов, социалистическая партия «Эрк» в Узбекистане и казахская партия «Алаш» объединились в единый «Национальный народный общественный центр мусульман Средней Азии» (сокращенно «Туркестанское национальное объединение»)⁷⁷. Была выработана «Общая платформа». В мае 1924 г. зарубежное бюро «Национального объединения» решило, что его центр будет находиться в Турции, представителем его в Европе был назначен М. Чокаев⁷⁸.

Таким образом, третий период алашского движения, период полного разгрома и физического уничтожения Советами всех алашевцев в расширительном толковании продолжался с 1921 по 1941 год. История тайного и явного сопротивления алашской интеллигенции Советам и по настоящее время малоизучена.

Подведя первые итоги исследования истории реформаторского алашского движения XX века полагаем:

1. История Алаш, Алашорды, алашского движения — ключевая проблема освободительного движения всего XX века.

2. Алашское движение не было однородным по своим социальным корням, миропониманию российской действительности, политическим ориентациям. Оно состояло из правых центристов и левых. Среди них были высокообразованные по европейским стандартам лидеры движения, опережавшие по своему уровню развития современников. В рядах освободительного

⁷⁷ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. II. Уфа, 1998. С. 46, 165.

⁷⁸ Там же. С. 291.

движения в то время находились и люди, связанные с феодально-патриархальным прошлым, деятели консервативного мышления. Среди них были сторонники так называемых «Туркестанского единства», «Федерации юго-восточных мусульманских областей» и т.д. Настало время более основательно изучить различные направления внутри Алаш, их платформу, связи партии «Алаш» с внешним миром, в том числе с различными политическими течениями внутри самой России.

3. В решении казахско-кыргызского съезда (5–12.12.1917 г.) было записано: «Казахско-киргизскую автономию именовать «Алаш»⁷⁹. В состав Совета Алашорды вошел деятель кыргызского народа Ж. Солтанаев⁸⁰ (об этом справедливо отмечал и проф. М. Койгельдиев). Наиболее сильным было влияние «Алаш» в северных районах Кыргызии, где «киргизские общественные комитеты» были переименованы в комитеты «Алаш»⁸¹. Филиал Алаша в Пишпек (ныне Бишкек) насчитывал 800 членов. С участием партии «Алаш» была создана «Кокандская автономия»⁸². В работе II Всеказахстанского съезда принимали участие представители татарского, башкирского освободительных движений. Алашевцы тесно сотрудничали с шууро-исламистами Узбекистана и Кыргызии.

Алашское движение оказало влияние на весь тюркский мир. Не случайно в сентябре 1918 г. Турция предприняла попытку создания «Федерации восточных тюрков»⁸³. Таким образом, возникает проблема исследования: общетюркская природа партии «Алаш», Алашорда, «общее и особенное в алашском движении». Не подлежит сомнению, что Алаш по своей природе — явление, имеющее, с одной стороны, общероссийское, с другой — общетюркское значение. Алаш, Алашорда обогатили опытом, своими уроками освободительное движение всего Востока, Центральной Азии. В перспективе ученым предстоит исследовать эту проблему в контексте истории российского освободительного движения, Центральной Азии.

4. История алашского движения — составная часть истории всего освободительного движения Российской империи. На рубеже веков формировалось новое поколение российских интеллектуалов. Это был период роста самосознания всех народов Российской империи. Ликвидация крепостничества, введение земского самоуправления, переход монархической России, хотя и медленно и мучительно на рельсы конституционализма, рождение многопартийности, реформы П. А. Столыпина, распространение либеральной идеологии среди различных социальных групп, принимающих ценности рыночной экономики, медленное, но уверенное движение России по пути модернизации и европеизации, парламентской демократии — такова социально-экономи-

⁷⁹ Алихан Букейханов. Избранное. С. 50.

⁸⁰ Там же. С. 73.

⁸¹ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967. С. 205.

⁸² См.: Очерки Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974. С. 58.

⁸³ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 264–266.

ческая, политическая среда, в которой воспитывалось новое поколение и казахских реформаторов. Вместе с тем А. Букейханов и его единомышленники восприняли и достижения мировой общественной мысли. Они воспитывались на идеях «Декларации прав человека и гражданина» Французской революции.

Приверженность А. Букейханова к правовому государству отчетливо прослеживается в его отношениях к закону, земельной собственности, семье и браку, законам адата и шариата.

Алашская интеллигенция, по существу являвшаяся элитой нации, была неразрывно связана с традиционной культурой казахского общества, по праву была катализатором духовного ренессанса. Она ревностно относилась ко всему национальному, была свободна от религиозного фанатизма, национальных, расовых и иных предрассудков.

5. Алашскому движению свойственны эволюционизм, просветительство, антиколониализм, стремление к национальной самостоятельности, приверженность к защите буржуазно-демократических свобод, а на втором этапе — к автономизму, национальному суверенитету.

Антиколониальная сущность реформаторского движения определила социальную базу движения — от аульных учителей, семинаристов до видных религиозных деятелей Степного края.

История Алаш, Алашорды, заложившая основы национального самоопределения на заре XX века, в том числе нашей независимости, — опыт Алаш о суверенитете, национальном мире, президентском правлении, правовом, светском демократическом государстве, об отделении религии от государства и др. имеют непреходящее значение и сегодня. Этим можно объяснить масштаб и значимость того, как общественность Казахстана широко отметила 125-летний юбилей одного из лидеров «Алаш», Алашорды, алашского движения А. Байтурсынова.

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в книге «В потоке истории» справедливо замечает: «Сам факт создания национальной политической организации в нашей отечественной истории не до конца осознается, тем более, что многие положения, в свое время выдвинутые руководителями партии «Алаш», сохраняют свое значение и поныне. Это была не националистическая, а патриотическая организация, которая ставила своей целью постепенную трансформацию казахского общества и его адаптацию к современным реалиям...»⁸⁴.

Россия вступила в новую полосу кризиса и революционных потрясений, что привело к установлению диктатуры пролетариата.

*Опубликовано в книге «История Казахстана
(с древнейших времен до наших дней)».
В пяти томах. Том 3. Алматы, 2000. С. 10-49, 83-88.*

⁸⁴ Назарбаев Н. А. В потоке истории. А., 1999.

КАЗАХСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.*

По истории казахов периода XVIII, XIX и начала XX вв. имеется широкий круг исторических источников, в которых содержится информация, отражающая исторические события и факты, происшедшие на территории Казахстана и соседних с ним государств.

По своей форме и содержанию эти источники носят разнообразный характер. Они представлены письменными, устными и вещественными памятниками истории. В большей своей части письменные и вещественные источники привлекли внимание исследователей и введены в научный оборот.

Период новой истории казахов освещен в русских и западноевропейских, в восточнокитайских и мусульманских, и собственно традиционных казахских источниках — шежире. Материалы казахских шежире при их источниковедческом анализе представляют ценные исторические сведения. Однако казахские шежире долгое время оставались без должного научно-исследовательского внимания, вне круга источниковедческих поисков исторической науки, так как существовавшая тоталитарная система и идеологическая цензура налагали запрет на использование в науке национальных исторических источников. Отсюда и происходит тот недостаток советской историографии и источниковедения, когда были преданы забвению казахские исторические источники. Для историков было небезопасно вводить в круг научных проблем эту категорию источников, потому что были примеры прямого преследования ученых (например, Е. Бекмаханов, А. Х. Маргулан), которые заставили последующих историков обходить стороной проблему научного анализа и изучения казахских исторических источников.

Вторая половина XIX — начало XX в. стала временем становления письменной традиции казахских шежире. Переход вербальных казахских шежире в их письменно-библиографическую форму происходит благодаря глубоко творческой деятельности таких ученых, как Машхур Жусуп Копеев, Шакарим Кудайбердиев, Нуржан Наушабаев, Курбангали Халид, Мухамеджан Тынышпаев, Алихан Букейханов.

Стремление этих людей к их письменной фиксации как бы объясняет важное научное значение казахских шежире, которые долгое время существовали в изустной передаче. Мухамеджан Тынышпаев пишет: «...без предварительного изучения генеалогии каждого отдельного рода киргизского

*Написано в соавторстве с Ж. О. Артыкбаевым.

народа, а также без выяснения того, с кем и в какие времена он сталкивался, невозможно представить себе общую картину исторических судеб киргизского народа». ¹ У историка Курбангали Халида относительно значения изучения истории казахского народа говорится: «...завершив повествование о событиях, произошедших в Средней Азии и Восточном Туркестане, я приступил к описанию истории казахов и их ханов. В целом, история этого народа есть на устах, но отсутствие персональной письменной истории казахов или исторических воспоминаний допускает различные мнения, преследующие порою негативные замыслы, исходящие из дурных мыслей одних, критических взглядов других. Современники же не придавали значения подобному освещению истории, несмотря и на их осведомленность. И в конечном итоге не оказалось истории с конкретным содержанием, конкретным описанием событий. По этой причине я приложил все свои усилия и более чем двадцать лет собирал письменные источники и сведения, касающиеся данной истории, собрал всю ценную информацию и написал эту книгу» ². Характеризуя свой труд, Курбангали Халид постоянно подчеркивает необходимость приверженности к объективным и правильным оценкам излагаемых событий истории. Приблизительно этими же принципами руководствовался и Шакарим Кудайбердиев, который пишет: «...пытаясь узнать, откуда произошли казахи, я в течение долгого времени записывал все, что слышал и узнавал об этом. Кроме того, мною прочитаны родословные книги других народов. Среди них мусульманские «Кабри тарих гумуми», «Тарих Гусмани», «Тарих антшар ал ислам», «История тюрок» Наджиба Гасымбека, «Родословная тюрок» Абулгази Багадур-хана и др. Из русских книг мне известны работы Радлова «Об уйгурах», Аристова «О тюркских племенах», а также летописи народов мира, переведенные на русский язык, в том числе древняя книга тюрок «Кутадгу билиг», «Кошу шайдам», труд китайского летописца Юань Шаумиша, книги арабских, персидских, римских, европейских историков.

Выбирая из книг все самое необходимое и близкое к истине, дополняя к месту казахскими устными рассказами, я попытался составить родословную наших предков. До настоящего времени, кроме устных преданий, родословной, написанной на казахском языке, не было» ³.

Историографическое наследие Машхура Жусупа Копеева представляет собой традиционное направление в письменном казахском шежире, где отсутствуют ссылки на западных либо восточных авторов, и единственным источником служат устные исторические сведения. Он пишет: «...нынче повествующие шежире (имеется в виду в значении «казахскую историю». — *Ред.*) переводят ее: одни из китайской истории, другие от русских авторов.

¹ Тынышпаев М. Великие бедствия: (Ақтабан-шұбырынды): История казахского народа. А., 1993. С. 176.

² Халид К. Тауарих хамса: (бес тарих). А., 1992. С. 50.

³ Кудайбердыұлы Ш. Родословная тюрок, киргизов, казахов и ханских династий. А., 1990. С. 9-10.

Насколько это оправдано и может ли быть достоверным для казахов подобное шежире?!»⁴.

Но вскоре эти национальные историографические традиции были забыты. На протяжении более чем полувековой истории казахской науки ученые не осмеливались публиковать и делать ссылки на этих авторов. Шакарим Кудайбердиев был убит властями, А. Букейханов, М. Тынышпаев — репрессированы. Мавзолей Машхура Жусупа Копеева разрушен — это официальный факт вандализма советских партийных органов, а Ермухан Бекмаханов, поборник национальной традиции в истории, был осужден. Были репрессированы С. Асфендияров, К. Кеменгеров, которые были близки к национальным историческим источникам и к проблемам их научных исследований.

И только в конце 80-х — начале 90-х гг. наступило время возвращения к жизни трудов казахских авторов по истории, публикации казахских шежире. И пришла пора рассмотрения казахских источников в свете новых исторических концепций. Что есть казахское шежире? Традиционное историческое сознание кочевого общества формируется в рамках шежире. Оно являет собой тот центральный стержень в структуре исторического знания кочевников, от которого ответвляется и исходит его теоретическое и прикладное значение. Эти ответвления образуют в шежире то историческое знание, которое формируется, во-первых, из действительной генеалогии и, во-вторых, ирреальной, которая является лишь структурообразующей вымышленной генеалогией, в-третьих, из исторической мифологии — глас древности, «қария сөз», «ескі сөз», а также из исторических преданий, эпических сказаний — батырлар жыры, толғау.

Понимание смысла и назначения истории в кочевом обществе отличается от таковых у других цивилизаций и народов. Например, если основным принципом в системе накопления исторической информации в историографии христианского и мусульманского мира является категория исторического времени, то у кочевников оно заменено категорией исторической личности. Центральным смыслом в шежире является персонификация истории и исторических событий. Категория исторического времени отодвигается на третье место, после категории исторического пространства, и на первый план выдвинута деятельная историческая личность. Подсчет исторического времени соответственно осуществляется согласно генеалогическим поколениям и знаменательным событиям истории, так как это обусловлено космогоническими представлениями, которые, в свою очередь, обусловили двенадцатигодичное цикличное летоисчисление.

Итак, в центре генеалогизированной системы исторического знания находится историческая личность, которая отождествляет собой историческую эпоху и события. Так, казахские историки по истории XVIII и XIX вв. представляют исторические циклы о таких популярных личностях, как Аз-Тауке, Абылай, Бухар-жырау, Казыбек би, Толе би, Абулмамбет-хан, Абулхаир-хан,

⁴ Копеев М. Ж. Тандамалы. А., 1992. С. 77.

Богембай-батыр, Карасай-батыр, Кабанбай-батыр, Кенесары-хан, Наурызбай-султан, Едиге, Шон, Торайгыр, Жарылгап би, джунгарский хунтайджи Галдан-Цэрэн, Сына-батыр (Шуно Дабо) и другие.

Очень интересна точка зрения исследователя В. Юдина о том, что «сверка известных источников устной степной историографии с точно установленными фактами истории показывает, что источники степной историографии сообщают сведения верные», что «большинство событий, лиц, о которых рассказывается в них, — историчны», что «это дает основание сделать вывод, что и неизвестные события и лица этой историографии вполне реальны»⁵. В рассмотрении истории казахов периода XVIII—XIX вв. были использованы и сведения традиционных степных источников.

В истории источниковедения и историографии существуют примеры практического использования казахских шежире и в числе них, в первую очередь, следует назвать имена ученых П. И. Рычкова, А. И. Левшина, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, Ч. Ч. Валиханова, А. Н. Харузина, А. Н. Аристова и др.

Только лишь поверхностное рассмотрение нами в хронологической последовательности событий истории XVIII и XIX вв., на которых акцентировано внимание казахских шежире, дает нам возможность углубиться во многие детали прошлого, уточнить некоторые подробности из событий и понять дух эпохи, уже изложенных в западных или восточных источниках, может быть несколько в иной интерпретации. Каждый письменный источник, конечно, подлинный и достоверного автора, представляет большую научную ценность. В то же время в нем те же, возможно, уже известные, факты истории преподнесены в новом варианте истолкования, преломлены в мировоззренческой системе этого конкретного информатора и не лишены, возможно, субъективизма.

С начала XVIII века Казахское ханство известно правлением Тауке-хана (1680—1715 гг.). Тауке был достаточно сильным государем для своего времени, чья власть территориально распространялась на все три казахских жуза. А. И. Левшин, опираясь на казахские материалы, дал следующую характеристику великому Тауке-хану: «При имени сем сердце всякого Киргиз Казака, несколько возвышающегося духом над толпами буйных соотечественников своих, наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это Дракон Орд Казачьих»⁶.

В казахских народных преданиях за ним признается заслуга умиротворителя. Он останавливает губительные междоусобицы и кровопролития, продолжавшиеся в течение многих лет; он убеждает всех умом и справедливостью повиноваться ему; он соединяет слабые роды вместе для сопротивления сильным, а сильных усмирил и дал всем общие законы, по которым судил их. В «Казахском шежире» Машхура Жусупа Копеева, так же, как и во

⁵ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. А., 1992. С. 33.

⁶ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2. С. 69.

многих других шежире, приводится очень много сведений о времени его правления. Он пишет: «После благородного Жангира ханом стал Тауке. Это был умный, упорный и образованный человек. В народе про него говорят, что народом он правит хорошо. И выражение о правлении Аз Тауке «На горе Култобе каждый день совет происходит» именно с того времени»⁷

Судя по материалам исторических преданий и героического эпоса, зимние кочевья казахов, в основном Старшего жуза, в начале XVIII века находились на юге, в бассейне р. Сырдарья.

В стихотворной форме, кстати очень удобной для передачи мысли в вербальной культуре казахов, указываются основные мотивы действий Тауке-хана по конкретным социально-политическим вопросам.

Шакарим Кудайбердиев в «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» излагает генеалогию Тауке-хана: «Когда после Жангира ханом стал Аз Тауке, обиженный Уалибақы уходит в Ургенч к Гаип-хану, своему деду по материнской линии. «Култөбенің басында күнде кеңес» («На горе Култобе каждый день совет») — выражение это, ставшее поговоркой, появилось со времени правления хана Тауке, ибо это он регулярно собирал казахских старейшин на совет, где обсуждались планы на будущее, составлялись общие для всех правила. У Тауке было двое сыновей — Абулхаир и Болат. От Болат хана — Самеке и Абулмамбет. В «Годы Великого бедствия» («Ақтабан шұбырынды») в Среднем жузе ханом был Самеке, в Старшем — Абулмамбет. В Младшем жузе — Абулхаир»⁸.

О генеалогии Тауке-хана Курбангали Халид пишет: «А о Барак-хане не затрудняясь скажу: сын Барак-хана Бадакул, сын Жадик-хан, сын Сыгай, сын Есим, сын Жангир, сын Аз Тауке, сын Болат, сын Абулмамбет, сын Абулфеис (Абилпеис) хан и среди них нет особых различий. Есть и другие, но все они родственно происходят от Орыс-хана. Все это достоверно исторически верно»⁹.

Мухамеджан Тынышпаев, который ссылается, что сведения ему сообщены стариками из рода шымыр Аулие-Атинского уезда, пишет: «По казахским преданиям калмыки, желая породниться с грозным Жангир-ханом и тем несколько умиловить его, выдали за него дочь хунтайджи, от которой и родился Тауке». Мы полагаем, что Жангир-хан, отец Тауке, по-видимому, состоял в родстве с правящей династией дербетов, одного из крупных племен западных монголов. В российских источниках есть сведения о том, когда в 1635 году случилась междоусобная война среди ойратов «на Урлюка-тайшу (предводитель торгоутов. — *Ред.*) дважды, совместно с казахским султаном Янгиром, напал дербетский Далай-тайша. Калмыкам Урлюка был нанесен значительный ущерб»¹⁰. «По понятиям казахов ханствование Тауке считается

⁷ О том, что весной в Култобе собирались на Совет, пишет и Мирза Мухаммед Хайдар Дуглат в «Тарих-и Рашиди».

⁸ Кудайбердылы Ш. Указ. работа. С. 96.

⁹ Халид К. Тауарих хамса. С. 104.

¹⁰ Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967. С. 109.

самым счастливым временем в жизни казахов, временем, когда они достигли высшей степени военного могущества и в то же время внутри ханства царили мир и спокойствие», — пишет М. Тынышпаев. «Слабые угнетенные роды Тауке соединил в союзы, чтобы последние могли противостоять против сильных родов. Для фактического управления подвластными родами назначил 6 биев: 1) в Старшей Орде — Толе Алибекова (дулат, отделение жаныс); 2) в Средней Орде — Казыбека («Қаз дауысты» Казыбек-аргын, каракесек); 3) в Младшей — Айтеке (алим, торткара, внук брата знаменитого Жалантос-батыра самаркандского); 4) у кыргызов — Кокым-бия Карашорина; 5) у каракалпаков — Сасык-бия; 6) у катаган, джайма и других мелких родов имя бия неизвестно».¹¹

Первая половина 20-х гг. XVIII века получила общее название в истории «Годы Великого бедствия». Эти события казахские шежире в интерпретации Машхура Жусупа Копеева описывают следующим образом: «В то время сильно усилилась власть калмыцкого контайджи. Он не давал казахам спокойно жить, все время совершал набеги. За короткое время совершил сорок набегов. Во время войны влияние калмыков значительно возросло. Там, где побеждали джунгары, казахов убивали почти всех поголовно. Из-за такой жестокой войны, на грани истребления, казахи стали объединяться, собирать силы и совместно воевать с врагами. Но когда нет удачливого хана, бесстрашных батыров, что толку от сближения слабых воинов? В 1723 г. Галдан-Цэрэн захватил Ташкент и установил там свою власть».

Содержащиеся в казахском шежире материалы более подробнее, чем какие-либо другие виды источников, передают дух и атмосферу первой четверти XVIII века. Весьма неконкретная формулировка «кыска күнде кырық шапқан», т.е. «в течение дня сорок совершенных нападений джунгаров на казахов» свидетельствует об ожесточенном характере взаимоотношений между калмыками и казахами. Так были утрачены кочевья казахов в Жетысу, в Туркестанском регионе и в среднем течении Сырдарьи.

«Когда установилось владычество калмыков, Старший жуз ушел к Коканду, Средний жуз — к Самарканду, а Младший откочевал в сторону Хивы. «Ақтабан шұбырынды» — «Годы Великого бедствия» коснулось в большей степени Среднего жуза. Спасаясь от джута, от врага, тысячи людей бегут по степи пешком, обувь не выдерживает таких продолжительных пеших переходов, подошвы ног становятся белыми и гладкими, как лысина, Старший жуз остался под властью Джунгарии, а Средний жуз больше всех пострадал от джута — поголовной гибели скота, — от набегов врагов. Немногочисленные остатки Среднего жуза пришли в Сарыарку и там обосновались».¹²

В годы «Ақтабан шұбырынды» казахи несли тяжелые потери, подвергаясь нападениям со многих сторон: «1-е, от зюнгорских калмык, 2-е, от волжских калмык, 3-е, от башкирцев, 4-е, от сибирской стороны..., 5-е, от яицких

¹¹ Тынышпаев М. Указ. работа. С. 88-89.

¹² По данным П. И. Рычкова («Топография Оренбургская». Изд. Оренб., 1897. С. 27) джунгарские владения доходили до 480 параллели (район Балхаша).

казаков».¹³ Наибольшую опасность из вышеперечисленных недругов представляли джунгары, в решающих боях с которыми в 1723–1725 гг. казахи потерпели поражения. В эпической поэме «Шакшакұлы Ер Жәнібек» передается состояние бедствующего народа.

Несмотря на поражение в 1723–1725 гг. и беспорядочную откочевку в Мавераннахр и в Сарыарку, казахи уже в 1726 г. были вновь способны вступить в открытый бой против Джунгарии. Как пишет А. И. Левшин: «...отчаяние убеждало их (казахов. — *Ред.*) в необходимости возратить себе прежние жилища, а бедствия внушали средства к достижению сей цели. Опасность примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие и направила всех к одному предмету»¹⁴.

Первая крупная битва состоялась в 1728 г. у побережья озера Шубар, юго-западнее Улутауских гор. Казахские предания говорят о том, что казахскими войсками командовал в этом бою Шакшак Жаныбек-батыр.

Преодолевая отчаянное сопротивление казахов, джунгарские армии целеустремленно двигались в сторону Улутауских гор, являвшихся в ту эпоху главным очагом казахского сопротивления и территориально-политическим центром Казахского государства. А. Диваев записал казахские предания об участии батыров Старшего и Младшего жузов под предводительством Тайлака и Санырыка в грандиозном и решающем сражении на берегах рр. Буланты и Белеуты. Полное уничтожение джунгарских войск в этой местности осталось в народной памяти как «Калмақ қырылған» — «Место гибели калмаков». Между реками Буланты и Белеуты возвышается небольшая сопка, названная с тех пор Калмақ қырылған. Вершина ее усеяна казахскими могилами, на надгробиях высечены многие родовые тамги.¹⁵ По историческим преданиям, на этом кладбище были захоронены казахские батыры, погибшие в этой битве. Героический эпос передает высокий дух и героический настрой казахских воинов, сражавшихся на Буланты.

Перечислены имена батыров — Малайсары, Олжабая, Есета, Жантая, Барака, Жаныбека, Кабанбая, Богембая, Сырыма, Мурына, Жаулыбая, Сарыбая, биев — Казыбека и Толе, т.е. все казахское ополчение, собранное из различных родов. И действительно, многие письменные источники повторяют имена батыров и биев. Вместе с тем следует подчеркнуть, что архивные документы создавались в сугубо прагматическом характере, в то же время сказания и героический эпос имеют более обобщенный характер и поэтому стали произведениями художественного творчества.

¹³ *Шакшакұлы ер Жәнібек*. Жәнібек тархан. А., 1994. С. 207.

¹⁴ *Левшин А. И.* Указ. работа. С. 70–71.

¹⁵ Буланты шайкасы. Қарағанды, 1998. В книге имеется ряд иллюстративных материалов о памятных местах, связанных с «Буланты шайкасы». Недалеко от «Калмақ қырылған» находится знаменитое урочище Қара сүйір, где также произошло казахско-ойратское сражение.

«До них в Сарыарке в местностях Двенадцать Казылык и Ши-Тундук жили найманы. Там же кочевали роды канжыгалы и басенты. Бежавшие от врагов собратья за одну ночь съели сорок наймановских кобылиц. Найманы сказали: «Пусть эти сорок лошадей будут вам угощением в связи с вашим прибытием — «ерулик», а мы откочуем чуть дальше». Остался только род жети момын, который заботился и ухаживал за беженцами, не обижая их. Однажды канжыгалинцы выкрали у Абыз-Шомака дочь и отдали ее замуж за первенца известного бия Казыбека — Коная. Когда Конай умер молодым, он был похоронен у побережья Шидерты. Так что и река рядом с Шидерты носит с тех пор название Конай. Роды канжыгалы и басенты пришли в Баянаул и там обосновались. Но когда туда пришел род Суюндик и стал там обосновываться, они ушли еще дальше, в низину, называемую Аккол-Жайылма».¹⁶

Такие, приводимые в шежире Машхура Жусупа Копеева, исторические сведения свидетельствуют о родовых перемещениях, вызванных джунгарским нашествием в казахские степи, когда были нарушены сформировавшиеся традиционные маршруты кочевков скотоводов, когда были нарушены земельные отношения кочевников и система межродовых производительных связей.

Казахско-джунгарские войны дали для истории имена прославленных батыров, которые воспевались в народе, а их героические подвиги увековечены в народной памяти — в шежире. В шежире Машхура Жусупа Копеева имеются исторические сведения об Абылае: «В юношестве Абылая звали Сабалак» («Абылайдың әуелгі аты Сабалак») — Машхур Жусуп Копеев пишет: «...Рядом с недостижимым двадцати лет Абылаем все время был узбек-сарт по имени Оразак (Ораз. — *Ред.*). Они пришли к родам атыгай и караул, которые кочевали по берегу Ишима, пасли там лошадей бая Даулеткельды, были у него конюхами. Когда у Абылая спрашивали: «Как тебя зовут?» — он отвечал: «Мое имя Сабалак!».¹⁷

Эпоха Абылай-хана высоко оценена Чоканом Валихановым, он пишет: «В преданиях казахов Абылай носит какой-то поэтический ореол, век Абылая является веком казахского рыцарства».¹⁸ Такая оценка в точности воспроизводит ту историческую эпоху, сохранившуюся в сознании народа. Система казахских шежире выполнила свою функциональную задачу, образы выдающихся батыров, самого хана Абылая закрепила в форме поэтико-эпических сказаний — эпосах о батырах, толгау и т.д. Материалы по истории казахов XVIII в. присутствуют во многих статьях Ч. Валиханова. Он использует широко известные в народе исторические предания. В своей статье «Исторические предания о батырах XVIII в.» Ч. Валиханов приводит 14 преданий, упоминающих известные исторические лица — Абылая, Богембая, Жанатая, Байгозы, Уразумбета, Ельчибек-батыра, Темирхан-батыра, Аркандар-батыра, Баян-батыра, Худайберды-батыра, Жапек-батыра и т.д. Заслуга Ч. Валиханова

¹⁶ Копейұлы М. Ж. Қазақ шежіресі (Рукописный вариант). С. 35.

¹⁷ Сонда. С. 37.

¹⁸ Валиханов Ч. Ч. Аблай / Собр. соч. в 5-ти томах. Т. 4. А., 1985. С. 116.

в том, что он зафиксировал в своих статьях ценные исторические сведения, существовавшие до него в изустной передаче.¹⁹

Об именах рыцарей того времени писал Курбангали Халид: «Во времена Абылая батырами и военачальниками были: Каракерей Кабанбай, Алтыбай-батыр, Актамберды-батыр, Есмамбет-батыр, Матай Шонкей-батыр, Керей Жаныбек-батыр, Бори Акпантай-батыр, Канжыгалы Богембай-батыр, Басенты Малайсары-батыр, все они были отличными воинами и военачальниками, но лучшим из них был Кабанбай. В ту пору те, кто попадал в окружение, старались тут же соорудить укрепление для круговой обороны, чтобы удобно было защищаться всем тем, что имелось под рукой, поражать врагов, и такое сооружение называлось «камал» — укрепление. Казахские воины сокрушили множество таких калмыцких укреплений, не оставляя там камня на камне, но вот в горах попало такое укрепление, которое никак не могли взять, даже не могли окружить, в конце концов Абылай-хан в сердцах сказал, что тому, кто возьмет это укрепление, он отдаст свою ханскую власть. И тогда двое батыров, Кабанбай и Есмамбет, с небольшим числом воинов бросились на укрепление, и, несмотря на стрелы и град камней, которые сыпались сверху, ворвались вовнутрь укрепления, захватили его и уничтожили множество калмыков».²⁰

В «Казахском шежере» Машхура Жусупа Копеева упоминаются имена прославленных воинов, он пишет: «Во времена хана Абылая из числа казахов вышли такие батыры: Каракерей Кабанбай, Канжыгалы Богембай, Каздауысты Казыбек, Шакшакулы Жаныбек, Кокжарлы Кокжал Барак. «Врагов он множество раз обращал в бегство, доброе имя осталось Бараку» — это про него слова. Из Старшего жуза — Шанышкалы Бердыкожа, Сырым Малайсары. «Когда он с криком на врага нападает, со знаменем скачи вслед за ним» — эти слова про Малайсары, Балтакерей Турсынбай, Таракты Байгозы, бывший для Среднего жуза ураном — кличем Олжабай батыр, из рода Малай-жадигер — Жаугаш, Бигааш, Боритонды-Борте, Орманшы, у которого на знамени изображена голова волка, рыжий Шотана-батыр, Козган Бекшемерген, карауыл Альтеке, Сарым Жидебай, Уак Сары, Баян — все батыры». «Дома у нас батыров много, но когда надо выступить в поход и сразиться с врагом, нет никого равного Баяну», — говорил Абылай-хан. И это про него сказано в песне:

Бегут, смешавшись, отступая,
Враги в смертном страхе.
И Баян, батыр великий,
Вполоборота разит их пикой!

Все эти названные герои-батыры не раз разбивали отряды и укрепления

¹⁹ Валиханов Ч. Ч. Исторические предания о батырах XV в. / Собр. соч. в 5-ти томах. Т. I. А., 1984. С. 216-222.

²⁰ Халид К. Тауарих хамса. С. 105.

калмаков. Среди казахов нет равного батыру Каракерею Кабанбаю, среди биев нет равного Толе бию из уйсуней».²¹

Казахские шежиры представили современной исторической науке широкий круг источников в жанре казахских жыров (эпосов) и толгау (раздумий), в которых содержатся подробные сведения по истории казахов. Так известны зафиксированные Чоканом Валихановым «Абылай туралы жыр» («Эпос об Абылае»), сочиненные Кокпаем поэма «Сабалак», «Абылай хан әңгімесі» («История Абылая»), «Сабалак — Абылай хан» Олжабая Нуралыулы, у Машхура Жусупа Копеева «Абылай ханның ең алғашқы ауызға ілініп, көзге тускені», «Абылай аспас Арқаның Сарыбелі». Содержащаяся в них информация глубоко и объемно передает дух того исторического времени, события, связанные с казахско-джунгарскими, казахско-кыргызскими, с другими соседними народами, военные и дипломатические отношения. В цикле батырского эпоса широко известны жыр «Бөгембай-батыр», «Ер Жаныбек», где сведения, которые уже известны как из русских, так и китайских источников, воспроизведены в историко-художественном стиле.

Среди всех этих казахских жыров особенно примечателен «Төле бидің тарихы» («История Толе-бия») Казангапа Байболова, в котором имеются сообщения о генеалогии Толе би и его деятельности, о Казыбек би, Айтеке би, а также много сведений о Тауке-хане и истории создания «Жеті Жарғы» (Семь уложений Тауке-хана).

Одной из форм устной исторической традиции в XVIII веке являются казахские толгау в импровизации известных жырау того времени. Казахские жырау XVIII века Ақтамберды-жырау, Татикара-акын, Умбетей-жырау, Бухар-жырау, Котеш-акын, Шал-акын были представителями героического периода казахского народа и своим творчеством способствовали формированию социальной идеологии кочевого общества.

В глазах народа они являлись неординарными личностями, что, скорее, было и на самом деле, так как жырау считались прорицателями, чья воля иной раз стояла выше власти хана. В их творчестве освещались важнейшие события века, рассказывалось о легендарных личностях, военачальниках и др.

Ақтамберды-жырау (1675–1768 гг.) — это народный трибун, призывавший к смертельной схватке с врагом, джунгарскими захватчиками, в своем творчестве он выражает мечты казахского народа о мирной и свободной жизни, мечты о времени, когда будут побеждены социальные противоречия и сбудутся благие надежды народа.

Время жизни Умбетей-жырау (1706–1778 гг.) совпало с наиболее важными военными вехами Казахского ханства, называемыми в народе «жаугершілік заман». Все события этого времени воспеты в жырах, толгау, жоктау, естирту. В героических песнях Умбетей воспевают храбрость и героизм батыров, патриотизм народа, а когда случалась гибель батыров, то их имена непременно увековечивались в посмертной песне о герое-освободителе. В своих толгау

²¹ Копейұлы М. Ж. Қазақ шежіресі (рукописный вариант). С. 71.

Умбетей-жырау передает общественно-политическую жизнь степи. Его песни сохранились в устах народа. И в то же время он — знаменитый военачальник, батыр антиджунгарской войны. Особенно известными в народе стали его сказание о Богембай-батыре.

В сказании упоминаются многие названия местностей, где происходили битвы казахского ополчения с джунгарами, а при сопоставлении с письменными источниками, с археологическими данными четко обозначенные названия согласуются с письменными документами.

Богембай-батыр, один из организаторов казахского сопротивления, стоявший в сражениях в первых рядах, умер в возрасте 81 года. Ответственная миссия извещения Абылай-хана о смерти батыра выпала Умбетей-жырау. Жанр казахского жоктау-прощания был традиционным в искусстве слова кочевников, содержал в себе полную биографию легендарной личности и выражение соболезнования по поводу ее гибели или кончины:

Эй, Абылай мой, эй, Абылай!
Послушай, что еще скажу,
Ведь я тебя не пошажу.
Ты думаешь о тех друзьях,
С кем рядом был на стременах.
Ему за восемьдесят лет,
Но к нам он не вернется, нет!
Батыр твой умер, Богембай!

В героических сказаниях Умбетей-жырау содержатся все ценные исторические сведения об Абылае, включая батыров каракерея Кабанбая, канжыгалы Богембая, Сары, Баяна, Сагымбай-батыра и многих других.

Великий провидец Бухар-жырау (1684—1781 г.) пережил Абылай-хана. Ч. Валиханов в своих исследованиях приводит в качестве примера жанра жоктау казахов один из толгау Бухара, который он назвал «Песня Бухар-жырау по умершему Абылаю».

В цикле исторических рассказов об Абылае в шежире Машхур Жусупа Копеева говорится о военных походах Абылая — «Абылайдың бір жорығы».²²

В «Слове о Бухар-жырау» Машхур Жусуп Копеев пишет об одной из видных исторических личностей времен Абылая, чье творческое наследие сохранилось благодаря письменным шежире: «Старейшина Бухар-жырау из рода Каржас был сыном Калкаман батыра. Знавшие его люди называли его «священное горло».

Много легенд и сказаний связано с деятельностью Бухар-жырау как советника и глашатая идей Абылай-хана. И очень часто он становился идеологическим советником Абылая в решении того или иного вопроса в конкретной обстановке. Многие сказания и легенды поливариантные, наполнены смысловыми иносказаниями, и часто решения политические сопровождались передачей сакрального смысла действий и их наглядностью. Образ и фигура

²² Сонда. С. 23.

Бухар жырау в казахских шежире, в особенности у Машхур Жусупа Копеева, выступает как образ справедливого прорицателя, активного поборника единения казахского народа, человека, воплощавшего в себе лучшие черты своей эпохи.

Переговорные процессы между казахскими и джунгарскими владельцами середины XVIII в. также отражены в казахских шежире. Так, Шакарим-хажы пишет: «В 1741 г. хан калмаков Галдан-Цэрэн, будучи в Ташкенте, посылает тридцатитысячное войско во главе с батыром Жалбы с приказом изловить Абылая и доставить живым, дабы он мог собственноручно казнить его в отместку за смерть батыра Чарыша. Продолжив поиски, вскоре находят хана Абылая и, спящего, захватывают в плен.

Галдан обратился к Абылаю со словами: «Я убью тебя заместо Чарыша, такого же батыра, как ты. Скажи, чего бы ты желал перед лицом смерти?» Тогда Абылай сказал: «Таксыр, у меня всего три желания. Первое: я убил Чарыша в честном поединке на поле брани. Вы же меня захватили спящего и хотите казнить. Я мечтал бы умереть в битве казахов с калмаками. Второе: казахи народ кочевой, не оседлый. Найти бы мне им землю, научить их жить оседло, тогда и умереть было бы не жаль. Третье: в моем роду в каждом колене рождался лишь один мужчина. Если я умру сейчас, ни детей, ни сородичей не оставлю, исчезну (с лица земли), будто вовсе на свет белый не являлся».

После этих слов Галдан опустил голову и долго сидел так в задумчивости. Затем обратился на своем языке к визирю: все, что он сказал, — все истина. В особенности, последнее. Я ведь тоже единственный в пятом колене, случись что с моим сыном Амурсаной, и мой род прервется. «Алдияр!» — воскликнул Абылай и тотчас поднялся на ноги и сложил руки перед грудью. «Отчего ты так называешь меня, разве я подарил тебе свободу?» — спросил его Галдан. «Таксыр, я понимаю ваш язык. Вы уподобили меня своему сыну, чем это не свобода».

Галдан остался доволен ответом Абылая и простил его. Он подружил Абылая с Амурсаной, одарил казахов и русских ценными подарками и в качестве «кундебау» (по джунгарскому обычаю) отдал Абылаю из своего рода девушку-сироту. Кундебау — означает «неразрывная дружба». А так как маленький братишка никак не хотел расстаться с сестрой и безутешно плакал, его тоже отдали Абылаю, с пожеланием, чтобы он относился к нему, как к брату своему. Абылай дал ему имя — Махмуд. Казахи называли его по своему — Мамбет. Сын его Большеке...».²³

Этот исторический сюжет несколько иначе интерпретируется в шежире Машхура Жусупа Копеева.

История пленения Абылая калмаками и его беседа с Галданом приводятся и в шежире Машхура Жусупа под названием «Қалдан Шеріннің әңгімесі» («История Галдан-Цэрэна»).²⁴

²³ Сонда. С. 27.

²⁴ Құдайбердыұлы III. Указ. работа. С. 56.

Приведенный выше отрывок из шежира Шакарима Кудайбердиева весьма полно и многоаспектно толкует важные политические и социально значимые события из жизни Джунгарского и Казахского ханств, при этом высвечивается связь между историческим событием и личностью, между прошлым, настоящим и будущим главных героев сюжета Галдан-Цэрэна и Абылая. В кратком содержании определить квинтэссенцию исторического события и его последствия через индивидуальность главного героя — такова общая канва традиции шежира.

Вскоре с геополитической карты Центральной Азии исчезло могущественное государство — Джунгария. Это был процесс трансформации кочевых этнополитических систем, начало которому было положено потерей политической самостоятельности кочевыми народами Поволжья — башкирами, ногайцами, волжскими калмыками. Гибель Джунгарского государства столкнула казахов лицом к лицу с двумя империями Евразии — Китаем и Россией.

Огромный кочевой этнос, сохранивший независимость во второй половине XVIII века, казахи, стояли перед политическим выбором. Попытки создания совместного казахско-джунгарского военно-политического блока двух последних кочевых государств не увенчались успехом. Не последнюю роль в этом, конечно, сыграла политика Российского и Китайского государств, которые, преследуя собственные политические интересы, приложили немало усилий для развития конфликта между казахским и джунгарским народами.

С падением Джунгарского государства пришли в противоречие русско-китайские отношения, каждое из которых имело собственные интересы в планах территориального освоения казахских земель. Политику проникновения китайская сторона предприняла уже непосредственно после разгрома Джунгарии. В казахских шежирах встречается топонимическое название местности в Центральном Казахстане «Шүршіт қырылған» («Место гибели шуршутов (т.е. маньчжуро-китайцев)»), что также подтверждается материалами научных этнографических полевых исследований. Это название местности является прямым подтверждением событий 1756 г., когда в результате западного похода китайского правительства под руководством Дардана, его войска достигли р. Есиль, что привело к столкновениям с казахскими воинами Кабанбая, Кожабергана, Амурсаны.

После кончины Абылай-хана историческое развитие казахского народа идет на фоне усиления колониальной политики Российской империи в конце XVIII и в XIX вв., казахские шежиры сохранили дух антиколониальных выступлений казахов Среднего и Младшего жузов — Сырыма-батыра Датова, Саржана-торе, Кенесары-хана, Жанкожа-батыра, Есета-батыра, Исатая, Махамбета и многих других национальных героев. Начало российской колониальной политики, активизировавшейся во второй половине XVIII в., подробно освещено в шежирах Курбангали Халида.

О событиях, связанных с казахско-русскими отношениями и строительством казачьих поселений и крепостей, изложено в шежирах Машхура Жусупа Копеева в серии таких исторических этюдов, как «Сиыр жылы орыстар

Баянауылка қала салмақшы болады», «Шорман-Мұса екеуінің бірі туралы», «Едігее би», «Шоң—Торайғыр» и др.

Казахские источники при их тщательном анализе проливают много света на события истории. Смысл изложенных Машхуром Жусупом Копеевым сведений в том, что согласия казахов на строительство казачьих станиц, крепостей и укреплений русские колониальные власти добивались всевозможными средствами: путем военных захватов, подкупа знатных степняков за чины, подарками, жалованиями и даже путем прямого шантажа. В шежире Шакарима эти события получили следующую оценку, он пишет: «После ухода Абылая в Среднем жузе ханом стал Барак. У него был сын Бокейхан. Это не тот Бокейхан, что был в Младшем жузе. С этим Бокейханом переписывался военачальник русского царя Александр Павлович Глазенап в 1811 г. Последним ханом Среднего жуза был хан Турсын. Сын Чингиса, внук Бокейхана, он правил в Каркаралы. А упразднение ханства, назначение нового правления ага-султанов, старшин было введено еще до Турсын-хана в 1822 г.

Начинается прямое подчинение казахов русским. В 1824 г. в степи образуются отдельные округа, после этого первые пять лет казахи были свободны от налогов, а затем их обязали платить из ста голов одну, затем больше и т.д. Наконец, с объявлением временного положения окончательно потеряли свою свободу и подчинились русским законам».²⁵

Кризис традиционной общественной системы казахов, связанный с веяниями времени и колониальными политическими реформами, привел к кризису национального самосознания кочевников, получил отражение в творчестве казахских поэтов эпохи, получившей название «Зар-заман». Поэты этой эпохи питали свое творчество именно источниками казахских шежире. В своем поэтическом творчестве они в точности отображали дух своего времени.

Резюмируя в целом историю казахов XVIII—XIX вв. на основании казахских источников, созданных на протяжении этого времени, можно говорить о том, что рассматриваемая история двух столетий характеризуется непрерывной борьбой казахского народа с внешней экспансией, сначала с Джунгарским ханством, затем шуршутами (т.е. Цинскими правителями), кокандцами, хивинцами и активной колониальной политикой Российской империи, что оказало влияние на факт накопления исторической информации в среде народа, свидетельствует о глубинных процессах пробуждения исторического сознания казахов, об активном этническом становлении и развитии казахского этноса.

Период истории XVIII—XIX веков стал переломным для казахов. На глазах казахского этноса происходит исчезновение кочевых государств Центральной Азии. Кризис кочевничества выражался в резком сужении жизненного пространства кочевой цивилизации.

Ценность казахских источников заключается в том, что они позволяют значительно больше осознать настроение и дух времени, носителем которого

²⁵ Копейұлы Ш. Қазақ шежіресі. С. 61.

может быть только тот этнос, в котором происходили эти исторические события. Ни один внешний источник не может адекватно отразить внутреннюю идею этноса, так как ее выразителями могут стать именно этносы, целиком включенные в эти события, поэтому ценность традиционных и внешних источников заключена в их своеобразии и специфичности. Так, в казахских источниках наиболее четко отражены детали внутренней политики Казахского ханства. Казахские источники донесли сведения о том, что лидеры этноса, в частности хан Абылай, видели необходимость скорейшего изменения образа жизни казахов, кризис кочевничества в новых складывавшихся условиях.

Центральным лицом в истории казахов XVIII века стал Абылай, цикл исторических преданий о котором невероятно многочислен. В творчестве народных жырау, идеологов отечественной войны против джунгарского нашествия, мы находим неопровержимые свидетельства о всенародном признании великих заслуг Абылай-хана как гаранта общенационального единства, борца за национальную независимость и территориальную целостность казахских земель. Все они без исключения, еще с начала 40-х годов XVIII в. подтверждают его высокий личностный статус, его величие как общенационального государственного деятеля. Впоследствии Ч. Валиханов пришел к верному заключению, что к началу 40-х гг. «мы находим его самым сильным из владельцев Средней орды», и что «настоящий хан (Абулмамбет. — *Ред.*) ничего не значил».²⁶ Шакарим в статье «Уалибақының нәсілі» («Потомок Уалибақы»), сюжет которой основывается на шежире, отмечает, что Абылай был провозглашен ханом при участии 90 знатных представителей трех жузов²⁷.

Более пространно казахские источники доносят образы казахских батыров, отличившихся бесстрашием и отвагой, образы мудрых биев, сыгравших значительную роль в единении народа, пресекавших любые центробежные негативные проявления и ставших духовными предводителями народа, идеологами борьбы за сохранение независимости. Казахские источники этого времени представлены в жанре героических песен — жыров, толгау, собственно шежире — генеалогией.

Казахские источники XIX века значительно отличаются от источников XVIII в., они дополнены новым письменным жанром казахских шежире, существовавших до этого времени в устной передаче. В этих источниках центральным сюжетом стало освещение событий колониального проникновения России и связанной с ним борьбой казахского народа за национальную независимость.

Произведения устной народной культуры казахов служат оригинальным источником для истории. Они обогащают последующие поколения многообразным колоритом ушедших эпох, позволяют обнаружить невидимые на первый взгляд спонтанные связи казахов с окружающей средой и способствуют определению их роли в едином историческом процессе развития общества.

²⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В пяти томах. Т. 4. А., 1985. С. 113.

²⁷ Абылайхан. Тарихи жырлар. Т. 1. А., 1993. 357 б.

Выдающимся акыном считался Дулат Бабатаев (1802–1871 гг.), участник самых известных айтысов XIX века, известный как один из глубоких знатоков истории и современности. Его творчество было популярно в степи, он высоко нес свое призвание, смело вскрывал социальные противоречия и призывал к критическому осмыслению каждым своего места в обществе.

До недавнего времени противоречивые характеристики давались творчеству широкоизвестного в казахской степи акына Шортанбая Канаева (1818–1881 гг.). Об исторической значимости и глубоком смысловом содержании его произведений говорит факт неоднократного их издания в 70-х годах XIX века в г. Казани под названием «Бала зары».

Продолжателями традиций Бухар-жырау и Дулата Бабатаева были Котешакын (1748–1818 гг.), Шал-акын (1748–1819 гг.), Таттикара-акын (XVIII в.) и др., активно отражавшие в своей поэзии окружающий мир, актуальные и насущные проблемы современности. Большинство из них не были пассивными сторонами, наблюдателями всего происходящего, а являлись активными участниками многих исторических событий времени, батырами, практически участвовавшими в освободительной борьбе против джунгар и экспансии китайских правителей на территорию Казахстана.

Наиболее яркой личностью первой половины XIX века, оставившей глубокий след в поэтическом творчестве казахов и от начала и до конца отразившей историю освободительного движения под руководством Исатая Тайманова, является Махамбет Утемисов (1804–1846 гг.), ставший трибуном и агитатором его движения. Реальная действительность, выраженная в его произведениях, проверена архивными документами, и потому они — ценнейший исторический источник, созданный очевидцем и активным участником событий. Во многом его произведения — достоверный фактический материал, облеченный в поэтическую форму, где прослежены все этапы освободительной борьбы казахов в Букеевской Орде в 1836–38 гг. Современником Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, принимавшим активное участие в восстании, был Шернияз Жарылгасов (1807–1867 гг.). В его стихах мы черпаем информацию о взаимоотношениях различных социальных групп в период после восстания, о расстановке сил, приведших к поражению выступления народных масс (песни Шернияза при встрече с Баймагамбетовым: про батыров Исатая и Наушу и др.).

Поэтическим продолжением осмысления народной памятью причин выступления трудящихся против царских угнетателей и раскрытия внутренней динамики этих протестов стали исторические поэмы «Сказание о Бекете», посвященная событиям 1852–1853 гг. в Оренбургско-Актюбинском регионе, и «Исатай и Махамбет». В первом случае восстание возглавили Есет и Бекет; вооруженное выступление продолжалось до 1858 г. Бекет ранее был арестован и сослан в Сибирь, а Есет после поражения пошел на примирение с властями. Вторая поэма принадлежала Ыгылману Шорекову, который глубоко изучил события восстания 1837–1847 гг. в Букеевской Орде, попытался вскрыть причины этого восстания (лишение крестьян земли и непомерные

налоги, поборы хана Жангира). «Ценность поэмы в том, что во времени, когда народ был еще лишен возможности писать свою полную событий биографию, историческая песня, сложенная акыном, становилась его памятью, летописью, обобщением исторического опыта, подобно боевому оружию, она не ржавела, не старела и верно служила в его борьбе за свое освобождение».

Этапным воссозданием духа и истории этой эпохи явился выход сборника «Бес ғасыр жырлайды» (В трех томах. А., 1989). Трудно переоценить значение документальных сборников, опубликованных в годы независимости Республики Казахстан: «Абылай хан» (А., 1993), «Хан Кене» (А., 1993).

Другие массовые источники по истории XVIII — начала XX вв. Опубликованные источники по истории казахов XVIII—XIX вв. разнятся как по содержанию, так и по форме. Первую группу составляют записи очевидцев, побывавших в казахской степи и сопредельных с ней землях, материалы, содержащие сведения о казахах и событиях с их участием.²⁸ В этом плане достойны внимания сведения, содержащиеся в дневниках и путевом журнале Ивана Унковского, побывавшего у джунгарского правителя Цэван-Рабдана. Здесь мы черпаем информацию о завоеванных джунгарами казахских землях Жетысу, подчинения джунгарам родоправителей Старшего жуза. Приводятся имена предводителей ойратов и топонимика. В частности, завоевание ими Чу, Таласа, Сарысу, земель Хантау, Улутау, Арганаты и ряда городов: Аулие-Аты, Сайрама, Сузака, Кулана, Чимкента, Ташкента и др.

Джунгары, разоряя казахские земли и население, частью захватывая его в плен, вышли через Таласскую долину к Сырдарье. Казахи вынуждены были в поисках убежища частью отойти к низовьям Сырдарьи, частью податься в сторону Самарканда. Имеются данные о численности армии джунгар и способах ведения ими военных действий. Рассматриваемый источник раскрывает весь трагизм года бедствия — 1723 года, пожалуй, самого разорительного и тяжелого для казахов периода борьбы с джунгарами. Географические материалы источника позволяют более конкретно воссоздать широту захватнических походов джунгар на территории Старшего, Среднего и Младшего жузов и подводят читателя к пониманию своевременности и высокого предназначения исторического события — съезда ханов, биев, батыров и родоправителей в Ордабасы для экстренного решения вопроса объединения всех казахов для отражения джунгарского нашествия.

Значительный документальный материал о казахах содержится в «Памятниках сибирской истории XVIII в.» Казахи желали заключить союз с Россией для борьбы с джунгарами. Об условиях такого соглашения велись переговоры

²⁸ Посольство к джунгарскому хун-тайджи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Умковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. Записки ИРГО по отдел. этнографии. СПб., 1887. Т. X, вып. 2. Разные бумаги генмайора А. Тевкелева об Оренбургском крае и киргиз-кайсацких ордах. 1762 г. / Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1852; Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. СПб., 1882. Кн. 2. СПб., 1885.

с сибирским губернатором М. Гагариным в Тобольске, куда в 1716 г. прибыли казахские послы «от имени Каип-хана и всей казачьей орды». Материалы этих переговоров, сведения о ходе борьбы казахов в следующем, 1717 году, в частности, сражение при реке Аягуз, письма Абулхаира царю в 1718 году и другие данные, в том числе о численности казахских ополчений, проливают свет на причины слабой организованности казахов в борьбе с джунгарами на этом этапе. В этих документах имеются сведения о стремлении казахов найти союзников в борьбе с врагом среди других тюркских народов и целый ряд вопросов, раскрывающих внутрисполитическое положение казахских жузов.

«Разные бумаги» генерал-майора А. Тевкелева об Оренбургском крае и казахских жузах по праву занимают первостепенное положение, особенно с началом колонизации края.

А. Тевкелев был весьма значимой фигурой среди царских чиновников, он хорошо знал быт, обычаи и правовые нормы многих тюркских народов региона. Как преданный царю и России, он стоял у истоков принятия казахами Младшего и Среднего жузов подданства России, выполнял сложные, а иногда и опасные дипломатические миссии. В период службы был наделен большими полномочиями и снискал уважение престола. Неоднократно удостоивался наград и повышения в должности. Его взгляды на исторические события, происходившие в казахских жузах в разное время, принятие им того или иного решения, его оценки происходившего особенно ценны при рассмотрении истории казахов, башкир, народов Поволжья в XVIII веке.

Вторую группу источников объединяют сборники документов и материалов — «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» и «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.»²⁹ Опубликованные в советское время сборники содержат материал, относящийся к началу присоединения Младшего и Среднего жузов к России, ходу и развитию этого процесса, участию в нем казахских ханов, деятельности А. Тевкелева, посольства башкир в Средний жуз к Абылау, принятию им ханского титула в 1771 г.

Ряд сведений свидетельствует об участии казахских ханов в переговорах с Пугачевым, а казахских отрядов — в осадах Оренбурга и других укреплений.

Материалы, касающиеся 1-й половины XIX века, раскрывают экономические, торговые и другие стороны взаимоотношений казахов с Россией, в том числе в период восстания Кенесары Касымова.

В целом следует сказать, что перед издателями сборников стояла цель — доказать добровольность присоединения казахов к Российской империи, а главное — прогрессивность этого процесса, т.е. документальное обоснование идей, муссируемых в историографии на протяжении многих десятков лет советской действительности. Однако при критическом отношении к материалам сборников, исследователи получают разнообразные сведения о начале и

²⁹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. А., 1961; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. А., 1964.

ходе колонизации края, политических, хозяйственных и правовых изменениях, которые вносила империя в уклад жизни казахского общества.

Третья группа официальных источников — это материалы, непосредственно связанные с процессом присоединения Казахстана к России начиная с 1731 года, в основном законодательные акты царского правительства, донесения официальных лиц, побывавших в казахских степях, и документы, исходящие от должностных лиц, старшин, биев и т.д.³⁰ Материалы сборника систематизированы по следующим разделам: Взаимоотношения казахских ханов и царского правительства с момента присоединения Казахстана к России; Организация пограничного суда и расправ; Управление казахами Сибирского ведомства до реформы 60-х годов XIX века; Управление Семиреченской и Сырдарьинской областями с 1867 г.; Управление Степными областями с 1868 г.; Управление Туркестанским краем с 1886 г.; Управление Степным генерал-губернаторством с 1891 г. Таким образом, в сборнике имеются «Устав о сибирских казахах» 1822 г., «Положение об управлении Оренбургскими казахами» 1844 г., «Временные положения» 1867—1868 гг., «Положения» 1886 и 1891 гг. Читатель получает представление о всех изменениях социально-политического характера в Казахской степи на протяжении XVIII—XIX вв. К этой группе относятся документы, отражающие различные события в жизни Казахской степи на рубеже XVIII и XIX вв., изданные отдельной книгой, к сожалению, оставшейся одним из томов задуманного многотомного издания.³¹ Названный сборник по истории Казахстана (1785—1828 гг.) содержит значительные материалы о крупном выступлении казахов Младшего жуза под руководством Сырыма Датова. Источники о причинах восстания, его развитии, действия по отношению к нему со стороны царской администрации и, конечно, результаты свидетельствуют о его размахе, социальной направленности и причинах неудачи. Источники помогают обнаружить характерные признаки крестьянских выступлений — стихийность и неорганизованность, отсутствие ясных целей борьбы, однако очевидцы видят основные причины восстания в обострении земельного вопроса в Младшем жузе.

К четвертой группе источников относятся результаты академических экспедиций 1768—1774 гг., обогатившие науку разносторонними знаниями и сведениями по разработанным маршрутам на территории Казахстана и Сибири, как оказавшим большую помощь в изучении производительных сил и экономики приобретенного Россией края, так и принесшим ценные сведения о социально-политической структуре казахского общества в XVIII в.³²

Вышедшие позднее в изданиях архива АН СССР материалы во многом дополняют и расширяют представления об их характере, руководящем со-

³⁰ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. А., 1960.

³¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. М.; Л., 1940.

³² Рычков Н. П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г. СПб., 1772; Паллас С. П. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1—3. СПб., 1773—1783; Фальк И. Полное собрание сочинений ценных путешествий по России. Записки академика Фалька. СПб., 1894.

ставе, охваченных исследованиями районах. Здесь же опубликованы полный список трудов участников этих экспедиций.³³ Характерной особенностью информации источников XIX в. стало возникновение нескольких очагов восстаний. Почти одновременно с выступлением крестьян в Букеевской Орде в 1836–1837 гг. под предводительством Исатая Тайманова, вспыхнуло восстание против царизма в Среднем и Младшем жузах во главе с Кенесары Касымовым (1837–1847 гг.), позднее, в 1856–1857 гг. поднялись на борьбу за независимость присырдарьинские казахи, возглавляемые Жанхожей Нурмухамедовым, а в 1855–58 гг. выступили казахи под руководством Есета Котибарова против оренбургских карательных отрядов на территории Младшего жуза. Выступления казахских шаруа разнились между собой как по продолжительности, так и по интенсивности. Однако документы подтверждают, что основной силой этих восстаний были казахские шаруа, отстаивающие свою свободу и самостоятельность. Ряд исторических материалов, содержащих разнообразные факты о казахах и их выступлениях против властей, вплоть до завершения присоединения их территории к России, были доведены до сведения читателей в ранних публикациях, касающихся в целом завоевания Туркестана³⁴.

В 1930-х годах в советской исторической науке история освободительных движений на национальных окраинах царской России прослеживалась по архивным материалам. Архивисты опубликовали несколько документов, отражающих вопросы восстания и личной роли Исатая Тайманова во взаимоотношениях с царской и ханской властью в период восстания. Наиболее полное документальное отражение восстание в Букеевской Орде получило в сборнике документов и материалов, собранных в фондах Центрального Государственного архива Республики Казахстан³⁵. Документы на казахском и русском языках пополняют наши знания о восстании и дают возможность полнее воссоздать причины недовольства широких слоев казахского общества в Букеевской Орде, территорию, охваченную восстаниями, социальный и родовой состав повстанцев, подоплеку нерешительности Исатая Тайманова в критических ситуациях борьбы, основные мотивы переписки царских властей с ханом Жангиром, методы их борьбы с народными массами и другие вопросы.

По истории восстания во главе с Кенесары Касымовым, длившегося около десяти лет и охватившего значительную часть трех жузов, мы имеем сборник документов «Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова» (А., 1996). В нем собраны воедино и археографически изложены материалы и документы, относящиеся к периоду 1837–1855 гг. Они позволяют всесторонне восстановить ход восстания,

³³ Материалы по истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. / Составитель Б. Ф. Гнучева. М.; Л., 1940. Труды архива АН СССР.

³⁴ Материалы по истории завоевания Туркестанского края, собранные А. Г. Серебрянниковым. Т. I–XVIII. СПб., 1917.

³⁵ Народно-освободительное движение казахов в 1830–1838 гг. (документы, материалы, статьи). А., 1992.

силы, задействованные в нем, имеются конкретные названия наиболее активных родов в повстанческом лагере. Интересны по содержанию письма Кенесары Касымова императору Николаю с основными требованиями восставших. Программные запросы восставших содержатся в письмах губернатору Западной Сибири. Материалы раскрывают тактические замыслы руководителя восстания в тех или иных конкретных военных действиях, причины ухода повстанцев на территорию Старшего жуза к берегам Чу и Или, активность карательных отрядов против казахского народа, последние сражения и обстоятельства гибели Кенесары Касымова. Таким образом, отдельные фрагменты из истории восстания и роли его участников, опубликованные в разное время и в разных изданиях, теперь существенно дополнены специальным сборником документов, который солидно восполняет лакуну, образовавшуюся в освоении серьезной и животрепещущей темы. Аналогичная ситуация с публикацией документальных материалов о восстании кишкене-шектинского рода присырдарьинских казахов во главе с Жанхожей Нурмухамедовым и с Есетом Котибаровым. Документальная база различных этапов народно-освободительного движения XVIII–XIX вв. в период присоединения Казахстана к России ждет дальнейшего освоения, что в определенной мере сказывается на выработке теоретико-методологических подходов к изучению важной темы.

В 80-е годы XX века документальные источники пополнились рядом сборников, отражающих взаимоотношения Казахстана с Китаем, где воспроизводились тексты в переводе с китайского и тюрки. Один из объемных сборников документов вышел под названием «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в. Часть 1–2». Сборник документов и материалов дополняет исторические сведения о деятельности Абылая и его потомков, отображает многообразие казахско-китайских отношений.

XIX век ознаменовался коренными изменениями в культурной жизни казахов. В первой половине XIX в. были открыты в Оренбурге и Омске кадетские корпуса, куда принимались дети казахской знати. К функционировавшим с последней четверти XVIII века азиатским школам прибавились специальные школы, целью которых была подготовка писарей и переводчиков, светские школы, городские училища, русско-казахские школы. Молодежь, получавшая образование в этих учебных заведениях, приближенных к европейскому образцу, стремилась впоследствии практически применить свои знания в деле улучшения жизни казахского общества. Их волновали не только специально-политические и хозяйственные стороны жизни общества, они стремились и вносили свою лепту в научное постижение окружающей деятельности. Поэтому творческое наследие выдающихся представителей нового поколения интеллигенции, выходцев из глубин казахского общества, органически связанных с ним реалиями бытия, стало крупным вкладом в источниковедение XIX в. В первую очередь это относится к трудам Ч. Валиханова (1835–1865 гг.).³⁶ В его трудах отражен глубокий интерес к истории Казахстана,

³⁶Собрание сочинений. Т. I–IV. А., 1961–1968 гг.

народов Средней Азии и Восточного Туркестана. В них мы черпаем универсальные сведения по вопросам происхождения казахского и кыргызского народов, социального и политического устройства казахского общества, освободительной борьбы казахского народа против джунгарской агрессии, присоединения Казахстана к России и ощущаем его живое, активное отношение к политике царизма на пути своего утверждения в казахских степях. Именно эти качества трудов Ч. Валиханова определили их источниковедческий характер в исследованиях казахстанских ученых: филологов, философов, юристов, экономистов, историков и представителей естественных наук. Плеяду замечательных деятелей продолжают имена И. Алтынсарина, М. С. Бабажанова, К. Халиди, С. Жантюрина, Т. Сейдалина и др.³⁷ Труды их, опубликованные в различных изданиях и периодической печати, отражают многогранную жизнь казахов, особенности их социально-экономического развития, образ мышления и занятия. Особое место в творческом наследии передовых людей второй половины XIX века занимают труды Абая Кунанбаева.³⁸ Его произведения и круг проблем, наполняющих и пронизывающих их, — богатейший источник духовной жизни казахских социальных кругов, испытывающих всестороннее влияние русской демократической культуры, а через нее и мировой культуры. Кроме поэтического творчества у Абая есть ряд произведений на историческую тематику: «Искандер», «Масгуд», «Сказание об Азиме». В «Назиданиях» автор не раз прибегает к исторической теме. Творчество Абая Кунанбаева — драгоценный памятник духовной культуры казахского народа и ценный первоисточник для исследователей.

На рубеже XIX—XX вв. появились документальные публикации, содержавшие сведения по казахскому хозяйству. Это сборники с большим статистическим материалом о скотоводчестве, быте, социальной структуре казахского общества, прежде всего это материалы специальной экспедиции под руководством статистика Ф. А. Щербины, работавшего в Степном крае в 1896—1900 гг.³⁹ Задачей экспедиции было определение размеров земли, необходимой для кочевого и полукочевого хозяйства, и выявление размеров изъятий в переселенческий фонд. Политическая направленность обследования Щербины совершенно очевидна, но ценность его материалов не утратилась и в наши дни.

Переселенческое движение и колонизаторская политика самодержавия в решении аграрного вопроса, а также в отношении размежевания земель в

³⁷ *Алтынсарин И.* Собрание сочинений в трех томах. А., 1975; *Бабаджанов М. С.* Лошади и их испытание во внутренней орде // Коннозаводство. 1871 г. № 5; *его же.* Коневодство у киргизов // Оренбургский листок. 1876. № 48; *Халиди К.* Таварих-и Хамса. Казань, 1910; *Султан Джантюрин.* Очерки киргизского коневодства // Журнал конезаводства. 1883. № 7; *его же.* Лучшие породы киргизской лошади-аргамах // Киргизская степная газета. 1888. № 6; *Сейдалин Т.* О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая // ЗООРГО. Вып. 1. Казань, 1870 и др.

³⁸ *Абай Кунанбаев.* Собрание сочинений в одном томе. М., 1954.

³⁹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Воронеж, 1898—1909. Т. 1—13.

степи нашли отражение в отчетах ревизии К. К. Палена.⁴⁰ В 1907–1910 гг. переселенческое управление провело обследование 138 989 казахских и 2700 переселенческих хозяйств в Семиреченской области, которое провела экспедиция под руководством П. П. Румянцева.⁴¹ Некоторые социально-экономические стороны жизни казахского общества освещались в трудах других представителей народничества. Типичным выразителем их интересов был В. И. Семевский.⁴² В его исследованиях мы находим свидетельства о положении казахов на сибирских золотодобывающих предприятиях. Фактический материал, содержащийся в трудах В. И. Семевского и в очерках инспекторов, возглавлявших горные округа, А. Сборовского, В. Коцовского, В. Павловского о количестве рабочих и условиях их труда является ценным источником для историков.⁴³

Немалый исторический материал содержала местная периодическая печать Казахстана. Это газеты, альманахи, сборники на русском языке, а затем и на казахском. К их работе привлекалась немногочисленная интеллигенция. Так, в частности, в последней четверти XIX в. был налажен выпуск приложения на казахском языке к газетам «Туркестанские ведомости» (1870–1882 гг.), «Акмолинские областные ведомости» (1888–1902 гг.).

Крупным для того времени периодическим изданием на казахском языке был журнал «Айқап» (1911–1915 гг.). Журнал выступал поборником нового, передового, пропагандировал развитие новых форм хозяйства и товарно-денежных отношений. В нем сотрудничали демократически настроенные представители казахской интеллигенции: Мухамеджан Сералин (издатель журнала), Султанмахмут Торайгыров, Спандияр Кубеев, Бахытжан Каратаев, Жансултан Сейдалин, Абдугазиз Мусагалиев и др.

Газетой, выходившей в Оренбурге, тиражом гораздо большим, чем «Айқап», начиная с февраля 1913 г. по осень 1918 г., была «Қазақ». Главным ее редактором был Ахмет Байтұрсынов, издателем – Мустафа Оразаев. Сотрудничали в газете А. Букейханов, М. Дулатов, М. Тынышпаев, Ш. Кудайбердиев, Т. Кунанбаев и др. Основательный и широкий круг проблем, находивший освещение на страницах газеты («Дума и казахи», «Дума и война», «О проектируемых законах», «О переселенцах», «Казахи и земельный вопрос»,

⁴⁰ Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, проведенный графом К. К. Паленом. СПб., 1911. Т. I–II.

⁴¹ Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. СПб., 1911–1916. Т. 1–8.

⁴² Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1–2.

⁴³ Сборовский А. Отчет по статистико-экономическому исследованию золотопромышленности Кокчетавского района. СПб., 1908; Коцовский В. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Семипалатинской и Семиреченской областей. СПб., 1904; Павловский В. Оренбургская золотопромышленность за 100 лет, правовые отношения к ней Оренбургского казачьего войска и современное положение золотопромышленности вообще. Екатеринбург, 1905.

«Изменение хозяйства», «Здоровое тело, здоровый дух», «О болезнях», «По поводу чумы», «Об образовании», «О казахском образовании», «Начальная школа», «Нужды школы», «Время учебы», «Современная война», «О войне», «Г. Дума и солдатский вопрос», «Возьмут ли солдат от казахов?») отражал многогранные интересы газеты и поиски ответов на животрепещущие проблемы внутренней и внешней жизни казахского общества начала XX в. Страницы газеты — богатейший первоисточник хозяйственной, культурной, духовной и социально-политической истории казахов.

В последующие годы интерес к источникам нарастал. Развернулась работа по их сбору, систематизации и публикации.⁴⁴ Вскоре были опубликованы первые библиографические работы о восстании 1916 года И. А. Чекалинским и С. Д. Асфендияровым.⁴⁵ Определенную роль в поисковой и публикаторской работе сыграл журнал «Красный Архив», уделивший значительное внимание революционным традициям трудящихся Востока.⁴⁶

К 20-летию восстания 1916 г. документальная база в Средней Азии и Казахстане обогатилась рядом ценных публикаций.⁴⁷

Для изучения социально-экономических и политических проблем в Казахстане до Октября важное значение имела Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период.⁴⁸ Особое значение в комплексе проблем занимал вопрос о периодизации истории Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху. Периодизация, принятая на этой сессии: 1. Первобытнообщинный строй на территории Казахстана. 2. Сложение и развитие феодального строя на территории Казахстана. 3. Развитие капиталистических отношений и разложение патриархально-феодальных отношений в Казахстане. 4. Казахстан в период империализма в

⁴⁴ См.: Эсеры во главе расправы с национально-освободительным восстанием // *Борьба классов*. 1932. № 5; *Зорин А.* Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. // *Борьба классов*. 1932. № 7—8 (Опубликованные два документа: Протокол допроса, произведенный Железняковым от 23 ноября 1916 г. в г. Верном; Докладная подпор. Матвеева о поселении 23 марта 1917 г. рабочих туземцев Туркестана на ст. Сортировочная Петроградской железной дороги).

⁴⁵ *Чекалинский И. А.* Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 г. (Библиографическая заметка) // *Записки Среднеазиатского отдела Об-ва изучения Казахстана*. 1929. Т. 1, вып. 18; *Асфендияров С. Д.* Указатель литературы по истории восстания 1916 г. // *Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане*. Ленинград, А.; М., 1936.

⁴⁶ К истории восстания киргиз в 1916 г. (предисл. А. Чулошникова) // *Красный архив*. 1926. № 3; Восстание 1916 г. в Средней Азии // *Красный Архив*. 1929. №3; Отрывки из дневника Куропаткина о восстании 1916 г. // *Красный Архив*. 1929. Т. 34.

⁴⁷ Восстание 1916 г. в Казахстане. Сб. воспоминаний и материалов. Сост. С. Шарипов, Ш. Шафири, С. Брайнин. А., 1937; Восстание в Киргизстане: Документы и материалы. Собр. Л. В. Лесной / Под ред. Т. Рыскулова. М., 1937; Восстание в 1916 г. в Туркестане. Документы и материалы. Ашхабад, 1938.

⁴⁸ Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

России. Впоследствии эти этапы легли в основу создания академического труда «История Казахской ССР» в 5 томах.

Важным показателем роста научного потенциала историков-исследователей и работников государственных архивов КазССР стало издание документальных материалов по дореволюционной истории Казахстана.⁴⁹

Ширилась источниковая база истории национально-освободительной борьбы 1916 года: Институт истории АН СССР, Главное архивное управление истории, Академии наук Средней Азии и Казахстана опубликовали обобщающий сборник документов о восстании 1916 г. в регионе.⁵⁰ Большая часть документов публиковались впервые, но в их состав были включены и ранее опубликованные материалы. Тщательное и всестороннее изучение материалов сборника позволяет утверждать, что они намного расширили фактографическую основу проблемы, свидетельствуют о большом вкладе народов Средней Азии и Казахстана в длительную, упорную и самоотверженную борьбу против царизма.

В последний период был издан сборник документов и материалов «Грозный 1916-й год» (А., 1998. Т. I, II). «По сравнению с предыдущими изданиями, — отмечают его составители, — расширена география событий, публикуется комплекс документов, раскрывающих положение беженцев-казахов в Китае и действия властей по их возвращению, а также материалы о положении тыловых рабочих в прифронтовой полосе, их использовании на оборонных работах» (с. 5). На наш взгляд, значительным достоинством двух томов стали опубликованные документы, в происхождении которых активное участие принимали представители казахской интеллигенции, и эти источники отражают сущность и содержание взглядов на события 1916 г. А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Тынышпаева и других. Исследователи, таким образом, получили ранее недоступные первоисточники, отражающие не только взгляды интеллектуальной плеяды казахов начала XX в., но и полную картину их практической деятельности в годы наивысшего подъема национально-освободительной борьбы казахов против царизма. Именно с этих позиций мы рассматриваем документ № 15 от 7 августа 1916 г. — протокол частного совещания представителей казахского населения Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей о выступлениях населения против мобилизации и проведении необходимых мероприятий по осуществлению призыва на тыловые работы; документ № 2, август 1916 г. — донесение начальника Оренбургского губернского жандармского управления военному губернатору Тургайской области М. М. Эверсману об

⁴⁹ Восстание 1916 г. в Казахстане: Документы и материалы. А., 1947; Революционное движение в Казахстане 1905–1907 гг. Сб. документов и материалов. А., 1955; Рабочее и аграрное движение в Казахстане 1907–1914 гг. Сб. документов и материалов. А., 1955; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане. 1917–1918 гг. Сб. документов и материалов. А., 1957.

⁵⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1960.

антиправительственной деятельности А. Байтурсынова, А. Букейханова и М. Дулатова по агентурным сведениям; документ № 86 от 5–25 февраля 1917 г. — Протокол допроса мировым судьей 4-го участка Черняевского уезда М. Тынышпаева о причинах и ходе восстания в Семиреченской области; документ № 80 — статья М. Дулатова в газете «Казак» от 8 января 1917 года; документ № 97 от 25 февраля 1917 г. — Отношение тургайского военного губернатора в штаб верховного главнокомандующего с сообщением об агентурных сведениях о деятельности М. Дулатова в связи с направлением его на службу в инородческий полк от земского городского союза. Раскрытию широкого диапазона интересов интеллигенции, по праву выразившей возросшее самосознание казахского общества, способствуют помещенные в сборнике статьи А. Букейханова (док. № 2), М. Дулатова (док. № 9) и другие документы участников восстания 1916 г. по ряду областей Казахстана.

Характеризуя источники по проблемам культуры, следует сказать, что в последние десять лет исследователи получили мощный пласт новых материалов, принадлежащих творчеству казахской интеллигенции конца XIX — начала XX вв. Это произведения А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Жумабаева, М. Дулатова, М. Тынышпаева, Ш. Кудайбердиева, М. Ж. Копеева и др. Например, в книгу сочинений А. Букейханова (Шығармалар. — А., 1994) вошли труды, опубликованные в газете «Казак» и других изданиях. Весь материал отражен в следующих разделах: статьи, исследования (1913–1917 гг.); рецензии за эти же годы; переводы; особо выделен материал — дань уважения А. Букейханову (сообщение о пребывании его в Семипалатинске, о сборе средств для казахов, в том числе возвратившихся с тыловых работ, на стипендию его имени и на строительство медресе). Материалы книги впервые дают возможность прочесть в современной графике опубликованное ранее арабским шрифтом, оригинальное наследие ученого, почувствовать широту его интересов и интеллектуальный потенциал. Составитель (М. Койгельдиев) сопроводил сборник вступительной статьей о жизни и деятельности выдающегося представителя казахской интеллигенции, используя значительный пласт ранее не бывших в научном обороте архивных документов. Многие вопросы, поднятые здесь, отличаются свежестью мыслей, в том числе: трактовка вопроса «Алашорда и Кокандская автономия», о которой А. Букейханов писал, что объявленная в Коканде Туркестанская автономия и избранное Туркестанское временное правительство были новыми органами политического самоуправления коренного населения края.

*Опубликовано в книге «История Казахстана
(с древнейших времен до наших дней)».
В пяти томах. Том 3. Алматы, 2000. С. 62–83, 92–94.*

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1916 г. В КАЗАХСТАНЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нам, историкам суверенного Казахстана, досталось тяжелое наследие — история империи. В ней наша отечественная история стала частью общего, обслуживала имперскую идеологию. «История, — писал Д. Неру, — почти всегда пишется победителями и завоевателями и отражает их точку зрения или, по крайней мере, версии победителей дается предпочтение, и она берет верх»¹.

Настало время для создания объективной, полной, правдивой истории народа. В последние годы историки республики много размышляют над проблемой национально-освободительного движения вообще, 1916 года в особенности.

Как известно, после многолетних дискуссий была принята концепция по истории 1916 года, которая отражена в многотомной «Истории Казахской ССР» в пяти томах, в соответствующих томах истории республик Средней Азии.

В третьей главе III тома, озаглавленной «Первая мировая война. Восстание 1916 года», ее основные положения изложены следующим образом: «Освободительное движение в Казахстане и Средней Азии было подготовлено всем ходом истории многонациональной России в конце XIX — начале XX вв., оно явилось результатом кризиса царизма. По своему характеру движение было антиколониальным и антифеодальным, народно-освободительным. Восстание в Казахстане началось неожиданно как для царской администрации, так и для местной феодальной верхушки.

Основными причинами восстания были усиление колониального гнета, изъятие земель, увеличение налогов и поборов, рост эксплуатации трудящихся феодально-байской верхушкой, разжигание национальной розни, резко ухудшившееся положение масс в связи с войной, политика русификации. Не случайно свою главную задачу в казахской степи царизм видел в упрочении «русской государственности на началах самодержавной власти».

Будучи неоднородным, движение в Казахстане в большинстве районов носило народно-освободительный характер и своим острием было направлено против царизма, империалистической войны и баев»².

В этих концептуальных положениях немало противоречий.

¹ Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955. С. 306.

² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Алма-Ата, 1979. Т. III. С. 442.

Первое противоречие: феномен 1916 г. назван «восстанием», одновременно «освободительным движением». Иначе говоря, авторский коллектив, видимо, предполагал, что национально-освободительное движение приняло форму восстания. По В. Далю, «восстание — мятеж, возмущение»³. События 1916 г. выходят за пределы мятежа, возмущения. На самом деле, шел процесс, в котором находили выражение все формы всенародного сопротивления колонизаторам. Народ принял царский указ как вызов, как вторжение на последние рубежи его обороны. Национально-освободительное движение 1916 года, включавшее в себя манифестации населения в аулах, стихийные выступления джигитов против царского указа, боевые операции против карателей, протесты интеллигенции, забастовки рабочих, голодные бунты солдаток в городах, явилось национально-освободительной войной колониального Востока против империи. По масштабности, размаху и характеру боевых операций против карательных экспедиций она превосходила национально-освободительные войны в Юго-Восточной и Центральной Азии.

Второе противоречие. Авторы многотомной истории считают, что «освободительное движение в Казахстане и Средней Азии было подготовлено всем ходом истории многонациональной России в конце XIX — начале XX веков». Полагаю, что авторский коллектив идеологизировал феномен 1916 г., сведя национально-освободительное движение только к марксистско-ленинскому периоду освободительного движения.

Великий знаток сути национальных движений Д. Неру справедливо считал, что «даже при отсутствии настоящей войны между соперничающими сторонами и противоречивыми интересами часто существуют скрытая война и конфликт. В стране, находящейся под властью чужеземцев, такой конфликт внутренне обусловлен и носит постоянный характер, воздействуя на мысли и поступки людей и извращая их; военные настроения никогда не исчезают полностью»⁴.

Именно такие «военные настроения», «скрытая война», переходящие временами в открытую войну, имели место между империей-метрополией и азиатской колонией с 1731 года. В сущности, феномен 1916 года является новым этапом национально-освободительного движения казахского народа, не прекращавшегося ни на один день с момента вхождения его в состав империи.

В 1916 году шла народная, освободительная война против царизма. В докладе на межрегиональном симпозиуме «Национально-освободительное движение 1916 года и его место в историческом сознании народов Средней Азии и Казахстана», посвященном 75-летию события, автор этих строк оценил феномен 1916 года как национально-освободительную революцию. Исследователь А. Бисенбаев считает, что события 1916 года «вряд ли могут быть отнесены» к революции. Он полагает, что «революции сопровождаются радикальным, кардинальным преобразованием в политическом и экономическом устройстве».

³Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. I. С. 270.

⁴Неру Дж. Открытие Индии. С. 306-307.

«Во время выступлений 1916 года, — утверждает далее А. Бисенбаев, — осуществлялась реставрация феодальных, доколониальных институтов власти, резко обострились межнациональные противоречия, принявшие характер взаимного истребления. Достаточно четко оформленная идеология национального движения и политическая организация возникли гораздо позже, с созданием партии «Алаш» в середине 1917 года»⁵.

Отмечая в целом конструктивность подобного рода подхода к проблеме, в то же время отметим, что в выводах А. Бисенбаева проскальзывает нотка идеологизации проблемы. Он в восстановлении государственного суверенитета в форме ханской власти видит «реставрацию феодальных, доколониальных институтов власти». Между тем сильная ханская власть в период борьбы с джунгарской агрессией ассоциировалась с независимостью, централизованным государством казахов. В сломе государственного механизма царизма, в создании традиционной формы казахской государственности, формировании повстанческой армии восставший народ также видел залог завоевания суверенности, выживания этноса.

В своей книге «Открытие Индии» Джавахарлал Неру справедливо отмечал, что «события последнего времени во всем мире показали, что мнение, будто бы национализм исчезает под натиском интернационализма и пролетарских движений, неправильно. Он по-прежнему остается одним из самых могучих стимулов, движущих народом, с ним связаны чувства, традиции народа, сознание общности условий существования и жизненных целей». Он говорил, что «национализм является, в сущности, коллективной памятью, хранящей достижения, традиции и опыт прошлого, национализм в настоящее время сильнее, чем он был когда-либо раньше»⁶.

В действительности речь не идет о реставрации феодальных, доколониальных институтов. После продолжительного перерыва, наступившего после поражения Кенесары Касымова, казахский народ вновь возродил принцип «вооруженного народа» и «территориальной» организации войск, военное искусство предков. Народ в коллективной памяти сохранил традиции освободительного движения. Вооруженная борьба, за исключением юга Казахстана и Киргизии, велась против империи, ее вооруженных сил, что свидетельствует о высоте помыслов, национальном характере движения. В тех районах, где движение носило антирусский характер, организатором межнациональных конфликтов выступила империя, ее цепные псы в лице колониальной администрации. Больше того, симпатии демократической России были на стороне повстанцев. Наконец, нельзя забывать, что в период столыпинской реформы в этом регионе появились более 600 сел переселенцев, казахи и киргизы были выселены в горные районы и пески. Земельный вопрос стал наиболее ярким проявлением колониализма.

⁵ Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1994. С. 103.

⁶ Неру Дж. Открытие Индии. С. 50, 566.

Характер движения, его движущие силы, благородные цели, масштабность, размах и восстановление государственности повсеместно и всюду — все это говорит о том, что мы имеем дело с движением миллионов, объединенных в единое целое перед лицом надвигавшейся катастрофы. Ценой всего происходящего было ни больше, ни меньше существование нации и ее будущее. Империя понимала степень опасности, нависшей над колониальной системой, и весь регион Средней Азии и Казахстана стал театром военных действий. Для подавления народной войны было направлено карателей больше, чем вооруженных сил, на завоевание этого региона на протяжении почти трех столетий. В сознании народов произошли сдвиги, не учтенные никем из исследователей. Теперь народ колониального Востока встал во весь рост, демонстрируя, что он не желает быть рабом. Эти нравственно-психологические перемены носили несомненно революционный, долговременный характер. За цели и задачи, которые были поставлены национально-освободительным движением, народы Центральной Азии боролись в рамках двух российских революций и гражданского противостояния, сражались за национальное самоопределение в составе будущего демократического государства. Как свидетельствуют новые публикации, в частности воспоминания З. Валиди-Тогана, в те годы шла борьба за создание единого блока народов Центральной Азии и Поволжья за свободный независимый Туркестан.

Национально-освободительная война 1916 г. приняла непримиримый, я бы сказал, характер революционной войны. Следует здесь отметить, что за период суверенитета зародилась новая болезнь — боязнь революции. «Революция» — в положительном смысле — отход от старого, отжившего, переход к новому состоянию. В этом ключе 1916 год для казахского общества является во многом знаменательным. Сонный край после движения Кенесары Касымова проснулся, в сознании народа произошел резкий скачок. Казахстан стал краем вооруженного, сражающегося народа. Образовался общенациональный фронт против колониализма. На миг Казахстан был отторгнут от метрополии. Последовали примеру нашего края народы всей Центральной Азии.

Третье противоречие. В многотомной «Истории Казахской ССР» феномен 1916 года рассматривается как составная часть общероссийского процесса. Слов нет, события 1916 г. — отечественного производства. Восстание 1916 года было продолжением длительного периода борьбы народов Востока против колониальной политики (с конца XVI в.). Усилившееся ограбление края, вызванное войной, интенсивным изъятием земель у коренного населения в период столыпинской реформы, кризис и упадок традиционного хозяйства, усиление русификаторской политики, жестокие репрессии и методы проведения Указа о реквизиции населения на трудовые работы — привели в движение все слои общества и породили общенациональную революционную ситуацию, общенациональный кризис.

Естественно, что общедемократические лозунги, выдвинутые в ходе Февральской революции, определили совпадение интересов национально-освободительного движения в Казахстане и Средней Азии с общероссийским

революционным процессом. Однако, феномен 1916 г. выходит за пределы России, и его надо рассматривать, прежде всего, как часть национально-освободительного движения народов Востока, как составную часть освободительного движения против мировой колониальной системы.

Советская историография рассматривала феномен 1916 г. в комплексе проблем Февральской революции 1917 года в России. обстоятельный анализ показывает ошибочность такого идеологизированного подхода к проблеме. Первопричиной Февральской буржуазно-демократической революции является империалистическая война, уносившая миллионы человеческих жизней, приносившая массам неисчислимые страдания, голод, холод, эпидемии. Анти-военный характер носила и национально-освободительная война народов окраин.

Февральская революция ставила задачу свержения царизма, установления демократической республики или же конституционной монархии. Национально-освободительная революция народов России хотя объективно расшатывала устои монархии, но не ставила непосредственной целью ее свержение; радикальное крыло движения ставило задачу вооруженным путем отколоться от империи, восстановить свою национальную государственность. Умеренное крыло также стремилось к достижению национальной государственности в рамках демократической России путем реформ. Так или иначе национально-освободительная война 1916 года выдвинула в качестве стратегической задачи проблемы национальные и политические, Февральская революция — политические и социальные.

Февральская революция реально поглотила национальное движение окраин 1916 года. Свержение власти самодержавия как бы означало удовлетворение вековых чаяний народов окраин.

Между тем февральские события 1917 г. в России задевали интересы мировых финансовых воротил, воюющих стран. Вот почему мировая общественность заговорила во весь голос о февральском феномене в России, отодвинув на задворки национальное движение на ее окраинах. Так образовался двойной вакуум вокруг национального движения России.

Анализ побудительных мотивов различных слоев населения России, центра и окраин свидетельствует, как далеки их интересы, программные цели в движении. Националы ставили вопрос об отторжении окраин от имперского центра, выступали не столько против тягот мировой войны, сколько против колониализма в целом. Господствующая в империи нация разделяла в основном только первую часть этой программы, искала альтернативные варианты выхода из общенационального кризиса, главным образом экономического порядка. В советской историографии умалчивалось и то, что в самые тяжелые дни, когда каратели применяли тактику выжженной земли, националы обратили свои взоры на народы Центральной Азии. Вот почему национальное движение 1916 года, накал страстей которого достиг высокой революционной температуры, до понимания сути восставшими народами общенациональных интересов, с лозунгом «жизнь или смерть» превратилось в явление мирового

порядка. При таком методологическом подходе более рельефно выступает значение 1916 года как самостоятельного потока мирового национально-освободительного движения, с одной стороны, так и самостоятельного потока общероссийского революционного движения в целом.

Противоречие четвертое. Авторы многотомной «Истории Казахской ССР» утверждали, что движение по своему характеру было антифеодальным, что оно было направлено также против местной феодальной верхушки. Как же было в действительности?

Действия колониальной администрации по изъятию земель, увеличению налогового гнета затрагивали интересы всех слоев населения края, в том числе и имущих слоев. В трудах по истории дореволюционного Казахстана и Средней Азии подчеркивалось, что трудящиеся подвергались двойному гнету — со стороны царизма и местных феодалов. Однако упускалось из виду, что в не меньшей степени страдали от этих действий колониальной администрации и имущие слои, терявшие свои привилегии. Данные обстоятельства определили достаточно широкую представительность среди мятежников феодально-байских элементов, духовенства, интеллигенции. Советские историки длительное время искусственно сужали социальную базу национально-освободительного движения, в угоду классовому принципу подтягивая его до уровня классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства в центральных районах России. Между тем нарождающаяся национальная буржуазия, конкурировавшая с русским и иностранным капиталом, традиционная знать, стремившаяся законсервировать феодальные отношения, различные слои интеллигенции активно включились в освободительное движение, преследуя при этом свои, зачастую противоречащие друг другу интересы. Даже опубликованные в разные годы сборники документов и материалов подтверждают более широкую социальную базу движения 1916 года в Средней Азии и Казахстане, чем это трактовалось до настоящего времени. О создании в Степи широкого народного фронта повествует в своем историко-мемуарном романе «Тернистый путь» Сакен Сейфуллин⁷.

Итак, несмотря на всю трагичность событий, 1916 год следует считать великим завоеванием народов, осознавших себя силой, способной к вооруженному противостоянию с империей. Именно осознание общности национальных интересов перешагнуло границы Казахстана, оно переросло в осознание общности колониальных народов Востока.

И наконец, **противоречие пятое:** в многотомной «Истории Казахской ССР» сказано, что «восстание началось неожиданно как для царской администрации, так и для местной феодальной верхушки». Вряд ли такое утверждение логично. Другое дело, что царизм не предполагал, что июньский указ царя послужит детонатором всенародного взрыва.

Таково наше понимание концептуальной сути феномена 1916 г. в Казахстане и Средней Азии.

⁷ Сейфуллин Сакен. Тернистый путь. Историко-мемуарный роман. Алма-Ата, 1964. С. 78-79.

Кроме этого есть немало других научных проблем. Прежде всего, переоценки требует вопрос о национальном составе народного движения, т.е. его нельзя сводить к противостоянию узбеков, казахов, киргизов, русского населения. Репрессивные действия царизма в той или иной степени касались всех национальных групп Средней Азии и Казахстана, которые оказались вовлеченными в орбиту освободительной борьбы. Следовательно, возникла настоятельная необходимость исследования национального состава восставших и участия в движении таких народов, как дунгане, уйгуры, китайцы, и других.

В советской историографии нерешенной оставалась география национально-освободительного движения.

Как известно, до 90-х годов исследователи считали основным очагом национально-освободительного движения 1916 г. Тургайскую степь. Ныне доказано, что первоначальным центром противостояния колонии и метрополии было Семиречье. Более детальное изучение проблемы дает основание полагать, что центр тяжести в августе 1916 г. постепенно переместился в Чуйскую долину. Как признает начальник Аулие-Атинского уезда, полковник С. Н. Кастальский, «очаг восстания охватил всю Чуйскую долину»⁸. Этот регион послужил своеобразным мостом, откуда пожар народной войны перекинулся в Среднюю Азию. Вслед за Тураром Рыскуловым настало время более основательно изучить историю национально-освободительной войны на юге Казахстана.

С. Сейфуллин воссоздает картину всенародного движения летом 1916 г. в Акмолинских степях. Аулы рода Тинали по одним данным сформировали пятнадцатитысячный отряд повстанцев, построили сорок кузниц, ковали оружие⁹. Однако всенародное стихийное выступление масс в Акмолинской, Уральской, Семипалатинской областях не переросло во всенародную войну против метрополии. Почему? Царизм, создавший сеть казачьих войск, держал эти регионы под контролем Сибирского, Уральского войсковых управлений. Колониальной администрации в этих регионах удалось потушить пожар в самом зародыше.

Феномен 1916 г. характеризуется обострением национального вопроса. В период освободительной войны 1916 г. возникла опасность поголовного истребления казахского народа. Вновь история, как в период борьбы с джунгарами, поставила вопрос: быть или не быть казахскому народу, вопрос о выживании нации. В карательных экспедициях по уничтожению коренного населения участвовали армейские части, казачество. Так, для подавления Тургайского очага восстания была снаряжена целая карательная экспедиция генерала Лаврентьева в составе Кустанайского отряда под командованием подполковника Кислова, Актюбинского отряда (командир – подполковник Клопов), Тургайского отряда (подполковник Котомин), Иргизского отряда, отряда есаула Грузинова и Флорова, конного отряда подполковника барона фон Розена, отряда есаула Шепихина, вооруженного 14 орудиями и 17 пулеметами. 13 ноября 1916 г. были дополнительно отправлены в район боевых

⁸ ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 2. Д. 33. Л. 285.

⁹ Сейфуллин Сакен. Тернистый путь. С. 78.

действий части 95-го полка из Казани, 92-го полка из Перми, 2 роты 104 и 238 запасных полков из Оренбурга. Генерал Добрынин просил генеральский штаб снабдить экспедиционный корпус генерала Лаврентьева не менее 10-ю грузовыми автомашинами, тремя станциями телеграфа, 2 или 3 аэропланами.

Это и понятно, численность повстанцев Тургайского очага, по данным начальника генерального штаба Казанского военного округа генерала Сандецкого от 26 ноября 1916 г., доходила до 50 000 аскеров. Он считал, что «не подлежит сомнению, что на умиротворение края потребуется не менее 1–2 лет. По этой причине необходимо готовиться к систематической длительной кампании, дать сразу достаточно правильно организованные силы и широко обставить всеми техническими средствами». Для подавления восстания в Семиречье, было направлено 35 рот в 8750 штыков, 24 сотни в 3900 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. Против восставших в Акмолинской и Семипалатинской областях было направлено 12 кавалерийских сотен, 11 усиленных пехотных рот во главе с генералом Ягодкиным¹⁰.

Зараженные колонизаторской психологией, вооруженные и подталкиваемые царской администрацией, русские переселенцы совершили многочисленные нападения на беззащитные казахские аулы и киргизские айылы, содействуя тем самым реализации плана Туркестанского генерал-губернатора А. И. Куропаткина по «очищению» наиболее благоприятных районов Казахстана и Киргизии от коренного населения и созданию условий для дальнейшей колонизации земель.

Генерал-губернатор Фольбаум снаряжал военно-карательную экспедицию. Она называлась в приказе палача как «военная прогулка по всем регионам, имевшим отношение к восстанию». Иначе говоря, это была экспедиция тотального истребления народа.

Все это породило нарастание конфликта и ужесточение военных действий. Однако мятежники не могли противостоять вооруженной, технически оснащенной армии правительства и, жестоко преследуемые и ограбленные, покидали исконные земли и откочевывали в Китай и другие регионы. Необходимо отметить, что репрессии распространялись и на представителей других народов. Так, в Пржевальске было убито свыше 400 китайских подданных и разграблено имущество 4000 китайцев, выселенных за город по распоряжению русских властей¹¹.

Кроме того, из аулов Казахстана силой оружия было вырвано более 150 тысяч трудящихся и отправлено на тыловые работы.

Именно в этот период прошла первая волна массовой эмиграции казахского населения за пределы своей родины. Так, восставший народ Тургайской области снарядил специальную делегацию для ведения переговоров с Ираном и Афганистаном. Февральская революция спасла казахский народ от полного истребления. Между тем данная заслуга Февральской революции в историографии преднамеренно умалчивалась.

¹⁰ Елеуов Т. Установление Советской власти в Казахстане. С. 110, 112.

¹¹ Восстание 1916 года в Киргизстане. М., 1937. С. 81.

В трудные дни казахский народ услышал голос демократической России в лице депутатов-демократов Госдумы. До степи дошли пламенные призывы «Руки прочь от казахского народа!» Семена Ужгина, Антона Сорокина. На стороне восставших сражались Никита Кротов, Иван Долматов, Софья Вербицкая, Е. Курев.

Длительное время в угоду «Краткому курсу истории ВКП(б)» с позиции классового подхода руководство восстания, его лидеры определялись как выходцы из социальных низов. При этом отбрасывались исторические факты избрания ханов, сардарбеков, визирей — т.е. восстановления традиционных институтов управления Востока. Воссоздание традиционных политических структур, упраздненных царской администрацией в период колонизации, отражало степень сознания самых широких масс и являлось своеобразным актом протеста против царизма. Именно это определило избрание восставшими лидера движения из представителей степной аристократии. Например, в Тургайском уезде ханом восставших кипчаков был избран Абдулгафар Джамбусинов, внук влиятельного бия Среднего жуза Нияза, пользовавшегося по воле Кенесары статусом хана. Кроме того, избранный сардарбеком А. Иманов не только обладал талантом военачальника, качествами народного батыра, но и являлся внуком Имана, одного из известных соратников вождя казахского национально-освободительного движения Кенесары Касымова. Это подчеркивает преемственность традиций освободительной борьбы угнетенных народов, усиливающейся по мере ужесточения колониального гнета.

Предпринятая нами акция по восстановлению истины об Абдулгафаре увенчалась успехом. Восстановление правды об Абдулгафаре, внесшем свой вклад в повстанческое движение Тургайского центра, не должно происходить за счет Амангельды (такое давление на историков существует), который без всякой идеализации был народным батыром, трибуном, полководцем, признанным не только среди кипчаков, но и всех повстанцев огромного региона.

В историографии неоднозначно оценивается отношение национальной интеллигенции к народной войне 1916 года. Еще в конце 80-х годов, выступая с докладом на заседании выездной сессии Академии наук в г. Гурьеве, автор этих строк говорил, что необходимо глубже разобраться в противоречивой роли национальной интеллигенции и их лидеров в национально-освободительном движении, в пробуждении национального самосознания казахского народа. Противоречивость роли национальной интеллигенции объясняется ее положением в обществе. Во-первых, они, будучи в основной массе выходцами из состоятельных слоев казахского общества, являлись служащими колониального аппарата, пользовались определенными привилегиями существующего строя. Во-вторых, в отличие от русской интеллигенции казахская национальная интеллигенция не имела в своих рядах деловую интеллигенцию — директоров и управляющих банков, юрисконсультов акционерных обществ, не была связана с миром промышленников и финансистов. Их мировоззрение сформировались под мощным воздействием просветительских идей. Будучи интеллигенцией инородцев, они становились идеологами антиколониализма.

К сказанному следует добавить, что по своему уровню развития национальная элита казахского народа стояла на уровне европейской. Она тем самым значительно опережала время. Образовался существенный разрыв между духовной элитой и основной массой народа. Народные массы ближе стояли к интеллигенции, которая вышла из низов народа. В результате возникло противоречие между элитой и восставшим народом, выступившим в союзе с народной интеллигенцией. Лидеры движения, направившие его по пути вооруженного сопротивления, исходили из учета вековых традиций. С другой стороны, у них не было другого выбора. Однако они не учли одно важное обстоятельство. В период противостояния казахов с джунгарами они вели войну на равных, на уровне средневековья. К 1916 году в вооружении и тактике восставшего народа мало что изменилось. В новое время царские каратели были вооружены современным боевым оружием. Кроме этого каратели имели благоприятную среду: тыл в лице переселенцев, казахских станиц, густую сеть коммуникаций. Эту ситуацию с самого начала глубоко понимала национальная духовная элита.

Видимо, этим можно объяснить их призыв к народным массам о повиновении царскому указу, донесения отдельных представителей интеллигенции с всевозможными предложениями, направленными на успокоение мятежного народа, переговоры с колониальной администрацией о том, как лучше подготовить призыв казахов на окопные работы.

Казахская национальная элита яснее других представляла, что неповиновение народа царскому указу будет использовано в целях политики геноцида. «Главным лейтмотивом деятельности алашской интеллигенции в период национально-освободительной революции, — отмечает исследователь Н. Т. Кенжебаев, — на наш взгляд, была идея сохранения казахского этноса, его выживания в сложный, полный драматическими событиями период».

Многие из них справедливо считали невозможным сопротивление практически безоружных повстанцев современной, технически оснащенной царской армии. Исходя из этого они допускали возможность реализации царского Указа о реквизиции «инородцев» на тыловые работы после соответствующих подготовительных мероприятий, надеясь в случае победоносного окончания войны на облегчение положения своего народа и создание национальной автономии. Последовавшая за восстанием кровавая расправа, гибель сотен тысяч жителей Средней Азии и Казахстана подтвердили справедливость многих из этих опасений.

Поединки сарбазов А. Иманова, как показывает трезвый анализ, свидетельствуют, что соотношение потерь составляло 1:100 в пользу карателей. Иначе и не могло быть. Советская историография грешила и тогда, когда она показывала повстанцев чуть ли не победителями в противостоянии с карателями.

Не изучено военное искусство повстанцев. Посудите сами, генерал Сандецкий был вынужден признавать, что повстанцы Тургая «приняли военный строй, колонны идут уступами, атакуют лавой; на отдыхе охраняются заставами

и разъездами, высылаемыми за 25 верст»¹². Весьма интересное наблюдение сделал писатель Л. Соболев: «Снова пастухи взяли за оружие. Это было странное войско, как бы вышедшее из былин и сказаний: пики, сабли, скованные аульными кузнецами, фитильные ружья, луки и стрелы. Амангельды повел это средневековое войско против карательных отрядов с их пушками и магазинными винтовками. Он изобрел свою тактику, он создал особые отряды из мергенов (охотников), расставлял их в песчаных барханах как снайперов. Он бросал свою стремительную конницу на пути коммуникаций, карательных отрядов. Он создал тыловую службу питания из конфискованных у баев стад. И всю зиму 1916—1917 года он изобретательно и смело вел непрерывные жестокие бои с регулярными войсками, пока Февральская революция не скинула степных губернаторов и не отозвала из степи карательные отряды». Слабо вооруженные, плохо организованные, разрозненные отряды повстанцев были заранее обречены на поражение в боях с регулярными войсками, брошенными на их подавление. Опыт и уроки первых поражений заставили повстанцев перейти на партизанский метод борьбы, используя традиционный вековой опыт ведения боевых действий кочевников в борьбе с превосходящими силами противника.

Не могу не сказать, что до сих пор слабо изучена судьба участников восстания и их лидеров. Мы до сих пор считали, что участники восстания 1916 г. были активными участниками Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны, демократических преобразований первого десятилетия Советской власти. Но ныне мы располагаем данными о том, что судьбой было суждено многим из них стать участниками восстания против силовой коллективизации. И они далеко до 1937 г. стали жертвами тоталитарной системы. Весьма узок круг лидеров восстания 1916 г., из их рядов оказались вычеркнутыми люди, так или иначе оказавшиеся в годы революции и гражданской войны по ту сторону баррикад (пример, Кейкі-батыр).

Мы почти ничего не знаем, например, о Байбосыне Тамабаеве, приговоренном военно-полевым судом Верненского гарнизона к смертной казни через повешение, лидере повстанцев Больше-Алматинской волости. Не исследован подвиг Ниязбекова Сата, лидера повстанцев Джаильмышевской волости Верненского уезда, приговоренного к смертной казни 13 октября 1916 г. Остается в тени подвиг признанного лидера повстанцев Шуйской долины, народного батыра Аккоза Косанова.

Стремительное развитие событий в 1916—1917 гг., частая смена властей и политики, жестокие боевые действия и усиливающийся национальный антагонизм определили трагичность судеб участников восстания 1916 года. В последующем, в огне гражданской войны, обе воюющие стороны не стеснялись в выборе средств, в результате которых страдало мирное население края. Кстати, следует сказать, что трудящиеся в годы гражданской войны создавали отряды самообороны, защищаясь как от красных, так и от белых. Мы же вы-

¹² Амангельды Иманов. Алма-Ата, 1974. С. 103.

давали это за партизанское движение в тылу белогвардейцев (например, джигиты Шиликты С. Жантуарова).

Октябрь 1917 г. определил раскол среди участников восстания. Из них вышли не только активные участники установления Советской власти, но и ее активные противники, влившиеся в ряды белогвардейского движения. Некоторые из них по разным причинам постепенно скатывались к прямому бандитизму. Вышедшие вместе на борьбу с царизмом в период Октября 1917 г. зачастую стреляли друг в друга, оказавшись по разные стороны баррикад. Значение национально-освободительного движения 1916 года трудно переоценить. Прежде всего оно было результатом пробуждения национально-самосознания народа, его решимости сражаться за свою свободу и независимость. Феномен 1916 г. выдвинул казахский народ в разряд народа-борца. События 1916 года показали необходимость национальной консолидации, значимость защиты общенациональных интересов. Они показали, что свободу надо завоевать.

Спустя 80 лет после события 1916 года встречается рассуждение, что не надо было казахам браться за оружие, не надо было выступать против царизма, надо было внять голосу демократической интеллигенции.

Как было отмечено выше, радикальная часть интеллигенции и лидеры масс направили движение по пути вооруженного сопротивления, т.е. традиционному пути. Народные массы знали одну альтернативу — вооруженную борьбу с колониализмом. Цивилизованные методы борьбы с царизмом им были неведомы. Небольшая могучая кучка демократической интеллигенции не имела широкую опору в народе, не имела организованную партию, программу действий. Голос «Казаха» с ограниченным тиражом не дошел до народа. Казахской национальной элите не суждено было стать властителем духовной жизни своей нации. Мы сегодня не можем по-новому моделировать историческое событие того времени, осуждать тех или других, вести схоластическую дискуссию на тему: «Надо ли было казахам восставать в 1916 году?» Предметом истории является наше прошлое, ее уроки.

Борьба народов Средней Азии и Казахстана навсегда запечатлена в памяти поколений. Именно к ней мы обратили свой взор в переломные моменты истории, переживаемые нашей страной. В условиях роста национального самосознания и государственной независимости архиважно углубленное, аргументированное изучение противоречий и сложной истории национально-освободительного движения, свободной не только от схематизма и догматизма, но и легковесной конъюнктуры.

Таков тот круг проблем, коренной пересмотр которых счел нужным предложить вниманию исследователей.

Опубликовано в книге «Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки». Алматы, 1997. С. 10–22.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

XX век, подвергший общество национальному и классовому противостояниям, экологической катастрофе, стал достоянием истории. История этого века написана по мере нашего движения и в условиях противоборства капитализма и социализма стала объектом идеологизации, а национальный вопрос стал полем сведения взаимных счетов. «Новое прочтение» истории, ее «вариации» в соответствии с изменениями политического курса режима становилось модой времени.

В условиях независимости мы, включая первого Президента страны Н. А. Назарбаева, стали придавать огромное значение проблемам отечественной истории, родному языку, национальному менталитету. За короткий срок сделано многое, но тем не менее это лишь начало долгого пути.

В этой публикации мы сочли возможным обратить Ваше внимание на те мифы, которые все еще вольготно обитают на страницах отечественной истории.

Одним из них является миф, унижающий статус национально-освободительного движения и, наоборот, идеализирующий статус пролетарского движения в казахской степи.

Историческая справка. Сердцевиной большевистской национальной политики после взятия власти стали:

- ограничение идеи права нации на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;
- создание «кукольных» национальных образований под эгидой диктатуры пролетариата;
- централизация всех материальных богатств, национализация земли и объявление их государственной собственностью;
- централизация власти, зависимость народов окраин во всем от центра.

Если разобраться по существу, национальное движение возникло и развивалось до появления рабочего движения. Оно появилось с 1731 года, т. е. с момента вхождения Казахстана в состав России. Империя, как отмечал Назир Тюрякулов, грабила скот казахского народа, оскорбляла его душу (земля Казахии была объявлена собственностью империи). Словом, не было такого унижения, насилия и наветов, которым не подвергался бы казах. Царизм грабил открыто, лишь изредка прикрываясь благими намерениями. В статье «Казахский вопрос» Н. Тюрякулов отмечал, что в Англии существует вопрос об Ирландии и Индии, во Франции — о Тунисе. «Даже в считающейся самой

свободной, вольной стране, как США, существует проблема негров. Подобно этому, — писал Н. Тюрякулов, — на повестке дня стоит казахский вопрос»¹.

Разумеется, Назир Тюрякулов в данном случае не открывал Америки. В начале века сам В. И. Ленин признавал оппозиционность по отношению к царизму демократического движения националов и считал его союзником пролетариата. После Октябрьской революции В. И. Ленин, большевики, по существу, ограничивались провозглашением лозунга права нации на самоопределение. В год образования Казахской Советской автономии — 1920 г. — казахская духовная элита поставила вопрос о передаче всей власти свободному казахскому народу, его лучшим представителям. Но за каждым кустом лидерам большевиков мерещилась измена националов, «национализм» стал пугалом. В этих условиях не могло быть и речи о доверии к националам. Вся власть сосредоточилась отныне в руках так называемой рабоче-крестьянской власти, большевиков. Именно тогда в 1920 г. Т. Рыскулов выступил против тезиса доклада В. И. Ленина на II конгрессе Коминтерна, заявив, что «нечисть нельзя смыть мочой». По его мнению, наследие колониализма, образовавшееся на протяжении двух с половиной веков, нельзя смыть, очистить, убрать руками русских колонистов-коммунистов. Царизм, превративший страну в колониальную державу, извращал душу русского народа, привлекая все новые и новые его слои к грабежу и разбою на национальных окраинах, воспитывая их в имперском духе. Русские коммунисты, пришедшие на смену тех, кто проводил колониальную национальную политику, были не вправе требовать к себе доверия со стороны националов. Оно могло прийти к народу только со временем. Казахский вопрос, являвшийся стержнем буржуазно-демократических преобразований, требовал в те послеоктябрьские годы самостоятельного, абсолютно автономного решения.

Заметим, что на протяжении длительного времени проблемы отечественной истории XX века рассматривались в единстве с общероссийским революционным движением, историей большевизма, при этом социально-экономическое положение в крае, революционность его народа идеализировались, подтягивались до уровня метрополии. В результате на первое место выдвинулось рабочее движение (хотя оно в Казахстане делало первые шаги), пролетариат был признан предводителем крестьянского и национально-освободительного движений, их гегемоном, национальное движение стало частью русского рабочего движения.

Ахмет Байтурсынов в газете «Казах» (1913, № 4) писал: «Мы самостоятельный единый народ, обитающий от Волги до Иртыша, от Урала до Афганистана. В условиях, когда в нашу среду поселились иные народы, не потеряем ли мы былую самостоятельность, сохраним ли казахскую нацию? Эта мысль не оставляет нас в покое даже во сне».

Итак, в начале века в России наряду с противоречиями между пролетариатом и буржуазией, крестьянином и помещиком существовали противоречия

¹ Тюрякулов Назир. Сочинения. А., 1999.

между метрополией и колонией, ждала своего решения проблема национального освобождения и независимости народов колониальных окраин.

Мифологизация прогрессивного значения вхождения Казахстана в состав России.

Историческая справка. Давнюю историю имеет концепция о том, что абсолютно все национальные окраины добровольно присоединились к России, причем в ключе только прогрессивного явления. При этом не учитывалось, что само понятие «присоединение» имеет оскорбительный оттенок, намекающий на насильственный характер этого акта. Кто присоединяется к кому, почему он присоединяется, отчего же тот или иной народ добровольно отказывается от своей свободы, признает себя подданным по отношению к другому, более могущественному народу? Разумеется, присоединяется слабый народ, вынужденный по тем или иным причинам признать волю другого народа, искать в нем защиту.

Если разобраться по существу, вынуждало казахов присоединиться к России обнищание народа и страны в результате продолжавшегося более двух столетий противостояния с джунгарами, опустошительные набеги, демографический упадок сил. Вынуждали нескончаемые феодальные междоусобицы, борьба за власть со стороны многочисленных, в основной массе властолюбивых чингизидов. Вынуждало совершить акт вхождения казахов в состав России строительство на территории, захваченной у казахов джунгарами, военных укреплений; создание военных казачьих поселений, по существу, военная оккупация казахских земель великой империей, совершение систематических набегов на казахские земли подданными России — башкирами, волжскими калмыками, казаками Урала и Сибири, не отставали от них и среднеазиатские ханства. Вынуждала казахов признать власть России и экономическая политика империи. По определению опытного колонизатора И. Неплюева, происходило отлучение казахов от Волги, Яика, Жема, Улкайка, Иртыша и Ишима, наяву шла экономическая блокада казахских степей.

Как известно, инициатором вхождения Казахстана в состав России, был Абулхаир хан, который мечтал при помощи последней стать властелином всей Великой Степи. Вместе с тем он понимал, что на деле происходил раздел территории казахского государства, геополитическая ситуация складывалась далеко не в пользу казахского народа.

В советскую эпоху историки, доказывавшие колонизаторскую сущность восточной политики империи, подверглись преследованию (С. Асфендияров, П. Галузо, Е. Бекмаханов, Т. Шонанов). Вместе с тем были всесторонне исследованы вопросы развития в Казахстане земледелия, строительства железных дорог, развития капитализма вширь, формирования рабочего класса, обострения классовой борьбы, распространения марксистских идей, казахско-русские культурные связи. Предполагалось показать прогрессивность присоединения Казахстана к России. Слов нет, такие процессы имели место в истории, но они отражали лишь одну из сторон многовекторного развития общества. В то же время оказались слабо изученными социальные проблемы

в степи — межнациональные отношения, духовное развитие страны. Такие же проблемы, как насильственная русификация, ограничение элементарных человеческих прав степняков, преднамеренное разрушение территориальной целостности казахов, установление новых административных делений, мусульманское движение, борьба казахов за сохранение цивилизованных основ своего развития — языка, веры, отечественной истории, литературы, национальной культуры, казахской государственности, политика этноцида, геноцида, оказались за бортом отечественной науки или исследовались лишь мимоходом.

Казахстан в начале XX века являлся одним из многочисленных колониальных владений империи. Завершилась военная колонизация, ускоренно шла крестьянская колонизация. К 1917 году была захвачена 1/6 часть всех земель Казахстана, составившая основу переселенческого фонда империи.

Казахи, лишившись плодородных земель, оказались в резервации. «История казахской земли со времен вхождения в состав России, — писал Т. Шонанов, — история колонии. История колонии — история постепенного захвата и грабежа казахских земель иноземцами»². Империя не признавала за казахами права гражданства. Колонизаторы считали, что «православная вера и русское отечество киргизу чужды, если не прямо враждебны», «казахи — элемент не надежный и до чести военной службы не доросли», «трех-четырёхлетнее пребывание киргиз под знаменем не сделает их преданными России, но научит действию оружием, поэтому не следует засорять ряды русской армии подобными инородцами», «пройдя через ряды русских войск они могут усилить собою кавалерию возможных наших врагов»³. Иначе говоря, колонизаторы считали казахов потенциальными врагами империи.

Мифологизация национально-освободительного движения 1916 года в русле большевизма.

Историческая справка. О национально-освободительном движении 1916 года написано много. Однако оно главным образом сводилось только к Тургайскому центру. Алиби Джангильдин считался проводником идей большевизма, Амангельды Иманов — предводителем бедных слоев населения, а бай-муллы, интеллигенция предателями интересов народа. Не были раскрыты межнациональные отношения, в соответствии с духом идеологии большевизма подверглись ревизии движущие силы движения.

Правда истории состоит в том, что национально-освободительное движение 1916 года не было под влиянием большевизма. Ныне мы знаем о трех центрах движения: Тургайском, Джетысуйском, Чу-Таласском, причем последний служил своеобразным мостом со Средней Азией.

В 1916 году протест против царизма принимал всенародный характер. На повестку дня был поставлен вопрос о национальном освобождении, предпринято усилие для возрождения ханской системы казахской государственности.

² Шонанов Т. Судьба земли — судьба страны. А., 1995. С. 16. (на каз. языке).

³ Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 17.

В подлинном значении 1916 г. стал переломным этапом борьбы за политическую независимость и национальную государственность. Во главе восставших стали избранные народом ханы, а во главе ополчения — избранные сардарбеки, сложилась налоговая система, устанавливались через посланников связи с внешним миром. В степях Тургая возглавили восставших эмир Абдыгафар Жанбосынов, сардарбек Амангельды Иманов, в Джетысуском центре — Бекболат Ашикеев, Жаменке Мамбетов, Узак Саурыков, в Чу-Таласской долине — Аккоз Косанов. Во многих местах в руководящем ядре восставших заметную роль сыграли представители степной элиты. В Джетысуйском и Чу-Таласском регионах в ходе противостояния местного населения (казахов, кыргызов, дунган, уйгуров) с переселенческим крестьянством и казачеством происходили кровопролитные бои, царское правительство преднамеренно обостряло межнациональные отношения, вооружало русскоязычное население, осуществляя на деле политику геноцида по отношению к туземцам. Карательные отряды применяли тактику выжженной земли, и за один год казахское население уменьшилось на 446 тыс. человек.

На протяжении многих лет идет спор по вопросу: «Предала ли национально-освободительное движение 1916 г. элита казахской интеллигенции?»

А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов считали, что казахи являются подданными России и полноправными гражданами этой страны. Ахмет Байтурсынов писал: «Казахи наравне с другими наиболее ведущими народами должны были с оружием в руках защищать отчизну, а участие в работе в тылу они считают позором. В военное время дисциплина жесткая, восставших будут преследовать каратели, пострадают невинные люди — отцы и матери, жены и дети, придет в упадок хозяйство». В совместном воззвании Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мирякуп Дулатов заявили о двух возможных вариантах: «Первое — хозяйство в известной мере испытает трудности, мобилизованные джигиты будут иметь наименьшее число жертв и страдания, второе — откажутся и окажут сопротивление, то не избежать народу бедствий ...»⁴. «Послушайтесь, не лейте кровь, не сопротивляйтесь», — писали они в этом воззвании.

Лидеры казахской интеллигенции были сторонниками эволюционного развития. Поэтому они во имя завоевания национальной автономии в составе демократической России считали целесообразным выполнить долг казахского народа перед своей неродной отчизной.

Самым распространенным, самым коварным мифом большевизма был миф о национализме и националистах как врагах революции.

В недавнем прошлом в отечественной истории относили к националистам всех тех, кто боролся с царизмом, участвовал в национально-освободительном движении, защищал национальные интересы в условиях Советов. Дело доходило до того, что националистами были признаны не отдельные деятели, а вся нация в целом.

⁴ Казак, 1916, № 192; *Букейханов А.* Произведения. А., 1994. С. 218.

Историческая справка. Прежде правомерно определить содержание терминов «ұлтшылдық» («национализм»), «ұлтшылық» (национал-эгоизм). «Ұлтшылдық» — «национализм», «қазақшылдық» (казахизм) — это, очевидно, есть любовь и патриотизм к своей нации, «ұлтшылық» — «қазақшылық» — национал-эгоизм.

В казахском варианте эти понятия отличаются окончаниями — в первом случае — «шылдық» (изм.), в другом — «шылық» (наносный, несуразный), т. е., прикрываясь именем нации, подвергать осквернению национальные интересы и чувства, привнося несуразные национальные идеи. Малые нации, находящиеся под эгидой господствующей нации, всегда защищаются, отстаивая свои интересы, естественным образом заботясь о своем самосохранении. Очевидно, в этом есть закономерность, проявляющаяся в любви к нации, генерируемой кровью и плотью — явлением, свойственным изначальной стадии появления национализма вообще. В иной ситуации — нация как таковая обречена на исчезновение.

Национал-эгоизм в известной мере зарождается как ответная защитная реакция национал-шовинизму господствующей нации, является нарывом на здоровом организме нации, явлением приспособленческим, толкающим народы на тропу противостояния и вражды, предпочитающими собственное националистическое «я».

Царское правительство рассматривало национализм в качестве оппозиции. Истинной последовательницей данной имперской политики стала Советская власть, понимая под этим средство против дробления и отделения народов. И. Сталин, видевший выход для управления «вождями от этносов» в бонапартизме, стремился истребить интеллектуальную, передовую часть народов.

В истории казахов основы противостояния колониализму в новых исторических условиях заложила та часть интеллигенции, которая была воспитана и выпестована газетой «Казах». Она же возглавила процесс объединения их в политическую партию «Алаш» и подняла знамя государственности «Алаш-Орды».

Большевики обвинили это противодействующее им течение в национализме, причислив к ненавистным врагам. Режим делал все для того, чтобы доказать «враждебность» «Алаш» и «Алаш Орды» казахскому народу, «предательство» ими национальных интересов.

«Алаш», «Алаш-Орда» занимали национал-патриотическую позицию. В проекте программы партии «Алаш» было предусмотрено создание правительства «Алаш-Орды» из 25-ти человек, 10 мест из которых отводились представителям других национальностей, населяющих Казахстан. В этом усматривается забота о подлинных интересах казахского народа.

В противовес деятелям «Алаш» иные псевдопатриоты выдвигали лозунги типа «Рыжий русский, все равно русский», «Казахстан — казахам!». Казахский народ отверг деятелей подобного пошиба, которые были далеки от интересов народа, тактика и стратегия которых были направлены на разжигание межнациональной розни.

«Алаш» и «Алаш-Орда» обнаружили истинное лицо национализма — национального достоинства, выступили поборниками национальной идеи, приняв вызов большевиков во имя будущности казахского народа.

Путь, который избрали казахские реформаторы, прежде всего был обращен на Европу, а это путь конституционный, парламентский, путь эволюционного развития, как говорил А. Букейханов, то были западники. Западничество тогда было свойственно всему тюркскому миру (И. Гаспринский). Вместе с тем казахские радикальные революционеры-демократы выступали против пантюркизма, панисламизма, будучи сторонниками единства тюрков, желая решить российско-турецкие отношения цивилизованным путем.

Кыргызско-казахский съезд (5-12.12.1917 г.) принял решение о казахско-кыргызской автономии «Алаш-Орда». Партия «Алаш» принимала участие в создании Кокандской автономии. «Алаш» и «Алаш-Орда» оказали влияние на тюркский мир, Восток в целом.

Священными идеалами «Алаша» стали национальная государственность, право нации на самоопределение, национальное равноправие и свобода народов. Иначе говоря, казахские реформаторы стояли у истоков процесса духовного обновления нации.

Алашское движение оставило богатейшее наследие: это идеи национальной государственности, президентского правления, создания правового, демократического светского общества, отделения религии от государства, формирования национального воинства, межнационального согласия.

Борьба большевизма с национализмом в условиях Советской власти набирала новые обороты. Преследование участников национально-освободительного движения и разделяющих его идеи стало навязчивой идеей политиков Советской власти. Эта тенденция усилилась после Московского (1923 г.) совещания ЦК РКП (б) с участием ответственных работников национальных республик и областей. На этом совещании было обращено особое внимание на национальную политику большевиков, осуждено проявление национализма на местах, а также был нанесен удар по идее создания в СССР конфедерации тюркских народов. Среди сторонников этой идеи были упомянуты и имена казахстанцев. Под ударом жесткой критики оказался Турар Рыскулов, обвиненный в связях с арестованным известным общественным и государственным деятелем Татарстана М. Султангалиевым. Обострение социально-экономической ситуации в стране в конце 20-х годов, разрушение традиционной структуры жизнеобеспечения в ходе ее перестройки на советский лад, привели к арестам и гонениям участников оппозиционных большевизму партий и движений. Среди них были «IV Всеукраинская Рада», «Шуро-и-Ислами» и другие течения, функционировавшие в Средней Азии, Татарстане, Башкортостане и других регионах. В Казахстане были арестованы участники движения «Алаш».

Перед отъездом из Казахстана Ф. Голощекин разделил казахских деятелей на три группировки: «Одни — это национал-уклонисты, с которыми нечего разговаривать, которых не удастся перевоспитать, взять под свое влияние,

использовать. Вторая категория — это хамелеоны, то есть такие люди, которые в зависимости от обстановки меняют свою шкуру. Третьи — это те, которые хотят свалить всю ответственность за ошибки на одного Голощекина»⁵. Так, во всей стране он не нашел, скорее не хотел найти, ни одного деятеля, которому можно было доверять и опереться. Так окончил свою политическую карьеру человеконенавистник, ставший вершителем судьбы целой нации.

В процессе утверждения командного социализма Сталин в Москве, Голощекин и ему подобные в регионах наклеивали национальным лидерам многочисленные ярлыки «изма» и «щины». Под предлогом «сейфуллинщины», «байтурсыновщины», «рыскуловщины», «тюрегожиновщины» подверглись остракизму лучшие представители казахской интеллигенции.

Миф об отрицании реальностей Февральской революции 1917 г., сокрытие ее благих деяний и противопоставление Октябрьской революции.

Февральская революция 1917 г. свергла царское правительство, самодержавие пало, флаг империи был растоптан. Перед казахским народом забрезжили лучи веками ожидаемой свободы.

Это было главным результатом Февральской революции. Вместе с тем в течение одного года и восьми месяцев она привнесла в жизнь казахского народа множество благоприятных изменений:

- на основе демократических свобод были созваны Всеказахские съезды, началась работа по созданию национальной партии и автономии «Алаш-Орда»;
- возглавляемая А. Букейхановым группа казахской национальной интеллигенции была привлечена к управлению краем;
- были отозваны карательные отряды, залившие казахскую землю кровью в 1916 году;
- была объявлена амнистия участникам освободительного движения 1916 года;
- были созданы возможности для возвращения казахам, покинувшим родину;
- была оказана государственная поддержка и помощь семьям, пострадавшим от военных действий;
- в стране возникла многопартийность, казахская интеллигенция начала пользоваться первыми завоеваниями свободы. Она провела первые выборы во Всероссийское Учредительное собрание.

Одним словом, за короткий исторический срок народы России, в том числе казахский, успели воспользоваться первыми реальными плодами буржуазно-демократической революции. Не зря А. Байтурсынов заявлял, что народ встретил Февральскую революцию с большой радостью. А. Букейханов, М. Чокаев, М. Дулатов в газете «Казах», № 225 (20 марта 1917 г.) выступили с совместным заявлением: «Наступило утро свободы. Всевышний осуществил мечту. Только вчера мы были рабами, ныне мы стали равными. Коварная власть, державшая все народы в рабстве, канула в лету... Слава всевышнему, что мы дожили до этих светлых дней».

⁵ Архив Президента РК. Ф. 141. Оп. 7. Д. 5749. Л. 49.

За годы Советской власти утвердился миф о закономерностях Октябрьской революции.

Историческая справка. В феврале 1917 г. в России победила революция; 3 апреля В. И. Ленин поздравлял рабочих и крестьян, сломивших царский деспотизм и открывших в международном масштабе путь к социальным революциям. Он бросил клич: «Да здравствует социалистическая революция!», который вскоре воплотился в жизнь. Россия, а вместе с ней и Казахстан так и не прошли через школу буржуазно-демократической революции. Всероссийское Учредительное собрание было распущено, не успев открыться. Большевизм не смог прийти к единому согласию с другими политическими партиями и течениями, которые были всецело отторгнуты от системы власти. В этой ситуации возникло сомнение в законности социалистической революции в России. Большевики вынуждены были обосновать закономерность социалистической революции.

28 октября 1917 г. первый российский марксист Г. В. Плеханов, которого В. И. Ленин и И. Сталин считали оппортунистом, обратился со специальным письмом к рабочим Петрограда. В нем он выразил сожаление по поводу того, что власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. «... В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов», «готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь ответит на этот вопрос отрицательно. Нет, наш рабочий класс далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России»⁶.

Для обоснования своей идеи Г. В. Плеханов апеллировал к малочисленности пролетариата, неграмотности населения, аграрному характеру страны. Крестьянство, призванное прийти на помощь пролетариату, составляет большинство населения России. «Крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается», — говорил он. По мнению Г. Плеханова, «больше того, хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма». Следовательно, по мнению Г. Плеханова, крестьянство не может заключить союз доверия с рабочим классом на пути социалистического строительства.

Рабочий класс может рассчитывать только на свои силы, однако он составляет социальное меньшинство. «Отсюда неизбежно следует, что если бы,

⁶ Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка. М., 1991. С. 302.

захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение. Говорят: то, что начнет русский рабочий, будет закончено немецким. Но это — огромная ошибка». Сказав о невозможности поддержки русской революции французами, англичанами, американцами, далее Г. Плеханов подчеркивал: «Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года ...»⁷.

История в данном случае показала прозорливость не В. И. Ленина, а Г. Плеханова, К. Каутского.

Диктатура пролетариата, которая считалась союзом рабочего класса и крестьянства, не смогла осуществить подобный союз. Продовольственная диктатура времен гражданской войны обобрала крестьянство, а состоявшаяся затем насильственная коллективизация села и аула привела к сплошной люмпенизации. Крестьянство, вынесшее на своих плечах все трудности индустриализации, в полном смысле слова было ввергнуто в обнищание.

Ожидания того, что поможет всемирная революция, не оправдались. Иначе говоря, движущей силой социалистической революции стал голодный, разутый, воспитанный в духе экстремизма русский рабочий класс, представители которого участвовали и раньше в грабеже и насилии колонии.

В условиях зыбкости теоретических основ проводимой политики коллективизации крестьянства, индустриализации страны, культурной революции, объединения народов в единый Советский Союз и других основ созидания социализма большевики были вынуждены апеллировать к революционному насилию — лишению эксплуататоров богатства — «экспроприации эксплуататоров», ликвидации частной собственности, введению продовольственной диктатуры, примитивного лозунга «Общество — артель самоотверженного труда».

О диктатуре пролетариата В. И. Ленин говорил: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

«Диктатура означает — примите это раз навсегда к сведению, господа кадеты, неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой».

И. Сталин продолжал подчеркивать, что «без насилия не бывает диктатуры»⁸. Словом, этим он не скрывал, что первостепенными при построении социализма являются насилие и применение силы.

⁷ Там же. С. 304-305.

⁸ Сталин И. Сочинения. Т. 8. С. 29.

Казахский народ, как и другие народы национальных аграрных окраин, не был подготовлен для перехода к социализму. В действительности, он был привнесен сверху на казахскую землю. Для обоснования этого скачка была создана теория перехода казахского народа от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. С этой целью должны были быть введены в действие следующие факторы: 1) всемерная поддержка пролетарской революции; 2) поддержка со стороны русского рабочего класса, установившего диктатуру пролетариата; 3) революционный энтузиазм казахского народа, освободившегося от пут национальной зависимости.

Между тем нищему рабочему классу России было нечем помочь в области экономики другим народам. В области политической русский рабочий класс, по существу, следовал по проторенному колониальному пути, борясь за верховенство во власти. На деле политическая активность красных активистов, получивших прозвище в степи «қызыл белкенді», «шолақ белкенді» («Красный активист», «суперактивист»), ограничивалась исполнением воли центра методами же царских шабарманов (посыльных), при этом казахская интеллигенция, ее элита была отстранена от власти.

Мифологизация статуса казахской советской государственности.

Историческая справка. В. И. Ленин, партия большевиков написали в программе партии 1903 года о праве наций на самоопределение, отделении от метрополии, создании национального государственного образования. В условиях победы Октябрьской революции этим правом воспользовалась лишь Финляндия. В составе РСФСР была создана Казахская автономия — Советская Социалистическая Республика, казахи начали новое «собрание земель».

Партия «Алаш» в проекте своей программы предложила создание национального государства «Алаш-Орда», которое должно было войти в состав демократической России в виде самостоятельной национальной автономии. Территории алашских областей вместе с природными ресурсами, водой, полезными ископаемыми рассматривались в качестве собственности государства «Алаш». В процессе революционных перемен «Алаш» предложила альтернативу кардинального перелома в развитии казахского народа. Тем не менее предлагаемая «Алаш» автономия рассматривалась как буржуазная, и коммунистическая партия подвела под эту же автономию свои советские принципы. В период налаживания взаимоотношений с Советами А. Байтурсынов открыто выразил свое понимание реального содержания казахской государственности. Трибун народа отдавал предпочтение тому, чтобы к руководству государством пришли во что бы то ни было люди, которые, независимо от того состоят ли в партии или нет, заслуживали доверие со стороны народа. В районах с многонациональным этническим составом населения он считал необходимым, чтобы во власти 2/3 составляли представители коренного народа. Также он считал, что хозяйственно-экономическая власть должна полностью сосредоточиться в руках казахов. Он преследовал цель создания всеказахстанского военного округа, а городские гарнизоны должны были рекрутироваться за счет представителей коренного населения. Вместе с тем

он ратовал за сохранение границ Казахстана. Иначе говоря, он был за этно-территориальную целостность казахского края. А. Байтурсынов утверждал, что русский пролетариат в отношении казахов должен выбрать одно из двух: либо утверждать власть силы, требуя беспрекословного подчинения, устанавливая вместо царских губернаторов и генерал-губернаторов своих диктаторов, командуя при этом, либо войти в доверие казахских народных масс.

Советское правительство опасалось признания и утверждения статуса национальной государственности, предлагаемой казахской интеллигенцией.

В решении национального вопроса Советское правительство остановилось на полпути, построив территориальную национальную автономию, создав затем союзную республику; однако она осталась на уровне декларативного государственного строительства. Подобную государственность на деле А. Байтурсынов прозвал «кукольной республикой».

Нынешний год — год 55-летия Победы в Великой Отечественной войне, ставшей переломным моментом в мировой истории. Тем не менее ее история ныне мифологизирована настолько, что иные подвергают сомнению правомерность празднования юбилейной даты.

Одной из таких спорных проблем стала оценка характера общественно-политического строя накануне войны.

Одни полагают, что фашизм и тоталитаризм — две стороны одной медали. Другие считают, что советские люди строили социализм, но казарменный. Итак, какое общество мы построили в 20–30-е годы XX века, во имя чего сражались с заклятым врагом?

Накануне войны вместо единой, неделимой державы-империи возвысился единый и могучий Союз. Вместо монархии господствовала диктатура партии большевиков. Победил казарменный социализм. В области *политической* он означал сращивание партии с государством; в области *экономической* — господство методов внеэкономического принуждения, командно-бюрократического подхода к решению назревших проблем прогресса; в области *государственной* — создание видимости национальной государственности в лице «кукольных союзных республик», демократической формы власти в лице номенклатурных Советов, максимальная ее централизация под эгидой правящей партии большевиков; в области *социальной* — отторжение рабочих и крестьян от собственности, превращение их в наемных пролетариев, укоренение примитивного распределения благ, обещания улучшить жизнь, постоянно отодвигаемые на необозримое будущее; в *нравственной* — коллективистские взгляды, которые, несмотря на многие положительные аспекты, поглотили личность как таковую; в *духовной сфере* — господство штампов, клише и мифов; в области *национальной* — осуществление политики этноцида, преследование целых народов, уничтожение интеллектуальной элиты, подавление национального самосознания народов, духа свободолюбия, господство великодержавной идеологии и практики.

Вместе с тем была и другая сторона медали. Социализм — общество, пострадавшее народами, успел за два десятилетия дать им немало: в области

политической был уничтожен классовый, национальный гнет. Отечество наше освободилось от засилья, диктата иностранного капитала; в области **экономической** ликвидирована безработица; в области **социальной** осуществлено бесплатное всеобщее образование, здравоохранение, социальное обеспечение; в области **духовной** достигнуто приобщение к высотам мировой культуры, претворены в жизнь идеи национального согласия и всеобщего равенства, коллективизма; в области **национальной** собраны воедино земли, принадлежащие националам до колонизации, восстановлена их государственность.

Одним словом, советскому народу было за что сражаться. Это, прежде всего, необходимость защиты независимости социалистического Отечества, защиты народов от нависшей опасности порабощения фашизмом, от колонизации немецких баронов, фашистских молодчиков. Это необходимость защиты идеалов гуманизма, справедливости и добра, социальных, политических, экономических, культурных завоеваний социализма. Это защита коренных интересов мировой цивилизации.

В литературе на постсоветском пространстве мифологизирован вопрос и о характере минувшей войны. Некоторыми исследователями война воспринимается как своеобразный поединок славянских и западноевропейских народов, как противоборство двух цивилизаций. Отдельные исследователи обосновывают тезис о том, что СССР и Германия вели войну за передел Европы, сферы влияния, мировое господство. Одни придают ей узко национальный, русский, в лучшем случае — российский характер. По мнению других, народы окраин сражались на фронтах не Отечественной, а Второй мировой войны. С ученым видом некоторые историки полагают, что «война та была не так уж Отечественной», «не такая уж великая, разве что по гигантским потерям»⁹.

В сущности, в том великом противоборстве Советского Союза с фашистской Германией весь наш народ поднялся на борьбу с агрессором, стал воюющим народом. За годы войны в вооруженные силы было привлечено около 35 млн человек¹⁰. Воины русской национальности составляли ядро Советской Армии. Вместе с ними плечом к плечу сражались 4,4 млн украинцев, свыше 1 млн сыновей и дочерей Белоруссии, свыше 3 млн — Казахстана и республик Средней Азии, в том числе 1 млн 366 тыс. казахстанцев, т.е. более 70% всего мужского населения от 18 до 50 лет. Около 700 тыс. трудящихся республики были мобилизованы в трудовые колонны — промышленность оборонного значения. Таким образом, 26% населения Казахстана, а с учетом эвакуированных и спецпереселенцев — 21,2%, влилось в ряды действующей и трудовой армий, у немцев при тотальной мобилизации было призвано всего 12%.

⁹ См.: Красная звезда. 1988 г. 25 декабря; Политическое самообразование. 1988. № 17. С. 45.

¹⁰ См.: Правда. 1995. 20 апреля.

Народы СССР защищали свое Отечество. «Родина, — по определению В. Даля, — родимая земля, чье-либо место рождения. В обширном значении — земля, государство, где кто родился». Казахи имели в лице России свое Отечество. Оно не всегда было ласково с инородцами, но защищало их от иных агрессоров. Единое духовное пространство способствовало приобщению нашего народа к достижениям мировой цивилизации. И казахи, как и другие народы, сражались, защищая свою Отчизну, не вступая с ней в торг.

Еще накануне Второй мировой войны был сочинен И. Сталиным миф о постоянно действующих факторах Победы.

На XVIII ВКП(б) И. Сталин утверждал, что советское общество «представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм». На долгие годы эти сталинские положения легли в основу концепции о действующих факторах победы. Как же было на самом деле?

Накануне и в годы войны не было и не могло быть морально-политического единства в сталинском понимании. Тяжелый след в жизни миллионов советских людей оставили тотальные репрессии 30-х годов.

В условиях военного времени карательная политика существовавшей системы набирала новые обороты. Курс на уничтожение малых этнических групп и народностей продолжался. В Казахстане в 1937–1944 гг. нашли вторую родину более 1 млн 210 тыс. депортированных, а вместе с эвакуированными — около 1 млн 740 тыс. человек. По существу, в Казахстане каждый пятый человек был спецпереселенцем, республика напоминала гигантский ГУЛАГ СССР. По данным на 1 декабря 1946 г. в Казахстане находилось 890 698 сосланных¹¹. Не менее унижительной страницей нашей отечественной истории остается наличие лагерной экономики. По данным на январь 1949 г. министра внутренних дел СССР С. Круглова по отраслям народного хозяйства трудились 1 483 089 высленцев и спецпоселенцев¹². К началу войны общее число заключенных в СССР составляло примерно 2,3 млн человек. Из них досрочно было освобождено и направлено в армию более 1 млн.

Мобилизация трудящихся республик Средней Азии и Казахстана в трудовые колонны во многом напоминает 1916 г., когда в связи с царским указом восточные народы реквизировались на тыловые работы. Что же объединяло советских людей? Объединяла советских людей общность их исторических судеб — это, во-первых. Объединяла народы обрушившаяся на страну агрессия, угроза потери ее независимости — это, во-вторых. Объединяла их всенародная борьба с врагом на фронтах и труд во имя победы в глубоком тылу — это, в-третьих. Объединяла советских людей принадлежность к своему Отечеству, чувство дедовского патриотизма. Советские

¹¹ Козыбаев М. К. Тарих зердесі. А., 1998. Т. I. С. 265–266.

¹² История СССР. 1991. № 1. С. 158.

люди все еще верили в идеалы Октябрьской революции 1917 г. Нельзя сбрасывать со счетов первые достижения Советской власти, провозглашение ликвидации классового и национального гнета, успехи в области эмансипации женщин, народного образования. Перед войной были приведены в действие механизмы по патриотическому воспитанию молодого поколения. Серьезные достижения наблюдались в области укрепления оборонной мощи страны. Образование СССР, объединение земель в исторических и этнических границах, создание союзных и автономных республик сыграли важную роль в консолидации народов под советское начало, несмотря на то, что государственность приобрела форму «кукольных республик». Так или иначе советские люди имели основания верить и считать, что все трудности созидания нового социалистического мира позади, что их ожидает светлое будущее.

Таким образом, импульс Великого Октября, заряд социалистического созидания, патриотические традиции народа, приумноженные идейно-политическим воспитанием трудящихся за годы Советской власти, дружба народов и интернационализм, вера в идеалы революции, ненависть к фашизму — все вместе взятое оказалось сильнее наследия сталинизма.

Мы, исследователи, все эти годы в качестве одного из решающих факторов победы выдвигали советский патриотизм. Думается, что трактовка патриотизма была усеченной, неполной. На деле он был шире по масштабу и глубже по смыслу, чем советский патриотизм. На деле он вобрал в себя патриотизм дедов и дух предков.

В условиях начавшейся войны происходило патриотическое единение народа. И. Сталин воспользовался возросшим национальным самосознанием соотечественников. Он понимал, что под лозунгом марксизма-ленинизма не собрать всю рать и был вынужден узаконить стихийно разбушевавшийся народный патриотизм в самом начале войны. 3 июля 1941 г. И. Сталин тронул струны народной души, когда он обратился к своим соотечественникам: «Братья и сестры...» Вся страна подхватила слова песни В. Лебедева-Кумача «Идет война народная с проклятою ордой». И. Сталин обратился не только к идеям марксизма-ленинизма, но и к боевым традициям русских полководцев, флотоводцев, а в Казахстане Ж. Шаяхметов — к традициям народных батыров, хана Кене и других лидеров национально-освободительного движения. Учреждение орденов Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова, офицерские погоны и генеральские звания, негласный отказ от лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в военной прессе, введение вместо него лозунга «Смерть немецким оккупантам!» — все это явилось известным отступлением от идеологии казарменного социализма, приспособлением его к воле воюющего народа.

Немало мифов сочинили историки СНГ, социологи во всем мире о личности И. В. Сталина.

На XX съезде партии говорилось о культе личности. Действительно, была личность вселенского масштаба: И. Сталин — теоретик-прогнозист, титан-созидатель, тиран-разрушитель вместе взятые. Как теоретик он обосновал

пути и методы превращения отсталой страны в мировую державу, способную отстоять свою независимость в условиях капиталистического окружения. Как титан-созидатель он и возглавляемая им партия большевиков за короткий исторический, я бы сказал фантастический, срок вывели страну на финишную прямую, создали мобилизационную модель развития. По существу, в те годы была заложена экономическая основа победы в Великой Отечественной войне. Деятель с железной логикой, аналитическим умом, жесткий в осуществлении проводимой линии, с твердой волей. Подобно Петру I, он шел к достижению цели кратчайшим путем. При этом его жесткость порою переходила в жестокость, твердая воля — в фанатизм.

И. Сталин в годы войны создал самую выдающуюся команду, однако он относился к ее членам не более как к винтикам сложной государственной машины. Люди, отдавшие себя без остатка служению Отечеству, становились нередко жертвой его произвола. Не здесь ли именно лежат истоки тиранизма И. Сталина? Ясно одно, к изучению личности И. Сталина нельзя подходить с одной меркой. Трагедия исследователей состоит в том, что они, приспособляясь к политике, конъюнктуре, выпячивают одну из сторон этой многоликой, сложной личности.

Серьезные расхождения имеют место во взглядах исследователей по вопросам потерь Казахстана в войне.

Известный за рубежом наш соотечественник Хасен Оралтай пишет, что «по предположению иностранных исследователей в противостоянии русских и немцев погибли свыше четырехсот тысяч казахов (около 420 000)»¹³. О. Сулейменов, М. Татимов называют цифру 350 тысяч казахов. По данным же «Книги павших. Великая Отечественная война (1941—1945)» (М., 1995) безвозвратные потери казахов составляют 130 тыс., 1,5 % от общего числа потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне (списочного состава) и занимают шестое место среди народов СССР¹⁴. Вместе с пропавшими без вести потери казахов (на территории Советского Союза) примерно составляют 200 тысяч человек.

При этом нам неизвестно количество не вернувшихся казахов, мобилизованных в трудовую армию. На наш взгляд, данные по вопросам потерь казахов в войне «Книги павших», а также «Книги памяти» (А., 1995) нуждаются в уточнении. В них данные, мягко говоря, искажены в сторону снижения количества павших казахов на полях сражений и в концлагерях Германии и Советского Союза. Всего с 1938 по 1945 г. было мобилизовано 1366 тыс. казахстанцев, что составило 21,2 % всего населения республики. По неполным данным с начала 1941 г. число убитых в боях, умерших от ран, болезни и в плену, а также пропавших без вести по Казахстану достигло 601 011 человек, или 11,2%.

¹³ Караныз: «Егемен Казакстан», 2000. 4 сәуір.

¹⁴ См.: Евразия. 1995. № 1(3). С. 57.

Ветеран войны из Восточного Казахстана З. Темиргалиулы в статье «Ақиқатқа жетейік» («Қазақ батырлары», 2000, № 3) считает, что казахов было мобилизовано в два раза больше, чем узбеков, хотя их численность накануне войны была в два раза меньше. Это произошло потому, считает он, что военкомами в Казахстане повсеместно работали русские офицеры. Большие потери среди казахов, он объясняет, произошли потому, что значительная часть казахов из аула имели слабую военную подготовку, не всегда они имели возможность адекватно понять команды. Ветеран утверждает, что часть командных кадров из числа русских Советской Армии была заражена великодержавным шовинизмом и пренебрежительно относилась к воинам нерусских национальностей. Молодежь, в том числе казахская, полагает он, была воспитана в духе фанатизма и пренебрегала опасностями. Этими факторами он объясняет непропорциональные потери воинов разных наций к общей численности в войне — шесть процентов у русских, восемь процентов — у украинцев, десять — у белорусов, двенадцать процентов — у казахов.

Высокий уровень мобилизации из Казахстана объясняется, на наш взгляд, также его аграрным характером, отсутствием бронирования квалифицированной рабочей силы (оно было введено в оборонных отраслях промышленности в Казахстане лишь к концу войны). На мой взгляд, пагубное влияние на массовую мобилизацию имели и депортация народов, эвакуация населения из прифронтовой полосы, ибо режим в их лице имел дармовой источник рабочей силы.

Высокие потери казахстанцев объясняются еще и тем, что 178 тыс. наших земляков, призванных в Красную Армию до войны, и 681 тыс. казахстанцев, мобилизованных за период июнь 1941 г. — декабрь 1942 г., участвовали в самых кровавых сражениях Второй мировой войны¹⁵. Об истощении людских ресурсов Казахстана говорят факты. Так, выполняя директиву Центра, ЦК КП Казахстана в 1944—1945 гг. направлял письма обкомам партии изыскать людские ресурсы, годные к строевой службе, требовал отменять брони, «периодически проводить подворные обходы и облавы», «переосвидетельствовать всех негодных, нестроевых, отсрочников и отпускников и всех оказавшихся годными к строевой службе призвать и отправить по имеющимся нарядам»¹⁶.

Утверждение противоречивого мифа о развитии бывшего Союза, в том числе Казахстана, в 70-80-х годах.

Одни исследователи называют этот период временем подъема, расцвета экономики и культуры Казахстана, другие — застоем. Если быть сторонником первого мифа, то это означает признание случайности развала советского государства. А второй миф не раскрывает существо исторического процесса, искажает истину.

Историческая справка. В 1970—1985 гг. основные производственные фонды повысились в 3,1 раза, в том числе в химии и нефтехимии в 6,5 раза,

¹⁵ ЦГА РК. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 678. Л. 252.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 679. Л. 19.

машиностроении — 4 раза, топливной промышленности — в 2 раза. К ним относятся Казахский завод по выработке газа, Павлодарский и Шымкентский нефтеперерабатывающие заводы, Карагандинский завод резины и техники, цех белой жести Карагандинского металлургического комбината, Экибастузская и Ермаковская ГРЭС, Капчагайская гидроэлектростанция, Шымкентский и Жамбылский фосфорные заводы, Жайремский горно-обогатительный комбинат и другие. По объемам промышленного производства Казахстан занимал третье место после РСФСР и Украины. В те годы сформировались Мангистауский, Каратауско-Жамбылский, Павлодарско-Экибастузский территориально-промышленные комплексы. Основные производственные фонды сельского хозяйства в расчете на каждого работающего человека возросли в 3 раза. Вспашка земель, посевы, сбор хлеба были полностью обеспечены техникой, в животноводстве — на 75–90%.

Выросло социальное благосостояние народа. В 1971–1989 гг. заработная плата рабочих промышленности выросла почти в 2 раза, а (фиксированная) заработная плата служащих совхозов, колхозников увеличилась больше чем в 2 раза. В течение 20 лет получили квартиры, построили дома либо улучшили свои жилищные условия около 13 млн человек.

Что же могло послужить причиной подобного крутого подъема в экономике? Связано ли это с переходом социализма в стадию освоения достижений научно-технической революции? Нет, Советский Союз использовал достижения мировой научно-технической революции лишь в военной промышленности, народное же хозяйство осталось вне этого прогресса. Может быть, это было результатом использования внутренних возможностей социализма, повышения производительности труда? Нет, Советский Союз для использования внутренних резервов в целях повышения производительности труда не смог вызвать в народе экономическую заинтересованность. Продолжалось использование испытанных колониальных методов, усилились процессы выкачивания природных ресурсов Сибири, Казахстана, Средней Азии, Дальнего Востока, словом, национального богатства регионов. Используя дефицит топливно-энергетических ресурсов, СССР обеспечил долларовую поддержку. Вахтовый метод стал для русского рабочего класса источником благополучия. Ряд факторов, в том числе освоение 25 млн га казахстанской целины, развитие космического комплекса, расположение на миллионах га земли военных полигонов, строительство стратегических дорог, создание военного округа в период обострения отношений с Китаем, способствовали сосредоточению государственного потенциала в Казахстане. Форсирование городского строительства, решение некоторых социальных проблем (строительство жилья, создание культурных центров и т.д.) были вынужденной мерой системы после Темиртауских событий.

Именно так, посредством колониальных методов был проложен путь к расцвету экономики в казахской степи. Иначе говоря, в 60–80-е годы путем милитаризации страны, хищнических методов в природопользовании огромные природные богатства национальных регионов были поставлены на службу

метрополии. Все это не могло не привести к деформации всего образа жизни националов. Казахи стали меньшинством в собственной стране, оказались не востребованными, восторжествовал великодержавный шовинизм, русификация взяла реванш, казахская земля была ввергнута в экологическую катастрофу. В системе власти представители от казахов были отодвинуты на второй план, власть метрополии обрела форму диктатуры.

Коммунистическая партия подтачивалась изнутри, увеличилось расхождение между теорией и практикой, к партийной власти пришли технократы, утвердив на многие годы свою монополию.

Власть превратилась в олигархию, талантливая, мыслящая интеллигенция подверглась гонениям, множество научных трудов сгорело в огне коммунистической инквизиции. Усилилась тенденция вступления в партию карьеристов, формирования трайбализма и кланов, вождизма. Властвующие в партии не хотели видеть и искоренять из своей жизни явные пороки. Все это снижало руководящую роль партии в обществе, ослабляло связи и привело в конечном счете к потере ею всенародного доверия.

Застой пустил свои корни в сфере духовной, политической, нанеся удар по дружбе народов, чему в особенности способствовали насильственные экспансии Советской Армии в странах Запада, создание Берлинской стены, агрессия в Афганистане. Все это подводило почву для девальвации идеи коммунизма.

Искусственный расцвет в экономике и противоречия застойного механизма в духовно-политической жизни привели к развалу Советского Союза, став непосредственным поводом к развертыванию на казахской земле декабрьских событий 1986 года.

В последнее десятилетие Казахстан стал суверенным, независимым членом мирового сообщества. Ошибается тот, кто считает, что в стране не существует проблем. Стержнем, становым хребтом истории суверенной страны стало достижение независимости — в политической, экономической, культурной, информационной, дипломатической и других сферах, защита внутренней и внешней безопасности, укрепление подлинной независимости государства.

Если говорить о проблемах, ждущих своего полноценного исследования, то к ним следует отнести: строительство демократического светского правового государства в Республике Казахстан, место и роль Республики Казахстан в мировом сообществе, сохранение ценностей цивилизации, демократические перемены, экономические реформы, пути развития культуры в новых условиях, начальный этап демократизации общества, казахская государственность и ее взаимоотношения с мировыми державами и другие.

Своего разрешения требует проблема периодизации XX века. Она должна основываться на определенных принципах. К ним следует отнести смену политической власти, изменение форм собственности, эволюцию социальной стратификации, наряду с этим видится верным обратить внимание и на трансформацию в сфере духовности и идеологии. Это может выглядеть следующим образом:

I п е р и о д. Развитие капитализма в Казахской степи, усиление колонизации, начало реформаторского движения (1900—1916 гг.).

II п е р и о д. Народно-освободительный фронт 1916 г.

III п е р и о д. Революционный поворот, период социального и гражданского противостояния (февраль 1917—1920 гг.).

IV п е р и о д. Период кооперативного социализма (1921—1928 гг.).

V п е р и о д. Период тоталитарно-казарменного социализма (1928 г. — октябрь 1985 г.).

VI п е р и о д. Декабрьское восстание, начало процесса возрождения народного духа.

VII п е р и о д. Эпоха независимости (с 1991 г.).

Безусловно, эти периоды нельзя абсолютизировать. Например, следует понять правильно и тех, кто хотел бы выделить Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г., гражданскую и Великую Отечественную войны. Тем не менее две революции в России и гражданскую войну, также сопутствующие им явления: волнения народа, разделение общества на противоположные лагеря, открытие фронтов на территории Казахстана, кровопролитные войны, слом старых социальных институтов — видится правомерным объединить в одном периоде. В годы Великой Отечественной войны советские люди защищали обретенный ими социализм, отстаивали его. Поэтому представляется правильным рассмотрение событий этих лет в совокупности.

* * *

Как показали еще К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», мифов, созданных против коммунизма и коммунистов, было немало.

Давайте же опираться на историческую правду. Учение марксизма о социализме — великое достижение XX века. Экономическую теорию марксизма признали все цивилизованные народы. Неудачи социализма в России не означают полного отрицания марксистского учения.

В. И. Ленин — один из великих людей XX в.; как бы там ни было, он оказал влияние на развитие всего человечества. Путь, избранный им, был трудным, общество обогрилось кровью, казарменный социализм не дал народам счастья. Правда и то, что он заложил основы великой империи, признанной всем миром. С другой стороны, созданная им Коммунистическая партия раскрыла в России возможности кооперативного социализма, подала пример управления страной в экстремальной ситуации (гражданская, Великая Отечественная война, годы новой экономической политики), она освоила модель создания мобилизационной экономики, организовала разгром ненавистного всему роду человеческому фашизма, разработала стратегию и тактику сосредоточения людского, материально-технического потенциала в период великих строек. Вместе с тем эта партия способствовала обретению народами политической свободы, содействовала собиранию «рассыпанных» казахских земель; пусть не полностью, но восстановила государственность, провела

несколько поколений казахов через школу советской государственной системы, установила равенство женщин, возглавила научно-техническую политику, стала пионером в освоении космоса, сыграла прогрессивную роль в решении потребностей трудящихся в социальной сфере. Мировой капитализм обрел большой опыт от деяний социализма, воспользовавшись социалистическими методами решения социальных проблем для введения революционных устремлений рабочего класса в ложе эволюционного развития.

Итак, в процессе создания истории XX в. необходимо отражать объективную истину. Коммунистический идеал — не призрак, это не только вчерашняя мечта миллионов людей, это историческое явление, называемое их жизнью. Нельзя забывать и того, что сегодняшнее общество эпохи независимости вышло из лона того же социализма. Если мы заявим о своем проклятии дня прошедшего, очерним все, что было в прошлую эпоху, это будет выглядеть камнем, брошенным против наших собственных предков.

Опираясь лишь на справедливость, мы должны постичь уроки отечественной истории, развенчать имеющиеся мифы, достичь истины. В этом, очевидно, и назначение, и долг казахстанских историков. Только тогда историческое сознание будущих поколений не будет заидеологизировано, вскормленные материнским молоком, утолившие жажду из чистого родника истории отцов и предков, они смогут обрести крылья и поднимутся ввысь.

*Опубликовано в газете
«Казахстанская правда»
23, 24 и 25 мая 2000 года.*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ КАЗАХСКОЙ ССР КАК СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА

(Доклад на научно-теоретической конференции «Территория Казахстана: история и современность» в г. Алма-Ате 27 сентября 1990 года)

Проблемы межнациональных отношений, соблюдение суверенных прав народов вышли сегодня за рамки чисто теоретических изысканий и приобрели характер острых политических споров. Национальный кризис обусловлен общеполитическим и экономическим кризисом в стране, и в его основе лежат специфические условия социально-экономического и политического развития отдельных национальностей и регионов на протяжении длительного исторического периода, в том числе и в недавнем обозримом прошлом. Неравномерность экономического, социального и культурного развития отдельных наций усугубляется еще и грядущими рыночными отношениями, которые неизбежно порождают определенные противоречия национальных интересов в экономической сфере, создают объективную основу для возникновения вопросов, являющихся актуальными для межнациональных отношений.

Сверхцентрализм, культ личности на практике, догматизм в теории способствовали формированию концепции об окончательном решении национального вопроса в стране. В процессе ухода с политической сцены тоталитарной системы управления наблюдается формирование национальных блоков с высокой степенью внутренней однородности, которые находятся в скрытом конфликте и тем самым воспроизводят ситуацию, когда общественная идеология уступает место этнико-национальной.

В силу ряда факторов на первый план в стране выдвигается территориальная проблема, которая может создать тяжелейшие трудности в политической, общественной и моральной сферах и приобрести конфронтационный характер, в том числе и в нашей республике.

Основные мотивы этих настроений заключаются в стремлении пересмотреть этногеографическую карту Казахстана путем ее перекраивания в пользу сопредельных республик либо создания автономий, в идейной основе которых лежат укоренившиеся в сознании определенных слоев населения стереотипы имперского мышления. Главный аргумент, на котором базируются рассуждения инициаторов нового размежевания, таков, что коренное население, т. е. казахи, в северных и северо-восточных регионах республики составляют меньшинство, а Западный Казахстан в экономическом отношении якобы давно превратился в органическую часть РСФСР. Отметим, что основной причиной, побудившей их к аргументации этой антигуманной, в сущности антидемократической, идеи является не только незнание ими этногеографии казахского народа, точнее специфики формирования территориально-геогра-

фической общности кочевников в прошлом, но и абсолютное игнорирование экономических, этнополитических, морально-этических интересов и этнопсихологии коренного населения.

Всякий раз, когда речь заходит о проблемах суверенитета, поднимается вопрос о границах республики. Так было в 1920, 1924, 1936 гг. Та же картина наблюдается сегодня. Это отнюдь не случайно. Здесь прослеживается весьма определенная закономерность, которая может быть объяснена реликтами великодержавного имперского сознания и нежеланием распрощаться с порочным механизмом сверхцентрализации всех уровней общественного бытия и существовавших недемократических структур. Вероятно, ту же тенденцию мы наблюдаем сегодня в разных формах автономистских и сепаратистских настроений.

К сожалению, подобные же, если быть точнее, великодержавные, геополитические тенденции высказаны и в недавней публикации Александра Исаевича Солженицына «Как нам обустроить Россию?» Она вызвала всплеск эмоций именно тем, что прошла пером-скальпелем крупного художника по незащищенному, болезненно ранимому национальному достоинству многих народов.

Это вынуждены признать даже явные сторонники и защитники писателя-реформатора. Так, «Комсомольская правда» в лице ее политического обозревателя Александра Афанасьева отмечает: «Конечно, какие-то советы и аргументы писателя по межнациональным отношениям представляются анахроничными, отвлеченными или несправедливыми...». Мне бы не хотелось подогревать страсти, но все же не могу не сказать о подобном, говоря словами Александра Ивановича Герцена, «анатомическом трупоразъятии» живого организма под названием «союз советских наций».

Исходная посылка автора о былом благополучии и изобилии при царбатюшке и «злокачественной марксо-ленинской утопии», за которую все «спустили», всего «лишились» и всех «положили на плахи», имеет открыто наступательную антисоветскую направленность, и было бы сейчас наивно в условиях всеобъемлющего кризиса открывать словесные баталии по этому вопросу.

Температура общественного кипения сегодня определяется атмосферой в области межнациональных отношений, и в отличие от известного физического закона бурление страстей тем сильнее, чем больше давление на национальные чувства народов. Именно такой мощный прессинг испытывают на себе сейчас многие благодаря брошюре Солженицына. История России и СССР с точки зрения обиженного родиной человека, дореволюционное время выглядят в радужных тонах, а советский период — только в черной окраске.

Для человека, занимающегося историей народов СССР, подлинным откровением прозвучали слова Солженицына о возвращении «к спокойному сожитию наций, тому дремотному неразличению наций, какое было почти достигнуто в последние десятилетия предреволюционной России».

Идиллическое восприятие писателем одного из драматических этапов в истории страны удивительно. Ведь это хрестоматийная истина, что первое

двадцатилетие XX в. знаменовалось прежде всего борьбой народов национальных окраин империи против колониального гнета. И если бы развитие России пошло по иной социальной модели, т.е. без победы Октябрьской революции, которая идеалами равенства и свободы привлекла на свою сторону взбунтовавшиеся колонии, то историческая стезя государства могла бы иметь совершенно иное направление, чреватое прежде всего распадом на средние и мелкие национальные образования, в том числе и на многочисленные этнические анклавы внутри собственно России.

Задумка Александра Исаевича — создание Российского государства без «иностранцев», на которых «уже нет сил ни хозяйственных, ни духовных». Единственное послабление — для славянских народов, да и то в ходульном образе «младших братьев»: украинцев, но не «с их искаженным ненародным языком» Западной Украины, белорусов, но чтобы «там не распаляли безоглядного сепаратизма».

Следующие в очереди за благословением — малые народы и народности. Кавказцам «за верность российскому трону» (как будто не было ни Шамиля, ни Хаджи-Мурата) — возможность поразмыслить, «есть ли расчет им отделяться». Крымским татарам — возвращение в Крым, но «без права владения им» и т. д.

Таков нациеустроительный расклад России без «среднеазиатского подбрюшья» и других окраинных республик.

Меньше всего в этой дележке пространства, суверенности и прав достается казахам. Оказывается, облагоденствованный «коммунистами без разума», этот народ получил нарезанную ими территорию, как придется: где «кочевые стада» раз в год проходят, там и Казахстан. Составлен Казахстан, утверждает А. И. Солженицын, из Южной Сибири, Южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преобразованных и восстроенных русскими, зэками да ссыльными народами. И дай бог им отделяться, но в узком обхвате южной кромки республики. Все как по русской поговорке: «при пире, при бражке — все дружки; при горе-кручине — все ушли да кафтан унесли».

Так в чем же провинились казахи перед русским писателем из американского штата Вермонт? Тем, что, учитывая природные особенности ландшафта обитания и оберегая тонкий слой плодородной почвы, создали сложную систему годового цикла кочевков, в первую очередь предполагающего широкий охват пространства? Или тем, что стали национальным меньшинством в собственном государстве, отдавая лучших своих людей, природные сокровища и земли на жертвенный алтарь пролетарской солидарности, который с каждым десятилетием требовал все больших и больших подношений?

Профессиональный и гражданский долг историков требует четкого ответа на амбициозные утверждения, направленные и на разжигание межнациональной неприязни, и на создание новых деформаций исторической действительности.

Основной порок вольных наветов на национальную историю малочисленных народов — нарушение принципа историзма, этого краеугольного камня

любого гуманитарного исследования. И в этой связи проблема территориальной целостности республики должна рассматриваться в конкретно-историческом, пространственно-временном диапазоне. Между тем люди, пытающиеся оппонировать статусу общности земель края, обыгрывают ситуацию реалиями сегодняшнего дня, когда в условиях интенсивных народнохозяйственных взаимосвязей демографическая структура Казахстана приняла ярко выраженный многонациональный характер, с постепенной утратой коренным этносом порога «численной достаточности».

Между тем бытие любого этноса, как, впрочем, и судьбы связанной с ним территории, нужно анализировать в рамках исторического видения проблемы. Попытаемся охарактеризовать в пространственно-временной конкретике наиболее важные фрагменты формирования и развития казахского этноса и его территории.

Создание казахской советской государственности стало результатом ленинской национальной политики; таким образом, существующие территориальные границы не явились результатом какого-либо волевого решения или облагодетельствования центральной властью, а исходили из признания автохтонности казахов в пределах занимаемых ими земель.

Территория Казахстана в силу своего географического положения была составной частью общей совокупности развития, охватившей срединную зону Евразийского континента, который в научной литературе принято называть великим поясом степей. Экологические факторы, действующие здесь, определяли совершенно особые формы адаптации этносов к природной среде, специфические формы протекания процессов этногенеза, выражавшиеся в этнизации хозяйственно-культурных типов полукочевого и кочевого скотоводства. А для кочевников, отмечал К. Маркс, «большие необитаемые пространства являются главным условием» хозяйствования и жизнедеятельности. Казахский этнос не покорял, не завоевывал пространства, которые составляют собственно Казахстан, он жил в них. Соответственно этому происходило сложение его быта, хозяйства, культуры, этнопсихологии. Так, находясь на стыке древних миграционных путей из Сибири, центральноазиатских степей в районы Семиречья и Средней Азии и далее на юг и запад, территория Казахстана играла важную роль в исторических судьбах окружающих его племен и народов великого пояса евразийских степей.

Имея в виду проблему номадизма, т.е. кочевого образа жизни, следует признать, что она требует более глубокого погружения в анализ географической обусловленности. Не до конца изжитые представления о кочевом скотоводчестве как примитивном типе хозяйственно-культурной деятельности побуждают иных авторов — от наказного атамана сибирского казачества Катанаева до народного депутата СССР Васильевой и писателя Солженицына — отказывать данной системе хозяйства в качестве фактора территориального самоопределения. Послушать их, так только путем глубокой распашки земли человек увязывал себя с территорией. Если же он «просто» веками охотился на ней или передвигался со стадами скота, то это как бы «не в счет»,

ибо, по мнению новоявленных «прогрессистов», только через земледелие как «культурную» форму хозяйствования можно «утилизировать» территорию.

Что касается «дикого» скотоводства, то при нем земля обречена быть как бы ничейной, т.е. скотоводство как аргумент в пользу этнической увязки территории не воспринимается. Понятно, что с такими оппонентами, безнадежно зараженными вирусом давно опровергнутых наукой стереотипов, спорить бесполезно. И все же охарактеризуем структуру расселения кочевых казахов и масштабы их концентрации накануне XX века, поскольку оказывается, еще есть люди, пытающиеся рассуждать о сложных вещах, не имея элементарных представлений даже о хрестоматийных канонах истории. При этом ссылаюсь на дореволюционные издания, которые трудно обвинить в предвзятости, хотя бы в плане фактологической стороны вопроса.

Так, согласно энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (С.Петербург, 1895, т. XV) киргизы-кайсаки (так называли тогда казахов) кочевали по необозримым пространствам от берегов Волги до бассейна Тарима и от низовьев Амударьи до Иртыша. Значительная часть их (свыше 3 млн.) подвластна России, где они живут в пределах Астраханской губернии (216 тыс. душ обоего пола), областей Уральской (412.601 чел., или 79 процентов всего населения области), Тургайской (338.802 чел.), Акмолинской (341.414 чел., или 73 процента), Семипалатинской (547.577 чел., или 90,6 процента), северных уездов Семиреченской области (600 тыс.), Сырдарьинской области (730 тыс., или 60 процентов населения области), Амударьинского отдела (40 тыс.), Самаркандской (20 тыс.) и Закаспийской областей (свыше 40 тыс.); кроме того, часть киргиз-кайсаков Уральской и Тургайской областей (до 40 тыс.) перекочевывают в пределы Верхне-Уральского, Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии (так называемая «новолинейная полоса»).

Несколько десятков тысяч киргиз-кайсаков считались проживающими в Хивинском ханстве. В пределах Китая (Сев.-Зап. Монголия) киргиз-кайсаки занимали степную долину Черного Иртыша, северный скат хребтов Тарбагатай и Саура и южный скат Алтая; некоторая их часть (с конца 1860 г.) переходит на северный скат и кочует по притокам реки Кобдо, где платит аренду собственникам тех земель — урянхайцам.

Что касается перекочевков, то они, как отмечается в вышеуказанном источнике, обуславливаются многовековой традицией, а не поисками лучших пастбищ: «Часто киргизы оставляют хорошие пастбища и переходят за целые сотни верст на дурные. Каждый род или аул из года в год следует по одному и тому же пути, останавливаясь у тех же ключей и колодцев, у которых останавливались его предки сотни лет тому назад, и постоянно возвращаясь на зимовку в одно и то же место. Один аул может пресечь дорогу другого или следовать за ним, но всякая попытка нарушить установившийся порядок влечет за собой кровавые столкновения» (стр. 103—104).

Следует иметь в виду, что проблема может быть сколько-нибудь плодотворно освоена лишь в рамках концепций «культурного взаимопроникновения». Иными словами, в контексте анализа взаимосвязей сопредельных

цивилизаций, регионов и этносов. Парадоксально, но факт, что долгие годы история казахов исследовалась изолированно от исторических судеб соседних народов; более того, противопоставлялась им, а вся разновекторность хозяйственных и культурных контактов искусственно ограничивалась рамками сношений с Россией.

Даже сегодня, когда мы выходим на естественные горизонтальные связи с нашими южными соседями, раздаются, как отмечал Президент республики Н. А. Назарбаев, голоса «о возрождении некоего мифического «великого Туркестана».

Между тем проблема требует все более комплексного изучения истории тюркских племен, общности их исторических судеб, формирования их этнической территории. Ведь прежде страх перед жупелом пантюркизма и панисламизма в условиях существовавшей идеологической инквизиции блокировал все попытки в этом направлении.

Ныне доказано, что в состав казахского этноса вошли племена, которые участвовали в процессе сложения многих тюркских народов, который почти целое тысячелетие протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря. Достаточно сказать, что в этнониме узбеков, каракалпаков, туркмен, казахов, алтайцев, ногайцев, киргизов, монголов обнаружено более 100 однотипных родоплеменных названий.

В этой связи особую актуальность приобретает проблема хронологической датировки феномена образования казахской народности. Надо отметить, что в течение длительного времени историографическая традиция формировалась под жестким прессингом идеологического контроля. На первом его этапе сталинская концепция о стирании национальных граней при социализме стимулировала такие подходы, которые позволили бы обойти опасность быть обвиненным в «буржуазном национализме». В последующие времена нажим на исследовательское мировоззрение усиливали ходульный образ «старшего брата» и концепции «первого среди равных».

Вследствие отмеченных моментов проблема приобрела конъюнктурный характер и произвольно интерпретировалась вне контекста исторической истинности. Одномерная установка на толкование отечественного летописания сквозь призму истории доминирующей нации привела к забвению полиэтнической природы нашей общей государственности. Это отразилось и в хронологии этногенеза народов нашей страны. Подобное давление в полной мере испытала и историография казахов, которая в унисон официальной идеологии создавала искусственные конструкции, аналогичные идее «мессианской роли доминирующего этноса».

Отражением этого явились, в частности, попытки продлить хронологический отсчет образования казахской народности на более поздний исторический период — XV—XVI вв. Известные ученые — русский А. Левшин, немецкий А. Вамбери — процесс консолидации тюркоязычных племен в казахскую народность относят к IX—X вв. В византийских, иранских источниках того времени встречаются термины «казахия», «казах». Советские антропологи

В. Гинзбург, Н. Залкинд утверждают существование антропологического типа казахов между VII—VIII и XII—XIV вв.

Историк-демограф из Узбекистан Х. Салимов («Население Средней Азии». Ташкент, 1975, стр. 79) полагает, что казахи появились на исторической арене в XI в. Историк из МНР Ислам Кабышев выдвинул версию о том, что казахи консолидировались в народность в канун монгольского нашествия. Такие же суждения неоднократно высказывал академик АН Казахской ССР А. Х. Маргулан. По всей вероятности, процесс консолидации тюркоязычных племен в казахскую народность в канун монгольского нашествия был близок к завершению. Иначе и не могло быть. Протоказахов знали Кушанское царство и Парфия, Китай, Арабский халифат, Киевская Русь, Булгарское государство, Византия.

Слов нет, монгольское завоевание затормозило течение этого процесса, но не могло его приостановить. Он был настолько масштабным и глубоким, что сами завоеватели, по существу, приняли язык, веру, культуру аборигенов кыпчакских степей. Появление на развалинах империи Чингиз-хана на базе уже сложившегося в народность Казахского ханства — тому доказательство. И в этом плане, по-видимому, будет целесообразным активизировать исследования.

Современная территориальная общность казахского народа сложилась в начале нашего тысячелетия. И с начала ее образования казахи и их территория подвергались непрерывным набегам со стороны ханств Средней Азии, Джунгарии, Китая, но казахский народ сохранил себя как этнос и удержал свою территорию.

Концепцию территориальной целостности Казахской ССР как суверенного государства необходимо также рассматривать с точки зрения методологических принципов, конкретности истины, объективности познания, причинности, всесторонности и полноты рассмотрения, закономерности явлений. В этом ключе смены научных подходов требует блок вопросов, касающихся проблематики включения Казахстана в состав Российской империи и связанной с этим колонизацией края. Изначальный тезис об исключительно добровольном характере вхождения края веером разошелся в целый круг других, проистекающих отсюда сюжетов. В частности, влияние этого момента явно присутствует в освещении истории колонизации. Данное явление всегда рассматривалось в историографии как однозначно позитивный этап. Между тем, если экономическая колонизация сыграла определенную роль в активизации хозяйственной жизни края, а ее культурный фрагмент способствовал духовному взаимообогащению народов, то вряд ли можно увидеть позитив в конфессиональной и военной экспансии.

В связи с последним требуется более объективная оценка места и роли в истории края казачьего сословия. Это был весьма специфический сегмент населения.

По утверждению знатока истории казачества, наказного атамана Сибирского казачьего войска полковника Г. Е. Катанаева, в отличие от донских,

яицких казаков, состоявших из крестьянской вольницы, ряды сибирского казачества комплектовались «исключительно по царскому указу и воеводскому наказу; не только нарядом потребных людей, но и прямою ссылкой в Сибирь как преступников, так и всякого рода пленных...». «На долю этих людей, — продолжает далее автор, — выпала трудная и почетная (хотя и не всегда видная) роль пионеров всяких начинаний и мероприятий правительства по расследованию, занятию, покорению, умиротворению и устройству необъятной Сибири с ее многоязычным населением».

Присоединение Казахстана к России по своим конечным результатам было прогрессивным. Но нельзя умалчивать и о колонизаторской политике царизма.

Краткий экскурс в прошлое показывает, что территория Казахской республики является территорией этноса, давшего название республике.

Водоразделом в исторических судьбах казахского народа стал Октябрь 1917 г. Революция положила конец раздроблению территории края, привилегиям различных сословий, исключая коренное население, национально-колониальному гнету, неравноправию. Октябрь открыл путь воссоединения территории этноса в единое Казахское советское государство. В. И. Ленин считал, что создание национальных государственных формирований соответствует коренным интересам наций. Неоценима роль Владимира Ильича в формировании территории Казахской республики, в воссоединении в единое целое всех казахских земель. И не «десятистепенное место» (по Солженицыну), выхваченное из ленинской фразы, занимал в практической деятельности В. И. Ленина национально-территориальный вопрос, а одно из первостепенных.

Он решительно и бескомпромиссно осуждал как местничество, «областничество», национализм и анархизм, так и бюрократический централизм, тоталитаризм, шовинизм и единообразие. Ленин решительно боролся с попытками разрешать межнациональные конфликты администрированием, принуждением, от кого бы это ни исходило. Его активная поддержка законных требований «националов» не раз обеспечивала правильное решение национальных проблем и представляла собой пример интернационализма не только на словах, но и на деле.

Следуя принципу объективности познания, его всесторонности, мы, профессионалы-историки, обязаны не идеализировать отношения Дешт-и-Кипчака с соседними народами и государствами, но в то же время не сводить отношения кочевников и земледельцев к одному известному противоборству. Исторический опыт уже тогда показывал бессмысленность войн, а народные массы стремились к мирной жизни. Во имя национального мира, создания обновленной советской федерации, суверенной казахской советской государственности не на словах, а на деле, следует больше и шире исследовать связи казахов с использованием Великого шелкового пути, организацию международной торговли в те времена, тюркизмы, вошедшие в русский язык, топонимику Казахстана, вобравшую и местное и внешнее начало, эпос «Кобланды», «Повесть временных лет» и т.д. Акцент на этом означает диалектический подход к освещению истории Казахстана. Наконец, история располагает

достаточными фактами для того, чтобы доказать, что советский патриотизм, интернационализм на крутых поворотах истории Отечества не миф, а реальность.

Таким образом, проблема территориальной целостности Казахстана проецируется в плоскость трех временных измерений: прошлое, настоящее, будущее. В этой триаде исторический фактор и играет едва ли не решающую роль. Именно в связи с этим он требует к себе компетентного отношения.

Выход научного знания из-под идеологической зависимости, в том числе и национально нетерпимой, видится прежде всего в выработке правильных методологических подходов, которые давали бы объективную картину истории и современности нашей государственности.

Казахстанский аспект в этом отношении требует прежде всего преодоления застарелой болезни: деления истории на черную и белую. Это касается взаимодействия кочевых и оседлых культур, во многом имевшего отнюдь не идиллический характер, проблемы этногенеза казахов и соседних с ним народов, специфичность колонизации степного края, с его открытыми и теневыми сторонами, национально-территориального размежевания в советский период и т. д.

Мы хорошо осознаем, что вести диалог с любителями от истории — дело во многом сложное и неблагодарное, ибо полемика здесь ведется на разных информационных уровнях, с апелляцией не столько к научным аргументам, сколько к фантазиям, порожденным эмоциональным приматом. Тем не менее историки не должны отклоняться от подобных дискуссий, ибо только здоровое научное начало может придать им конструктивный, позитивный характер. Именно путем такой кропотливой работы можно достигнуть гражданского согласия, в условиях которого только и возможно будущее нашего государства как правового, демократического, экономически и культурно развитого компонента мировой цивилизации.

*Опубликовано в газете
«Казахстанская правда»
4 октября 1990 года.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан* по изучению постановлений КазЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 года «О конфискации байских хозяйств», от 13 сентября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства», от 19 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством»

Комиссия Президиума Верховного Совета Республики Казахстан, изучив документальные материалы республиканских и ведомственных архивов, статистические источники, периодическую печать, свидетельства очевидцев, составила настоящее заключение.

В ужасающем реестре трагедий, потрясших XX век, наряду с такими преступлениями против человечества, как большевистские антикрестьянские репрессии, украинский «голодомор», сталинские депортации народов, маоистская «культурная революция», полпотовщина, всегда будут помниться и уничтожительные акции в отношении многострадального народа Казахстана.

Пройдут годы, сменятся поколения, но историческая память будет вновь и вновь возвращать нас к той страшной трагедии, когда по воле преступного режима сотни и сотни тысяч жизней наших соотечественников утратили смысл и цену.

Казахстан стал гигантским полигоном для проведения антигуманного социального эксперимента. Здесь была предпринята преступная попытка реализации ортодоксального марксистского постулата о «возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм», что закончилось разрушением традиционных систем жизнеобеспеченности этносов Казахстана и в конечном счете привело к беспрецедентной в истории катастрофе.

Масштабы трагедии были столь чудовищны, что мы с полной моральной ответственностью можем обозначить ее как проявление политики геноцида. Такая констатация вытекает из строгих норм международного права, зафиксированных в международной конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

К сожалению, наше общественное сознание еще не до конца прониклось пониманием глубинной природы разыгравшейся трагедии, ассоциируя ее лишь

*Комиссия, в состав которой входили видные ученые, общественные деятели и руководители правоохранительных органов, была создана 12 ноября 1991 г. и работала до ноября 1992 г. Комиссию возглавлял народный депутат Республики Казахстан, академик М. К. Козыбаев.

со страшным голодом 1932/33 г. и силовой коллективизацией. Между тем ее предпосылки зарождались с самого начала существования режима.

Пролог разворачивающейся драмы был связан с 20-ми годами, когда система нанесла первый удар по традиционной структуре казахского этноса.

Так, обвальными разрушительными последствиями обернулась «ударная» кампания по ликвидации хозяйств так называемых баев-полуфеодалов, переросшая вскоре в массовые антикрестьянские репрессии, проводившиеся в рамках государственного курса на ликвидацию «кулачества как класса». Идея экспроприации эксплуататорских хозяйств проистекала из самой природы государства с его приматом классовых интересов. Поэтому с самого начала установления диктатуры пролетариата в Казахстане мотивы классовой борьбы постоянно вынашивались в умах проводников политики новой власти. По воспоминаниям первого председателя Кирвоенревкома С. Пестковского, еще весной 1919 г. Ленин, отвечая на вопрос казахстанцев-делегатов VIII съезда РКП(б), каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле, прямо напутствовал: «Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота».

В ноябре 1927 г. 6-я казахстанская партконференция обсуждала вопрос об экспроприации баев, посчитав возможным «допустить изъятие у крупных баев части скота и инвентаря», что должно привести к «осереднячиванию аула и развитию его производительных сил и еще большему закреплению союза пролетариата с трудящимися массами аула».

В декабре 1927 г. была образована комиссия для разработки проекта закона о конфискации хозяйств крупных баев. После рассмотрения и уточнения на бюро Казкрайкома он был одобрен ЦК ВКП(б) и ВЦИК. 15 августа 1928 г. Крайком создал комиссию для непосредственного руководства кампаниями.

27 августа 1928 г. на заседании ЦИК и СНК республики постановление «О конфискации байских хозяйств» было принято. Были назначены уполномоченные по проведению конфискации в округах республики. Непосредственно в аулы направили свыше тысячи уполномоченных. Кроме того, в комиссиях содействия работало 4700 человек.

Согласно документальным материалам об итогах кампании, фактически конфискации было подвергнуто 696 хозяйств, из них 619 были высланы за пределы округа проживания. У них было экспроприровано 145 тыс. голов скота (в переводе на крупный). Около 114 тыс. голов скота перераспределялось между колхозами (29 тыс. или 26 процентов) и бедняцко-батрацкими хозяйствами (85 тыс. голов, или 74 процента). Кроме скота были экспропрированы 633 юрты, 475 домов, 44 амбара, 534 другие надворные постройки, 108 плугов, 113 борон, 248 сенокосилок, 1367 бричек и т. д.

Анализ опубликованных статистических материалов показывает, что конфискованного и «поровну» перераспределенного скота далеко не всегда хватало, чтобы подтянуть бедняцко-батрацкие хозяйства до приемлемых, с точки зрения задач нормального ведения хозяйства, размеров. Получив лишь

несколько единиц скота, эти хозяйства не могли включиться в общину, и им ничего не оставалось делать, как вернуться к своему прежнему социальному статусу, продав или зарезав полученный скот.

Вместе с тем ликвидация байских и зажиточных хозяйств, выполнявших вполне определенную роль в наработанной системе воспроизводственных связей, вызвала нарастание хаотических процессов в традиционной структуре хозяйства, вела к ее деформации. Таким образом, конфискация скота у баев обернулась не консолидацией середнячества в ауле и ростом благосостояния, а напротив — нараставшей пауперизацией населения нищавших аулов и разрушением хозяйства. Это и был реальный итог силовой кампании по конфискации.

Сильнейший удар по крестьянству нанесли кампания по заготовке сельхозпродукции и силовая налоговая политика.

По методам проведения хлебозаготовительные кампании вылились в форму прямых экспроприаций. Для прикрытия откровенно неправового характера предпринимаемых акций власти распространили действие статьи 107 УК РСФСР, определив уголовное наказание за «злостное повышение цен на товары, сокрытие или невыпуск таковых на рынок», и ст. 61 УК РСФСР, предполагавшей уголовную ответственность «за отказ от выполнения повинностей, имеющих общегосударственное значение».

Информационные сводки орготдела ВЦИК фиксировали настроения полного разочарования крестьянства политической властью. На многочисленных сходах крестьяне откровенно заявляли: «Не нужно развивать сельское хозяйство, иначе правительство задавит налогом», «Советская власть установила крепостное право», «Середняка разоряют, представляя за его счет льготы лодырям-беднякам», «Советская власть зажала крестьян хуже, чем при старой власти. Такой власти помогать не надо» и т. п.

Сильнейший административный террор был развязан в ходе заготовительных кампаний в казахском ауле. Здесь кампания по заготовкам скота с самого начала приняла характер чрезвычайной акции времен «военного коммунизма», хотя даже в тот трудный период казахское хозяйство не знало ничего подобного. Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, но те, как оказалось, имели в своей расчетной основе фальсифицированные данные о количестве у населения скота. В результате в районы стали спускаться задания, намного превышающие реальную численность имевшегося в наличии скота. В этой связи характерен пример Балхашского района, располагавшего стадом в 183 тысячи голов скота, но получившего разверстку почти на 300 тысяч единиц.

Под прикрытием государственных интересов творились беззакония и при заготовках в ауле других видов сельскохозяйственной продукции. Так, в целях «ударного» проведения заготовки шерсти в ряде мест заставляли стричь овец в середине суровой зимы, что не могло не привести к массовому падежу скота. Обязательные хлебозаготовки вопреки всякой логике распространялись и на несеющие хозяйства сугубо животноводческих районов. Страшась быть

обвиненным в саботаже, их население вынуждено было обменивать свой скот на хлеб и сдавать последний в счет заготовок. Вследствие этого норма потребления начинала тяготеть к минимуму, предвещая близкий голод.

В ходе заготовительных кампаний в Казахстане были проведены масштабные антикрестьянские репрессии. По выявленным архивным данным удалось установить: в этот период к административно-уголовной ответственности было привлечено 56 498 жителей села, из них 34 121 был осужден. На закрытом заседании бюро Казкрайкома ВКП(б) в начале января 1930 г. Голощекин дал информацию, что в ходе заготовок с 1 октября 1928 г. по 1 декабря 1929 г. по судебной линии было приговорено к расстрелу 125 человек, а по линии ГПУ за этот же период расстреляно 152.

Кроме того, следует иметь в виду, что в процессе заготовок практически уже осуществлялось «раскулачивание».

В поисках средств для индустриализации государство в конце 20-х годов ужесточило налоговый режим. Тяжелый налоговый пресс давил на аул и деревню Казахстана. В 1927–1928 гг. 4 % зажиточных и кулацких хозяйств были вынуждены заплатить 33% всей суммы начисленного на крестьянские хозяйства сельхозналога, а 0,6% крупных скотоводческих хозяйств уплатили 25% всей суммы начисленного по скотоводческим районам налога.

В следующем, 1928–1929 окладном году по сравнению с 1927–1928 г. тяжесть налогообложения возросла на 98,8%, хотя налоговая база выросла несущественно.

Кроме того, вводилось индивидуальное налогообложение для хозяйств, выделяющихся в общей крестьянской массе своими доходами и их «нетрудовым характером». Но многие хозяйства подпали под эту форму налогообложения в силу опять-таки произвола властей: потому что имели две коровы, сепаратор или железную крышу или же были известны антисоветским «ворчанием».

Если в 1927–1928 г. 9,6% зажиточно-кулацких хозяйств внесли 57,3% общей суммы сельхозналога, то в 1928–1929 гг. — уже 76,2%. Под воздействием резко возросшей нормы налогообложения значительная часть хозяйств, используя терминологию тех лет, «самораскулачивалась» или, попросту говоря, раскрестьянивалась, уходя в города или меняя источники дохода и формы деятельности. Что касается скотоводческих хозяйств, то они откочевывали целыми общинами за рубежи республики и даже страны. Таким образом, чрезвычайщина во время заготовок и силовая налоговая политика значительно усугубили положение сельского населения Казахстана, создавая новые предпосылки для приближающейся катастрофы.

Сильнейший удар нанесла по казахскому хозяйству волонтаристско-силовая политика по переводу скотоводов-кочевников и полукочевников на так называемую оседлость.

Идеология оседания тесно увязывалась с полной трансформацией хозяйственных форм. Иначе говоря, пути прогресса казахского крестьянства виделись исключительно в административно направляемой «эволюции»

скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарное животноводческое.

Между тем государству, опирающемуся на неразвитые, фактически доиндустриальные (т. е. природообусловленные) производительные силы, радикальное решение проблемы традиционного аграрного фундаментализма было, конечно же, не под силу. Поэтому не случайно, все, что оно «сумело» сделать, так это искорежить и деформировать сформировавшиеся в ходе длительной социокультурной эволюции хозяйственные структуры и породить некий уродливый гибрид под названием «социалистическое отгонно-пастбищное животноводство».

Принципиально важно было и то, что в тех условиях кочевое скотоводство сохраняло свою экологическую рациональность, ибо являлось именно тем типом хозяйственно-культурной деятельности, который на том доиндустриальном уровне развития производительных сил единственно только и мог интегрироваться, вписаться в аридную среду, каковой, собственно, представлялась территория Казахстана. Только через кочевой способ производства представлялось возможным хозяйственно освоить гигантские пустынные и полупустынные ландшафты.

Наряду с этим необходимо особо подчеркнуть, что в то время кочевое хозяйство еще не исчерпало свой экономический потенциал, оставаясь во многом экономически целесообразной системой. Это очевидно, ибо в пределах фактора аридности способность гармонично «влиться» в среду обитания одновременно означала и возможность ее экономически продуктивного освоения.

Однако все эти моменты в одних случаях воспринимались не более как досадные мелочи, которые можно попросту не замечать, а в других – выдавались за злобный имидж, выдуманный некоей националистической оппозицией или «великодержавными шовинистами от науки». Не случайно, ученые, практики и общественные деятели, которых отличало альтернативное понимание проблемы оседания (М. Г. Сириус, С. П. Швецов, А. Букейханов, К. А. Чувелев, А. Дониц, С. Садвакасов и многие другие), подверглись жесточайшей обструкции, а впоследствии и репрессиям.

Кампания по оседанию по времени была синхронизирована с развертыванием индустриализации. И это не случайно, поскольку, как показывают документы, посредством политики оседания государство решало чисто утилитарные цели (т.е. стремление «перевести казахский народ на рельсы социального прогресса» было отнюдь не главным мотивом): решение зерновой проблемы, а через нее обеспечение накоплений для индустриального прогресса.

Не успев выйти из состояния прострации, вызванного непрерывающейся чередой силовых акций, аул и деревня Казахстана были тут же втянуты в молюх еще более стремительной и нажимной коллективизации.

Если в 1928 г. в Казахстане было коллективизировано 2% всех хозяйств, то уже к осени 1931 г. в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где обобществлению было подвергнуто от 70 до 100 процентов хозяйств.

Причиной «колхозного взрыва» в крае послужила отнюдь не крестьянская инициатива, как это пытались представить органы официальной пропаганды. Здесь прямо сказывались методы откровенного давления. Нарушения принципа добровольности и элементарной законности вообще с самого начала приняли повсеместный характер. Сплошь и рядом во время проведения сельских сходов вместо обращения: «Кто хочет вступить в колхоз?», звучал зловещий вопрос: «Кто против коллективизации?». В тех случаях, когда крестьянство не проявляло «доброй воли» и не спешило избавляться от «буржуазной» частной собственности, к нему применяли иные «воспитательные меры». Так, источники сообщают о таких фактах, как имитация расстрелов (когда по несколько раз умышленно стреляли выше головы, якобы приговоренного к расстрелу, что, естественно, доводило жертву до потери рассудка), раздевание на морозе и вождение под конвоем по снегу через всю деревню, «купание» в ледяной проруби и т.д. Распространенными являлись и такие приемы принуждения, как лишение избирательных прав угрозы выселения за пределы района проживания или превентивный арест.

Сильнейший нажим оказывался на казахский аул. Директивные органы требовали «стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству».

В начале марта и апреля 1930 г. были опубликованы сталинские статьи «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам». Оба документа долгое время рассматривались в историографии как этапные в нормализации колхозного движения. Между тем источники обнаруживают, что в Казахстане (да и по стране в целом) и после того, как прозвучал «глас вождя», все оставалось по-прежнему: административно-бюрократический террор продолжал раскручиваться. Причем, как и раньше, он санкционировался самыми высокими инстанциями республики и, следовательно, не мог объясняться ссылками на непонимание или «искривление партийной линии на местах». В постановлениях Казкрайкома, принятых в течение мая-августа 1931 г., без какой-либо двусмысленности перед животноводческими районами ставилась задача «выйти на линию более высоких темпов коллективизации».

При этом в животноводческих колхозах мера обобществления перешагнула всякие допустимые пределы. В решениях одного из пленумов Казкрайкома черным по белому было записано: «В животноводческих и животноводческо-земледельческих районах основное внимание должно быть направлено на полное обобществление в сельскохозяйственных артелях всего товарно-продуктивного стада». В результате к февралю 1932 г. в Казахстане 87% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились своего скота.

Обобществленный скот собирался на колхозно-товарных фермах. Но здесь надо иметь в виду то, что по настоящему Казкрайкома в ходе коллективизации ставка делалась на создание крупных животноводческих колхозов. А это понималось, как механическое объединение нескольких сотен хозяйств в

радиусе до 200 и более километров в единый колхоз-гигант. Например, на юге республики, в Курдайском районе, существовало немало сельхозартелей, объединявших 600-800 хозяйств, в Таласском районе в так называемые городки сгонялись до 300-400 хозяйств.

Скот в таких уродливых образованиях (где, естественно, не могло быть и речи о какой-то организации производства, учете труда и пр.) скапливался на колхозно-товарных фермах (участок степи, огороженный арканом). Разумеется, в таких условиях трудно было и думать о соблюдении основного экосистемного принципа кочевого способа производства — точной (симметричной) соотношенности численности скота и природных водно-кормовых ресурсов.

Расплата за абсурдные решения не заставила себя долго ждать. Собранный в огромнейших концентрациях на колхозно-товарных фермах скот попросту погибал, не имея возможности прокормиться. Аул и деревня Казахстана отреагировали на перегибы и извращения повсеместным упадком сельскохозяйственного производства.

В течение первой пятилетки (1928—1932 гг.) удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве товарного зерна уменьшился примерно с 9 до 3 процентов. Хотя посевные площади под зерновыми культурами выросли с 1928 по 1940 гг. почти в 1,5 раза, их валовой сбор не только не увеличивался, но, наоборот, сократился примерно в 1,5 раза, урожайность за те же годы упала с 9,2 до 4,3 ц/га. Начиная сказываться безразличие, порожденное отчуждением крестьянина от земли и превращением его в наемного исполнителя воли начальства.

Беспрецедентный урон понесло животноводство. Динамика случившейся здесь катастрофы выглядела следующим образом. В 1928 г. в республике насчитывалось 6509 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1932 г. всего 965 тыс. Даже накануне войны, в 1941 г., доколхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. голов). Еще больше поражают цифры по мелкому скоту: из 18 566 тыс. овец в 1932 г. осталось только 1 386 тыс. (перед самой войной численность стада едва приблизилась к 8 млн. голов). Из конского поголовья, определявшегося на 1928 г. в размере 3516 тыс., фактически выбыло 3200 тыс. (в 1941 г. — 885 тыс. голов). Практически перестала существовать такая традиционная для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935 г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928 г. их насчитывалось 1042 тыс. голов.

Чрезвычайный характер коллективизации с особой силой проявился в тех мерах, которые разворачивались в рамках реализации государственного курса на ликвидацию кулачества и байства. В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств не должен превышать 3—5 процентов. Но во многих районах подобного количества кулаков никак не набиралось. Поэтому численность раскулаченных почти всегда и везде «подтягивалась» до самого верхнего предела. И нередко план «по валу» выполнялся настолько усердно, что фактически превышал в два, а то и в три раза субъективно установленный контингент.

Подобные «достижения» имели очень простое объяснение: наряду с сугубо эксплуататорскими элементами раскулачивались (а точнее было бы сказать, «раскрестьянивались») зажиточные и середняцкие хозяйства. Основной индикатор частнокапиталистического уклада — использование наемного труда и ориентация на создание прибавочной стоимости — растворился в обилии надуманных признаков, выражавших скорее производственную мощьность того или иного хозяйства, чем его действительную социально-экономическую природу.

К сожалению, масштабы раскулачивания в Казахстане пока не поддаются абсолютно точной оценке, так как достоверность выявленных материалов еще не вызывает удовлетворения. Здесь, в частности, необходим анализ ранее закрытых материалов, отложившихся в архивах КГБ и МВД бывшего СССР. Тем не менее известно, что только в 1930—1931 гг. численность крестьян в Казахстане, отправленных в «кулацкую ссылку», достигла по далеко не полным данным 6765 человек.

Но крестьянские хозяйства раскулачивались, и их хозяева выслались в «кулацкую ссылку» и в пределах республики. Кроме того, следует иметь в виду, что фактически антикрестьянские репрессии осуществлялись в ходе конфискации скота, хлебазаготовок, налоговых обложений, заготовок сельхозпродукции, оседаний и других силовых кампаний. К ним применялись самые разные статьи Уголовного кодекса. Поэтому категория «раскулаченные» включала сотни тысяч человек. В то же время территория Казахстана была определена сталинским режимом в качестве «кулацкой ссылки» для многих и многих десятков тысяч крестьян из других районов страны. По сведениям отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ-НКВД, в республику была выселена 46 091 семья, или свыше 180 тысяч человек.

Следует сказать, что идеология раскулачивания вылилась впоследствии в беспрецедентно широкие репрессивные акции по отношению к крестьянству. Так, 7 августа 1932 г. был принят Закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Закон предполагал наказание в виде расстрела, а при «смягчающих обстоятельствах» — 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества. Только за первый год действия этой антиконституционной нормы в Казахстане было осуждено 33 345 человек.

Как уже отмечалось, в русле кампании по раскулачиванию были развернуты массовые антикрестьянские репрессии. Так называемые раскулачиваемые подводились под целый ряд других статей уголовного характера. При этом отсутствовало какое-либо подобие судебного разбирательства. Все решалось оперативными тройками, созданными в нарушение Конституции и существующих законов.

За 5 лет, т. е. с 1929 по 1933 годы, тройками ПП ОГПУ в КАССР по неполным данным рассмотрено 9805 дел и принято решений в отношении 22 933 лиц, из них: к высшей мере наказания — расстрелу приговорено 3386 человек, заключению в концлагерях от 3 до 10 лет — 13 151 человек. Решения троек утверждались краевым и областными комитетами партии.

Не последнюю роль в обострении обстановки и усилении протестов со стороны населения, в особенности крестьянского, сыграла антирелигиозная, атеистическая политика ВКП(б) и Советского государства. Декларируя свободу совести и вероисповедания своим гражданам, государство в то же время проводило воинствующую атеистическую политику, доведя ее до крайних форм антирелигиозного вандализма, при которой откровенно попирались все нормы морали и права. Так, за короткие сроки в Казахстане была разрушена значительная часть мечетей, молитвенных домов и церквей. Не считаясь с мнением и настроением населения, в сельских районах были снесены или закрыты почти все религиозные дома.

Реакция на силовое давление и грубый произвол выразилась не только в резком упадке сельскохозяйственного производства. Как и по всей стране, в Казахстане население проявляло открытое недовольство, которое в ряде случаев вылилось в вооруженные выступления крестьянства.

В 1929–1931 гг. в Казахстане имели место 372 восстания, в которые было вовлечено около 80 тыс. человек. Особо трагичную известность получили крестьянские движения в Сузакском, Шемонаихинском, Бухтарминском, Иргизском, Казалинском, Кармакчинском, Самарском, Абралинском, Биен-Аксуиском, Чингистауском, Барибаевском, Кастекском, Балхашском, Чубартауском, Мангистауском и других районах. Восстания сопровождались массовыми откочевками населения за пределы республики, в том числе и за границу. Только с начала 1930 до середины 1931 г. с территории Казахстана откочевало 281 230 крестьянских хозяйств, значительная часть на территорию Китая, Ирана и Афганистана. Всего за пределы республики в годы голода откочевало 1130 тыс. чел, из них 676 тыс. безвозвратно и 454 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан. Силами регулярных войск и органов ОГПУ против мятежного населения проводились жестокие карательные акции. За участие в крупных восстаниях и волнениях в 1929–1931 гг. только органами ОГПУ осуждены 5551 человек, из которых 883 расстреляны.

Волонтаристские силовые акции, разрушавшие системы обеспечения этносов Казахстана, обернулись беспрецедентной демографической катастрофой, последствия которой проецируются в современность. Вопрос о численности жертв трагедии остается пока еще открытым. Существенную коррекцию, по-видимому, дадут вводимые в научный оборот материалы из архивохранилищ ЦУНХУ, КГБ и МВД, центральных партийных органов, из дел с литерой «с» (секретно), хранящихся в фондах республиканского и областных архивов. Кардинально новые моменты вносят опубликованные материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., известной как «репрессированная перепись».

Предварительный анализ, проведенный историками и демографами, показывает, что казахский этнос подвергся жесточайшему геноциду и понес тяжелейшие потери. От голода и связанных с ним эпидемий, а также постоянно высокого уровня естественной смертности народ потерял 2 млн. 200 тыс. человек, т.е. около 49% всего своего состава.

Материалы переписи 1937 г. фиксируют снижение численности и других этносов Казахстана. Об этом дает представление следующая таблица.

Названия этносов	Уменьшение их состава
Украинцы	100 тысяч человек (11%)
Русские	85 тысяч человек (6%)
Узбеки	20 тысяч человек (8%)
Уйгуры	10 тысяч человек (13%)
Татары	9 тысяч человек (10%)
Немцы	6 тысяч человек (11%)
Мордва	4 тысячи человек (12%)
Белорусы	3 тысячи человек (10%)
Киргизы	3 тысячи человек (25%)
Дунгане	1 тысяча человек (10%)
Другие национальности	9 тысяч человек (10%)

Казахстанская трагедия подтвердила демагогическую сущность объявленного государством права народов на политическое самоопределение. Со временем, укрепив свои позиции, сталинский режим перешел в наступление против сил оппозиции в Казахстане: во-первых, против беспартийной интеллигенции и, во-вторых, против партийных и государственных деятелей, отстаивающих национальный и государственный суверенитет казахского народа уже в рамках советской системы. Одновременно был взят курс на вытеснение из сферы общественно-политической деятельности наиболее радикально настроенных в вопросах национально-государственного строительства работников и, наоборот, приобщение к верхнему эшелону власти лиц, готовых служить в соответствии с установками центра или, по крайней мере, ведущих себя лояльно. Это был совершенно новый этап в политической жизни народа. Теперь право «общенациональных интересов» присваивалось номенклатурной бюрократией, для которой превыше установок центра ничего не могло быть.

В свою очередь, не случайным является и совпадение курса на ликвидацию оппозиции с назначением Ф. И. Голощекина первым руководителем республики. Личные качества Голощекина соответствовали всем требованиям формирующегося тоталитарного государства — идти к цели «не щадя сил, не останавливаясь перед жертвами» (И. Сталин). А цель — создание всесильного аппарата государственной власти, способного немедленно и безоговорочно проводить желание центра в Казахстане.

Сосредоточение реальной власти в руках центральных органов, незрелость консолидирующих факторов внутри нации и на этом фоне межгрупповая борьба в среде руководящих работников позволяли Голощекину за короткий срок осуществить перегруппировки сил в свою пользу и укрепить режим личной власти. Наиболее типичным проявлением этой политики являлось решение 3-го пленума Казкрайкома ВКП(б) 1926 года, где он добился осуждения

партийным активом республики так называемой «межгрупповой», «национал-уклонистской деятельности» лидеров оппозиции — С. Садвакасова, С. Ходжанова и Ж. Мунбаева.

С приходом Голощекина к руководству в Казахстане завершается и процесс сосредоточения реальной власти в руках партийных органов во главе с Казкрайкомом, и постепенное ослабление роли Советов. Выступавшие против выхолащивания роли Советов зам. Председателя СНК РСФСР Т. Рыскулов, Председатель Совнаркома республики Н. Нурмаков, И. Мустамбаев и другие были обвинены в противопоставлении Советов партии, в отрыве от партийного руководства.

Одно из главных заблуждений ЦК партии как органа, вырабатывающего стратегию в национальной политике, Голощекина как его представителя в Казахстане заключалось в том, что они не сумели (или не хотели) правильно понять природу национализма в Казахстане, однозначно определив его как явление реакционное, отрицательное, грубо противопоставляя его классовым интересам. Анализируя национализм с великодержавной, имперской позиции, они недооценивали экономические, социальные, психологические и другие глубинные его проявления в этот исторический период.

Руководствуясь сталинским тезисом о том, что в коммунистических организациях на окраинах «национализм играет» ту же роль, какую меньшевизм играл в прошлом для партии большевиков, государство объявило настоящую войну против казахской национальной интеллигенции, широко и последовательно проводя репрессивные меры по отношению к ней. В результате в 1928—1932 гг. около 90 человек были привлечены к уголовной ответственности. Несмотря на отсутствие каких-либо неопровержимых доказательств, подтверждающих причастность их к контрреволюционной деятельности, многие из них были осуждены на длительные сроки тюремного заключения, а часть расстреляна. Сегодня мы со всей уверенностью можем утверждать, что это была настоящая политическая расправа с лидерами оппозиции.

В борьбе с оппозицией система использовала всю мощь карательных институтов государственной власти. С утверждением административно-командной системы наблюдается сращивание партийных и карательных органов, в том числе и в Казахстане, по всему спектру политической жизни, особенно в «укрошении» национальной интеллигенции. Характер и содержание деятельности ПП ОГПУ, его структура, состав руководящих работников позволяли этой организации играть основную роль в необъявленной войне против своего народа.

Изучив документальные материалы, свидетельства очевидцев, материалы судебных и внесудебных органов, статистические источники, комиссия Верховного Совета пришла к следующим выводам:

1. Комиссия считает незаконными, противоречащими правам человека волюнтаристские акции по конфискации имущества у зажиточного крестьянства, его массовому выселению, силовые кампании по коллективизации и оседанию кочевых и полукочевых хозяйств, изъятию сельхозпродукции у

населения и квалифицирует их как преступление государства против собственного народа.

Антинародной политикой руководства Казкрайкома, КазЦИК, СНК, ПП ОГПУ СССР по Казахстану, а также командованием САВО и частей других военных округов фактически были спровоцированы за 1929–1932 гг. массовые (372) антиправительственные выступления, и народу Казахстана навязана гражданская война, сопровождаемая карательными акциями и многочисленными репрессиями, изгнаниями населения с родных мест.

II. Политическая и юридическая ответственность за казахстанскую трагедию в первую очередь ложится на руководство ВКП(б) и Казкрайкома как организаторов и проводников всех антигуманных кампаний от начала до конца. Краевая партийная организация практически заранее ставила цели и задачи, вырабатывала пути и механизмы реализации намеченных центром политических акций, жестко контролировала ход и результаты исполнения. КазЦИК и СНК республики отстранялись от принятия решений, им отводилась второстепенная исполнительская роль.

III. Учитывая, что законодательные акты о конфискации байских хозяйств, о проведении коллективизации сельского хозяйства, об оседании кочевого и полукочевого казахского населения и другие акты как республиканских, так и местных органов исполнительной власти, связанные с реализацией указанных акций:

- насильственно прервали ход естественноисторического развития социально-экономических отношений в (казахском) обществе;

- привели к искусственному созданию антагонизма между различными социальными слоями, поэтому носили антинародный характер;

- способствовали насильственному обобществлению орудий и средств производства крестьян и созданию неэффективной системы сельского хозяйства, чуждой крестьянству;

- стали правовой основой массовых репрессий в отношении безвинного, мирного населения, осуществленных к тому же незаконными внесудебными органами — тройками, пятерками, особыми совещаниями, путем произвольного применения существовавших репрессивных правовых норм, противоречат общечеловеческим нормам морали и общепризнанным нормам международного права, в целях восстановления исторической справедливости просить Верховный Совет Республики Казахстан:

1. Отменить и осудить как неправовые, антинародные постановления и акты, принятые в 1928–1932 гг. по вопросам конфискации, коллективизации, оседанию и др.

2. Исходя из международных норм права необходимо лиц, подвергнутых конфискации имущества и выселению, различным государственно организованным изъятиям сельхозпродукции в ходе заготовительных кампаний, насильственной коллективизации, а также лиц, незаконно понесших наказание в виде расстрела, лишения свободы или высылки за активное сопротивление проводимой антинародной политике, признать жертвами политических репрессий.

3. В целях источникового обеспечения разворачивающихся исследований предложить Главному архивному управлению при Кабинете Министров Республики Казахстан, архивным подразделениям соответствующих ведомств и учреждений создать условия для широкого допуска исследователей к документальной базе, находящейся в ведомственных архивах КГБ, МВД и их структур.

Рекомендовать научным учреждениям и вузам Республики Казахстан расширить исследовательскую проблематику с включением в нее анализа сложных событий 20—30-х годов.

Институту истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова Национальной академии наук Республики Казахстан подготовить публикации по данной проблеме, осуществить издание документальных сборников о казахстанской трагедии. Поручить Министерству науки и новых технологий Республики Казахстан обеспечить финансирование актуальных исследований в данной области.

Министерству образования Республики Казахстан совместно с Институтом истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Национальной академии наук Республики Казахстан и другими заинтересованными организациями осуществить подготовку учебников, программ и другой методической литературы в свете новейших теоретико-концептуальных и исследовательских подходов, выработанных научным знанием.

Комиссия обращается к девятой сессии Верховного Совета Республики Казахстан, к Конституционной комиссии, принимая первую Конституцию независимого и суверенного Казахстана, закладывая основы правового и демократического государства, выполнить исторический долг по восстановлению справедливости, а именно в главе II «Основные задачи государства» перед последним абзацем статьи 62 проекта Конституции включить очень важное положение: «В соответствии с общепризнанными международными нормами оказывать всемерную помощь в обустройстве возвращающихся на историческую Родину соотечественников, их потомков, ставших жертвами массовых политических репрессий, антигуманных насильственных мер и преследований, а также лиц казахской диаспоры, вынужденных бежать в Казахстан в силу их дискриминации, притеснения и изгнания из других государств».

*Опубликовано в газетах «Советы Казахстана»
и «Казахстанская правда» 22 декабря 1992 года.*

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР XX ВЕКА

XIX век. Век своеобразного ренессанса духовной культуры народов Российской империи. В соприкосновении с алмазом мысли и поэзии наших предков, Запада и Востока рожден гений Чокана, удививший цивилизованный мир своим чудо-талантом.

Какими критериями можно измерить величие и гармонию буйной музыки Курмангазы, пламенной, призывной, атакующей песни поэта-борца Махамбета. «Дикая» азиатская степь дала человечеству тогда великого гуманиста-просветителя Ибрая, чей педагогический дар можно сравнить разве что с Ушинским.

Могуче подпирал отчий шанырак казахской поэзии великий мудрец Абай. Степь стала нарядной и многокрасочной искусством поэтов-певцов Биржана и Ахан-серэ.

Трагический и печальный, величественный и стремительный XX век! Он выдвинул на авансцену отечественной истории казахского народа целую плеяду славных имен. В их ряду Шакарим и Магжан, Сакен и Беимбет, Алихан и Ахмет, Санжар и Мухамеджан Тынышбаев, Ильяс и Касым, Сабит и Габит, Джамбул и Дина, Алма и Куляш, Каныш и Малик. Именно они, дополняя друг друга, силу своего дарования посвятили поискам кратчайших и рациональных путей своего народа к прогрессу.

В одном ряду с гигантами мысли и духа Сунь-Ятсеном, Ганди, Чернышевским, Гаспринским стоят имена Алихана Букейханова и Ахмета Байтурсынова.

В советское время мы часто цитировали В. И. Ленина, который говорил, что «пролетариату нужна правда о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики...».

Да, ничего не скажешь, В. И. Ленин был верен себе и рассматривал все с высоты политики. Если несколько отступить от политики, то правда о деятелях истории, личностях ханов, биев нужна для формирования национального самосознания народа, поддержания чистоты его духа и помыслов, для нравственной закалки подрастающего поколения, для переосмысления отечественной истории, ее уроков. «Жаксының аты өлмейді, ғалымның хаты өлмейді», — гласит казахская пословица — «Не умирает имя нравственного человека, не умирает наследие ученого».

В чем состоит величие Ахмета Байтурсынова? Каков его вклад в цивилизацию тюркского мира и всего человечества?

Байтурсыноведение — молодая отрасль нашей отечественной историографии. Оно зародилось в 1919 году и утвердилось в начале 1923 года, когда о месте и роли в судьбе казахского народа А. Байтурсынова высказались С. Сейфуллин, М. Ауэзов, когда весь Казахстан отмечал 50-летие своего великого соотечественника.

С конца 1920-х годов до 1990 года имя А. Байтурсынова и имена его последователей находились под запретом. Мало этого, в политический оборот со злым умыслом было пущено Ф. И. Голощекиным понятие «байтурсыновщина», как синоним контрреволюционного национализма.

В вышедшей литературе после приобретения независимости исследователи преимущественно отмечают его заслуги в области просвещения, современного казахского языкознания, литературоведения, тюркологии, поэзии и перевода.

В трактовке личности А. Байтурсынова пока нет цельности, отсутствует обобщающий образ личности общенационального, общечеловеческого звучания.

Существующая трактовка личности А. Байтурсынова и его вклада в культуру казахского народа, тюркологию, в целом в теорию и практику освободительного движения объективно не способствует раскрытию новаторского характера личности, ее реформаторской сути.

Кто же тогда А. Байтурсынов?

Прежде всего, А. Байтурсынов — общепризнанный лидер алашского движения, главный его идеолог. Алашскому движению характерны черты:

- просветительство;
- антиколониализм;
- стремление к национальной самоидентификации;
- приверженность к защите буржуазно-демократических свобод;
- и на втором этапе — к автономизму.

Выходцы из феодальной и родоплеменной знати, а также торговой буржуазии, как самая образованная прослойка, по существу, продолжили дело Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, Абая в приобщении казахов к мировым культурным ценностям. «С целью сохранения нашей нации, — писал А. Байтурсынов в 1913 г., — мы должны бороться за просвещение и культуру. Мы должны развивать нашу собственную национальную литературу в Казахстане». На рубеже веков формировалось новое поколение российских интеллектуалов. Это был период роста самосознания всех народов Российской империи. Ликвидация крепостничества, введение земского самоуправления, переход монархической России, хотя медленно, мучительно, на рельсы конституционализма, рождение многопартийности, реформы П. А. Столыпина, распространение либеральной идеологии среди различных социальных групп, принимающих ценности рыночной экономики, медленное, но уверенное движение России по пути модернизации и европеизации, парламентской демократии — такова социально-экономическая, политическая среда, в которой воспитывалось новое поколение казахских реформаторов.

Признанным лидером демократического национально-либерального движения начала XX века справедливо считается Алихан Букейханов. Однако, подобно Исатаю и Махамбету, Алихан и Ахмет дополняли друг друга. Алихан был как бы больше политиком, а Ахмет — духовным наставником, учителем. Естественно, поэтому А. Байтурсынов на первых порах — как бы оставался в тени.

Упорно и настойчиво, бесшумно и скромно, без саморекламы шел он к своей цели, все больше и больше, раскрывая свои дарования, как ученый-энциклопедист, как просветитель-гуманист. Он себя искал в области теории и практики воспитания, филологии, литературе, политике, удивляя своим чистым, как родник, талантом, нравственностью своих поступков, чистотой своих помыслов, сначала окружающих, а потом интеллектуальный мир российского Востока. В годы соприкосновения с Алиханом на небосклоне национально-либерального движения Востока и зажглась, как восходящая звезда свободы первой величины, звезда Ахмета Байтурсынова. Отныне имена Алихана и Ахмета стали синонимом освободительного либерально-демократического движения Казахстана. Вот что писал оргкомитет в день 50-летия А. Байтурсынова: «Қазақ халық болғаннан бері өз бетінше еркімен дәуір сүрген кезі болмай, қонсы халықтарының қол астына кезекпен қарай қарай келіп, бастаған хандарының өзара келісе алмаған кесапатынан орысқа бағынып, үш жүз жылдай үзілместен келген Романовтар үкіметінің зұлым саясатының кесірінен жері мен салтынан, тілінен айырылуға айналып бара жатқанын адцымен сезіп, оянған Ақаң еді.

Орысқа жақындасып, Европа тәрбиесін алған қазақ оқығандары өз халқына қарамай, жан бағу дегенді жеңіл көріп, шен қуып, кеңсеге кіріп, күкіметке жағынып, «жақсы адам» атанып жүргенде, оқудан шығысымен қырдағы қалың қазақтың ішіне барып, бар білгенін қазақ балаларын үйретуге ынта қылып, қазақтың қара тіліне шыр кіргізбей сақтап, қайта түзей беруге қам қылған Ақаң еді.

Ақаң ұлт матбұғатының көзін ашпағанда, әлдеқашан ескі елдігімізден айрылып, қонсы кент ағайындардың біріне табынып, таңбадан айрылып кететін едік. Қазақтың дыбысына, сөзіне арнап әліппе шығарып, тіл һәм оқу құралдарын шығарып, қазақтың жалпақ тілін талайға үйреткен Ақаң еді».

Роль и место А. Байтурсынова в освободительном движении нашло отражение и в обвинительном акте коллегии ОГПУ.

Если Досмухамедов Джаханша «арестован как один из организаторов партии «Алаш», Досмухамедов Халел «арестован как член националистической партии «Алаш» и «алашордынского правительства», Жусупбек Аймауытов арестован как член партии «Алаш», то Ахмет Байтурсынов, как гласит документ Комитета государственной безопасности от 22 февраля 1990 г., «арестован как основатель партии «Алаш».

Между Алиханом и Ахметом существовало своеобразное разделение труда. Молодое движение неразрывно было связано с просветительством, духовным наследием Чокана, Ибрая, Абая.

Как лидер казахских просветителей XX века Ахмет стал общепризнанным духовным наставником мятежной демократической казахской интеллигенции, главным идеологом алашского движения. Неслучайно в статье «Ақаңның елу жылдық тойы» (юбилей) — М. Ауэзов назвал А. Байтұрсынова «оқыған азаматтың тұңғышы», «алғашқы шыққан көсемі», то есть первым вождем просвещенного общества. Выдающийся ученый-энциклопедист Алихан проявил себя прежде в роли политического лидера. Союз двух этих гигантов во многом определял зрелость алашского движения.

А. Букейханов, А. Батұрсынов, их единомышленники освоили достижение мировой общественной мысли. Они воспитывались на идеях «Декларации прав человека и гражданина» Французской революции.

Алашская интеллигенция, по существу являющаяся элитой нации, была неразрывно связана с традиционной культурой казахского общества, по праву катализатором духовного ренессанса. Она ревностно относилась ко всему национальному, была свободна от религиозного фанатизма, национальных, расовых и иных предрассудков. А. Букейханов был против любого проявления азиатчины, включая союз Казахстана с Туркестаном.

Казахская национальная интеллигенция шла к идеологии «Алаш» методом проб и ошибок. Долгие годы она разделяла идеалы конституционных демократов (кадетов). Однако защита ими монархических идей единой и неделимой России, переселенческой аграрной и русификаторской политики вынудила ядро «Алаш» действовать автономно. Защищая эволюционный путь развития Казахстана, в рамках в составе демократической России, А. Букейханов и его единомышленники обратили свои взоры на программные документы социалистических партий, провозгласивших права нации к самоопределению вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, то есть территориальной автономии. Этому способствовало и то, что А. Букейханов в начале своего пути переболел марксизмом. Многие алашовцы разделяли аграрную программу левых эсеров. Партия «Алаш» в проекте программы подчеркнула и о своей приверженности к программе меньшевиков по рабочему вопросу.

Таким образом, ядро «Алаш» продемонстрировало теоретическую зрелость, защищая интересы не классовые, а многострадальной нации, Отечества, стремясь создать единый общенациональный фронт борьбы с колониализмом. Национализм «Алаш» — это патриотизм националов, свободный от национального эгоизма, корысти и чванливого высокомерия. Не случайно в «Литературной энциклопедии» (М., 1929. Т. I) А. Байтұрсынов был назван народником-националистом.

А. Букейханов, А. Байтұрсынов и их единомышленники были новаторами, реформаторами нового поколения. Новаторство лидеров «Алаш» сказалось, прежде всего, в выборе пути. Будучи знатоками истории освободительного движения, его стратегии и тактики, они вслед за великими просветителями установили, что судьба Казахстана неразрывно связана с Россией. Программа движения была составлена с учетом колониального существа и

уровня духовного развития нации, геополитической особенности региона, демографической ситуации, перспектив развития освободительного движения в империи.

В статье «Киргизы» А. Букейханов подвел черту многолетним поискам выбора пути. Он писал: «Как все окраины, испытавшие на себе тяжесть обрусительной политики, киргизская народность настроена оппозиционно к правительству старого режима, тяготеет к русским оппозиционным партиям. В ближайшем будущем, в степи, вероятно, соорганизуются две политические партии, соответственно двум политическим направлениям, складывающимся в киргизской среде. Одно из них может быть названо национально-религиозным, и идеалом его является религиозное единение казахов с другими мусульманами. Другое, западническое направление, видит будущее киргизской степи в сознательном претворении западной культуры в самом широком смысле этого слова. Первое, вероятно, возьмет за образец мусульманские — татарские партии, а второе — оппозиционные русские, в частности, партию «Народной свободы».

Выбор пути был осуществлен в тот период, когда 35-миллионный мусульманский мир России, его элита увлекались созывом мусульманских съездов, созданием всевозможных партий национально-религиозного толка, повсеместно слышались голоса тюркофилов, поборников панисламизма.

Новаторство — реформаторство алашской интеллигенции проявилось в выработке доктрины освободительного движения, прежде всего, в разработке проблем территориально-национальной автономии. Проект программы партии «Алаш» определил форму государственной власти «Алаш-Орды»: республика во главе с Учредительным собранием, Президентом и Государственной Думой. В проекте были заложены принципы национальной политики, образования, военного строительства, финансовой системы. Можно смело сказать, что лидеры «Алаш» были сторонниками такого государственного устройства, которое вело бы к приобретению статуса, близкого к полной независимости. Позднее, в 1929 г. на допросе М. Дулатов в ответ на обвинение о национализме пояснил: «Мы хотим, чтобы наше Отечество принадлежало нам».

На наш взгляд, история «Алаш», «Алаш-Орды», ее традиции принадлежат не только нам — казахам, Казахстану.

В решении казахско-киргизского съезда (5-12.XII.1917) было записано: «Казахско-кыргызскую автономию именовать «Алаш». В состав Совета «Алаш-Орда» вошел деятель кыргызского народа Ж. Солтанаев.

С участием «Алаш» была создана «Кокандская автономия». В работе II Всеказахского съезда принимали участие представители татарского, башкирского освободительного движения. Огромное влияние на формирование и развитие личности Заки Валиди Тогана оказал А. Байтурсинов.

Алашское движение оказало влияние на весь тюркский мир. Не случайно в сентябре 1918 г. Турция предприняла попытку создания «Федерации восточных тюрков».

В составе «Алаш» воспитывались национальный лидер кыргызов Абдыкерим Сыдыков, друг А. Байтурсынова, впоследствии создатель кыргызского алфавита, просветитель Ишеналы Арабаев и многие другие. Проф. В. М. Плоских справедливо отмечает, что в Кыргызстане идеями «Алаш-Орды» «переболели» почти все молодые интеллигенты-коммунисты, позже откредитившиеся от своих ранних убеждений. Продолжая дальше, можно сказать, что до 1916 г. алашская элита была властелином дум по существу всей казахской интеллигенции, вышедшей из шинели «Оян, казах!» Отпочковывание их по партиям и разным сторонам баррикад происходило чуть позже. Проблема «Элита «Алаш» и ее влияние на формирование казахской национальной интеллигенции» ждет своего исследователя.

Алашское движение не было однородным по своим социальным корням, миропониманию российской действительности, политическим ориентациям. Оно состояло из правых, центристов и левых. Среди них были высокообразованные по европейским стандартам лидеры движения, опережавшие по своему уровню развития своих современников. В рядах освободительного движения в то же время находились и люди, связанные с феодально-патриархальным прошлым, деятели консервативного мышления. Среди них были сторонники так называемых «Туркестанского единства», «Федерации юго-восточных мусульманских областей» и т. д. Настало время более основательно изучить различные направления внутри «Алаш», их платформу, связи партии «Алаш» с внешним миром, в том числе с различными политическими течениями внутри самой России.

А. Байтурсынов среди лидеров «Алаш» был просвещенным демократом, гуманистом, европоцентристом.

Выход на мировую арену XX века интеллектуальной казахской и политической элиты связан с появлением движения и партии «Алаш». Идея национальной автономии во главе с национальным парламентом и президентом по своей сути была тождественна суверенной государственности в составе империи. Это было новое слово в политической энциклопедии начала XX века. Так в изменившихся исторических условиях продолжалась борьба народа за национальную независимость. В этом и состоит историческая заслуга политических реформаторов А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Тынышпаева, М. Дулатова, Б. Кулманова.

Исследователь Мухамет-Хадель Сулейменов справедливо отмечает, что «если из Польши, Украины, Прибалтики, Финляндии семена идей национально-освободительного движения распространялись на Запад и на Север, включая американский континент, то из Закавказья, Татарстана, Башкортостана, Казахстана и Средней Азии они распространялись на Юг и Восток... Поэтому одной из целей современных ученых-«байтурсыноведов» должно явиться адекватное отражение того факта, что он принадлежит к плеяде великих деятелей мирового национально-освободительного движения».

Реформаторство А. Байтурсынова проявилось в период создания им газеты «Казах». По мнению А. Байтурсынова, «газет — халықтың көзі, құлағы һәм

тілі», то есть «газета — глаза народа, его уши и язык». По его мнению, она должна служить народу, его интересам.

М. Ауэзов в 1923 г. в журнале «Шолпан» справедливо отмечал, что газета «Казах» с честью выполнила миссию пробуждения национального самосознания, консолидации патриотических сил народа.

В день 50-летия Ахмета Байтурсынова Мухтар вдохновенно писал: «Қазақтың еңкейген кәрі, еңбектеген жасына тугалімен ой түсіріп, өлім ұйқысынан оятып, жансыз денесіне қан жүгіртіп, күзгі таңның салқын желіндей ширықтырған, етек-жеңін жиғызған «Қазақ» газеті болатын. Ол газеттің жаны кім еді? Ішіндегі қажымайтын қайрат, кемімейтін екпін кімнің екпіні еді? Ол екпін, ұйқтаған қазақты айқайлап оятуға заман ерік бермеген соң, масса болып қалай ызындап оятамын деп, ұзақ бейнетті мойнына міндет қылып алған Ақаңның екпіні болатын. «Қазақ» газетінің сол заманынан бері қарай талай өмір өткен сияқты. Бұл уақыттың жылдай, саусақпен санағандай аз жыл болса да, болып өткен оқиғаларына қарағанда көп заманға жауап ұратын толқышды заманының бірі». М. О. Ауэзов, таким образом, отмечает, с одной стороны, общенациональный характер этого органа, особую роль газеты в воспитании национального самосознания и подчеркивает, что душой этого издания был неугомонный, энергичный, идееноситель Ахан. Период издания газеты М. О. Ауэзов назвал «эпохой газеты «Қазақ».

Ее заслуга состояла в том, что она порождала дух мятежности. Ахмет Байтурсынов открыто писал, что есть вещи похуже смерти. Это быть угнетенным и поработленным.

Как известно, широкое национально-либеральное движение до июня 1916 г. было единым. Об этом очень красочно писал в 1927 г. Г. Тогжанов в своей статье «Наши вчерашние и сегодняшние дни» (в журнале «Қызыл Қазақстан» № 5-7 от 15/IX 1927 г.): «До революции кроме националистического движения — других движений не было. До революции единственное политическое воспитание мы получили от наших националистов. Видели и знали только Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова и Миржакыпа Дулатова. Они были для нас примером. У нас была одна дорога — национализм, и с этим национализмом мы пришли к революции. Национализм не выдуман из головы Ахмета и Алихана, национализм был всеобщим желанием казахов, национализм был направлен против царизма и русской буржуазии. Как мы неоднократно прежде указывали, до революции казахский народ, включая баев и бедноту, выступал совместно против царизма... Отсюда интеллигент, вышедший из богатых, и интеллигент, вышедший из бедняков, — шли вместе. У всех был лозунг «за общие национальные интересы»... Этот национализм был полезен для всего казахского народа... Говорят, националисты отражали интересы баев. Мы считаем это неправильным. Они боролись за общие национальные интересы... Повели народ против царизма казахский бай и вышедшие из их среды интеллигенты... Не было бедняков, отколовшихся от этого движения с самостоятельным классовым требованием, и не было отделившихся от байских интеллигентов, вышедших из бедняков интеллигентов. Шли все вместе».

Алашская интеллигенция в 1916 г., по определению С. Асфендиярова, «лишь пыталась смягчить ужасы царской экзекуции». Огромную роль в разъяснении тактики национальной интеллигенции, направленной на спасение от физического истребления восставших повстанцев от царских карателей, сыграла газета «Казах», ее редактор А. Байтурсинов.

А. Байтурсинов был общепризнанным лидером духовной элиты нации. Он заслужил признание своих современников тем, что он раньше всех и лучше всех сформулировал социальные, духовно-нравственные цели освободительного движения, общенациональные идеи, раздвигающие исторические горизонты. Подобно имаму Шамилю, провозгласившему «Судьба — это деятельность», он показал поразительный пример служения нации. Он обосновал необходимость просвещения молодежи, прежде всего аульной, высоко поднял значение обучения на родном языке. Он писал, «что государству выгодно обучение на одном языке, одна вера, одни правила правописания, а каждому народу — своя вера, свой язык, своя письменность».

Ахан решительно выступал против миссионерской политики царизма, татаризации педагогического состава, консерватизма деятелей мусульманского духовенства. «Каким бы богатым не был непросвещенный народ, через годы он перейдет в руки другого народа-созидателя», — писал он. Ахан считал знание и науку близнецами. «Все фантастические открытия современного мира», — писал он, — результат науки». Ахан осуждал казахов, собирающихся по поводу и без повода, для времяпровождения. Он призывал организовать состязания талантов, установления богатыми грантов для писателей, врачей. Только так можно поднять нравственный дух нации, — считал он. Будучи первым наркомом просвещения Казахской Автономной республики, А. Байтурсинов с огромным воодушевлением претворял в жизнь эту свою мечту. Авторами первых учебников на родном языке стали А. Ермеков, С. Асфендияров, М. Жумабаев, К. Сатпаев, Ж. Аймауытов, Х. Досмухамбетов, Т. Шонанов, С. Сейфуллин, С. Муканов и многие другие деятели науки и культуры.

Заслуги А. Байтурсинова по поднятию национального духа, духа человечности, защита им национальных интересов были при жизни признаны всеми.

С. Сейфуллин назвал его защитником национальной чести, патриотом нации. Газета «Ак жол» 4 февраля 1923 г. отмечала, что М. О. Ауэзов особо подчеркивал, что А. Байтурсинов является глашатаем общенародных лозунгов (елшилдик ураны).

В период гражданского противостояния Ахмет Байтурсинов выдвинул идею общенационального примирения. 4 апреля 1919 г. Советское правительство объявило амнистию «Алашорде», состоялся переход алашевцев на платформу Советской власти, тем самым Ахмет Байтурсинов спас духовную интеллигенцию от физического истребления, как это произошло, например, с украинской Радой.

Величие Ахмета Байтурсинова — главного идеолога партии «Алаш» состояло в том, что он сумел организовать плавный переход алашской интел-

лигенции на платформу Советской власти и тем самым он спас духовный потенциал нации на целое десятилетие.

С осуществлением Октябрьского переворота в России и до начала 1990-х гг. страна пошла по последовательно развивающейся социально-революционной модели. В корне была изменена государственная организация, классовая структура, доминирующая идеология. В течение жизни всего только двух поколений было воочию доказано, как революционная государственная власть может превратить отсталую аграрную страну в мощную индустриальную и военную державу. Совпадение структурного общественного сдвига на основе классового восстания с беспрецедентным потоком национально-освободительного движения по всему периметру империи способствовало их взаимному усилению. С другой стороны, конгруэнтность в желании сменить правящую верхушку вовсе не означало единодушие в перспективах на свое будущее.

Чрезвычайно короткий период идеологического плюрализма первого двадцатилетия XX века в России со всей очевидностью показал, что колониальные народы, сохранившие сильное историческое сознание, уже готовы реализовать свой потенциал в самостоятельном развитии как нации — государстве. Краеугольной основой центробежных тенденций послужили доктринальные новации либерально-буржуазного толка, основанные на понятиях этнического, социально-культурного и религиозного тождества с вариантами как федеративного, так и унитарного устройства общества. Для казахстанской реальности того периода наиболее характерным являлось то, что молодая и просвещенная элита придерживалась разноректорных направлений в своих помыслах о будущем обустройстве. Вариативность идеологического расклада от основ исламского фундаментализма через влияние джадидизма к тюркскому национал-коммунизму вовсе не означала антагонистического противостояния политических сил по классовому признаку. В основу политических споров была заложена общая идея суверенитета на основе сохранения самобытных национальных ценностей. В лабиринте сложных и неоднозначных данностей той эпохи прокладывались разные маршруты, однако, конечной целью оставалась независимость.

С максимально реалистических позиций оценивали ситуацию представители «Алаш Орды». Определяя политику как борьбу за организацию человеческих возможностей, они исходили, прежде всего, из внутреннего потенциала населения края. Во внешнеполитическом же обрамлении дилеммы — оставаться ли в состоянии кочевнической цивилизации или избрать путь модернизации по западно-буржуазному образцу — они предпочли логику постепенного вхождения в мировое сообщество. В пользу того, что это был наиболее оптимальный вариант, говорит и тот факт, что в программные документы «Алаш», учитывая фактор многонациональности Казахстана, были заложены потенции развития в полиэтническом симбиозе. На фоне радикальных националистических движений того времени, охвативших всю Российскую империю, это было одно из самых прогрессивных веяний в содержании антиколониальной борьбы.

Революционной альтернативой из центра России выступил большевизм с воинствующими лозунгами коренной ломки как социального, так и физического окружения. Политика, которая пронизывает все институты общества, находится внутри и между всеми группами, стала расцениваться как средство достижения власти без каких-либо морально-нравственных критериев. В отличие от просвещенного казахского национализма, определявшего свою активность в понятиях «гражданского общества», коммунистическая идеология стала оперировать инструментарием перманентной и бескомпромиссной классовой борьбы. Естественно, что два данных политических течения — национально-либеральное и социально-радикальное — стали несовместимы, и, в конце концов, казахская национальная идея была, по существу, обезличена путем уничтожения ее носителей.

Как известно, в состав Казревкома по управлению Киркраем были включены как сторонники Советской власти, так и те, кто еще совсем недавно состоял в рядах алашского движения. Кандидатуру Ахмета Байтурсынова в состав Казревкома рекомендовал сам В. И. Ленин.

Находясь в составе Казревкома, А. Байтурсынов внес большой вклад в процесс ускоренного завершения гражданской войны в крае, склонения интеллигенции на сторону Советской власти. При этом он занимал принципиальную позицию по проблеме национального самоопределения, создания казахской государственности в составе советской России. Так, 27 октября 1919 г. Ахан предложил:

«1. Проявить самостоятельные действия Киргизского ревкома так, чтобы киргизы ясно видели, что Советская власть дала киргизскому народу действительное автономное самоуправление, а не фиктивное;

2. Объявить всем киргизам, в том числе тургайским и уральским группам алашордынцев, борющимся против Советской власти на стороне белых, амнистию на случай перехода их на сторону Советской власти;

3. Принять меры к тому, чтобы Советская власть на местах проявляла самые благоразумные действия, обеспечивающие доверие народа и тем самым способствовала переходу на сторону Советской власти тех, кто находится на стороне белых и относится к Советской власти с недоверием».

А. Байтурсынов приложил немало усилий по собиранию казахских земель в состав Казахстана.

Последовательность и упорство проявил А. Байтурсынов и в вопросе включения Кустанайского уезда в Киркрай. Обоснование этой проблемы было дано в мотивированном докладе В. И. Ленину за подписью М. Сералина и А. Байтурсынова.

В решении Кирревкома по этому вопросу было записано:

«Постановили: Принять мотивированный доклад т. Байтурсынова (в приложении).

Заслушав доклад о результатах переговоров представителей Кирвоенкома т. Байтурсынова и т. Сералина с Челябинским губревкомом по вопросу об оставлении Кустанайского уезда в составе Тургайской обл., признавая вполне

правильными все доводы и основания, приведенные представителями Кирвоенревкома в переговорах с челябинской властью, Кирвоенревком находит:

Зная, 1) что вся северная часть Киркрая, имея прекрасное орошение, ковыльные степи, заливные луга и пастбища, совмещает в себе все качества, выгодные для земледелия и для скотоводства, тогда как южная часть его, представляя собой территорию сыпучих песков и солонцовой глины, покрытая чахлой растительностью, не обеспечивает даже скотоводческого хозяйства, и что вследствие этого обе части являются неразрывно связанными между собой в экономическом отношении, т.е. как население, так и скотоводческое хозяйство южной части без хлеба и пастбищ северной части существовать не может, 2) что при такой особенности края и особенности быта и условий жизни его коренного киргизского населения, взаимные отношения которого основываются на обычном праве, отторжение какой-либо части края без взвешивания особенностей его только допустимо либо по недоразумению, либо при совершенном игнорировании интересов коренного киргизского населения, чего никакая власть, а тем более Советская власть, себе не позволит, 3) что, благодаря колониционной политике самодержавного правительства, заселение края происходило не естественным, а искусственным путем, с отводом на выбор переселенцам лучших участков земли, вследствие чего пришлые элементы населения оказались вкрапленными среди коренного населения, и землевладения их среди основной территории — островками, отчего изменение границ края нельзя произвести одним росчерком пера без ущерба коренного населения; 4) изменение границ центром без ведома местной власти, хорошо знающей особенности края, вызывает лишь всякого рода недоразумения, трения между властями на местах, отнимая без всякой пользы массу времени, энергии у местных работников при недостатке и без того интеллигентных сил в крае; 5) при отторжении от Киркрая самых культурных частей его, вроде Кустанайского уезда, или северных уездов Акмолинской обл. (Петропавловского, Омского, Кокчетавского), о чем ходатайствует Сибревком, никаких разговоров о Киргизской Республике быть не может, ибо на полупустынной территории не только процветание, но и существование невозможно. По всем сказанным соображениям Кирвоенревком постановил командировать т. Байтурсынова со всем материалом по данному вопросу и настоятельно ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК об отмене своего постановления от 27 августа 1919 г. в части, касающейся Кустанайского уезда, и о недопущении в дальнейшем никаких изменений границ в областях, подлежащих ведению Кирвоенревкома по декрету Совнаркома от 10 июля 1919 г., до созыва общекиргизского съезда, где представители киргизов и других народов, которые, как хорошо знающие край, сообразуясь со всеми особенностями его, более или менее правильно смогут определить границу Киргизской Республики».

В 23-24 примечаниях книги «Протоколы революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.)» дано следующее разъяснение по Кустанайскому вопросу:

«До Октябрьской революции Кустанайский уезд входил в состав Тургайской области, с центром в Оренбурге. В период гражданской войны связь с центром была нарушена. Ряд уездов постепенно попал в сферу экономического и политического влияния Челябинска, одного из крупных промышленных городов Южного Урала, имевшего сильную партийную организацию. 27 августа 1919 г. Президиум ВЦИК, исходя из создавшегося положения, в постановлении «О Сибирском ревкоме», предусмотрел создание Челябинского районного управления на правах губернского органа, а с сентября 1919 г. образовал Челябинскую губернию в составе Челябинского, Троицкого, Кустанайского, Курганского уездов (см.: Декреты Советской власти. М., 1973. Т. IV. С. 73-74; Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958. С. 182; Челябинская губерния в период военного коммунизма. Челябинск, 1960. С. 40, 46).

В телеграмме, посланной во ВЦИК, В. И. Ленину, заместителю заведующего казахским отделом Наркомнаца Х. И. Бекентаеву, Казревком на основании Временного положения от 10 июля 1919 г. просил оставить Кустанайский уезд Тургайской области в составе Казахстана, так как «он в бытовом и экономическом отношениях очень тесно связан не только с другими уездами Тургайской области, но и с Казалинским и Перовским уездами Сырдарьинской области, являясь летовочными местами киргизов Тургайского, Иргизского, Перовского и Казалинского уездов, бедных растительностью». 16 сентября в СНК был направлен доклад с политическими и экономическими обоснованиями ходатайства Казревкома. 9 октября ВЦИК сообщил Казревкому, что его протест рассмотрен Президиумом и передан на заключение административной комиссии. В конце ноября 1919 г. председатель Казревкома С. С. Пестковский выехал в Москву как член ВЦИК на VII Всероссийский съезд Советов. После съезда в ряду других вопросов предполагалось решить в центре вопрос о Кустанайском уезде. В декабре по личному указанию В. И. Ленина ВЦИК провел совещание по делам Башкирии, Татарии и Казахстана с участием их представителей, которое рекомендовало административной комиссии при ВЦИК при окончательном решении вопроса о границах Казахстана учитывать этнографические, экономические, бытовые, исторические и другие особенности национальностей.

Окончательно вопрос о Кустанайском уезде и ряде других районов, населенных казахами, но экономически и административно связанных с Сибирью, был решен на завершающем этапе образования казахской национальной государственности. Декретом ВЦИК и СНК о создании Казахской АССР от 26 августа 1920 г. Кустанайский уезд, в старых границах, был включен в состав Тургайской области КАССР.

Как справедливо отмечают авторы книги «Казахский революционный комитет» С. Зиманов, С. Даулетова, С. Исмагулов, некоторые члены Казревкома выражали недоверие к бывшим алашордынцам. В свою очередь выражали недоверие «к тем коммунистам, которые наиболее активно выступали за военный разгром сторонников белогвардейцев из Западного отделения

«Алаш Орды». Играли свою роль и не всегда проверенная информация, личные амбиции, эмоции и другие нездоровые явления. В. И. Ленин, ЦК РКП(б), Турккомиссия неоднократно обсуждали вопрос о положении в Казревкоме».

Непримиримым стал конфликт между членом РКП(б) с 1905 г. В. И. Лукашевым и А. Байтурсыновым. Сохранился документ, который характеризует, насколько были сложными взаимоотношения между В. Лукашевым и Ахметом Байтурсыновым. Вот текст этого необычного документа: «1919 года, октября 27 дня. Мы, нижеподписавшиеся, члены военревкома: Мендешев, Бегимбетов, Букейханов, Тунганчин, секретарь ревкома Каралдин и краевой киргизский военный комиссар Сидоров во главе с председателем ревкома Пестковским, составили настоящий протокол в нижеследующем: После окончания соединенного заседания Туркестанской комиссии, Реввоенсовета Туркфронта с Кирвоенревкомом около 4-х часов дня член ревкома Лукашев обратился к члену ревкома Байтурсынову с требованием взять обратно слова, сказанные по адресу Лукашева во время выше назначенного соединенного заседания о том, что «доставленные им, Лукашевым, сведения ложные». Когда же Байтурсынов ответил отказом и заявил, что он продолжает оставаться при мнении, что сведения ложны, то Лукашев схватился рукой за бывший при нем револьвер системы «Браунинг», намереваясь перевести его на огонь, и подойдя вплотную к Байтурсынову, повышенным тоном сказал: «Так я заставляю Вас взять слова обратно, у меня есть на это средство», и с этими словами стал вынимать из кармана пальто приготовленный к бою револьвер. Видя, что поведение Лукашева стало принимать в этот момент явно угрожающий характер, к Лукашеву тотчас же подошли члены ревкома Мендешев и военный комиссар Сидоров вместе с председателем ревкома Пестковским и схватили его за руки, стараясь удержать от выстрела, и тут же Сидоров вывел Лукашева в смежную комнату, где и обезоружил его. Но и после обезоружения Лукашев продолжал себя вести настолько угрожающе, что военный комиссар Сидоров счел необходимым вывести его на улицу, для чего обнял его и в такой позе их видели на улице садившиеся в автомобиль члены Туркестанской комиссии, которые впоследствии подтвердили это обстоятельство. Об изложенном Военревком Киргизского края, находя дальнейшее после описанного инцидента пребывание Лукашева в составе ревкома недопустимым, постановил составить настоящий протокол, и копию его препроводить Центральному Комитету партии коммунистов для наложения на Лукашева дисциплинарного взыскания и для привлечения к уголовной ответственности за покушение на убийство, а также копию сего протокола направить в Совет Народных Комиссаров, независимо от сего немедленно же сообщить о вышеизложенном в Центральный Комитет партии коммунистов по телеграфу».

Член Кирревкома, ВЦИК А. Байтурсынов 17 мая 1920 года написал обстоятельное письмо главе Советского правительства В. И. Ленину, где он изложил свое видение национальной проблемы. Автор письма выдвигает основополагающий тезис: «Национальный гнет не может не вызвать национальных чувств. Если у угнетенной нации против угнетающей не всегда развивается

чувство ненависти и злобы, то чувство недоверия бывает всегда». Ахан раскрывает причины непроизводительности работы Казревкома, «ими являются:

1) у представителя Центра, поставленного во главе правления Киркраем, не было определенного взгляда... насчет киргизского вопроса...

и

2) не было взаимного доверия между представителями Центра и населения».

А. Байтурсынов пишет В. И. Ленину, что русская нация веками воспитывалась в духе великодержавия, в духе господствующей нации и считала, что «психологию массы переделывать можно путем долголетнего воспитания».

Далее А. Байтурсынов в письме выдвигает конкретные предложения по решению проблемы национального самоопределения: «В виду изложенного представляется необходимость: 1) поставить во главе управления Киргизским краем Настоящих идейных коммунистов и испытанных честных идейных работников из киргизских интеллигентов, которым народ вполне доверяет, но никоим образом коммунистов по названию. Идейные настоящие коммунисты и идейные работники из киргизов, хотя бы последние были коммунистами, скорее могут найти общий язык для понимания друг друга и общие точки зрения на дела, чем поверхностные коммунисты как из киргизов, так и из других; 2) во всех органах власти, в ведении коих подлежат районы со смешанным населением, представителей угнетенной нации должно быть не менее 2/3; 3) управление хозяйственно-экономическими учреждениями Киркрая, независимо от централизации или децентрализации, должно находиться в руках киргизов без всякого раздробления и подчинения другим губерниям или областям под разными предлогами экономического тяготения; 4) вся политически культурная работа киргизских коммунистов и революционной интеллигенции должна основываться на началах советской социалистической хозяйственной политики; 5) создать военный округ, объединяющий Киргизию, с управлением в гор. Оренбурге; 6) гарнизоны в городах должны быть обязательно из киргизов; 7) в отношении границы Киркрая не должны допускаться никакие изменения. Кроме ниже указанных...».

Ахмет Байтурсынов, как видно из вышеизложенного, ставит вопрос о суверенитете республики в составе единого советского государства. Исходя из анализа десятилетнего опыта Советской власти на казахской земле, А. Байтурсынов вопрос ставит четко и резко. Он пишет: «Русскому пролетариату по отношению киргизов остается выбрать одно из двух: либо насильственно навязать свое господство и требовать беспрекословного подчинения, заняв положение повелителя и назначив повсюду вместо царских губернаторов и генерал-губернаторов диктаторов, либо завоевать доверие киргизского трудового населения».

Не менее концептуальным является документ, носящим название «Добавления к тезисам тов. В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросам». Он был подготовлен в Москве 14 июня 1920 г. Т. Рыскуловым и А. Байтурсыновым — заместителем Казревкома. Документ подписал также Файзулла Ходжаев — председатель Центрального бюро партии младобухарцев-

революционеров. Еще одним автором этого документа традиционно называют Ахмед Заки Валидова, в то время председателя Башкирского ревкома.

По некоторым данным, А. Батурсынов внес тезис: «Бокты сідікбенен жуып болмайды», то есть «нечистоту нельзя чистить нечистой». Далее в письме говорится, что «точно также нельзя освободить туземную бедноту от кабалы колонистов теми же колонистами или рукою местной власти, опирающейся на колонистов. Допускать возможность такого освобождения, — значит, допускать освобождение рабочею рукою капиталиста». Авторы считали, что «сознательные восточные коммунисты достойны быть равноправными членами, хотя бы пока (до мировой революции) Российской коммуны и достойны того, чтобы нам верили наши товарищи европейские коммунисты — наши учителя.

Вся эта трагедия может быть разрешена только при одном условии, если тем кукольным республикам (как выразился однажды секретарь ВЦИК Литвинов), которые созданы на востоке России, будут приданы более серьезный характер и значение, если трудящимся туземцам этих республик будет представлена возможность проявить свою инициативу в области партийной, хозяйственной и военной организаций... мы никого не можем убедить в необходимости окончательного отказа от помощи русских, особенно коммунистов, показавших нам как отрубить голову городовому, а потом русскому помещику и капиталисту. Нам нужна помощь, а не насилие...».

Авторы письма указали В. И. Ленину, «почему нет указания на давшее более сильное течение — панславянизм?»¹.

Так открыто, четко, бескомпромиссно писали авторы В. И. Ленину, излагая видение национальной программы большевиков.

Жизнь доказала, что программа партии большевиков, основанная на имперских традициях, была обречена на поражение.

А. Байтурсынов проявил себя теоретиком-мыслителем не только в области тюркологии, но и в области теории и практики государственного строительства, национального вопроса.

Ахмет Байтурсынов — выдающийся поэт, журналист и педагог. В «Литературной энциклопедии» 1929 г. емко написано: «Народник-националист, Байтурсынов является и первым выдающимся казахским ученым-лингвистом. Он — реформатор орфографии казахского языка, основоположник его грамматики и основатель теории литературы».

Выдающийся тюрколог академик А. Н. Кононов отмечал, что «А. Байтурсынов полностью сформировал казахский алфавит, заложил основы фонетики, морфологии, синтаксиса казахского языка, написал первые учебники, явился автором глубоких исследований в области казахской литературы и культуры в целом».

В период, когда имя Ахмета Байтурсынова было еще под запретом, академик Кононов называл Ахмета Байтурсынова великим реформатором в области тюркологии.

¹ Рыскулов Т. Собр. соч. В 3-х томах. Т. 3. А., 1998. С.184, 186.

В стихотворении «Моему народу» он сетовал, что

Дружно взяться ты за дело
Неспособен мой народ...
Уравниловку ты любишь,
К даровитым не терпим.
Самостоящих и толковых
Норовишь ты сбить с пути,
Любишь серых, безголовых,
Чтобы медленней идти.

Во всем Ахмет Байтурсынов был продолжателем абаевских традиций.

Значительная часть трудов Ахмета Байтурсынова посвящена раскрытию сути колониализма, форм и методов духовного закабаления народа.

Демократ-гуманист Ахмет выступил носителем духа человечности. К 80-летию юбилею Г. Н. Потанина Ахмет писал:

Славный сын Сибири,
старец наш Потанин,
Страстно Родину любить
мечтаю, как Потанин,
Гордо шествуют к нему
казах, калмык, татарин,
Так много Родины сынов
усыновил Потанин.

Мухтар Ауэзов, подводя итоги славно пройденного пути А. Байтурсынова, в день его пятидесятилетия писал, что он прошел с честью испытания, его имя по праву произносится с особым благоговением: «Ақаң ашқан қазақ мектебі, Ақаң түрлеген ана тілі, Ақаң салған әдібиеттегі елшілдік ұран — «Қырық мысал», «Маса», «Қазақ» газетінің жылдағы қан жылаған қазақ баласына істеген еңбегі, өнер-білім, саясат жолындағы қажымаған қайраты, біз ұмытсақ та, тарих ұмытпайтын істер болатын».

Здесь Мухтар Омарханович на весах истории ставит равноценные блоки заслуг Ахана — новаторство в области образования, реформаторство в области родного языка, провозглашение общенациональных идей в литературе, защиту интересов трудового народа, его титаническую работу в области искусства и науки, политики, то есть во всех сферах жизни.

А. Байтурсынов, по свидетельству его современников, был человеком чести, высоконравственным, преданным сыном Отечества. В самые тяжелые дни допроса в застенках ОГПУ он никогда не выдавал, никого не продавал, оставался самим собой. Мало этого, он сохранил жизнь своему идейному наследнику Мухтару Ауэзову, посоветовав выбрать тактику компромисса с Советами.

Он всю свою жизнь оставался верен девизу, им же провозглашенному, который гласит:

Суть человеческой природы,
Я человечности служу.
Меняю милость на невзгоды,
Так как свободой дорожу
Терпенья мне не занимать,
Мой дух свободен
и спокоен.
И пусть родная знает мать,
Что сын отца его достоин...

В том письме матери Ахан в 1907 г. писал:

Свой путь я выбрал
добровольно,
Однозначно навсегда.
И нет теперь дорог окольных
Смерть предпочтительней
стыда...
Пока героев сердце бьется —
И в силах за народ страдать.

Да, Ахан сознательно выбрал свою дорогу и до последнего мига своей жизни он знал, что был готов идти на эшафот за свой народ, за его свободу.

Таким был великий реформатор XX века, великан мысли и духа, духовный наставник науки Ахмет Байтурсынов.

*Опубликовано в газете «Столичное обозрение»
18 и 25 сентября, 2 октября 1998 года.*

СВЯТОЙ ХАН КЕНЕ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ильяс Есенберлин...

Это имя стоит в одном ряду с гигантами творческой мысли в казахской литературе и культуре. На вид не очень заметный, скромный, всегда вежливый в общении, Ильяс-ага был выдающимся сыном казахского народа, очевидцем тяжелейших испытаний и трагических переломов двадцатого столетия, донесшим правду о них до наших дней.

В чем же заключается притягательная сила творчества Ильяса-ага? В настоящее время с уверенностью могу сказать: в течение последнего столетия казахская литература неизмеримо выросла и возмужала и стала полноправным членом мирового литературного сообщества. Она, вне сомнения, находится в передовых рядах литературы народов всего Востока. В этом есть неоценимый творческий вклад Ильяса Есенберлина. Его проза и поэзия разносторонне развивались и вошли в библиотеку шедевров мировой литературы. Так что, если рассматривать с этой точки зрения его творчество, то одним из ярких ее представителей, бесспорно, был и остается Илекен.

Великий писатель в своих эпических произведениях всесторонне отобразил всю палитру жизненных красок кочевой цивилизации. До недавнего прошлого многие европейские ученые и писатели считали цивилизацию кочевников чуть ли не цивилизацией дикарей и варваров. Ознакомившись же с произведениями казахских писателей, в первую голову Ильяса-ага, многие из них пересмотрели свои взгляды, как бы воочию увидев крепкую органичную взаимосвязь оседлой и кочевой цивилизаций. Писатель сорвал ярлыки историков застойных лет, глубоко осмыслив пройденный кочевниками путь и осмыслив его по-новому, внес свой важный творческий вклад в жанр исторического романа, где до него безраздельно правили Ян и группа ему подобных писателей, над которыми Ильяс-ага поднялся на недостижимую высоту мастерства. После Илекена истории и деяниям кочевников посвятил свои произведения И. Калашников, но и он не смог приблизиться к уровню Есенберлина по эпической масштабности, художественному мастерству и глубине проникновения в суть исторических процессов. А писатели наподобие В. Чивилихина, руководствовавшиеся «принципами» великодержавного шовинизма, сегодня попали на необитаемый остров творческой несостоятельности.

После огромного успеха романа-эпопеи «Путь Абая» великого писателя М. Ауэзова мировая читательская аудитория, ознакомившись с эпическими

произведениями Илекена, смогла увидеть важную роль кочевой цивилизации в мировом историческом процессе, осознать, что идти вперед нужно Западу и Востоку сообща, вместе, глубоко исследуя и осознавая свою историю в неразрывном единстве. В свое время английский поэт Киплинг сказал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток. Не встретиться им никогда». Жизнь доказала ошибочность этого утверждения.

Я глубоко преклоняюсь перед гражданским мужеством великого писателя. Известный ученый-историк Е. Бекмаханов, занимавшийся исследованием национально-освободительной борьбы под предводительством хана Кене против царского самодержавия, что являлось тогда закрытой темой для историков, в начале 50-х годов был приговорен к 25 годам лишения свободы. Какое мужество и сердце надо иметь, чтобы не побояться вновь взяться за такую тему. За 300 лет нахождения в составе Российской империи против ее политики вспыхивало около 300 национально-освободительных движений, т. е., по существу, шла непрерывная война поработанного народа против империи, против ее колониальной политики. Особое место среди них занимает восстание под руководством хана Кене. Еще не так давно, в советский период, великодержавная политика России в исторической науке всячески замалчивалась, были свои руководители-цензоры в Москве и на местах, и в такое время Ильяс-ага взял на себя историческую ответственность, выступив против лживого, официозного освещения истории казахов. В этом смысле в среде творческой интеллигенции он проявил себя как настоящий хан Кене. Именно благодаря гражданскому мужеству писателя, спустя четверть века после его ухода из жизни мы воспитываем на его бессмертном творческом наследии молодое поколение. Илекен — писатель-патриот, глубоко любивший свой народ, борец. Он был воистину ханом Кене казахской литературы. В этом у меня нет никакого сомнения. Современная казахская литература имеет достойных продолжателей дела Ильяса-ага в лице талантливых мастеров исторических романов А. Кекилбаева, М. Магауина, С. Сматаева и др.

Илекен — писатель-художник, исследователь, ученый. Он много искал, трудился не щадя сил. Из жизни он ушел рано, по существу, сгорел в труде, но оставил свое имя в сердцах людей, в книгах, обреченных на бессмертие. Выдающиеся творческие достижения, беззаветное служение истине и скромная, прожитая без суеты и тщеславия жизнь обеспечили ему достойное место в плеяде святых имен казахской интеллигенции.

Ильяс-ага, Ваш святой дух дает жизненные силы и опору нашему народу. Казахская земля никогда не забудет Ильяса Есенберлина. Аминь!

*Опубликовано в книге
«Писатель. Личность. Человек».
Алматы, 1993. С. 10–12.*

Л. Н. ГУМИЛЕВ И ПРОБЛЕМА СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Оставленное потомкам фундаментальное наследие Льва Николаевича Гумилева пронизывает историческую перспективу человеческого бытия от глубин доисторических эпох, когда прошлое представляется смутно-мифическим наваждением, до повседневной конкретики дня сегодняшнего, оша-рашивающего порой неожиданными вывертами как в межличностных, так и в транснациональных взаимоотношениях. Недаром сам автор, наверное, наиболее самых популярных в последнее десятилетие книг сравнивал предмет своего исследования с тектоническими потрясениями планеты: «Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую деятельность, такую же стихийную, как этногенез».

Выстроенная Гумилевым концепция развития человечества не как эволюционного, а как специфически внутривидового, пульсирующего процесса в тигельном котле смешивания племен и рас дает возможность хоть в какой-то мере выстроить схему и дать объяснение в этом вавилонском столпотворении, каким является всемирная история. Однако это не холодный педантизм исследователя — прикладника, стремящегося все и вся разложить по полочкам и пронумеровать соответственно реестру. Главная его заслуга, на мой взгляд, состоит в синтезе накопленных человеческих идей о самом себе с планетарной картиной мира, физика которой еще до конца непонятна и вряд ли будет очевидной для окончательного уяснения. Более того, он привнес в сухую логику научного анализа ту неповторимую поэтику, унаследованную от своих великих родителей, которой так не хватало советской историографии, затурканной догматами идеологического иезуитства.

Взятый за основу почти мистический постулат о мутации космического происхождения, когда появляются жизнеспособные пассионарии, «герои», стремящиеся к некой высокой иллюзии и осуществляющие ее, явился тем краеугольным камнем, который заложил основу фундамента гумилевской школы этногенеза. Сам автор иронизировал по этому поводу, что никто из оппонентов не смог ни отвергнуть, ни хоть как-то противопоставить его теории контраргументы, действуя лишь запретительными методами.

Сложна для уяснения его теория и в наши дни. Объяснить это можно не тем, что она оторвана от реальности, а скорее столь многогранной широтой системы взглядов Гумилева, что обывденный человек просто не в состоянии целостно охватить всю совокупность закономерностей и явлений, которую сконцентрировал в себе этот ум. Подобно тому, как люди признают теорию относительности, мало разбираясь в деталях сохранения и расширения категории времени, загадка взаимосвязи этногенеза и биосферы Земли остается

достоянием узкого круга специалистов. Однако, как и всякая гениальная идея, теория этногенеза Гумилева ценна именно своими умозаключениями, которыми полны его собрания сочинений.

Прежде всего это относится к самому понятию этноса и к процессам, протекающим как внутри него, так и во взаимосвязи с внешним окружением. Введя в научный аппарат термин «этносфера», проведя неразрывную связь между человеческой популяцией и природным развитием, Льву Николаевичу удалось ближе всех подойти к таинству способа жизни народов — «то есть их взаимодействия с кормящей их природой и живыми традициями быта, нравов, воззрений, изменяющихся из века в век по строгой закономерности этногенетических процессов»¹. Он дополнил копилку знаний о происхождении и развитии народов, оперировавшую до сих пор лишь социальными категориями, функциональными значениями этнических определителей как части биосферы Земли. Наиболее ярко это проявилось в положении о рождении, возмужании и старении этноса (инкубационный период, пассионарный подъем, акматическая фаза, инерция и обскурация). Оказалось, что этнос, как и живые организмы, имеет свой возраст, ему отведено 1200—1500 лет.

Другим революционным шагом в отечественном народоведении является его наступление на постулат о монолитности нации как абсолютно консолидированной общности людей. То, что в любом обществе могут существовать помимо классовых и другие противоречия, являлось в то время более чем ересью. Выдвинутая Гумилевым дихотомия, суперэтнос — этнос — субэтнос, коренным образом пересматривала сложившиеся стереотипы в этнологии, в том числе и в святой святых — ленинской национальной политике, натренированной к катехизическому, а следовательно, упрощенному мышлению. То, что «именно сложность обеспечивает этносу устойчивость»² через столкновение интересов, борьбу противоречий и что в самом этом организме существует комплексная иерархическая система, переворачивало с головы на ноги все отечественное мировоззрение. Прямым же вызовом явилось его заявление о том, что если в обществе говорят о расцвете, то это является явным признаком застоя.

Чего греха таить, отечественная историография имеет давние конъюнктурные традиции. Со сменой режимов изменялась и система взглядов. Как сказал К. Маркс, если бы формула дважды два четыре затрагивала чьи-то интересы, она была бы немедленно оспорена. Положение советских историков усугублялось еще и тем, что идеалы ставились выше интересов, научная система подменялась линией горизонта, а научный поиск — бегом за миражами. Лев Николаевич Гумилев нашел свой путь правдивого повествования. Его заслуга состоит в том, что он попытался приблизить гуманитарное знание до физических и математических законов, сократить разрыв между науками естественными и «противоестественными». Гумилев своим

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 44.

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 106.

научным творчеством доказал то, что в свое время писал Василий Макарович Шукшин: «...человек — это ... нечаянная, прекрасная, мучительная попытка природы осознать самое себя». Основным местом действия этого захватывающего сюжета был избран евразийский субконтинент (Центральная и Передняя Азия, Сибирь, Восточная Европа), а временная вертикаль уходит далеко до рождения Христова. Главным же персонажем драматического летописания стали кочевники Великой Степи.

Отношения европейского востоковедения к степным цивилизациям наиболее ярко выразил О. Сулейменов: «Досталось от науки кочевникам. Рваные юрты, грязь и нищета XIX века произвели такое угнетающее впечатление на европейских ученых, что сама мысль о возможности древнейших культурных контактов степи и Европы казалась кошунственной»³. Следует отметить, что подобный стереотип восприятия имеет место и в наши дни, причем в самых причудливых формах, как-то о казахах, поголовно пасущих до сих пор только баранов (А. И. Солженицын).

Высокое достоинство Гумилева как творческого продолжателя авторитетной российской школы ориенталистики состоит в возрождении духа уважительности к прошлому близких и дальних родов, в признании не последней роли тюркских государств в формировании культуры и этногенеза русских. Он писал: «Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая и Ирана. Надо наконец сделать практический вывод из того бесспорного положения, что их история и культура развивались самостоятельно. Только так можно понять, как они жили, чувствовали, торжествовали и погибали. Истоки настоящего и даже будущего таятся в недрах прошлого, а ведь древние тюрки — предки многих народов Советского Союза»⁴. Основопологающим принципом своего исследования он взял разработку аспектов разворачивания этнических процессов как во всемирном, так и в локально-региональном масштабе. Он ввел в научный оборот такие категориально-понятийные структуры, принципы и методы изучения проблемы, которые позволили из конкретно-исторической демонстрации вывести эвристические возможности объяснения закономерностей этнического процесса в целом и во взаимосвязи с внешним окружением. Из узко специализированной направленности отдельных наук (география, археология, лингвистика, криминалистика и др.) он сумел синтезировать предмет народоведения в обобщающее историческое знание. «Этнология ставит иные задачи. Она опирается не на тексты, а на факты и на их системные связи, при строгом соблюдении заданного уровня эмпирическое обобщение возможно и плодотворно, потому что, сопоставляя системные целостности с учетом фаз этногенеза (возрастов), мы получили целостное представление о тысячелетнем периоде этнической истории евразийского континента»⁵.

³ Сулейменов О.О. Азия. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. С. 200.

⁴ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 246.

⁵ Там же. С. 86.

В противовес евроцентристам (А. Тойнби, О. Шпенглер и др.), которые утверждали, что кочевники были «рабами степи», «вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла», что они «утратили связь с миром», что, несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории»⁶, Л. Н. Гумилев в своих исследованиях однозначно пришел к выводу о существовании кочевой цивилизации народов Евразии, которая за 3000 лет прошла творческую эволюцию⁷.

Интерес к тюркам был обусловлен тем, что, оказавшись на пересечении четырех сторон света, в Средней Азии, они сыграли роль медиатора, посредника между Византией, Персией и Индией, Китаем, т. е. Востоком и Западом. И вместе с тем они сумели сохранить свой неповторимый жизненный уклад и непохожесть кочевой культуры, на равных соперничающей с европейским и восточным образом жизни. Высокая жизнеспособность, персистентность общества, выразившаяся в сложных формах общественного устройства и социальных институтах тюрков (эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, наконец, жизненная философия в целом) явилась той основой, на которой выстроилась гумилевская теория пассионарности.

Для того чтобы понять и определить место кочевников в мировой истории, им была прежде всего осмыслена проблема разделения между скотоводами-кочевниками и земледельцами. Взяв за точку отсчета вторую половину 1-го тысячелетия до н. э. (племенной союз сяньби и Китай), развив систему своих взглядов на примере Великого Тюркского каганата и поведая о горьких уроках распада уже в нашу эру, Гумилев, преодолевая трудности историко-ведческого и фактологического характера, противопоставил фрагментарной и зачастую путаной историографии целостность анализа и синтеза.

В отличие от Европы, где разделение труда между скотоводами-кочевниками и земледельцами происходило внутри этнических групп, в Азии они имели межэтнический характер. Это явилось своеобразным контрастным закачиванием, что позволило Гумилеву, проследив трехуровневый характер контрактов (не всегда мирных и взаимоуживчивых), выработать кодекс закономерностей этногенеза.

Евразийский суперэтнос, представляющий собой сложную, но неделимую структуру, за исторически обозримый период трижды объединялся: Тюркский каганат, Монгольский улус и Российская империя, позже Советский Союз. Гумилев доказал, что для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Однако всегда, когда нарушался принцип первичности прав каждого народа на определенный образ жизни, осуществлялась попытка подвести народы под единую модель развития, союзы неминуемо распадались и субконтинент впадал в бездну смутного времени.

⁶ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 186.

⁷ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. В 3 т. Л., 1979. Т. 2. С. 5.

Сегодня, в период постимперских преобразований, научное и практическое значение наследия Льва Николаевича Гумилева во многом помогло бы избежать ошибок.

Л. Н. Гумилев в своих работах доказывал, что кочевники внесли свой вклад в развитие всемирной цивилизации. Он писал: «Нереально думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие вещи, которые ныне вошли в обиход человека как нечто само по себе подразумевающееся. Первое усовершенствование одежды — штаны — сделано еще в глубокой древности. Стремя появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках заменилась сначала коляской, а потом вьюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая прямой меч, и длинный составной лук, метавший стрелы на расстоянии до 700 метров. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным видом жилища»⁸.

Евразийство Л. Н. Гумилева, по-другому это Степная цивилизация, простирающаяся от Алтая до Дуная. Прав был А. П. Окладников, когда писал: «Древняя тюркская Сибирь оказалась теснее связана с западом, чем с востоком. Ее культура много богаче и ярче, чем можно было полагать ранее».

Дж. Неру, говоря о народах Азии — арийцах, скифах, гуннах, арабах, монголах, тюрках, — отмечал, что «в течение длительных периодов, на протяжении значительных отрезков времени доминировала Азия. Ее народы, наступая волна за волной, завоевали Европу. Они опустошали Европу — они цивилизовали Европу»⁹.

Азия дала великих вождей, в том числе основателей главных религий. По мнению Л. Н. Гумилева, тюркско-монгольская религия была законченной концепцией мировоззрения, восходящей к глубокой древности и отточенной не менее, чем буддизм или ислам, зороастризм и манихейство, христианство. «Тенгризм был отработанным мировоззрением с онтологией, космологией, этикой и демонологией»¹⁰. Как всякая религия, тенгризм обслуживал социальные цели. Венисейских рунах есть следующие строки, которые очень ярко иллюстрируют сказанное нами:

Сверху там Тенгри тюрк...
Тенгри, подняв выше своей головы,
Возвысило тюрк.
Чтобы имя и слава тюркского народа
Не были забыты,
Тенгри возвысило моего дялю-кагана.
Мою мать-хатун.
Тенгри даровал нам трон,
Сделал единым государство,

⁸ Гумилев Л.Н. Тысячелетия вокруг Каспия. М., 1993. С. 86.

⁹ Неру Дж. Взгляды на всемирную историю. М., 1977. Т. I. С. 40-41.

¹⁰ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 279.

Чтобы не пропали имя и слава,
Говоря «пусть живет в памяти»,
Посадили на трон.
Да!¹¹

Ч. Ч. Валиханов раскрыл устойчивость и пластичность тенгрианства, органически слившегося с исламом.

Одним из существенных признаков цивилизации является письменность. Великий тюрколог Лев Николаевич Гумилев пишет в своих книгах о хуннах: «В 245–250 годах китайский посол Кан тай совершил поездку в Фунан (сов. Кампучия) и записал в своих воспоминаниях: «...у них, у кампучийцев, есть книги, они хранят их в хранилищах архивов. Их письменность похожа на письменность хуннов...». Если у хуннов не было письменности, то с чем бы сравнивал китайский посол Кан тай фунанскую письменность?».

Кочевники, которых А. Тойнби относит к народам без истории, дали миру трансконтинентальную магистраль — Великий Шелковый путь, синтезировали культуру Степь — Город. Степная цивилизация создала богатейшее искусство звериного стиля, древнейший центр металлургии. Она дала миру систему государственного управления на громадной территории империи. Она прошла апробацию в Тюркском каганате, в государстве кипчаков, Монгольском улусе, Казахском ханстве.

Степная цивилизация дала миру, как свидетельствовал с гордостью и восхищением Ч. Ч. Валиханов, архитектуру погребальных сооружений, выдающиеся памятники с руническими надписями, богатейший эпос, не уступающий творениям Гомера¹².

Казахский этнос дал миру систему сохранения генофонда нации, испытания молодого поколения. Сфера духовной жизни казахов, по определению Ч. Ч. Валиханова, в совокупности составляет «нечто целое», имеет общеисторическое значение.

Л. Н. Гумилев — личность планетарного мышления. Больше всего он боялся, что будет использован как модный автор в перестроечное время. Этот «человек благоволения», как его называл академик Александр Панченко, то есть благожелательная и обнадеживающая личность, выработал свой принцип жизни в 1939 г., находясь в Крестах. «Там, — писал он, — раздумья о научных проблемах предпочтительнее мыслей о личных обстоятельствах»¹³. Этот модус вивенди он пронес через всю жизнь.

Опубликовано в книге «Идеи и реальность евразийства: Материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как самокультурного и социополитического феномена», 11 декабря 1998 г., г. Астана. Алматы, 1999. С. 100–106.

¹¹ Стеблева И. В. Поэзия тюрков. С. 135.

¹² Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 193–194.

¹³ Гумилев Л. Н. Мы живем в большой коммунальной квартире // Неделя. 1991. № 6. С. 10.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Не ослабевает интерес читателей к историческому прошлому нашего народа, нашей страны, республики. Они хотят знать о многих невосполненных страницах, так называемых «белых пятнах» истории, о закономерностях политического, социально-экономического и духовного развития общества, позитивных тенденциях, происходящих в различных областях жизни многонационального Казахстана, о причинах неудач на тех или иных этапах демократических преобразований и многом, многом другом. По этим проблемам главный редактор журнала, кандидат исторических наук Г. М. ШЕСТАКОВ беседует с академиком АН Республики Казахстан, директором Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова Манашем Кабашевичем КОЗЫБАЕВЫМ.

— Манаш Кабашевич! В последнее время мы все больше и больше слышим упреки в адрес исторической науки, что она вроде бы не в полной мере отражает общественно-политические процессы, топчется на месте, не удовлетворяет потребности людей в познаниях исторической правды. Насколько объективны эти претензии?

— Было бы неверным отвергать огульно все, что сделано исторической наукой республики. Благодаря открытиям археологов и историков существенно, хотя и не до конца раскрыты, роль и место казахского народа в мировой цивилизации, позитивные изменения произошли в решении проблемы взаимодействия и взаимовлияния кочевой и оседлой цивилизаций, продвинулось вперед изучение истории формирования казахского этноса, процесса развития национальной государственности в средневековье и новое время, расширились представления о взаимоотношениях казахов со странами Востока и Россией. Нарбатываются новые подходы к раскрытию «белых пятен» в истории республики. Народу возвращены имена славных батыров прошлого, героев национально-освободительного движения. Сотрудники института выступили на страницах периодической печати с рядом концептуальных статей о завоевательной политике царизма в Казахстане, формировании этнической территории и территориальной целостности республики, об исторической роли Ермака, с политическими портретами Сталина, Голощекина, Брежнева, Хрущева, по вопросам национальной политики.

— И тем не менее нужно признать, что историческая наука переживает кризис?

— Да, пожалуй, так. Осознание его масштабов неизбежно подводит к мысли о бесперспективности частичного, «косметического» пересмотра отдельных элементов этой науки по периодам или проблемам. Становится все более очевидным, что требуется коренная трансформация методологии исследований. Значит, необходим новый подход, переосмысливание не отдельных вопросов, а всего исторического процесса развития Казахстана.

— Видимо, в основу стратегической линии исследований должен быть положен объективный анализ ключевых проблем истории республики при более глубоком и всестороннем освоении новых источниковых пластов, их осмысление с современных научных позиций?

— Вы правы. Стратегия, как известно, — направление решающего удара с целью взятия крепости. Крепость наша — воссоздание во всем величии и трагедии истории многострадального казахского народа, его отношения с народами близких и дальних регионов. Можно ли сказать, что подлинная история казахского народа воссоздана? Я бы воздержался от положительного ответа. Слишком много проблем досталось нам в наследство от прошлого. Это этногенез казахского народа, развитие кочевой, полукочевой и оседлой цивилизации, формирование его этнико-территориальной общности, защита ее на протяжении веков от внешних врагов, история возникновения и развития казахской государственности, отношения с империей Кира, Македонского, Чингис-хана, а также с такими великими соседями, как Китай и Россия.

— Какое влияние на характер и уровень разработки проблем дореволюционной истории народов нашей страны оказали застойные времена? Ведь тогда в силе были догматизм, стереотипы в оценке тех или иных явлений и событий...

— Прокатившаяся в те годы волна юбилейных празднеств, посвященных «добровольным присоединениям» и «вхождениям», создала атмосферу, не способствовавшую объективному и деловому изучению прошлого разных народов. В числе неактуальных и в некотором смысле запрещенных тем оказалась проблематика национально-освободительных движений. В литературе и периодике появился ряд несостоятельных высказываний и оценок по многим актуальным вопросам истории Кавказа, Казахстана и Средней Азии. В первую очередь это относится к истории развития взаимоотношений России с народами и государствами этих регионов, к оценке социальной сущности, политических предпосылок и идейных истоков целой категории освободительных движений.

— Манаш Кабашевич! В исторической науке бытовало утверждение о наличии в Казахстане перед Октябрем различных движений, в частности, рабочего — за социализм, аграрного — за землю, национально-освободительного — за независимость, объединенных большевиками в единый поток пролетарского движения. Между тем восстание 1916 года в Казахстане, выдвинувшее общенациональные лозунги, развивалось под эгидой общедемократического движения, и лидером его была революционная интеллигенция. Как бы вы оценили эти факты?

— Думается, что прежде историки грешили с истиной. Преувеличение степени зрелости рабочего движения в Казахстане, социал-демократии вообще и большевизма в особенности вело к отрицанию революционного потенциала национальной интеллигенции, не допускало даже мысли об альтернативных вариантах исторического развития. Ученые Казахстана пришли к выводу, что в начале XX века впервые зазвучал в национальном движении голос демократической, буржуазно-демократической, оппозиционной к царизму казахской интеллигенции. К началу века в ее рядах выделилось ядро из числа

выпускников высших учебных заведений и училищ Петербурга, Москвы, Варшавы, Казани, Воронежа, Оренбурга, Омска.

— **Какие бы вы выделили особенности в формировании казахской национальной демократической интеллигенции?**

— Во-первых, в ее рядах не было деловой «прослойки» — директоров, управляющих банками, юрисконсультов акционерных обществ, членов правлений трестов и синдикатов, интеллигенция была не связана с миром промышленников и финансистов, она стояла на стыке двух культур — восточной и западной (особенно русской).

Воспитанная на просветительстве Чокана, Абая, Ибрая, демократических идеях передовой русской культуры, демократическая и буржуазно-демократическая казахская интеллигенция вступила в освободительное движение под национальным знаменем освобождения своего народа от угнетения и унижения, от произвола колониальной администрации, за право на свободу вероисповедания, равноправия родного языка. Она ратовала за освоение всего цивилизованного, что было у других народов, за оседлость и просвещение, модернизацию местной системы управления, особенно судебной. Таким образом, на этапе буржуазно-демократической революции в России интеллигенция «царской окраины» отражала интересы широких народных масс, составляла по сути общедемократическую оппозицию.

— **Манаш Кабашевич, читателям журнала небезынтересно знать о ваших планах по освещению истории советского периода. Ведь здесь неисследованных проблем еще больше.**

— «Задолженность» перед обществом по советскому периоду, действительно, большая. Нам предстоит заново осмыслить такие сложные темы, как классы и партии в период революции, роль непролетарских партий в первые годы Советской власти. Пора, вероятно, отказаться от идеализации ленинского учения о некапиталистическом пути ранее отсталых народов к социализму, с новых позиций подойти к изучению и раскрытию процесса социалистического строительства в переходный период, к проблеме межнациональных отношений в этот период, освещение которых идеализировалось и не отвечало правде.

Обширные «белые пятна» имеются в изучении истории крестьянства и сельского хозяйства. Следует, видимо, сказать веское слово о правомерности таких акций, как решения о конфискации собственности баев-полуфеодалов, о раскулачивании, принудительном переводе казахских кочевых хозяйств на оседлость. Совместно с сибиряками готовим симпозиум по проблемам освоения целинных земель на Востоке. По-новому предстоит осмыслить и период индустриального развития республики, формирования национальных кадров рабочего класса.

Далеко не полностью раскрыт, на мой взгляд, и научный потенциал в области культурологии. В научных публикациях преувеличивались достижения культурного строительства, желаемое выдавалось за действительное. Превалировал отраслевой подход к проблемам, из поля зрения выпали вопросы нравственности, общечеловеческих ценностей, эстетической культуры, характеристика социально-культурного облика интеллигенции, рабочих, крестьян, молодежи.

Немало имеется пробелов в трактовке фактов по вовлечению трудящихся в защиту социалистического Отечества, союза рабочего класса с крестьянством. Казахстан — многонациональная республика. Однако все еще нет глубоких исследований по истории немцев, корейцев, дунган, курдов и других народов, населяющих республику.

— **Словом, предстоит большая работа. Сумеет ли ваш коллектив справиться с теми планами научно-исследовательских работ, которые вы наметили?**

— Мы будем стараться делать все возможное, чтобы восполнить «белые пятна», исследовать неисследованное. По освоению «белых пятен» у нас создана цельная программа действий. В их числе освоение наследия прошлого. Мы издаем труды А. Левшина «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей», М. Вяткина «Сырым Датов», сборники трудов Е. Бекмаханова, С. Асфендиярова и др. Первый выпуск книги «История Казахстана: «белые пятна» уже вышел в издательстве «Казахстан». В производстве находятся сборники документов — протоколы Кирревкома, материалы по восстанию Исатая Тайманова, по голоду 1931–1933 годов. Форсированно готовим рукописи двухтомного историко-этнографического очерка «Казахи». Намереваемся завершить в этом году учебное пособие для вузов «История Казахстана» в 2-х книгах.

— **Вероятно, сейчас у коллектива института трудностей немало?**

— Их, действительно, много. Долгие годы специалисты готовились преимущественно по советскому периоду. По некоторым проблемам институт вообще не имеет высококвалифицированных специалистов. Считанные историки работают по этногенезу, государственному строительству, исламу, истории ханства, внешней политике, национально-освободительному движению. Серьезно отстала источниковая база исследований. Очень мало сотрудников, способных написать труды на казахском языке. Историческая наука как часть культуры многие годы субсидировалась по остаточному принципу, жила на «голодном пайке». И до сих пор техническое оснащение ее почти такое же, как и сто лет назад. В условиях перехода к рынку наиболее незащищенными оказались ученые, особенно молодые.

— **Это вы уже почувствовали? А насколько ваш коллектив готов к работе в новых условиях? Что вами предпринято или предпринимается, чтобы в какой-то степени смягчить влияние рынка, приспособиться к работе в условиях рыночных отношений?**

— В связи с ориентацией общества на рыночные отношения институт переходит к контрактной системе. В условиях рынка, видимо, будут созданы различные фонды, будет развиваться спонсорное движение. Это, несомненно, даст ученым возможность выполнять социальный заказ общества. У нас уже появились творческие группы по написанию очерков истории советских немцев, корейцев, сибирских казахов и т. д. По заказу Верховного Совета республики группа ученых приступила к созданию сборника законодательных актов Российской империи по Казахстану, а также решений советской власти по территориальным вопросам. Вместе с тем считаю необходимым особо отметить, что мы не свернем от нашей программы, направленной на

создание фундаментальной многотомной истории Казахстана, основанной на принципах историзма, научной объективности, законах диалектики.

Переход к рынку ставит институт в исключительно сложное положение. Дефицит бумаги, малые тиражи изданий, высокая их стоимость вынуждают сократить выпуск трудов. Фиксированная зарплата, к тому же очень невысокая в условиях галопирующей инфляции, ставит ученых в трудное материальное положение. Существующее законодательство не гарантирует их социальную защищенность.

Институт, конечно, ведет поиск форм вхождения в рыночную экономику. Заключен ряд хоздоговоров на выпуск исторических очерков предприятий, районов, областей, учреждены два малых предприятия — «Манур» и «Бала-сагун».

— Есть ли стыковка ваших исследовательских программ с научными работками зарубежных стран? Думается, что это весьма полезно, в особенности для подготовки кадров.

— За последние годы развитие международных связей значительно расширилось, в частности с учеными США, Франции, Монголии, Китая, Турции, Республики Корея и КНДР. Институт перешел к совместным исследованиям, участвует в реализации международных программ, обменивается научными сотрудниками, готовит научные кадры для зарубежья. С 1990 г. действуют на договорной основе безвалютные казахско-американская и казахско-французская программы. С АН МНР подписан протокол об участии антропологов и этнографов в казахско-монгольской экспедиции на территории МНР. Институт активно участвует в реализации международной программы ЮНЕСКО «Великий шелковый путь — путь диалога». В нашей аспирантуре обучается аспирант из МНР, в спецсовете защитил кандидатскую диссертацию преподаватель Анкарского университета М. Оразбай.

— Сохраняется ли в вашем институте преемственность поколений ученых? Есть ли в этом проблемы? Как проявляет себя на научной стезе молодежь?

— Старшее поколение историков в институте сохранилось. После 65 лет доктора наук — руководители отделов переводятся в категорию главных научных сотрудников. Создан институт докторантуры. Около 40 молодых специалистов учатся в аспирантуре. Резко изменилась тематика исследований. Ныне большая группа молодежи изучает проблемы дореволюционного Казахстана, историю просветительства, национальной интеллигенции, национального движения, миссионерской политики царизма. По советскому периоду аспиранты выбрали в качестве объекта исследования историю голода, силовой коллективизации, темы по историографии, демографии, источниковедению. К примеру, аспирант С. Мажитов завершает весьма интересную работу «Мировоззрение историка Е. Бекмаханова», аспирант С. Кожкенов изучает материалы научных дискуссий 20-х годов. Аспирантка Г. Кожакеева впервые в стране исследует демографические процессы в годы Великой Отечественной войны.

В институте издаются сборники научных трудов молодых исследователей, регулярно проводятся научные конференции, дискуссии.

— **Какие проблемы вы выносите, если так можно выразиться, на коллективное обсуждение?**

— Самые актуальные. И при этом чаще всего проводим акции совместно с другими научными центрами. Так, состоялась всесоюзная дискуссия по истории национальных движений в составе империи, силовой коллективизации, конференция по актуальным проблемам: «Советские немцы. История и современность» и вопросам территориальной целостности Казахстана. Совместно с Целиноградским пединститутом проведена всесоюзная конференция «Демографические процессы в Казахстане, Сибири, Урале и Средней Азии», в Гурьеве состоялась межрегиональная конференция «Основные проблемы истории Западного Казахстана». Традиционными стали Валихановские, Сейфуллинские, Маргулановские, Сатпаевские чтения.

Воскрешению исторической памяти народа, росту его национального самосознания способствовало участие института в организации и проведении научных конференций и юбилейных торжеств, посвященных выдающимся казахским деятелям и национальным героям Аблау, Богембау, Кабанбау, Исатаю Тайманову.

Дискуссии, конференции, симпозиумы вносят определенный вклад в разработку актуальных проблем истории Казахстана в свете нового мышления, в критическую оценку догматических подходов к историческим процессам.

— **И, видимо, многие научные обобщения, исследования вы как-то стараетесь довести до широкой общественности? Какие из наиболее крупных монографий были опубликованы за последнее время?**

— Среди таких работ следует назвать исследования Ж. Б. Абылхожина «Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации. 20—30-е годы», М. Х. Асылбекова и А. Б. Галиева «Социально-демографические процессы в Казахстане в 1917—1980 гг.», «Историческая наука Советского Казахстана (1917—1960-е годы)», С. М. Ахинжанова «Кипчаки в истории средневекового Казахстана», О. И. Исмагулова и К. Сихимбаевой «Этническая одонтология Казахстана» и некоторые другие.

— **И тем не менее, Манаш Кабашевич, наверное, у вас еще нет полной удовлетворенности работой вашего коллектива? Очевидно, он не исчерпал свои возможности по более углубленному, многоплановому исследованию исторических проблем?**

— Да, в целом мы сознаем, что необходимо дальнейшее совершенствование деятельности института, повышение качества научных исследований и эффективности их практического использования. Этому должно способствовать глубокое переосмысление общей концепции исторического развития Казахстана на базе основных принципов научной методологии.

*Опубликовано в журнале «Мысль».
Алматы, 1992. № 2. С. 21-25.*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Историография исторической демографии Казахстана имеет свою давнюю традицию и уходит своими корнями в далекое дореволюционное время. Серьезное внимание уделялось проблемам демографии в Казахстане в 20-е годы. Новый импульс к изучению исторической демографии в нашей стране дала перестройка, новое мышление. В ряде опубликованных работ освещена историография проблемы. В республике ныне складывается школа историков-демографов, труды ученых республики вошли в научный оборот зарубежной историографии. Имена и труды Н. В. Алексеенко, Н. Е. Бекмахановой, А. Б. Галиева, Ф. Н. Базановой, М. Б. Татимова и др. широко известны за пределами республики. Заметные сдвиги произошли в освоении проблем «белых пятен». Демографы и историки Казахстана выступали со статьей «Казахстанская трагедия» о демографической трагедии, пережитой народом в результате насильственной коллективизации, голода 1932–1933 гг., о демографических последствиях безусловной унификации социально-этнических процессов в период социалистических пятилеток, подъема целинных земель и особенно застоя. Появились первые публикации о силовой миграции, в результате которой народ, давший название республике, оказался в меньшинстве. Ученые-демографы принимают участие в подготовке законов по вопросам демографической политики, формируют общественное мнение. Одним из крупных центров республики, где идет процесс формирования школы демографов, стал г. Акмолинск. Во главе ее видный историк-исследователь, организатор науки демографии, профессор Н. В. Алексеенко.

Вместе с тем было бы ошибочным с нашей стороны преувеличивать успехи казахстанских демографов. В республике не сложилась постоянно действующая стройная система демографической службы. Не развита координация усилий демографов для решения целевых республиканских и межреспубликанских программ. Мы все еще не преодолели тяжелое наследие прошлого — боязнь демографической науки начала XX в. Ни одно высшее учебное заведение республики не готовит специалистов по демографии.

Между тем задачи создания обновленного Союза, суверенизации республик, перехода к рыночным отношениям, к правовому государству настоятельно требуют от ученых как можно быстрее определить место исторической демографии в системе знаний о народонаселении и в системе исторических наук. Настала пора перейти от описательной демографии к собственно ее предмету. Как известно, основным тезисом социалистического закона

населения был тезис о полной и рациональной занятости трудоспособного населения, т. е., попросту говоря, об отсутствии при социализме безработицы. На демографию механически переносилась марксистская социологическая концепция формационного развития, приоритета классовых интересов перед национальными и общечеловеческими. Все это деформировало демографическую науку в СССР, наши зарубежные коллеги теряли научный интерес к трудам советских ученых. Поэтому главная задача советских ученых — отказаться от прежних идеологических стереотипов и войти в мировое сообщество демографов.

Уточнив предмет, восстановив в правах историческую демографию как науку, стоящую на стыке социобиологических наук, по всей вероятности, мы должны ответить на ряд вопросов. Прежде всего, почему демография (историческая демография — часть ее) вышла из рамок скучного и строгого академизма и смело шагнула в число политических наук? Почему вопросами демографии вдруг заинтересовались все, начиная от писателей, поэтов и политологов до репортеров вечерних газет? Вероятно, демографическая сфера человеческой жизнедеятельности оказалась не менее значимой, чем социальная, экономическая, политическая и духовная. Мы с большевистским пуританством обходили такие вопросы, как реальное состояние брачности, разводов, рождаемости, смертности, считая все, что связано с сексуальными проблемами, недостойным внимания, кроме того, не хотелось раскрывать поистине ужасающую картину социально-демографического неблагополучия. Снятие завесы секретности и с этих материалов выявило неадекватную общественно-политическую реакцию у всей читательской публики и было расценено как повод для усиления социального недовольства существующим режимом. Не менее важным фактором, пробуждающим интерес к исторической демографии, является процесс национального возрождения народов, который вызвал взрыв не только национального, но и демографического самосознания больших и малых этносов. Каждый народ, будь то малочисленные ногайцы или ненцы, или многочисленные великороссы, или малороссы, имеет свое место на исторической карте, является не только объектом, но и субъектом исторического прогресса. Демографический фактор играет не последнюю роль в определении исторической судьбы больших и малых народов. Историческая самореализация этносов, проявление исторического социального творчества непосредственно зависит от количественных и качественных их характеристик, а также фазы пассионарного развития самого этноса и его соседей. Вот почему демографические проблемы встали вровень с политическими, парламенты многократно обсуждают демографические аспекты законодательных предложений.

Говоря о национальном факторе в исторической демографии, нельзя обходить в ней проблему казахской нации. Волею исторической судьбы казахи оказались близкими соседями двух народов-великанов, великих держав — России и Китая. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на историю Казахстана, который трижды, начиная с XVIII по первую половину XX в.,

стоял на грани демографического, а значит, исторического небытия. Смогут ли ученые-демографы определить, какова будет историко-демографическая судьба 10 млн. казахов в начале XXI века? Не исчезнут ли с политической карты казахи, подобно некогда многочисленным тангутам, манчжурам, не станут ли казахи, подобно курдам, объектом геополитических игр на уровне великих держав? Вот почему мы, заглядывая в глубь веков демографической истории, не должны забывать вопросы этнодемографических прогнозов с их геополитической проекцией на XXI в. Тем более за этот труд уже взялись некоторые суетливые коллеги и мастера политических игр.

Не менее остросюжетной является проблема «демография и рынок». Ученым, историкам-демографам, предстоит изучить историю рыночных отношений в период становления капитализма в прошлом, в период НЭПа, и влияние этого архисложного явления на демографический процесс в крае, прогнозировать демографический процесс в условиях рынка в 90-е годы нашего века. Демографам-экономистам необходимо выработать модели рыночного хозяйства, определить соотношения централизации власти и самоуправления на местах, демократии и дисциплины, проблемы образования свободного рынка рабочей силы, ускорения конверсии и передачи на деле, а не на словах предприятий военно-промышленного комплекса в гражданские отрасли, выработать рекомендации по прекращению использования труда военнослужащих в гражданских отраслях, демилитаризации труда, уменьшению числа режимных предприятий, отмене обязательного трудоустройства и либерализации КЗОТ, борьбе с вахтовым производило союзных министерств и ведомств.

Говоря о вхождении Казахстана в рыночную экономику, нелишне подумать о том, как поведет себя коренное население республики. Ведь казахское население имеет ряд неблагоприятных для рыночной экономики исходно-стартовых демографических характеристик: многодетность, преобладание сельского населения над городским, аграрного хозяйства над индустриальным, расселение в аридных зонах, сравнительно невысокий удельный вес этноса в республике (41%), а также неблагоприятные стереотипы массового сознания и казахского менталитета — предубеждение против частной торговли, мелкого бизнеса и т.д. Не станут ли казахи нацией безработных и городских пауперов, поденщиками у экономически расторопных наций страны? На эти и другие вопросы, возникающие в связи с переходом к рыночным отношениям, предстоит ответить ученым. Вспомним, что над этими вопросами еще размышлял в начале века великий Абай.

В качестве весьма актуальной проблемы исторической демографии я бы назвал следующую проблему: «*Историческая демография и историческое сознание народов*». Ни для кого не секрет, что в историческом сознании народов откладываются трагические и героические масштабные судьбоносные события. Так, например, в историческом сознании казахской нации запечатлены события периода национально-освободительной борьбы с джунгарами. В начале XVIII в. для казахского народа наступили трагические времена. Походы джунгарских феодалов сопровождались набегами волжских калмыков,

яицких казаков, а также башкирской конницы. Джунгарское нашествие на казахские земли, начавшееся еще в XVII в., достигло особенно губительных масштабов в первой трети XVIII в. Как отмечает хан Аблай, за первые 40 лет XVIII в. в войнах с джунгарами погибло около 2/3 казахов. Известный японский ученый Закота в книге «Россия и Средняя Азия» пишет, что в тот период Средняя Азия являлась крупнейшим степным государством, сумевшим противостоять джунгарской экспансии. Уйгуры подчинились без борьбы. Киргизы слабо противодействовали. Только казахи на протяжении многих лет оказывали достойное сопротивление, хотя джунгарам удалось захватить восток и юг, но захватить всю «Казахию им не удавалось».

В историческом сознании отложились пережитые казахским народом в начале XX в. две демографические катастрофы – в 1916–1921 и 1929–1933 гг. Жестокое подавление национально-освободительного движения привело к развертыванию карательных экспедиций царизма, а затем Временного правительства на большей части территории Казахстана. Генералом Куропаткиным впервые в истории по отношению к казахским повстанческим зонам была применена тактика выжженной земли, сопровождаемая массовым истреблением и изгнанием казахского населения с насиженных земель.

Казахстан был ареной военных действий и в годы гражданской войны. Империалистическая война, бурный 1916 г., кровопролитная гражданская война, голод 1921–1922 гг. поставили казахский народ перед демографической катастрофой. Голод и джунги охватили северное побережье Каспия, все Поволжье, почти весь бассейн р. Урал, Северный и Центральный Казахстан и Западную Сибирь. Как видно из приведенного перечня районов, голод постиг в значительной степени этническую территорию казахов. Меры правительства, помощь из-за границы помогли ограничить масштабы голода. По данным ЦСУ, численность погибших от голода составила 5053 тыс. человек¹. К марту 1922 г. в Казахстане голодало 2 млн. 350 тыс. человек, многие из них погибли. Но ведь правительственная помощь дошла только до городов, в которых проживало лишь 2% от общей численности казахов. Можно предположить, что коренное население практически не ощутило продовольственной помощи. Мало этого, имеются данные, свидетельствующие о том, что центр недооценил масштабы надвигающегося голода в Казахском крае, его продовольственные отряды во главе с Ф. Э. Дзержинским силовым методом изымали так называемые излишки продовольствия у трудящихся Туркестана, Акмолинской и Семипалатинской губерний в пользу голодающих Поволжья. Тем самым голод на севере и западе Казахстана в известной мере оказался запрограммированным. Здесь сказались недостаточная информированность центра о событиях в регионах, слепая вера в силу централизации власти, сила инерции командно-административных методов управления страной, имевшее место в годы гражданской войны.

¹Костиков В. Прожить проклятый год // Совершенно секретно. 1990. № 6. С. 9–11, 29.

Самая грандиозная демографическая катастрофа XX в. пришлась на его первую треть. Она превзошла по масштабам только геноцид турецких властей против армянского народа. Понятно, что события 1928–1934 гг. являются не геноцидом, а этноцидом, потому что жертвой чудовищного социально-экономического эксперимента оказались по преимуществу казахи. Казахская нация в те годы уменьшилась более чем на половину и на долгие годы потеряла историческую перспективу.

Изучаются ли демографические процессы, прежде всего динамика численности казахов в период последнего трехсотлетия, в том числе в составе Российской империи, в едином советском государстве, как проблема в целом? Развернуто ли комплексное исследование таких сложных проблем, как влияние национально-освободительной войны, карательной миссии царизма, голода, джухов, двух мировых войн, трех революций в России и гражданской войны на демографические процессы казахского народа? Создана ли широкая историческая панорама демографии в едином ключе с историческим сознанием народа? На все эти вопросы можно дать только отрицательные ответы. К сожалению, демографы изучают лишь отдельные сюжеты, все еще находясь в плену старых идеологических стереотипов. Психологические драмы народа при этом остаются незатронутыми. Полагаю, что, не определившись по этим проблемам, нам трудно будет ответить на вопрос: насколько было прогрессивным вхождение казахского или иного народа в состав Российской империи, насколько была эффективной национальная программа большевиков, каковы уроки истории, ее перспективы?

В самостоятельный блок следует отнести круг проблем, связанных с изучением истории депортации репрессированных народов и классовых выселков в Казахстан. Так, не удастся уяснить четкой картины поэтапных переселений в Казахстан в период 1928–1954 гг. Накануне и в ходе сплошной коллективизации в Казахстан стали привозить спецпереселенцев. Так, в 1931 г. из центральных областей России под Караганду были выселены спецпереселенцы. Только в пяти поселках-обсервациях проживало около полумиллиона человек². Весной 1936 г. в Казахстан были депортированы политически неблагонадежные поляки с Украины, в 1937 г. — курды Азербайджана, Армении, в том же году — корейцы с Дальнего Востока численностью 180 тыс., из них 95 тыс. обосновались в Казахстане. В 1939–1941 гг. продолжалось переселение 102 тыс. поляков с Западной Украины и Западной Белоруссии, а также из советских республик Прибалтики. Накануне массовых депортаций, согласно переписи населения 1939 г., в Казахстане проживало 54 696 поляков, 3569 латышей, 808 литовцев. Массовые высылки немцев начались раньше 1941 г. Так, по переписям населения в 1937 и 1939 гг. резко возросла их численность: в 1937 г. — 80 568, в 1939 г. — 92 379 человек, причем в основном дети, старики и женщины³.

² Казахстанская правда. 1990. 8 августа; 1991. 1 марта; Московские новости. 1990. №9. С. 6; 1991, №21. С. 6.

³ ЦГА КазССР. Ф. 698. Оп. 21. Д. 226. Л. 1, 2, 5; Вестник статистики. 1990. № 7. С. 79.

28 августа 1941 г. в Казахстан было переселено 349 713 немцев, а их общее количество достигло 441 713 человек. В Казахстан были переселены немцы не только из Поволжья, но и с Украины, Северного Кавказа и других областей страны.

В феврале 1944 г. в Среднюю Азию и Казахстан была произведена депортация чеченцев и ингушей, в марте — балкарцев (507 тыс.), в ноябре — турок-месхетов. Насильственно перевозились крымские татары, карачаевцы и евреи. Народы Прибалтики пережили несколько волн переселений, последняя была в 1948—1955 гг. Часть эстонцев, латышей и литовцев оказалась в Казахстане. В октябре 1946 г. в республике было 890 698 спецпереселенцев. С 1953 г. контингент спецпереселенцев стал уменьшаться. Только в 1956 г. в КазССР было снято с учета 195 911 спецпереселенцев, из них 141 745 чеченцев, 36 831 ингуш, 17 335 карачаевцев⁴. Я не говорю о том, что Казахстан в те годы представлял гигантскую систему Гулага. Только через Карлаг проходило около 2 млн. репрессированных.

Изучена ли данная проблема демографами, историками Казахстана? Пока делаются лишь первые шаги. В сборнике «История Казахстана: «белые пятна» печатаются статьи М. Козыбаева «Советские немцы: мифы и реальность», Г. Кима «Советские корейцы». Появился ряд интересных статей В. Аумана и др. Есть на эту тему работа А. А. Вайс (Павлодар). Большой резонанс имела конференция, проведенная ЦК Компартии Казахстана и Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР, посвященная судьбе советских немцев. Весьма интересна публикация В. К. Мотревич «Спецпереселенцы 40-х (хроника «Великого переселения»)». На наш взгляд, история этих народов — составная часть истории народов страны. Мы более чем уверены в необходимости создания научного подразделения в составе нашего института по истории малочисленных народов Казахстана. Следовало бы нам, ученым соседних регионов, объединить усилия по изучению истории советских немцев.

Особо следует сказать о политике мобилизации спецпереселенцев и народов Средней Азии в трудовые колонны. Это, по существу, было повторением имперского царского июньского указа 1916 г. о «реквизиции туземцев на окопные работы». Вряд ли можно считать обычной миграцией насильственную мобилизацию на тыловые работы 700 тыс. жителей Казахстана, в том числе 500 тыс. спецпереселенцев и 200 тыс. казахов. Это была не миграция, а продолжение сталинского геноцида малых народов. Названная проблема имеет и другую сторону — это силовая миграция населения в районы восточнее Урала, в частности в Казахстан, в период пятилеток, освоения целинных земель. 2 июля 1991 г. Президент республики Н. А. Назарбаев справедливо говорил, что нам, видимо, ныне следует раскрыть нравственные аспекты миграционных процессов, выделить вопросы «командно-административный метод и демография» в самостоятельную проблему.

⁴Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954—1960) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5-26; Московские новости. 1990. № 41. С. 11.

Великая Отечественная война унесла около 28 млн. жизней советских людей, из них потери на поле битвы составляют около 9 млн., т. е. каждый третий. В Казахстане из 7,6 млн. населения, включая спецпереселенцев и эвакуированных, встали на защиту Отечества 1 млн. 200 чел. и 700 тыс. были мобилизованы в трудовые колонны. Потери на фронтах казахстанцев составляют 410 тыс. и пропавших без вести — 125 тыс. Вернулись немногие из тех, кто трудился за колючей проволокой и без нее. Погиб, по существу, каждый второй. При тотальной мобилизации гитлеровская Германия призывала в армию 12,5%, а Казахская ССР — 25%. Этот феномен также нуждается в объяснении.

Демографам, на наш взгляд, следует обратиться к различным формам безработицы как социальному явлению. Одна из них — перенаселение при социализме. Необходимо разработать формы проявления относительного перенаселения, например, в Казахстане. Как происходит в условиях республики текучее, скрытое перенаселение? Как связана сезонная работа с формами безработицы и перенаселения? Другой блок проблем: безработица — отходничество — промыслы — сезонная миграция. Между тем масштабы различных форм незанятости рабочей силы возрастают. Ведь нужно признать и демографическую перенасыщенность, скрытое аграрное перенаселение, незанятость женщин, желающих трудоустроиться, отсутствие работы по соответствующей профессии и имеющих специальное среднее и высшее образование, безработицу среди выпускников средних школ и профтехучилищ. Низкий культурно-технический уровень населения создал известный избыток именно людей низкой квалификации. По нашим подсчетам, все формы незанятости приближаются к 1 млн. трудоспособных.

В научной литературе по рассматриваемым проблемам обходится вопрос о миграции из зон экологического бедствия. Сельское население пустынных и полупустынных зон постоянно уменьшается. Наблюдается переселение в наиболее благополучные климатические и экологические зоны, в пригороды крупных городов, в меньшей мере — в малые и средние города. Постоянное обезлюдивание ряда районов Кызыл-Ординской, Чимкентской, Джамбулской, Алма-Атинской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областей, несомненно, будет все более очевидным. Из-за социальной и экономической обделенности этих районов сельское население покидает родные места. Также интенсивен выезд за пределы республики. За последнюю четверть века отрицательный прирост населения составил около 1 млн. человек.

Практика наших дней нуждается в рекомендациях ученых по проблеме ликвидации безработицы и миграции из зон экологического бедствия. Правы наши коллеги, которые считают, что настало время принять закон о шадящей миграции и гражданстве КазССР.

Внимание исследователей не может не привлечь проблема пауперизации рабочего класса. Яркое выражение деклассирование в городах и поселках Кызыл-Ординской, Гурьевской, Актюбинской областей. Отрыв от сельского рабочего класса, соответствующего образа жизни и невозможность некоторой части бывших селян по социально-бытовым (отсутствие жилья), социально-

экономическим (безработица) и другим причинам влиться в городской промышленный рабочий класс создали новый тип городского жителя — целый социально-неустойчивый слой населения, близкий к пауперу. На самом социальном дне этой социальной категории оказались «летуны», «бичи», «бом-жи», проститутки, ведущие откровенно паразитический образ жизни.

Однако проблема пауперизации рабочего класса, образование маргинальных потоков вокруг крупных городов и создание зон социальной напряженности, в том числе в области межнациональных отношений, советскими обществоведами широко не изучается. События в Ферганской долине и Новом Узене тому доказательство. Мы движемся вперед методом проб и ошибок, и здесь проблема деклассирования и обнищания рабочего класса, да и не только рабочего класса — не исключение. В обществе накапливается столько горючего материала, погасить пламя которого, видимо, в перспективе будет не так уж легко. Свой вклад в пауперизацию местного населения запада Казахстана вносит хваленый некоторыми советскими демографами (проф. Б. С. Хорев) вахтовый метод.

Итак, на наш взгляд, в наших рекомендациях следовало бы подчеркнуть: необходимость подготовки кадров демографов в университетах республики; чтение спецкурсов на исторических факультетах педвузов; создание в системе Академии наук КазССР научно-исследовательского подразделения, в будущем центра или института; объединения усилий вузов и академических институтов, с одной стороны, научных сил восточных регионов страны — с другой.

*Опубликовано в журнале
«Вестник Академии наук Казахской ССР».
1991. № 11. С. 7-13.*

ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (1897–1996 гг.)*

Рассмотрим формирование населения Республики Казахстан за столетний период. В 1997 году исполнилось сто лет со дня Первой всеобщей переписи населения Российской империи. Несмотря на ряд недостатков, она позволяет проследить общую тенденцию формирования населения Казахстана в конце XIX — начале XX веков.

После вхождения в состав Российской империи административно-территориальное деление Казахстана претерпело ряд изменений и к концу 60-х годов оформилось в следующем виде: Сыр-Дарьинская и Семиреченская области входили в состав Туркестанского, Уральская и Тургайская — Оренбургского, Акмолинская и Семипалатинская — Западно-Сибирского генерал-губернаторств.

Несмотря на недостатки статистического учета, с известной долей условности можно определить среднегодовой прирост казахского населения. В материалах губернаторских отчетов недоучтено значительное количество населения, но эти сведения помогают определить динамику численности, а также среднегодовой прирост, который составлял: по Акмолинской области — 0,8%, Семипалатинской — 0,8%, Тургайской — 1,0%, Уральской — 0,7%, Семиреченской — 1,0%, Сыр-Дарьинской — 0,9%.

За рассматриваемый период границы областей не изменялись, сколько-нибудь заметного прилива или отлива казахского населения не было. Внутритерриториальное механическое движение казахского населения, особенно в начале XX века, было довольно значительным, но оно существенно не влияло на динамику численности населения всего региона, так как перемещения были в основном внутриобластные. Исходя из этого среднегодовой прирост казахского населения можно отнести к естественному. Приняв среднегодовой прирост за постоянный естественный (отклонения в сторону увеличения или уменьшения в различные годы, конечно, были), можно на основе материалов переписи 1897 года определить численность населения вплоть до 1914 г.

Абсолютное большинство казахского населения (89,3%), проживавшего в Российской империи, размещалось в пределах Акмолинской, Семипалатинской, Сыр-Дарьинской, Тургайской и Уральской областей. Следующими по численности казахского населения идут соответственно Астраханская,

*Написано в соавторстве с А. Н. Алексеенко, Н. В. Алексеенко, Ю. И. Романовым.

Таблица 1. Динамика численности казахского населения по областям (1897–1914 гг.) [1]

Области	1897 г.	1914 г.
	Абсолют. численность	Абсолют. численность
Акмолинская	427.389	489.315
Семипалатинская	604.564	692.080
Семиреченская	515.006	609.910
Сыр-Дарьинская	893.361	1.058.005
Тургайская	410.904	486.626
Уральская	460.173	509.281
Итого	3.311.492	3.845.217

Примечания: 1. В таблицах используются условные обозначения: «*» — данных не имеется; «—» — явление отсутствует.

Самарская и Оренбургская губернии (6,6%). Из казахов, зафиксированных переписью в Астраханской губернии, 207.299 человек проживали в Букеевской (Внутренней) Орде. В двух среднеазиатских областях — Закаспийской и Самаркандской было сосредоточено 3,3% от общей численности казахского населения, в двух сибирских губерниях — Томской и Тобольской — 0,8%.

Формирование русского и другого некоренного населения началось в ходе присоединения Казахстана к России. Первыми русскими поселенцами в XVIII — первой половине XIX в. были казаки. Создание опорных пунктов в виде крепостей, форпостов, редутов послужило началом длительного процесса формирования постоянного населения, сосредоточения в этих местах земледельческих поселений.

На территории Казахстана располагались три казачьих войска: Уральское, Сибирское и Семиреченское. Население Уральского казачьего войска разделялось на две категории: войсковое — собственно казачье и невойсковое — иногороднее. Население Сибирского казачьего войска пополнялось как за счет естественного прироста, так и в значительной мере за счет зачисления в казаки различных категорий населения Российской империи, в том числе казахов. Семиреченское казачье войско отпочковалось от Сибирского в связи с заселением Семиречья. Сибирские казаки положили начало его формированию, послужили основным ядром. Кроме того, в казаки зачислялись крестьяне-переселенцы, бессрочно отпускные солдаты, мещане.

Таблица 2. Динамика численности населения казачьих войск (1897–1914 гг.) [2]

Войска	1897 г.	1914 г.
	Абсолют. численность	Абсолют. численность
Уральское	114.166	161.514
Сибирское	103.424	169.829
Семиреченское	33.757	54.350
Итого	251.347	385.693

С присоединением Верхнего Прииртышья к России связано образование крестьянских поселений на территории нынешней Восточно-Казахстанской области. И хотя до 1921 г. большинство этих поселений по существующему тогда административно-территориальному делению входили в состав Томской губернии, считаем необходимым коротко остановиться на путях и методах формирования их населения.

Образованием крестьянских поселений на Рудном Алтае царское правительство хотело решить задачи снабжения продовольствием войск на пограничной линии и горнозаводского населения Колывано-Воскресенских заводов и, кроме того, создать стратегические пункты для дальнейшего продвижения в верховья Иртыша. Рядом мер (приглашение добровольцев, принудительный набор, ссылка) в течение второй половины XVIII века удалось создать значительное число крестьянских поселений.

По другому заселялась долина реки Бухтармы. Сюда, в неприступные Алтайские горы, бежали горнозаводские рабочие с Колывано-Воскресенских заводов, солдаты, раскольники. Образовав небольшие поселки, они занимались земледелием, охотой, рыбной ловлей. Все попытки сибирской администрации уничтожить поселки и пресечь побег в «Камень» успеха не имели. Убедившись, что силой бухтарминскую вольницу не искоренить, командующий пограничной линией Г. Штрэндман идет на переговоры с беглыми. Указом 1792 г. бухтарминские беглецы, или «каменщики», как их тогда называли, были возвращены в российское подданство на правах «инородцев».

К концу XVIII века крестьянское население Рудного Алтая составляло около 10 тысяч человек. Через столетие перепись 1897 г. в 9 волостях зафиксировала 89.725 человек (44.056 мужчин и 45.669 женщин).

Большие изменения в составе населения Казахстана произошли в связи с переселенческим движением. С учреждением в 1896 году Переселенческого управления начали издаваться статистические сведения о размерах переселенческого движения за Урал. Сведения собирались путем опроса и карточной записи переселенцев на станциях Сызрань и Челябинск. Что же касается периода до 1896 г., то в это время сколько-нибудь организованного учета переселенцев не производилось. Для восстановления этого пробела обратимся к переписи 1897 года.

Известно, что в материалах переписи имеются сведения о распределении наличного населения губерний и областей по месту рождения. Так как в 1870 г. на территории Казахстана кроме казахов проживало в основном население казачьих войск, то указанные сведения могут дать представление о численности переселенцев, местах их выхода и размещения. Оговоримся, что в это число попадут ссыльные, торговцы и ремесленники.

На день переписи 1897 г. в административных областях Казахстана проживало 407.000 «неместных уроженцев». По месту выхода они распределялись следующим образом: из губерний Европейской России — 68,1%, Привислинских губерний, Кавказа, Финляндии — 1,7%, Сибири — 18,5%, иностранных государств — 11,7%.

Если учесть, что в число выходцев из иностранных государств, проживавших в Семиреченской области, вошли в основном переселившиеся в 80-е годы XIX века из Китая дунгане и уйгуры, то основную массу «неместных уроженцев» составили выходцы из Европейской России и Сибири.

Акмолинская область заселялась преимущественно выходцами из Воронежской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Черниговской губерний. В Семипалатинскую область в 1870–1897 гг. был незначительный приток переселенцев, большинство из них пришли из Воронежской, Вятской, Казанской, Пензенской, Пермской, Самарской, Таврической губерний. В Семиреченской области преобладали уроженцы Воронежской, Курской, Пензенской, Пермской, Тамбовской губерний; в Сыр-Дарьинской – выходцы Астраханской, Воронежской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Саратовской, Харьковской губерний. В Тургайской области – уроженцы Воронежской, Казанской, Оренбургской, Пензенской губерний. В Уральской области – уроженцы Астраханской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Уфимской губерний.

Во второй половине XIX века наблюдается довольно интенсивное миграционное движение внутри заселенных районов Казахстана и Сибири. Идет, с одной стороны, некоторое перераспределение пришлого населения внутри Казахстана и отлив его в губернии Западной Сибири (Тобольскую и Томскую), а с другой – прилив населения из соседних сибирских губерний.

Таблица 3. Численность, места выхода и размещения переселенцев (1896–1910 гг.) [3]

Места поселений (области)	Численность переселенцев				
	Всего	В том числе прибывших из губернии			
		Европейской России		Других местностей	
		Абсолют. численность	%	Абсолют. численность	%
Акмолинская	499.821	439.749	87.9	60.072	12.1
Семипалатинская	83.944	73.003	86.9	10.941	13.1
Семиреченская	30.568	26.569	86.9	3.999	13.1
Сыр-Дарьинская					
Тургайская	178.093	169.992	95.4	8.101	4.6
Уральская					
Итого	792.426	709.313	89.5	83.113	10.5

Как видим, и в этот период большинство – жители губерний Европейской России. Основной контингент переселенцев (92,5%) составляли выходцы из Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Киевской, Воронежской, Херсонской, Черниговской, Подольской, Самарской, Курской, Орловской, Бессарабской, Саратовской губерний и области Войска Донского.

Абсолютное большинство (96,2%) оседали в областях Степного Казахстана, где на первое место выдвигается Акмолинская область.

Значительное увеличение переселенцев дает период столыпинщины. За 36 лет (1870–1906 гг.) переселилась и осела в Степном Казахстане 521 тысяча человек, а за 9 лет (1906–1914 гг.) – 714,4 тысячи человек. Движение это не было равномерным. Большинство переселенцев пришли за первые четыре года, затем их число резко уменьшается. Некоторое увеличение наблюдается с 1912 г., связанное с неурожаем в Поволжье, но начало Первой мировой войны привело к его существенному сокращению.

Таблица 4. Общая численность переселенцев, осевших в Казахстане (1897–1914 гг.) [4]

Области	Абсолют. численность
Акмолинская	721.091
Семипалатинская	159.972
Семиреченская	156.826
Сыр-Дарьинская	61.212
Тургайская	226.825
Уральская	108.467
Итого	1.434.393

Переселение крестьян в Казахстан привело к значительным сдвигам в численности и структуре населения. Крестьяне-переселенцы, казаки, русское население городов к 1914 г. составляли 35% общей численности населения. Дунгане, уйгуры и прочие этносы составляли 244,6 тыс. человек. Перед Первой мировой войной численность населения Казахстана составила 5.909,9 тыс. человек (5.471,8 – сельского, 438,1 – городского) [5].

Короткий хронологический отрезок (1914–1917 гг.) насыщен событиями существенно повлиявшими на развитие населения. Это прежде всего Первая мировая война. Наряду с мобилизацией мужчин в армию упала рождаемость, повысилась смертность, снизился естественный прирост населения, сократилось переселенческое движение. Оказали влияние на развитие населения призыв казахов на тыловые работы и связанное с ним национально-освободительное восстание. За годы войны население Казахстана сократилось на 0,9% и составило в 1917 г. 5.753,5 тыс. человек.

При изучении динамики численности населения 1917–1920 гг. трудности исчисления заключаются в коренным образом изменившемся административно-территориальном устройстве. Абсолютные показатели в данной ситуации будут неточными, поэтому более объективно отразят сущность явления показатели относительные. Принимая численность всего населения, проживающего в 1917 г. в Казахстане, за 100%, получаем следующую картину (см. табл. 5).

Таблица 5. Динамика численности населения Казахстана (1917–1920 гг.) [6]

Губернии	Количество населения, %					
	городского		сельского		всего	
	1917	1920	1917	1920	1917	1920
Оренбургская	100	87.7	100	92.4	100	91.5
Актюбинская	100	108.8	100	91.7	100	92.3
Кустанайская	100	75.4	100	102.2	100	100.6
Тургайская	100	50.1	100	82.8	100	82.4
Букеевская	100	100	100	91.6	100	91.7
Уральская	100	72.9	100	79.2	100	78.5
Акмолинская	100	89.0	100	85.5	100	85.7
Семипалатинская	100	134.4	100	76.2	100	79.9
Итого	100	92.5	100	86.3	100	86.8

Снижение численности населения за годы гражданской войны коснулось всех губерний, но в различной степени. В этом отношении губернии выстраиваются в следующем порядке: Уральская (-21,5%), Семипалатинская (-20,1%), Тургайская (-17,6%), Акмолинская (-7,7%). Лишь в Кустанайской губернии наблюдался некоторый рост. Таким образом, население Казахстана сократилось за три года на 13,2%. Самое существенное сокращение было в местах наиболее ожесточенных боев периода гражданской войны и расселения казаков. Определенная часть казачества массами уходила из своих станиц и поселков.

За годы мировой и гражданской войн сократилась численность городского населения, снизился его удельный вес. Если в канун Первой мировой войны доля городского населения составляла 7,9%, то в 1920 г. — 6,4%.

С образованием Казахской АССР в августе 1920 г. в ее состав были включены (в дореволюционных административных границах) Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская губернии, Мангышлакский уезд, 4-я и 5-я Адаевские волости Красноводского уезда Закаспийской области, Синеморская волость Астраханской губернии, Букеевская орда и территории бывших казенных оброчных земель, прилегающих к 1 и 2 Приморским округам, населенные казахами. В сентябре 1920 г. ВЦИК дополнительно ввел в состав КАССР Оренбургскую губернию, а г. Оренбург стал столицей республики.

В течение 1921 г. произошли существенные изменения в сторону увеличения территории и численности населения. Из состава Омской губернии был возвращен Павлодарский уезд с населением 212,6 тыс. человек, через некоторое время в него влились 11 волостей Омской губернии с населением 42,8 тыс. человек.

В июле 1921 г. из Алтайской губернии в Семипалатинскую область передается большая и плотно населенная территория с населением 271,8 тыс. человек (Бухтарминский район — 89,6 тыс.; 19 волостей с населением 182,2 тыс. человек) [7]. В состав Акмолинской губернии переданы из Тюменской губернии 5 волостей (38,2 тыс. человек), из Омской губернии 15 волостей (60,5 тыс. человек) [8].

Развитие административно-территориального устройства Казахстана в последующие годы в большой степени было связано с национально-государственным размежеванием Средней Азии. В итоге размежевания, завершившегося в конце 1924 г., в состав Казахской АССР вошли Казалинский, Акмечетский, Туркестанский, Чимкентский, большая часть Аулиеатинского уездов, часть Ташкентского и Мирзагульского уездов Сыр-Дарьинской области, шесть кочевых волостей Джизакского уезда Самаркандской области, а также Алма-Атинский, Джаркентский, Лепсинский, Капальский уезды, Георгиевская, Чуйская, Каракунисская волости Пишпекского уезда. В результате территория Казахстана увеличилась на 685,9 км², а население — на 1.468 тыс. человек [9].

После размежевания, при увеличении территории и чрезмерной отдаленности южных областей от столицы республики г. Оренбурга, руководство хозяйственным и культурным строительством было затруднено. В апреле 1925 г. ВЦИК выделил Оренбургскую губернию из состава Казахской АССР. Столицей Казахстана стал город Ак-Мечеть (Кзыл-Орда).

Пересмотр границ отразился на национальной структуре населения Казахстана. Так, в 1926 г. доля некоренного населения республики в сравнении с 1920 г. сократилась с 53,4 до 42,4%. Удельный вес казахов за эти годы увеличился на 11%, доля русских сократилась на 13,8%. Объясняется это тем, что в 1924 г. в результате размежевания республик Средней Азии население Казахстана пополнилось в основном лицами казахской национальности. С другой стороны, в вышедшей из состава республики Оренбургской губернии проживало в основном (72,4%) русское население.

Но не только административные преобразования влияли на изменение численности и национального состава населения. В начале 20-х годов на Казахстан и Поволжье обрушилось страшное стихийное бедствие — неурожай и последовавший за ним голод. Декретом ВЦИК Уральская, Оренбургская, Актюбинская, Букеевская и Кустанайская губернии были включены в число голодающих и освобождены от продовольственного налога.

Судить о размерах катастрофы мы можем лишь по итоговым данным. С одной стороны, это будут материалы демографической и сельскохозяйственной переписей 1920 г., с другой — сельскохозяйственной и городской переписей 1923 г., как бы подведшим итог стихийному бедствию.

За голодные годы численность всего населения республики сократилась на 19,1%, сельского — на 21,5% [10].

В голодающих западных губерниях потери составили 648,7 тыс. человек (29,5%). В это число входят эвакуированные, перебравшиеся на новые места жительства вне пределов республики, а также умершие в результате голода и эпидемий. Жертвами голода стали 414 тыс. казахов, что составляло 18,5% всего коренного населения республики. В Актюбинской губернии потери составили 159 тыс. человек (39,1%), Кустанайской — 60 тыс. (37,6%), Акмолинской — 106 тыс. (23,7%), Уральской — 70 тыс. (22,9%), Букеевской — 33 тыс. (14,6%), Оренбургской — 4 тыс. (18,1%), Адаевском уезде — 3 тыс. (2,6%). За счет

миграций лишь в Семипалатинской губернии численность коренного населения выросла на 21 тыс. (3,7%) [11].

К середине 20-х годов население Казахстана оставалось преимущественно сельским. Городское население увеличивалось медленно. В 1926 г. оно составляло 8,3% населения республики. Сдвиги в размещении населения произошли не в годы первой пятилетки, как это было в целом по СССР, а в годы второй и третьей пятилеток. В межпереписной период (1926–1939 гг.) все население увеличилось на 2,6%, а численность городского — на 268%. Если в 1926 г. количество сельского населения превышало численность городского в 10,8 раза, то в 1939 г. — в 2,3 раза.

Переходу сельского населения в города и рабочие поселки способствовали принятые в эти годы правительством СССР постановления, направленные на стимулирование отхода жителей сельской местности [12].

Определенное значение в росте численности городского населения и сокращении сельского имело преобразование наиболее крупных сел в города и поселки городского типа. За 1926–1938 гг. в республике было образовано 7 городов и 29 поселков городского типа [13].

В какой-то мере на снижение рождаемости, а значит, и численности населения повлияло то обстоятельство, что с середины 30-х годов в детородные возрасты вступали люди, появившиеся на свет в годы Первой мировой и гражданской войн, когда рождаемость была низкой.

Эти и другие причины объективного порядка в значительной мере способствовали сокращению сельского населения. Но были и субъективные причины, наиболее существенно повлиявшие на этот процесс. Насильственная коллективизация привела к голоду, гибели массы людей, откочевникам за пределы республики. Самые большие жертвы понес казахский народ. Среди казахстанских историков и демографов пока нет единого мнения о числе пострадавших от голода. Одни называют цифру 1.750 тысяч человек [14], другие — 2.020 тысяч человек [15], будут, видимо, и другие мнения. Но, какой бы ни была конечная цифра, налицо страшная трагедия казахского народа, последствия которой сказываются до сих пор. Огромный урон численности казахского населения нанесли откочевники. Численность казахов, проживавших в соседних с Казахстаном республиках, увеличилась за межпереписной период (1926–1939 гг.) в 2,6 раза и составила 794 тыс. человек. Около 200 тыс. человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран, Турцию [16]. Казахстан покинули более 200 тыс. семей переселенцев, или около 1 млн. человек [17].

В целом динамика численности населения Казахстана за период 1930–1936 гг. (тыс. на 1 июня каждого года) по данным управления народнохозяйственного учета была такова: 1930 — 5.873,0; 1931 — 5.114,0; 1932 — 3.227,0; 1933 — 2.493,5; 1934 — 2.681,9; 1935 — 2.926,0; 1936 — 3.287,9 [18]. Всего за три года (1930–1933) численность населения в республике сократилась в 2,4 раза.

Большое значение в формировании населения имели так называемые плановые переселения. В конце 1940 г. в республике насчитывалось 24.241 пере-

селенческое хозяйство. Переселенцы разместились в Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Семипалатинской, Алма-Атинской, Джамбулской областях. Это были в основном выходцы с Украины, из Белоруссии, Воронежской, Курской, Рязанской областей, Татарской, Чувашской, Мордовской автономных республик [19].

В 1931–1940 гг. проводился оргнабор в промышленность. Было бы ошибкой утверждать, что все 509 тыс. человек [20], пополнившие ряды промышленных рабочих, прибыли из-за пределов Казахстана, так как в города направлялась значительная часть местного крестьянства и тоже по оргнабору. Тем не менее десятки тысяч рабочих кадров прибыли из других регионов СССР. В то же время выходцы из Казахстана сыграли определенную роль в формировании городского населения Сибири. За 1933–1937 гг. в сибирские города мигрировало 112,5 тыс. человек [21].

В начале 30-х годов начались переселения, связанные с ликвидацией кулачества как класса. До 1934 г. крестьяне, направленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934–1944 гг. — трудпоселенцами, с 1944 г. — спецпоселенцами. Численность спецпереселенцев (трудпоселенцев) в Казахстане изменялась, и довольно значительно, каждый год. На 1 апреля 1941 г. в республике проживала 46.091 семья, или 180.015 человек трудпоселенцев [22].

Казахстан не был местом, куда только ссылали. В 1931 г. отсюда были выселены 5.500 баев и кулаков [23]. Тем не менее республика в большей степени принимала, чем отдавала свое население в другие регионы. Таким образом, в 1926–1939 гг. численность и национальный состав населения республики претерпели большие изменения (табл. 6).

Таблица 6. Численность населения Казахстана (1926–1939 гг.) [24]

	1926		1939	
	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения
Все население	6.230	100	6.395	100
Казахи	3.628	58.2	2.328	36.4
Русские	1.275	20.5	2.636	41.2
Украинцы	860	13.8	677	10.6
Немцы	59	1.0	85	1.3
Прочие	408	6.5	669	10.5

Как видим, за 12 с небольшим лет (перепись 1926 г. проводилась в декабре, а перепись 1939 г. — в январе) численность населения увеличилась всего на 2,6%, или на 0,22% в год. Численность казахов сократилась на 35,8%, русских увеличилась вдвое. Если в 1926 г. казахи составляли большинство населения (58,2%), то в 1939 г. их доля снизилась до 36,4%. Большинство населения стали русские (41,2%), тогда как в 1926 г. их доля составляла 20,5%. В то же время за счет миграций численность казахов возросла: в РСФСР —

в 2,3 раза, в Узбекистане — в 1,7 раза, в Каракалпакии — в 2,5 раза, в Киргизии — в 10 раз. По данным М. Б. Татимова, доля казахов, проживающих в соседних республиках, повысилась за межпереписной период от 8 до 26%. Несколько меньше стало украинцев. Число других этносов существенно увеличивается, растёт их доля в общей численности населения.

Неизгладимый след в демографической истории республики оставила Великая Отечественная война. Из 7,6 млн. человек населения, включая спецпереселенцев и эвакуированных, встали на защиту Отечества 1 млн. 200 тысяч человек. Погибли на фронтах Отечественной войны 410 тысяч человек, пропали без вести 125 тысяч [25].

В ходе войны шла массовая депортация многих народов на территорию Казахстана. Началась она в предвоенный период. В 1936 году по Постановлению СНК СССР от 28 апреля 1936 года из пограничных районов Украинской ССР были высланы поляки. Всего было переселено 35.820 поляков, из них 35.739 — в Казахстан, в основном в северные области. В 1940 — начале 1941 гг. в восточные районы СССР были высланы так называемые «польские осадники». Так называли переселенцев из Польши, получивших в 20—30-е годы земли в Западной Украине и Западной Белоруссии. Когда эти территории вошли в состав СССР, началось выселение «польских осадников». В Казахстан было переселено 60.667 человек. Расселены они были в Актюбинской, Кустанайской, Павлодарской, Семипалатинской и Северо-Казахстанской областях [26]. В 1937 г. в Казахстан и Среднюю Азию было переселено корейское население. В 20-е годы в Приамурье корейцев насчитывалось около 200 тысяч человек. На территорию Казахстана прибыла 20.141 семья с населением 95.421 человек. Корейские семьи разместились в Алма-Атинской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Кустанайской, Западно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Карагандинской областях. Если перепись 1926 г. зарегистрировала в Казахстане 42 человека корейской национальности, то в 1939 г. их было 96 тысяч [27].

В 1941—1942 гг. в Казахстан были депортированы 444 тыс. немцев Поволжья [28]. После ликвидации в 1943 г. Калмыцкой АССР в Казахстане оказались 2.2 тыс. калмыков. Подобная участь постигла карачаевцев и балкарцев. В Казахстане разместились 62.8 тыс. карачаевцев и 18.2 тыс. балкарцев. В 1944 г. ликвидируется Чечено-Ингушская АССР. В феврале в республику прибыло 344.5 тыс. чеченцев и ингушей. К этим вынужденным переселенцам прибавились тысячи чеченцев и ингушей, уволенных из рядов Красной Армии после февраля 1944 г. В Казахстан таковых прибыло свыше 60 тыс. человек. В годы войны население Казахстана пополнилось высланными греками, турками, хемшидами [29].

Общую цифру спецпоселенцев в Казахстане назвать сложно, она менялась почти ежегодно. Так, на 1 января 1949 г. в республике насчитывалось 820.1 тыс., на 1 июля 1952 г. — 974.4 тыс., на 1 января 1953 г. — 988.3 тыс., что составило 35.9% от общего числа спецпоселенцев на территории СССР (2.753,3 тыс. человек) [30].

В годы войны в Казахстан прибыли сотни тысяч эвакуированных, которых к концу 1942 г. насчитывалось 532,5 тыс. человек. В целом в годы войны республика приняла около 1,5 млн. населения, эвакуированного из временно оккупированных западных районов СССР [31].

После Великой Отечественной войны реэвакуация населения, отъезд рабочих в освобожденные районы привели к сокращению численности населения. В 1945 г. в сравнении с 1943 г. численность населения уменьшилась на 5,3% [32].

В целом в годы Великой Отечественной войны упала рождаемость, повысилась смертность, снизился естественный прирост населения. В послевоенный период остаются низкими рождаемость и естественный прирост. За десятилетие (1941–1950 гг.) население увеличилось незначительно.

Следующее десятилетие (1951–1960 гг.) — особая страница истории формирования населения республики. Февральско-мартовский пленум ЦК КПСС (1954 г.) поставил задачу массового освоения целины в кратчайшие сроки.

Целинные земли осваивались главным образом в Кустанайской, Акмолинской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и Кокчетавской областях (в 1970 г. из ряда районов Акмолинской и Кустанайской областей была образована Тургайская область). Посевные площади в республике выросли с 9,7 млн. гектар в 1953 г. до 34,2 млн. в 1973 г., посевы под зерновыми культурами — с 7,02 млн. до 24,7 млн. гектар [33].

С 1940 по 1950 г. все население республики увеличилось на 7,7% или в 1,1 раза. В большой мере это произошло за счет механического прироста — спецпереселенцев и частично эвакуированных. Городское население за этот период увеличилось на 35,7%, сельское сократилось на 4,9% [34]. К началу 1954 г. численность сельского населения еще не достигла уровня довоенного 1940 года. В 1954 г. по сравнению с 1953 г. сельское население увеличилось на 5%, в 1955 г. по сравнению с 1954 г. — на 9,1% [35]. Это было время наивысшего притока новоселов.

Всего на первом этапе массового освоения целины (1954–1956 гг.) в Казахстан прибыло около 650 тысяч человек [36]. Если за 1954–1958 гг. население республики увеличилось на 24%, то в тех областях, где осваивались целинные земли, — на 40–50% [37].

В 1957 г. на целину прибыли 10.800 трактористов из Украины, Белоруссии, Молдавии, многих регионов РСФСР. В 1959 г. приехали 29.000 комсомольцев, в основном девушек.

Не прекращается приток новоселов и в последующие годы. За 1961–1965 гг. совхозы пополнились более чем 160 тысячами человек. Одновременно шло плановое переселение семей. С 1954 г. до середины 1962 г. в Казахстан было направлено 119.514 семей [38]. Всего за десять с небольшим лет (1953–1965 гг.) численность сельского населения увеличилась на два миллиона человек, или в полтора раза [39].

В результате событий, происшедших за двадцатилетний период между переписями населения 1939 и 1959 гг., численность населения в республике

увеличилась на 45.3%. По темпам роста населения Казахстан занимал прочное первое место в СССР, благодаря в основном большому миграционному притоку.

Таблица 7. Численность населения Казахстана (1939–1959 гг.) [40]

	1939		1959	
	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения
Все население	6.395	100	9.295	100
Казахи	2.328	36.4	2.787	30.0
Русские	2.636	41.2	3.972	42.7
Украинцы	677	10.6	761	8.2
Немцы	85	1.3	660	7.1
Прочие	669	10.5	1.115	12.0

Казахское население увеличилось в сравнении с 1939 г. на 19,7%, русских стало больше на 50,7%. Существенно выросла численность многих этносов, проживающих в республике, в том числе и их удельный вес в составе населения. За двадцать лет число жителей увеличилось на 2.900 тыс. человек. Доля русских в этом приросте составила 46,1%, немцев 19,8%, украинцев – 2,9%, прочих этносов – 15,4%. Доля казахов в приросте населения равнялась 15,8%.

В истории формирования населения республики отчетливо выделяются два периода: начало XX века – конец 60-х годов (ограничим его межпереписным периодом 1897–1959 гг.) и начало 60-х – конец 80-х годов (межпереписной период (1959–1989 гг.)). В течение первого периода население Казахстана формировалось в значительной мере за счет механического прироста, во второй период преобладает естественный прирост населения, миграционное saldo с конца 60-х годов становится отрицательным.

Первый период, насыщенный событиями, оказавшими серьезное влияние на демографическую структуру населения, мы рассмотрели. Каждый межпереписной отрезок анализировался отдельно. В последующем больших переселений на территорию Казахстана не было. Это позволяет представить демографическую ситуацию в республике за весь тридцатилетний период (1959–1989 гг.).

Как свидетельствуют приведенные статистические данные, темпы прироста населения уменьшаются из десятилетия в десятилетие. В 1959–1970 гг. численность населения увеличилась на 40%, в 1970–1979 гг. – на 12,9%, в 1979–1989 гг. – на 12,1%. Переломными стали 70-е годы. В сравнении с 60-ми годами темпы роста населения сократились в 3,1 раза. В 90-е годы численность населения начала сокращаться.

Наиболее существенно в рассматриваемое тридцатилетие увеличилось казахское население. В 1970 г. в сравнении с 1959 г. казахов стало больше на 51,1%, в 1979 г. в сравнении с 1970 г. – на 24,9%, в 1989 г. в сравнении с 1979 г. – на 23,6%, в 1999 г. в сравнении с 1989 г. – на 22,2%.

Таблица 8. Численность населения Казахстана (1959–1999 гг.) [41]

	1959		1970	
	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения
Все население	9.295	100	13.009	100
Казахи	2.787	30.0	4.234	32.5
Русские	3.972	42.7	5.522	42.4
Украинцы	761	8.2	933	7.2
Немцы	660	7.1	858	6.6
Прочие	1.115	12.0	1.472	11.3

Продолжение табл. 8

	1979		1989		1999	
	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения	Численность населения (тыс. человек)	Доля в составе населения
Все население	14.684	100	16.464	100	14.953	100
Казахи	5.289	36.0	6.535	39.7	7.985	53.4
Русские	5.991	40.8	6.228	37.8	4.480	30.0
Украинцы	898	6.1	896	5.4	547	3.6
Немцы	900	6.1	958	5.8	353	2.4
Прочие	1.606	11.0	1.847	11.3	1.588	10.6

Значительно ниже темпы роста численности русских. Если в 60-е годы они немногим отличались от среднереспубликанского уровня (русских в 1970 г. в сравнении с 1959 г. стало больше на 39%), то в 70-е годы они снизились в 4,6 раза и составили 8,5%, в 1989 г. в сравнении с 1979 г. сократились еще в 2,2 раза (3,9%). В 90-е годы численность русских уменьшилась на 28,1%.

В последние тридцать лет наблюдается абсолютное сокращение численности украинского населения. Темпы роста численности других этносов до начала 90-х годов были относительно высоки: 1959–1970 гг. – 32%; 1970–1979 гг. – 9,1%; 1979–1989 гг. – 15%. В 1989–1999 гг. – сокращение на 14%.

Распределение населения по территории республики крайне неравномерно, что объясняется различиями природных условий, а также исторических факторов развития и структуры хозяйства отдельных регионов. Об этом свидетельствует и плотность населения по областям Казахстана.

В последнее десятилетие нашего столетия тенденции демографического развития Казахстана, сформировавшиеся в 60–80-е годы, приобрели еще большую динамику. Значительнее стал разрыв между числом убывших из республики и прибывших в нее. Резко сократился естественный прирост населения, а у некоторых этносов смертность превысила рождаемость. Интенсифицировался процесс урбанизации. Все эти моменты, переплетаясь друг с другом и

Таблица 9. Изменение плотности населения областей Казахстана [42]

Области	Число жителей на кв. км					
	1939	1959	1970	1979	1989	1999
Казахстан	2.2	3.4	4.8	5.4	6.1	5.5
Акмолинская	2.1	5.6	8.0	8.9	9.6	6.9
Актюбинская	1.1	1.3	1.8	2.1	2.5	2.3
Алматинская	2.6	4.1	5.8	6.7	7.5	6.9
Атырауская	1.0	1.0	3.0	3.3	-2.7	3.7
Восточно-Казахстанская	3.2	4.4	5.5	5.8	6.2	5.4
Жамбылская	2.4	3.9	5.5	6.5	7.4	6.8
Западно-Казахстанская	2.5	2.5	3.4	3.8	4.2	4.0
Карагандинская	1.0	2.4	3.6	4.0	4.3	3.3
Кызылординская	1.5	1.4	2.2	2.5	2.9	2.6
Костанайская	1.9	3.6	7.8	8.2	6.3	5.2
Мангистауская		0.2	1.0	1.5	2.0	1.9
Павлодарская	1.7	3.6	5.5	6.3	7.5	6.5
Северо-Казахстанская	4.4	7.8	9.3	9.6	10.2	5.9
Южно-Казахстанская	4.5	6.1	11.1	13.5	15.9	16.9

налагаясь на современную социально-экономическую, политическую ситуацию, привели в середине 90-х годов (1.01.1995 г.) к резкому сокращению темпов роста населения Республики Казахстан. Численность некоторых этносов начала сокращаться абсолютно.

Проблемы, имеющиеся в настоящее время, уходят своими корнями в прошлое. Но в историческом наследии помимо негативных явлений есть и огромное богатство — многонациональность молодого независимого государства. Наш долг перед будущими поколениями — войти в XXI век, сохранив всю самобытность, всю богатейшую палитру этнических, культурных, бытовых особенностей, позволив им развиваться дальше и на основе этого равноправного развития создать особую общность — народ Казахстана. «Нам остается... единственно верный путь, по которому мы идем, требующий трудоемкой и кропотливой работы. Это поиск точек соприкосновения, расширение зон согласия и доверия между народами. Без политики согласия и разумной национальной стратегии мы не сможем решить никаких задач» [43].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеевко Н.В.* Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981. С. 47.
2. Первая всеобщая Перепись населения Российской империи. Тт. 84, 85, 88; Обзор Уральской области за 1913 г. Уральск, 1914; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г. Ч. II. Гражданская. Омск, 1915; Обзор Семиреченской области на 1914 г. Верный, 1915.
3. *Турчанинов Н.* Характерные черты русского переселения до проведения Сибирской железной дороги и в последующем за ее сооружением периоде // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 234-237; *Он же:* Итоги переселенческого движения с 1896 по 1909 гг. СПб., 1910.
4. *Алексеевко Н.В.* Население дореволюционного Казахстана. С. 70.
5. Там же. С. 76.

6. Рассчитано по: Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической республики. Оренбург, 1923; Сельское хозяйство Киргизской Советской Социалистической республики в 1923 г. Вып. 1. Западная Киргизия. Оренбург, 1924.
7. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 – декабрь 1936 гг.). Алма-Ата, 1959. С. 101; Список населенных мест и пунктов специального назначения Семипалатинской губернии. Семипалатинск, 1924.
8. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 – декабрь 1936 гг.). Алма-Ата, 1959. С. 45-46; Предварительные итоги переписи населения 1920 г. по Тюменской губернии. Тобольск, 1920. С. 16-18.
9. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 – декабрь 1936 гг.). Алма-Ата, 1959. С. 19.
10. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. Вып. 8. М., 1923; Сельское хозяйство Киргизской Советской Социалистической республики в 1923 г. Оренбург, 1924; Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях по СССР с 1880 по 1922 гг. Оренбург, 1925.
11. *Алексеев А.Н.* Население Казахстана 1920–1990 гг. Алматы, 1993. С. 11.
12. См.: Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы // Известия. 1930. 17 марта; Об отходничестве // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1930. С. 286.
13. Рассчитано по: Казахская ССР. Административно-территориальное деление. Алма-Ата, 1986.
14. *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. №7. С. 67.
15. *Татимов М.Б.* Социальная обусловленность демографических процессов. Алма-Ата, 1989. С. 124.
16. *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 67.
17. Казахстанская правда. 16 сентября, 1989.
18. *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н.* Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 21.
19. *Шатунов К.И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 216.
20. Там же. С. 148-149.
21. *Московский А.С., Юсупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 66.
22. *Земсков В.И.* Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 7.
23. *Зеленин И.В.* Осуществление политики ликвидации кулачества как класса (осень 1930–1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 35.
24. *Алексеев А.Н.* Население Казахстана 1920–1990 гг. Алматы, 1993. С. 18.
25. *Козыбаев М.К.* Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы // Вестник АН Казахской ССР. 1991. № 11. С. 12.
26. *Шотбакова Л.К.* Национальный аспект переселенческой политики и коренизации в Казахстане в 1917–1941 годах: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1995. С. 14.
27. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VIII. М., 1928; Народное хозяйство Казахской ССР. Юбилейный статистический справочник. Алма-Ата, 1987. С. 13.
28. *Бугай Н.Ф.* 40-е годы: «Автономия немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 175.
29. *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30-х – 40-х годах // История СССР. 1989. № 6. Сс. 137, 139, 140, 141.
30. *Земсков В.И.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 154, 162.

31. История Казахской ССР. Т. 5. С. 72; *Козыбаев М.К.* История и современность. Алма-Ата, 1991. С. 66.
32. *Погодин С.О.* О некоторых изменениях в численности городского населения Казахской ССР в 1946–1959 гг. // Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук. 1980. № 5. С. 45.
33. *Баишев С.Б., Дахилейгер Г.Ф.* Социально-экономические итоги освоения целинных земель в Казахской ССР // Вопросы истории. 1975. № 3. С. 24.
34. Народное хозяйство Казахстана в 1968 г. Статистический сборник. 1968. С. 5.
35. Там же.
36. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1980. Т. 5. С. 268.
37. История СССР. Т. 11. М., 1980. С. 490.
38. *Базанова Ф.Н.* Формирование и развитие национальной структуры Казахстана: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Алма-Ата, 1988. С. 10.
39. Казахстанская правда. 1990. 16 февраля.
40. Рассчитано по: ЦГАРФ, ф. 1562, оп. 336, дд. 388–402; Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–8.
41. Рассчитано по: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–12; Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Алматы, 2000. С. 6–8.
42. Рассчитано по: Народное хозяйство Казахстана в 1973 г. Алма-Ата, 1975. С. 4–5; Народное хозяйство Казахстана в 1978 г. Алма-Ата, 1979. С. 5; Народное хозяйство Казахстана в 1988 г. Алма-Ата, 1989. С. 13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962. С. 12; Краткие итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Алматы, 1999. С. 6.
43. За мир и согласие в нашем общем доме. Доклад Президента страны Н. А. Назарбаева на I сессии Ассамблеи народов Казахстана // Казахстанская правда. 1995. 30 марта.

Опубликовано в книге А. Н. Алексеенко, Н. В. Алексеенко, М. К. Козыбаева, Ю. И. Романова «Этносы Казахстана. Историко-демографический справочник». Астана, 2001. С. 4–25.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕССИИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

30 января 1992 года

Мы переживаем поистине переломный период отечественной истории. Наша республика объявила суверенитет, стала независимым государством. Начался масштабный политический и экономический эксперимент перехода от социализма к капитализму. Первый акт этого эксперимента, называемый либерализацией цен и приватизацией, проводимый на деле в интересах монополистов-предпринимателей и кооператоров, спекулянтов, отбросил весь корпус творческих работников науки и культуры за черту бедности. Месячный оклад академика — руководителя научного подразделения, включая его гонорар, равен студенческой стипендии и составляет менее 10 американских долларов. По нищенской зарплате ученые СНГ, в том числе Казахстана, ныне установили мировой рекорд. Одной из причин этого является начавшийся процесс утечки мозгов. Только в прошлом году за рубежом оказалось более 70 тыс. ученых из стран Содружества Независимых государств.

Своеобразие исторического момента состоит в том, что мы, по всей вероятности, переживаем этап своеобразного первоначального накопления капитала. Зарождающийся слой капиталистов и предпринимателей живет пока одним днем, сиюминутными интересами сколачивания капитала — как можно быстрее и с наименьшими затратами. Иначе говоря, вновь зарождающемуся обществу объективно не до науки и культуры. Мало этого, мы являемся свидетелями фронтального наступления на науку и культуру. Новые структуры, заменившие органы управления наукой командно-административной системы, не намерены освобождать науку из-под своей власти, не могут осознать, что наукой управлять нельзя. По своей природе наука, особенно фундаментальная, развивается на основе своей собственной внутренней логики, а не на основе директив и указаний, носящих зачастую некомпетентный характер. Между тем ныне иные удачливые государственные деятели и законодатели Республики Казахстан, став президентами всевозможных ассоциаций и концернов, оказавшись во главе процесса приватизации и других экономических реформ, предпринимают реальные акции приватизации, т. е. захвата научного потенциала в свои руки. Уразумев, что Национальная академия — слишком гигантский кусок и вряд ли удастся разом его проглотить, они решили расчленить его на части. Заручившись поддержкой властной структуры, они внесли на рассмотрение Президиума Верховного Совета Республики Казахстан вопрос о создании Горной академии. При этом вопрос не был согласован ни с председателем Комитета по вопросам науки и народного образования Верховного Совета, ни с президентом АН Республики Казахстан, ни с депутатским корпусом академии — случай, не имеющий аналога в нашей

истории. Идея расчленения Академии наук на многочисленные академии ныне взята на вооружение и другими господами.

Из всего этого, на наш взгляд, вытекают следующие уроки:

1. В переходный период необходимо всемерно укреплять Академию наук, придав ей статус национальной, сделать ее могучей, мобильной, способной подпирать духовно, экономически независимость молодого государства Казахстан, защищать его общенациональные интересы. Нужно создать в ее составе новые научные подразделения, новые научные направления, которые в обозримом будущем могли бы значительно укрепить интеллектуальный потенциал республики.

2. Академии следует решительно перестроиться на рыночные рельсы.

3. В условиях первоначального накопления капитала необходимо оградить Национальную академию от расхищения ее научного потенциала, растаскивания по ведомственным квартирам.

Главная трудность науки сегодня — ее материальное обеспечение. Если мы признаем, что наука есть, а это бесспорно, то она должна в необходимых объемах финансироваться. Общество должно содержать науку, не требуя от нее постоянно сиюминутной полезной отдачи. Развитие науки и культуры немыслимо без государственной поддержки, без поддержки Президента Республики Казахстан.

Наука нуждается в своего рода преференциях, в том числе и налоговых, в льготах на аренду помещений, электроэнергию, оборудование. Разве можно признать нормальным, когда только что созданный молодой Институт археологии, занимающий неприспособленное помещение, должен с этого года платить за его аренду 700 с лишним тысяч рублей, что составляет более половины годового бюджета института. Не лучше ли прямо сказать, что суверенной Республике Казахстан не нужен Институт археологии, не нужна реконструкция древней истории народа, изучение его уникальных памятников и искусства, которыми восхищается весь мир.

Ныне на разных перекрестках можно услышать миф о снижении научного потенциала академии. Несостоятельность его очевидна. В качестве неоспоримого доказательства я хочу сказать, что за последние годы произошли гигантские перемены в сознании казахского народа, трудящихся республики. Мы вернули народу язык и историю, имена целой плеяды лучших сынов, ставших жертвой тоталитаризма, пересмотрели, по существу, концепцию развития духовной культуры нашего народа за всю историю его существования. Историк-этнографы раскрыли процесс этнической консолидации казахов как нации, формирования его этнической территории, способствовали поднятию патриотического духа народа, подавленного за годы господства сталинизма. Разве без такого духовного возрождения народа было ли мыслимо объявление суверенитета республики, независимости Республики Казахстан? Разве в этом, поистине историческом процессе возрождения нации не принимали участие деятели науки, культуры, литературы и искусства? Разве мы, ученые Академии наук, не идем во главе процесса духовного возрождения своего народа?

Вывод однозначен: общественные науки внесли существенный вклад в формирование того общественного сознания, на базе которого стало возможным возникновение и становление независимого государства Казахстан, его политическая стабильность.

Очевидно и другое, что в Академии наук процесс перестройки идет медленно, сложившаяся за долгие годы организационная структура сдерживает процесс демократизации в научных коллективах. Низкая заработная плата, уравниловка, наличие «долгоиграющих» тем, переходящих из пятилетки в пятилетку, приверженность части ученых к старым идеологическим стереотипам, слабая социальная защищенность ученых — все это снижает эффективность научных разработок.

Как справедливо отмечено в докладе президента Академии наук, настало время глубоких реформ. Поддерживая пакет нововведений, вносимых президиумом на рассмотрение сессии Общего собрания, считаю необходимым обратить внимание на следующие аспекты обсуждаемой проблемы:

1. Огромные достижения советской науки в послевоенный период, как известно, были обеспечены государственной научно-технической политикой. В недавнем прошлом самая высокая зарплата была в стране у президента Академии наук СССР, а в республиках — у президентов академий наук республик. Профессор имел оклад более высокий, чем отраслевой министр республики. Парадокс либерализации цен таков, что ныне академик получает на уровне водителя трамвая, а президент Академии наук Республики Казахстан — в два раза меньше, чем квалифицированный индустриальный рабочий. Очевидно, такая система оплаты труда ученых должна быть пересмотрена, установлены ее разумные критерии и соотношения.

2. С сожалением могу констатировать, что самым социально незащищенным классом оказалась интеллигенция. Академия наук не имеет ни поликлиники, ни больницы, ни спортивно-оздоровительных баз, даже в центральном корпусе нет столовой. Полагаю, что Кабинет Министров должен комплексно рассмотреть проблему социальной защиты ученых, в частности вопрос о передаче академии одного из домов отдыха Кабинета министров, о создании подхоза Академии наук на базе одного из совхозов. Осы арада мен орыстан туған қазақтың баласы Сергей Александрович Терешенко жолдас Сізге арнап бір сөз айтқым келеді. Қазақтан сөз қалған ба: жоқшылық басына түскенде ол «битті сығып, қаның жалап отыр» дейді. Ғалым бейбақтардың соятын тышқақ лағы да жоқ. Осындай жағдай ғалымдардың басына Сіз қазақ өкіметін басқарған кезде туып отыр. Тас түскен жеріне ауыр. Бұл жағдай Сізге, басқа да өкімет мүшелеріне ауыр жүк артады деп ойлаймын.

3. Ненормальное положение сложилось с издательской базой. По существу, издательство «Ғылым» утратило свое название и назначение, превратившись в предприятие по выпуску какой угодно литературы, только не научной. А руководство академии с олимпийским спокойствием взирает на развал академической издательской базы. Если в прошлом году стоимость печатного листа (без бумаги) составляла 800 руб., то ныне, в январе, — 2,5 тыс.

К настоящему времени институтом подготовлено к печати и находится в производстве 25 изданий, но высокая стоимость вынуждает нас, по существу, прекратить их выпуск. Возможно, есть смысл вынести решение этого вопроса на правительственный уровень. Считаю целесообразным установить для издательства «Гылым» гарантированную госзаказом квоту на бумагу. Следует ввести госзаказ и на некоторую научную продукцию, имеющую важное значение для решения научно-технических, социально-экономических и политических задач, развития культуры в целом.

4. Сейчас в мире принята контрактная система, но она по-настоящему действенна только в условиях рыночной экономики и при определенной государственной поддержке. Принятое президиумом «Временное положение о контрактной системе» страдает многими изъянами, и главный из них — это вопрос о социальной защищенности ученого. Контракт не предусматривает инфляции, потому что неизвестно финансирование в условиях инфляции; в нем содержатся положения, заранее невыполнимые (обеспечение квартирой, путевкой, местом в детском саду и т. д.). Вводить эту систему нужно, но предвительно она требует тщательной проработки.

В ключе демократизации научной жизни, перехода к контрактной системе необходимо пересмотреть статус директора института и снять многие ограничения и проверки, которым он подвергается. Настало время освободиться от догматических установок тоталитарной системы, когда в каждом руководителе видели потенциального жулика или растратчика и направляли в учреждение многочисленные проверочные комиссии. Директор должен самостоятельно распоряжаться бюджетом и в разумных пределах сам иметь право определять затраты по отдельным статьям и маневрировать в случае необходимости финансовыми средствами. Разве нормально такое положение, когда в конце года в госбюджет зачисляется вся экономия учреждения. Нельзя признать правильным и открытие кредитов только на 1–2 месяца. Это нередко ведет к срыву научных программ, а ответственность несет директор. Есть и другие проблемы, решение которых требует значительного расширения прав директора. В Министерстве финансов умудрились сравнять зарплату директора научно-исследовательского института и заведующего кафедрой вузов, хотя ответственность и объем работы далеко не один и тот же. Между тем в 50–60-е годы зарплата директора НИИ и ректора вуза была одинаковой.

Более чем очевидно, что наука, ее творческий потенциал в условиях научно-технической революции — главный показатель развитости государства, его способности интегрироваться в современную цивилизацию. Лишившись научной интеллектуальной инфраструктуры, мы будем обречены оставаться на обочине современной человеческой эволюции, пополняя длинный список доиндустриальных стран «третьего мира».

*Опубликовано в журнале
«Вестник Академии наук Республики Казахстан».
1992. №3. С. 20–24.*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

к новому изданию книги А. И. Левшина

«Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей»

«Civium amor graetium» («Любовь сограждан — моя награда») — так в емком афоризме республиканцев античной эпохи определил свое жизненное кредо выдающийся русский ученый первой половины XIX в. Алексей Ираклиевич Левшин (1797—1879). Печать со своим вензелем и этим изречением по-латыни он заказал сразу же после окончания Харьковского университета¹, когда увидел свет его первый научный труд². Этому кредо историк следовал в научной и служебной деятельности более 60-ти лет — с середины 10-х гг. XIX в. и до дня смерти. В напряженной творческой жизни исследователя нельзя выделить сколько-нибудь существенных эпизодов, противоречивших поставленной им перед собой цели. Книги, письма, статьи, служебные материалы и мемуары А. И. Левшина отражают всю суть жизни ученого.

Выходец из небогатой мелкопоместной семьи, принадлежавшей к древнему дворянскому роду, талантливый и целеустремленный молодой человек в 1816 году начал свой путь в науку и за короткое время достиг широкой международной известности. Почти все крупные достижения в области географии, истории и этнографии Казахстана и казахов, сделанные к середине XIX в. в России и Европе, связаны с именем А. И. Левшина, которого Чокан Валиханов с полным основанием назвал «Геродотом казахского народа». Автор первого в мировой науке фундаментального исследования по географии, истории и этнографии казахских степей и первого специального научного труда, посвященного уральскому казачеству, создатель первого в России сочинения о знаменитых развалинах итальянского города Помпеи, один из основателей Русского географического общества, а затем член Совета и помощник председателя РГО, почетный член Российской академии наук и Харьковского университета, действительный либо почетный член 16 научных обществ России и зарубежных стран, в том числе Парижского географического общества, Парижского азиатского общества, Королевского датского общества северных антиквариев, Мекленбургского патриотического общества, Курляндского экономического общества, Саксен-Альтенбургского общества хорошего обращения с животными, почетный член Третьего международного конгресса ориенталистов и член оргкомитета Восьмого съезда Международного статистического конгресса — таков далеко не полный

¹ Голос. 1868.1 (13) мая. № 120.

² Левшин А.И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816.

перечень научных званий и заслуг русского ученого, отдавшего свои молодые годы исследованию истории и культуры казахского народа.

Еще при жизни Левшина его творческое наследие было предметом оживленного обсуждения при оценке заключенных в нем сведений, мыслей и наблюдений. И в настоящее время оно представляет огромный интерес не только как яркая страница истории изучения Казахстана русской наукой, но и как явление отечественной и мировой культуры.

Предлагаемый читателю фундаментальный труд А. И. Левшина, широко известный в нашей стране и хорошо знакомый специалистам Европы, представляет собой самое крупное достижение в творческой биографии ученого.

В первой части описаны географическое положение и природа Казахстана, во второй — впервые в науке — история казахского народа, и в третьей — его быт и культура. Лаконично озаглавленная автором «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей», эта монография, изданная в 1832 г. в одной из частных типографий Петербурга, является по своему характеру энциклопедическим собранием материалов о казахском народе и природе населяемых им земель. Особую ценность работе придает то, что большая часть материалов приобретена автором в результате непосредственного общения с казахами во время прохождения дипломатической службы в Оренбургской пограничной комиссии (1820—1822 гг.), где он выступал не только любознательным и просвещенным чиновником-бытоописателем, но и глубоким, компетентным исследователем, ученым, собравшим, систематизировавшим и самостоятельно осмыслившим огромный фактический материал.

Судьба исследования Левшина сложилась в научном мире вполне удачно. Сразу после выхода в свет книга получила признание в науке. Российские и зарубежные ученые единодушно называли ее классическим научным трудом. В 1840 г. «Описание киргиз-казахских орд» было переведено на французский язык и опубликовано одной книгой в Париже. Почти одновременно с французским изданием в научной печати появились переводы отдельных ее разделов на итальянском языке.

В 1886 г. известный русский ученый-географ И. В. Мушкетов писал в одной из своих работ: «Сочинение А. И. Левшина представляет всю сумму знаний того времени о киргизских (казахских. — *Ред.*) степях. Ни до, ни после него еще не появилось другой работы, которая бы затмила сочинение Левшина, оно до сих пор — лучший источник для знакомства с киргиз-кайсацкими степями»³.

Высокую оценку работа Левшина получила и в советской исторической науке. В 60-е гг. XX в. выдающийся казахский этнолог и исследователь истории отечественной этнографии казахов Э. А. Масанов (1926—1965) писал, что этот труд «представляет интерес не только для историографии как первое капитальное исследование, в котором впервые поставлены некоторые важные

³ *Мушкетов И.В.* Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг. Пг., 1915. Т. I. С. 107.

научные проблемы, но и для изучения исторической этнографии казахов, так как точно и добросовестно описанные в ней многие материалы сохраняют значение достоверного и зачастую единственного источника»⁴. Так же высоко оценивается книга А. И. Левшина в одном из последних фундаментальных исследований по истории дореволюционного востоковедения, авторы которого рассматривают ее как закономерный итог всех предшествующих исследований о казахах, отмечая, что она «сохранила большое значение и поныне»⁵.

Со дня выхода в свет первого издания этого замечательного труда прошло 164 года, в течение которых имя автора не сходило со страниц многих библиографических и энциклопедических справочников, а его научное творчество стало предметом изучения со стороны многих историков науки, культурологов и литературоведов (Э. А. Масанов, Л. А. Шейман, М. И. Фетисов, Б. Г. Ерзакович, И. Р. Емельченко, П. А. Аравин, Н. С. Ахметова, А. С. Бейсенова, В. З. Галиев, И. В. Ерофеева, В. А. Вишневецкая, Ю. Ю. Гречихова и др.). Между тем исследование А. И. Левшина, опубликованное в первой трети XIX в. очень незначительным тиражом (400 экз.), уже при жизни ученого стало библиографической редкостью, но с тех пор по странному стечению обстоятельств ни разу в нашей стране не переиздавалось. В то же время потребность в его новом издании настоятельно ощущалась многими специалистами, а также всеми, кто интересуется вопросами истории и культуры казахского народа.

Со времени публикации работы историческая наука продвинулась далеко вперед, решены были многие проблемы, поставленные А. И. Левшиным, введен в оборот новый фактический материал, подтверждающий или же отрицающий высказанные им оценки и суждения. Принимая во внимание это обстоятельство, а также непреходящий интерес научных кругов республики и других государств СНГ к первому в историографии региона монографическому труду, группа сотрудников Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова НАН РК и Республиканского музея книги подготовила к переизданию трехтомное исследование ученого. Оно полностью воспроизводит текст первого издания «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей», опубликованного в трех томах, но объединяет их в одной книге. Наряду с текстом монографии А. И. Левшина новое издание включает научные комментарии специалистов, которые содержат необходимые уточнения, поправки и пояснения к наиболее важным положениям автора с учетом современных достижений исторической науки. В прилагаемой в конце настоящего издания статье И. В. Ерофеевой читатель найдет подробные сведения о жизни и деятельности А. И. Левшина и обстоятельную характеристику его труда. В книге приводятся указатели имен, этнических и географических названий.

⁴ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 118.

⁵ История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 397.

На протяжении более полутора столетий труд А. И. Левшина считается классическим исследованием по истории и этнографии казахов. Для многих поколений отечественных и зарубежных ученых он является источником ценнейших сведений о казахском народе, собрать которые было под силу только человеку, обладавшему блестящей гуманитарной подготовкой и огромным трудолюбием, целеустремленностью и жадой познания малоизвестных территорий и народов.

Вместе с тем в наше время было бы неправомерным рассматривать труд А. И. Левшина как историко-этнографическое исследование, имеющее адекватную эпохе его создания научно-практическую ценность. Сын своего времени, в своих взглядах он не был, да и не мог быть, свободен от влияния присущих его времени идейных течений и теорий. Воспитанный на классических понятиях европейской истории, в традициях европейской культуры, в изучении Востока он был одним из первопроходцев, и поэтому вряд ли можно ожидать от него объективных суждений, наработанных значительно позже всем ходом развития науки.

Обремененный массой сословных, религиозных, культурных предрассудков своего общества и своей эпохи, А. И. Левшин тем не менее сумел с исключительной добросовестностью собрать колоссальный материал, касающийся истории, культуры, обычаев, образа жизни казахов, огромное количество сведений, которые без его труда были бы абсолютно недоступны современному исследователю, который, зная теперь много больше, чем было доступно Левшину, способен по-иному прочесть этот материал, вписать в его контекст других источников наших знаний о Казахстане и казахах, получить более объективную историческую картину. Всесторонне оценивая в данном контексте творческое наследие Левшина, мы должны воспринимать его труд главным образом как первоклассный источник по истории и этнографии казахов и, как подобает благодарным преемникам первопроходцев, не будем ставить в вину автору этого блестящего труда его невольные заблуждения и ошибки.

*Опубликовано в книге
«Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих,
или киргиз-кайсацких, орд и степей».
Алматы, 1996. С. 5-10.*

МОНОЛОГ ОБ ОТЧИЗНЕ

В отечественной истории последние десять лет занимают особое место. Мы посчитали необходимым определить некоторые методологические принципы исследований, посвященных этому периоду казахстанской истории.

Период независимости — закономерное продолжение многовековой отечественной истории казахского народа, новый ее виток. Но мы не можем окончательно зачеркнуть тревожные и трагические годы, которые пришлось пережить нашему народу, нашей нации. История не делается дважды. Были в нашей отечественной истории свои периоды «Великого бедствия», теперь на эти периоды надо смотреть с особой объективной точки зрения, придерживаясь самого исторического принципа. Наша История — одна из составных частей истории мировой цивилизации.

Десять лет обретения независимости сами по себе весьма значительный и знаменательный период. У этого периода есть свои исторические категории, свои термины, свои понятия, специфические только для него. Это в первую очередь такие понятия, как «суверенитет», «независимость», «парламентская республика», «президент», «выборный регламент», «парламент», «экономическая реформа», «рынок», «инвестиция» и т. п. Конечно, такие весьма многочисленные категории являются предметом исследования общественных, гуманитарных дисциплин и наук. История в том числе объединяет их, и должна показать каждому из этих терминов свое законное место, свой порядковый, так сказать, номер. А основанием такого определенного порядка является независимость. Становление национального государства — начало «эпохи возрождения», куда и входят все эти вышеперечисленные понятия.

«Независимость» — понятие историческое. Это независимость или отдельного человека, или отдельного общества, или отдельного государства. В зависимости от исторического периода меняется внутреннее содержание, меняется также среда, в которой способствуют развитию или поддержанию независимости.

Любимые дочери К. Маркса однажды спросили отца: «Что вы не любите больше всего?» На что тот ответил: «Быть от кого-либо зависимым». Наши деды — прадеды в прошлом, благословляя близких людей, говаривали: «Не попади к плохому в зависимость!».

В древние времена независимый человек понимался как «свободный человек», «вольный человек обширной степи», «степной рыцарь», а одним словом это обозначалось так — «казах» было это слово. И тогда больше всего на

свете любившие свободу и независимость наши предки понимали, что это право на свободу и дает им Тенгри-бог, создатель, который любил свободу и независимость больше, чем люди, если сам он всемогущий бог. И наши предки понимали, что жизнь подарена им отцом и матерью, и надо почитать эту жизнь, как отца и мать, но свобода и независимость выше близких родственников, выше отца и матери.

Будучи свободным человеком, наш предок поклонялся Тенгри, молился Аллаху, почитал отца и мать, но однажды он увидел другого человека, который надеялся только на свой труд, чтобы прожить, и узнал его, и поверил в него. И такой человек, действительно ни от кого не зависит, независимый и вольный человек, — он принесет в жертву свою свободу, ради свободы самого себя не пойдет на сделку с кем-либо или совестью, а в тревожные дни этот человек будет бороться, не боясь никого, поведет себя как настоящий эпический герой. И поверив этому человеку, наши предки посвятили свою жизнь независимости и свободе.

Но вот случился такой день, когда один человек не смог сохранить свою независимость. Свободу возможно было сохранить только в союзе с другими людьми, для чего было создано объединение (род, племя, союз родов или союз племен). А вслед за этим пришло время, когда надо было задуматься о защите национальной государственной независимости.

Но с того времени высокий и могучий казах, героический казах, крупный казах, талантливый казах постепенно стал терять свою государственную независимость, с таким трудом и жертвами построенную им же в далеком 1582 году. Чтобы завоевать огромную степь, Российской империи понадобилось 282 года. Казахи героически сражались за свою независимость более 400 лет. Именно в этот период борьбы и лишений независимость как цель — символ высоко поднялась в цене, стала превращаться в священную, в святую независимость.

В тот период казахский народ понимал независимость как лозунг национального духа, как высокую национальную идею, мечтал об освобождении попавшей под колониальное иго родной великой степи, чтобы возродить свою степь как государство Туран.

Возрождение утерянного языка, восстановление и определение территорий и границ страны, разделенной на большие и малые части, зачастую находящиеся под русским влиянием, возвращение к прежним местам постоянного проживания, где раньше кочевали и жили предки, все это стало возможно благодаря обретенной независимости, когда стала осознаваться сама национальная идея.

Национальная независимость не есть лежащий в степи жирный кусок курдюка, не бесплатный жирный курдюк, это стали понимать в казахском обществе, и лучшие умы народа повели страну по пути национальной эволюции и цивилизованности, постарались увести народ от родовой и племенной ограниченности, — трайбализма, дали созреть мысли о том, что победа находится на пути к поднятию национальной гордости и национального

самосознания, привели общество к мысли, что необходимо учиться и учиться и постигать науки и искусство.

Народ, мечтавший о свободе, проснулся, борясь за свою национальную свободу, дорога к независимости окрасилась кровью героев, начавших путь к ней. Колониализм сделал жизнь отдельных граждан и всего народа невыносимой, люди и земля подверглись атомному отравлению, опустошенная земля стонала от боли, кровоточила, на своей земле и в своей стране казахи оказались меньшими по численности.

И вот пришла заря независимости. И десятилетие независимости, которое наступило сегодня, должно нами пониматься широко и глубоко.

Сегодня, когда мы говорим о независимости, то прежде всего имеем в виду, что страна наша, Отчизна, должна быть сильной, наш родной казахский язык должен пониматься нами как святыня, а отечественная история должна быть содержательной и основательной.

Когда мы говорим о независимости, то имеем в виду, что главный город нашей страны — столица Астана должна быть красивой и цветущей, чтобы в ней, в центре, прежде всего были покой и достаток и счастье, чтобы между народами и национальностями нашей страны были мир и дружба.

Говоря о независимости, мы сегодня говорим о том, что демос — народ стал свободен и волен, высоко держит голову, от однопартийной диктатуры перешли к многопартийности, к плюрализму мнений, к росту защиты гражданских прав человека.

Говоря о независимости, мы имеем в виду, что у нас уже имеются рыночные инфраструктуры, богатая финансово-экономическая отрасль, сильное отечественное производство, и наш народ не унижается, не лебезит сейчас перед иностранцами, у него не дрожит голос перед иностранными инвесторами, и не становится он перед ними ниже ростом.

Мы стали независимым государством, но это не значит, что людям все даст господь бог, государство поможет во всем, пшеница вырастет сама — от такой психологии мы отказались давно, наше свободолюбие равноценно гражданственности, мы многое умеем и многое уже сделали, знаний и наук у нас достаточно, культура у народа высокая, мы уже называемся цивилизованным народом, мы сохранили свои древние национальные и отечественные традиции.

Говоря о независимом государстве, мы имеем в виду такое государство, которое, сохраняя национальную и региональную безопасность, территориальную целостность, все делает для того, чтобы юноши были умными и умелыми, девушки — красивыми и женственными, а народ жил в довольствии и спокойствии.

Под суверенным и независимым государством мы понимаем такое государство, которое входит в мировое сообщество стран свободно, никому не подчиняясь, под развевающимся голубым флагом нашей Родины, и среди других стран мира занимало бы свое особое, одно из первых мест среди лучших государств, и такое государство, в котором мир и порядок, народ

спокоен и накормлен, границы неприкосновенны, настроение и имидж у руководителей страны высокие, умы политиков светлы и ясны, а само государство есть парламентская республика. Мы говорим о таком государстве.

И поэтому независимость — наш главный лозунг, наш голубой флаг, наше будущее благополучие и счастье, наш наступающий светлый рассвет!

Да будет благословенна наша независимость, народ наш высок и крепок духом, народ Казахстана пусть будет великим, а само государство — процветающим и богатым.

Пусть наша страна станет лучшей из многих, чтобы на нее равнялись другие страны и народы, дорогие друзья!

*Опубликовано в журнале «АМАНАТ».
2002. №1. С. 241-243.*

СОДЕРЖАНИЕ

Наставница новой жизни.....	3
Зная прошлое, видишь и перспективу развития страны.....	9
Актуальные проблемы изучения отечественной истории.....	14
Откуда «есть — пошла» казахская земля.....	27
Степная цивилизация и ее уроки.....	38
Определить место казахов в истории мировой цивилизации.....	47
«Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдар Дуглата — выдающийся памятник истории и культуры.....	52
Орхоно-енисейская письменность и некоторые методологические аспекты изучения истории тюркских народов.....	61
Из предисловия к третьему тому «Истории Казахстана (с древнейших времен до наших дней)».....	70
Историография Казахстана (XVIII — начало XX веков).....	72
Казахские источники по истории XVIII — начала XX вв.	120
Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы.....	146
Отечественная история XX века: мифы и реальность.....	158
Теоретико-методологические аспекты концепции территориальной целостности Казахской ССР как суверенного государства.....	179
Заключение комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению постановлений КазЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 года «О конфискации байских хозяйств», от 13 сентября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодального байства», от 19 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством».....	188

Великий реформатор XX века.....	201
Святой хан Кене казахской литературы.....	219
Л. Н. Гумилев и проблема степной цивилизации.....	221
Проблемы исторической науки.....	227
Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы.....	233
Формирование населения Республики Казахстан (1897–1996 гг.).....	241
Выступление на сессии Общего собрания Академии наук Республики Казахстан.....	257
Вступительное слово к новому изданию книги А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей».....	261
Монолог об Отчизне.....	265

М. К. КОЗЫБАЕВ

**ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ,
ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА**

(Избранные труды)

Редактор *Н. Ф. Федосенко*
Верстка на компьютере *Д. Н. Калкабековой*

Подписано в печать 6.04.2006.
Формат 70х100¹/16. Бумага офсетная. Печать — офсетная.
23,8 п. л. Тираж 1000. Заказ 26.

Национальная академия наук Республики Казахстан
480100, Алматы, ул. Шевченко, 28. Тел. 61-26-44

Отпечатано в типографии «КОМПЛЕКС»